Олег Лукьянов

Туриские дневники. Очерки

КАК ПРИЧЁСЫВАЮТ ЁЖА

УДК 082.2

Составитель: Лукьянова Л.М.

Лукьянов О.М.
Как причёсывают ежа: туристские дневники, очерки. — М.: МАКС Пресс, 2010. — 616 с.

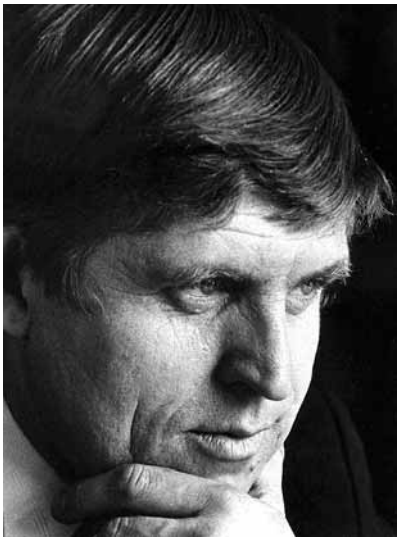
ISBN 978-5-9758-1413-5

Вышедшая в 2010 году книга Олега Лукьянова «Миф о планетарном космосе» вызвала большой интерес читателей к личности автора. Откуда как будто совершенно внезапно появился писатель, поражённый необычными видениями Даниила Андреева, создавший книгу с мощным публицистическим зарядом, заставляющий читателя подумать о том, куда движется мир?
Предлагаемая книга отвечает на эти вопросы: дневники, очерки, написанные в разное время, и воспоминания друзей и знакомых рисуют образ очень неординарного человека – Олега Лукьянова.

УДК 082.2

ISBN 978-5-9758-1413-5

© Лукьянова Л.М., Лукьянов М.О., наследники, 2012

БИОГРАФИЯ ОЛЕГА ЛУКЬЯНОВА

Олег Максимович Лукьянов родился 6 сентября 1937 года в г. Балашиха Московской области. Его отец Максим Петрович Лукьянов учился в это время в Институте красной профессуры, мать Литвинова Клавдия Фоминична работала педагогом-воспитателем в балашихинской колонии для малолетних правонарушителей.

В 1939 году после окончания института Максим Петрович был направлен в Саратов, где стал преподавать философию в педагогическом институте.

В 1954 году Олег закончил среднюю школу и поступил учиться в Саратовский автодорожный институт (впоследствии ставший политехническим) на машиностроительный факультет; после окончания института работал на военном заводе, потом в специальном конструкторском бюро, на заводе Сардизель, а начав заниматься литературным творчеством, оставил работу инженера и много лет перебивался случайными заработками: был и пожарником, и сторожем то в аптекоуправлении, то на туристской базе, копал канавы, писал внутренние рецензии – в общем, жил так, как жили в те годы многие творческие люди.

Первая его книга «Вся мощь вселенной» была напечатана в 1979. Впоследствии в свет вышли ещё три сборника фантастических рассказов и повестей: «Человек из пробирки», «Покушение на планету», «На одной далёкой планете».

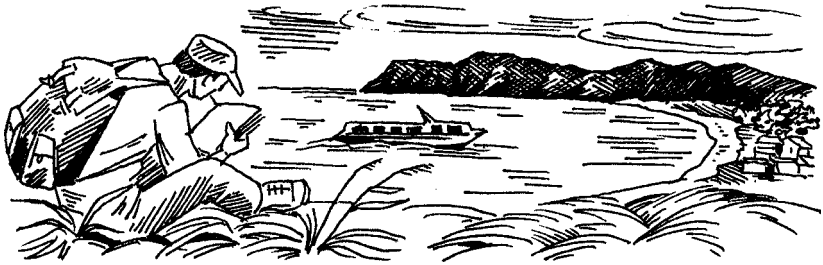
Свой главный труд, посвящённый раздумьям над книгой Даниила Андреева, он писал в последние семь лет своей жизни.

2 января 1998 года после тяжёлой болезни Олег Максимович ушёл из жизни.

ТУРИСТСКИЕ ДНЕВНИКИ

Одним из увлечений Олега был туризм. «Ни одного выходного дня в городе» – это был семейный девиз. Каждое воскресенье, взяв рюкзаки, котелок с треногой, иногда гамак, отправлялись семьёй или с друзьями то на Кумысную поляну, то к Малиновому роднику, то в район Рокотовского оврага. Сколько красивых мест открыли для себя! Наиболее понравившиеся посещали не один раз и водили туда всех желающих, которых с каждым годом становилось всё больше. Если же выдавалось несколько выходных (обычно это бывало в начале мая), то организовывались походы подальше: вдоль по Медведице, в леса Базарно-Карабулакского района, в Буркин, а то и в дельту Волги. На антресолях всегда были в готовности рюкзаки, палатка, байдарка, ласты, спальные мешки, а в ящике стола – карты и туристские схемы. Когда же начинался отпуск, то отправлялись или пешком по Крыму, или на байдарках то в Карелию, то в Вологодскую область по небольшой таёжной реке. Ходил Олег и в трудные горные походы, которые не всегда мог выдержать до конца из-за перенесённой в молодости операции на лёгких. В некоторых походах он с удовольствием вёл дневники, которые хотелось бы сохранить и которые рассказывают не только о местах и событиях, но рисуют и некоторые черты автора дневников.

ФЕОДОСИЯ – СЕВАСТОПОЛЬ

(июль-август 1964 года)

12 июля

Теперь это уже действительность. Вот мы проходим по мосту. Позади Краснодар. Впереди ещё полтора десятка станций, и конец. Всё очень просто, очень естественно. А ведь совсем недавно эта простота едва вписывалась в воображение.

Нас семеро. Число не совсем удобное, но зато счастливое. А счастье, как известно, дороже всех удобств.

Теперь, когда Рубикон перейдён, приятно вспомнить то, что было.

Как известно, всякое солидное дело начинается с рекламы.

Как-то зимой к нам пришёл Серебров и показал небольшой фильм о Карадаге, который он отснял два года назад во время путешествия по Крыму. Демонстрация сопровождалась текстом автора. Фильм произвёл впечатление. И чтобы окончательно добить нас, Лёнька притащил целый ворох фотографий Крымского побережья. Жить в палатках на берегу моря среди скал – это жирная приманка для таких бродяг, как мы с Ларисой. Мы клюнули на эту приманку. И думаю, что не пожалеем.

Самое трудное было завербовать единомышленников. Об экипировке я не беспокоился. Это дело личной энергии.

Когда я взялся за организацию туристской группы, то очень скоро обнаружил, что за это же дело, только в противоположном направлении, взялся чёрт.

В то время как я бегал, утрясал множество больших и малых вопросов, чёрт методично и аккуратно готовил одну пакость за другой. И я опять бегал

и опять утрясал. Я уже не говорю о том, что состав нашей группы и даже цель нашего путешествия несколько раз менялись; что всевозможные обещания и договорённости относительно экипировки нарушались, что самые, казалось бы, надёжные люди с помощью чёрта становились болтунами. Этого чёрту было мало. Для борьбы с нами он организовал отряд, состоящий из близких родственников членов экспедиции. Если семь помножить приблизительно на четыре, то получится 28. Это почти рота. И надо признать, эта рота сражалась храбро. Бои были тяжёлые. Их следы можно было видеть на лицах наших туристов. И били-то их по карману, и бичевали просто по голой совести, и, когда ничего не помогало, начинали запугивать. Бедные добрые папы-мамы и тётушки! Ваш возраст – это возраст прочно утвердившихся понятий и привычек. Вы так привыкли к картине, которая вас окружает, что всякий новый штрих нервирует и пугает вас.

В общем-то всё позади. А сейчас наша великолепная семёрка со скоростью 80 км в час мчится к Феодосии. Народ, закалённый в боях за свободу. Специально для потомков приведу здесь наши имена:
Лукьянов Олег – руководитель похода
Макарихин Борис – свободный художник
Ильин Николай – технический директор
Чубенко Ярослав – врач
Аникеева Ольга – медсестра
Кураева Светлана – казначей и фотограф
Марченко Лариса – консультант по вопросам кулинарии, истории Крыма, филологии и т.п.

13 июля

Итак, сбылась мечта идиота, как сказал Остап Бендер.

Вот уже вторые сутки попираем ногами крымский полуостров. Приехали в Феодосию в 13.40, то бишь, во Владиславовку. Оттуда прямо на пригородном дорвались до Феодосии. Денег за проезд с нас почему-то не взяли. Видно, не те порядки. Намекнуть не сочли удобным, а сами мы не догадались.

Погода несколько разочаровала нас. Было ветрено и холодновато. Отнюдь не субтропики. Море синее-синее, как синий ситец, и чуть выцветшее небо. Помотались немного по городу, купили немного продуктов, побрились (дамы зачем-то постриглись) и отправились на Золотой пляж. На автобусе. Километров пять от города. Единственное место, где можно разбить палатку. Место занятное. Справа от дороги песок и море, слева – узкая по-

лоска, ограниченная болотом, впритирку забита палатками и автомобилями на протяжении добрых двухсот метров. В воздухе парят какие-то мерзкие твари и периодически кусают.

Ну, разбили палатки и мы. Неподалёку от нас по ту сторону дороги остановилась команда одесситов из 19 человек, в основном, девушки, аппетитные и здоровые; мы с ними познакомились в дороге.

Первая ночь прошла неплохо.

На следующий день, то есть сегодня, разбившись на две группы, по очереди съездили в Феодосию. Посетили картинную галерею Айвазовского. Богатый старичок был. Говорят, в молодости был похож на Пушкина, чем необыкновенно гордился. Чуть ли не половину Феодосии и железную дорогу отстроил за свой счёт. И воду здорово умел рисовать. Вообще картины производят впечатление.

Всё. Не могу больше писать – заели комарики. Завтра в Карадаг, в Планерское. С нами едут одесситы.

14 июля

Пока всё идёт по плану.

Вчера утром снялись с Золотого пляжа и попутным автобусом добрались до Феодосии. Погода очень тёплая. Солнце. Феодосия нам понравилась. Довольно тихий, спокойный город. Приятный украинский говорок. Насыпают тебе на базаре семечек и говорят: «Кушайте на здоровьице, мальчик». Народ простой и по природе очень вежливый. Город, в основном, расположен у берега. Кругом степь. Есть пара больших кинотеатров, картинная галерея Айвазовского, краеведческий музей.

И на каждом углу квас, сухое вино, пиво, в бочках, в каких у нас в Саратове торгуют квасом. Тут уж я отвёл душу. Вино очень хорошее – 90 коп литр, 18 коп стакан. Вообще чувствуется, что это не Кавказ. Никто тебя не обсчитывает, продавцы в основном женщины. И совсем нет этих наглых, сытых черномазых морд.

Закупили продуктов и поехали в Планерское. Наша цель – достигнуть Сердоликовой бухты.

Шли часа два по извилистой тропинке, то ныряющей вниз, то взмывающей вверх, то вплотную примыкающей к морю. По дороге всё время попадались группы туристов и отдыхающих.

Вспомнили, что забыли купить хлеб. Послали Славу. Эта забывчивость обошлась нам часов в пять.

Прошли ещё километра два и столкнулись лицо к лицу с подлинным Карадагом. Справа почти отвесные зубчатые скалы. Внизу, вдоль скал шееломная тропинка, временами уходящая прямо в море. И слева море. Впечатление сильное. Половина земного шара залита синей-синей водой. И чёрные скалы будто сдерживают своими спинами эту гигантскую гладь, не давая ей разлиться дальше.

Прошли два брода. Вещи переправляли поочерёдно на камерах. Каждый брод задержал нас на час. Шли по колено, по пояс в воде прямо в кедах, цепляясь за выступы скал, чтобы не поскользнуться. Временами старый добрый инстинкт, какое-то чутьё помогали найти наилучший путь. Последний час двигались преимущественно на четвереньках. Великолепный способ передвижения!

До Сердоликовой бухты всё-таки дошли. Остановились в первой, где была вода. Длина – метров 150, ширина – метров 40, и сразу же стеной встают скалы. Скалы вытянутым эллипсом замыкают бухту и немного уходят в море по краям бухты. Небольшой водопадик пресной воды.

Вымотались и проголодались. Просидели до 11.30 ночи, ожидая, пока сварится суп. Потом поели, напились сухого вина и полегли костьми. Спали как убитые до утра.

15 июля

Сегодня утром проснулись в 7. Кроме нас, в бухте ещё 6-8 туристских групп человек по 5 в каждой, а, может быть, и меньше. Во всяком случае, народ есть.

Как следует осмотрели бухту. Вообще-то галечная полоса гораздо шире, и до подножья скал метров 60. Но собственно свободная полоса довольно узкая. Всё остальное какой-то комик забросал камешками величиной с одноэтажный дом. Много таких камешков. Как раз между двумя такими глыбами мы и разбили палатки. Дров совсем нет. Вернее, они есть, но за ними надо карабкаться вверх по скалам.

Вода в бухте чистая, как слеза. Видно дно на глубине 6-7 метров. Есть подводные камни величиной с двухэтажный дом, лохматые, как бизоны.

16 июля, вечер

Автомобильная камера – мой маленький верный друг. У нас их две. На одной спит Борис, на другой я. Мы с Борисом спим на свежем воздухе.

Остальные предпочитают палатки. На мне сегодня ночью была фланелевая рубашка, на ногах шерстяные носки. Укрывался одеялом. Практически тепло.

Вчерашний день сгорел, как спичка, быстро и незаметно. Вообще, по моему мнению, скалы, окружающие нас, как-то воздействуют на время. Оно сокращается. Вечером здесь очень красиво, Здесь вообще красиво, а вечером особенно. Справа скалы, слева скалы, сзади скалы; над водой скалы, под водой скалы. Скалы беспорядочно навалены прямо на пляже. Скалы – наш дом, наша защита от ветра. И над всем этим великолепием висит бледный месяц, словно подвязанный на верёвочке. Линия неба над головами разорвана острыми зубцами скал. Дикая картина. Настроение отравляют пижоны…

Сейчас, когда писал, произошёл неожиданный инцидент.

Из-за скалы вывернула лодка с пограничниками. Остановились в бухте и стали проверять документы у всех подряд. Туповатый майор и молоденький солдат с автоматом. Майор отобрал у наших соседей документы. Отобрал и у нас. Сколько мы ему ни доказывали, сколько ни тыкали маршрутной книжкой – ничего не действовало. Солдатик тонко усмехался в темноте. Отобрал в общем наши паспорта – велел завтра явиться до 12 часов. Завтра Борис с Колей пойдут за документами. Наймут моторку, и придётся смыться.

В следующий раз будем умнее и осторожнее. Надо прятаться подальше от берега.

А день сегодня прошёл в общем-то неплохо. Мы со Славой ездили в Феодосию за продуктами. Туда добрались с трудом на каком-то огромном грузовике. В кузове были остатки угля, и к концу поездки мы стали похожи на двух кочегаров.

Возвращались с некоторым трудом. Тащили еды килограмм сорок. Потом еду переправили через море на камере. Море было немного бурным. Но Слава героически проплыл 250-300 метров с грузом. Кстати, майор велел было изрезать нашу камеру. Едва отняли зверя. Убедили, что без камеры не доберёмся до Планерского.

Керосином почти не пользовались. Нашли дрова.

В день приезда Коля с большими трудностями запустил примус, этот иезуитский агрегат. Чёртова машина плевалась, чихала, кашляла, неожиданно гасла и так же неожиданно полыхала кровавым пламенем. Ветер гасил пламя. Пришлось укрыть гада одеялом. Еле-еле сварили суп.

17 июля вечер

Не любят нас пограничники. Нас любят только свои братья-туристы. Уж больно ползучий мы народ. Все порядочные люди живут себе в пансионатах, лопают в кафе, пользуются благоустроенными нужниками, только нас черти носят по глухим закоулкам. Чем больше уходишь в глушь, тем приятнее люди, с которыми живёшь. В Сердоликовой бухте с нами жили москвичи, ленинградцы, киевляне, харьковчане. Очень приятный народ. Вчера вечером у наших палаток собралась компания человек 10. Пели песни, обсуждали инцидент с полицией.

Вообще-то стычки с полицией на берегах Крыма – явление заурядное. С тех пор как тебе пришла в голову шальная мысль уйти в бухты, подальше от изгрызенных, заплёванных курортниками мест, ты уже становишься потенциальным врагом пограничных властей. Приблизительно раз в месяц, а может быть и два устраиваются карательные экспедиции вдоль побережья. Народ поопытнее уже знает, как вести себя в подобных случаях. Как только показался пограничный баркас, вся орава организованно, без паники уходит в скалы, оставив одного человека. На съедение зверю. Когда пограничный чин поднимает тебя из палатки, ослепив для начала фонариком, ты делаешь верноподданное лицо, быстро отвечаешь на все вопросы. Например, так:

– Кто такие?

– Туристы, тов. майор.

– Сколько человек?

– Семь, тов. майор.

– Где остальные?

– В посёлке, тов. майор. Ищут лодку, Завтра уезжаем.

– Документы.

– Пожалуйста, тов. майор.

– Где остальные паспорта?

– Унёс с собой личный состав, тов. майор.

– Брешешь.

– Никак нет, тов. майор.

– Придёшь завтра на заставу до 12 дня за паспортом.

– Так точно, тов. майор.

Инцидент исчерпан. Завтра спокойно идёшь утречком за паспортом, возвращаешься, и можно смело жить ещё две недели. Если придёт опять тот же майор, надо оставить другую жертву. И начинай сначала. В общем, жить можно. Мы этого, к сожалению, не знали.

В Сердоликовую бухту, где мы жили, примерно через день наезжали на катерах тучные стада отдыхающих из Феодосии и Планерского. Папки, мамки, детки, няньки, визг, писк, сопли, вопли и прочая экзотика. Вот идёт небольшая банда, увешанная кино-фотокамерами, матрацами, тряпками и малыми ребятами. Папа, самый главный, останавливается, опирает живот о скалу и ведёт такую речь: «А вот, Гога, палатка. Здесь живут туристы. А вон топор, им рубят лес. А вон костёр, пищу готовят. Потом спрашивает нас: «А где вы картошку достаёте?» «А вон там, на скале в ущелье ларёк есть, там и покупаем». Верят.

Едет по морю пароходик, и из репродуктора доносятся слова, слышанные нами уже не раз: «А вот посмотрите направо. Это потухший вулкан Карадаг, очень живописное место».

В общем-то, пижоны наезжают только часа на два.

Сегодня Боря и Николай ходили на погранзаставу. Встретили того же майора, что чуть не растерзал нашу камеру. Повелел покинуть бухту и явиться двоим за документами во второй раз.

Вернулись они на лодке, взятой напрокат. Быстро погрузили вещи, посадили женщин и перевезли на ровное место, обогнув три бухты. У берега сели на подводную скалу. Я шёпотом лаялся. Высадили женщин на берег, вернулись за остальными вещами. Мы с Борей повезли рюкзаки по морю. Слава с Николаем пошли пешком, в смысле на четвереньках.

Море было неспокойно. Рюкзаки мешали грести. Лодку мотало из стороны в сторону, захлёстывало водой. Я опять лаялся, только погромче. Потом приноровились и стали грести по очереди, Догребли до какого-то маленького пансионата.

Сейчас лежим с Ларисой на нашем непромокаемом мешке. Остальные ушли за документами. Остановимся здесь дня на два. Надо всё-таки сходить в бухту Разбойника.

18 июля

Наша коллекция приключений всё увеличивается. Документы получили.

Получили ещё одну нервную встряску, но уже другого характера.

Итак, по порядку. Вчера вечером разбили бивак на склоне холма. Точнее, на уступе площадью 30-35 кв. метров, рядом с какими-то развалинами. Поклевали и улеглись спать. На следующее утро как следует рассмотрели место. От моря до палатки метров 100-150 по тропинке вниз. Внизу лагерь 120-й мо-

сковской школы. Повыше – ровная площадка. На ней тоже чей-то лагерь. Вдалеке, в долине ещё палатки. Место оживлённое. До Планерского км полтора, а то и меньше. Единственное утешение – деревянный санузел и вода рядом.

В половине двенадцатого после небольших споров Ярослав отправился в горы по дороге на Биостанцию и бухту Разбойника. Пошёл один. Договорились ждать его к 6 часам. Попросили быть осторожным. Уходя, пошутил: «Если не приду к 6, ищите мой труп в горах».

Через полтора-два часа после его ухода Господь Бог разрешился небольшим дождём. Лариса начала быстро готовить обед. Дождь всё усиливался. В долину со всех сторон собрались тучи. Стало довольно темно и неуютно. Чтобы поддерживать огонь в костре, мы с Борисом растянули над костром одеяло, залезли под него спинами и простояли так под дождём с полчаса. Весёленькое занятие. Живот печёт огнём, а по заду и голым ногам хлещут холодные струи. Того и гляди, пупок развяжется.

Сготовили всё-таки обед. Я забыл сказать, что нас осталось четверо: Лариса, Светлана, Борис и я. Коля-Оля пошли удить рыбу неизвестно куда.

А дождь всё усиливался; началась настоящая травля бедных туристов. Мы забились в палатку, поставили горячий суп рядом и принялись за еду.

У нас две палатки. Одна брезентовая, другая, полегче, для альпинистов, из какого-то серебристого материала. Мы сидели в первой. Посидели спокойно минут десять. Дождь стал ещё сильнее, под 45 градусов. Ветер трепал нашу хилую палатку и снизу, и сверху. Мы лопали горячий суп и с тревогой думали о Ярославе. Вслух ничего не говорили.

Наконец, правый склон палатки, который принял весь напор дождя, не выдержал, и началось маленькое наводнение. Вода струйками стекала по склону на дно; мы сбились в один угол и потихоньку сливали воду наружу. Тут для полноты впечатлений трахнул такой гром, что мы чуть не оглохли. Молния была яркая-яркая. Я выскочил наружу. Лариса в палатке быстро терзала на листы свежий номер «Огонька» и передавала мне наружу. Я залепил ими весь склон палатки. Наводнение прекратилось. Правая половина совершенно не протекала, потому что струи дождя едва касались её.

Съели суп, выгребли воду, благоустроились и принялись острить.

– Братцы, – сказал я, – нам нечего бояться молнии: Коля установил над нашей палаткой шикарный громоотвод.

– ???

– Я имею в виду антенну для приёмника. Торчит на метр.

Мои маленькие друзья сразу потеряли чувство юмора. Пресловутую антенну пришлось снять.

Через час прибежали Коля-Оля, мокрые и голодные. Оказывается, они были в Лягушачьей бухте, километра 1,5 от нас.

Поймали единственного бычка, но как-то странно – за живот. Коля видел в воде живого краба, но, по собственному его признанию, бежал прочь, объятый страхом и побросав снасти. Бычка из милосердия отпустили. Интересно, сколько он проплавает с распоротым брюхом.

Потом, как водится, дождь кончился, слегка вылупилось солнышко.

К 6 часам Ярослав не явился. Не явился он и к половине седьмого. Решили на всякий случай сходить за его трупом, как он просил.

Экспедицию снаряжали в нервном молчании. Взяли две кофты, фонарь, верёвку, хлеба-соли, полиэтиленовый мешок. Пошли мы с Борисом; просили не ждать, просили не беспокоиться. У Лолочки была очень-очень расстроенная мордочка.

Небольшая сцена прощания, последний поцелуй, последнее прости. Наши сердца, не подготовленные к подобного рода переживаниям, усиленно скребли кошки. Лично моё сердце скребли добрый десяток кошек, потому что перед уходом я расспросил соседей о дороге в бухту Разбойника, и мне охотно объяснили, что дорога скверная и в горах постоянно разбиваются насмерть туристы.

Пока мы шли в молчании, я всё время поливал горячее воображение холодной волной логики. «Ярослав не дурак, – думал я, – если дорога опасная, он вернётся. В худшем случае он сломал себе что-нибудь, и мы поможем ему выбраться».

Прошли долину и посмотрели в бинокль на дорогу. Далеко-далеко вверху, вниз по дороге двигалась одинокая фигура. Остроглазый Боря узнал Ярослава. Вот и всё.

Оказывается, он дошёл до Биостанции. По дороге посмотрел сверху на бухту Разбойника. Отвесная стена метров 30. Спускаться не стал. Дождь застал его в горах. Вымок до нитки. Но дорога, по которой он шёл, совершенно неопасная. Опасны спуски в бухты. Именно там и бьются альпинисты, как глиняные горшки.

Сейчас во время ужина проведём урок по поведению. Спецурок. Всё-таки так трепать нервы не годится.

20 июля

Местечко, где мы остановились, выполнено в стиле Рембрандта. Большая ровная площадка среди овражков и холмов. Мелко устлана сеном.

Большую часть площадки покрывают кроны двух деревьев. Здесь густая тень и прохлада. Дальше немилосердное крымское солнце выжгло всю траву. Под деревьями разбиты наши палатки. Мы приехали сюда вчера во второй половине дня. Обогнули на автобусе Карадаг и вышли у Биостанции. Объявление прямо у ворот Биостанции: «Посещение территории Биостанции пешеходными туристическими группами и на автомобилях запрещается в связи с повышенной огнеопасностью».

Дружно плюнув на это наглое заявление, мы проследовали дальше.

Опять кривые, лживые тропинки среди холмов. Мы лезем всё выше и выше. Солнце свирепствует. Оставили женщин с вещами под одиноким деревцем у подножья Карадага и разошлись по двое в противоположные стороны на разведку.

Территория Биостанции расположена справа от Карадага, если смотреть от моря. Холмистое, выжженное солнцем предгорье за какие-нибудь триста-четыреста метров переходит в скалы. Скалы уже не такие сумасшедшие, как в Сердоликовой бухте, и море помельче.

Здесь, на горе, и внизу, на пляже, разбойничают божьи коровки. Мы в жизни не видели чего-нибудь подобного. Божья коровка в единственном числе – явление положительное. Этакая симпатичная букашка, вызывающая умиление. Но когда этих тварей насчитывается несколько сот на кубический метр, когда они облепляют тебя с головы до пят и не хватает сил прогнать их, хочется взвыть дурным голосом. Мы бичевали себя полотенцами, продирались сквозь душные колючие кусты. Везде: на траве, на земле, на деревьях, в воздухе – жужжали, ползали, летали эти божьи твари. Каждая травинка была облеплена живыми красными пятнышками, как веточки брусники ягодами.

Внизу, в лощине у моря, кое-где в кустах стояли палатки. Место нам не понравилось. Слишком близко к морю. Биостанция входит во владения лысого майора, и иметь с ним дело второй раз не хотелось.

Пошли дальше от моря. Прошли мимо аккуратных маленьких дачек Академии Наук СССР, мимо стриженых газонов с цветами, мимо небольшого лагеря ростовчан-подводников и вышли к крошечному хуторку. Слева от дороги двое пацанят трясли миндальное дерево. Крупные зелёные миндалины ровным слоем устилали землю. Мы получили подробную информацию о местечке. Пограничники сюда не ходят. Биостанция не трогает туристов. Наезжают изредка лесные объездчики, но это народ мирный.

Вскоре мы нашли место для палаток. 10 минут ходьбы до моря, 15 до Биостанции. Рядом колодец. Склоны покрыты деревьями и кустарниками. Пошлых божьих коровок совсем нет.

Неподалёку от нашей стоянки находится большое подземное водохранилище. Тесный маленький вход обит деревянными косяками. Внутри вечная ночь. Прямоугольное чёрное отверстие чётко выделяется на фоне жёлтой выжженной травы. Я присел на корточки у входа и крикнул. Гулкое мрачное эхо.

Я вспомнил забавный случай, произошедший в Крыму с одиноким туристом. Этот любознательный товарищ отправился рано утром в горы искать приключений. Через несколько часов он добрался до дикого и безлюдного места. Кругом скалы, совсем не видно туристских троп. Неподалёку под гигантской скалой он узрел вход в пещеру. На Карадаге много пещер. Он подошёл к входу и заглянул внутрь. Темно, ни черта не видно. Набравшись храбрости, турист шагнул внутрь и громко сказал пещере: «А-а-а!» Вместо положенного «А-а-а» пещера неожиданно ответила: «Бэ-э!» Турист, как ошпаренный, пробкой вылетел наружу и шлёпнулся на камни, хлопая глазами. Пещера разразилась громким неприличным смехом, а через мгновение у входа показалась одинокая фигура.

Видимо, у фигуры было колоссально развито чувство юмора. Потом оба туриста долго ржали от удовольствия, сотрясая горы.

Сегодня днём Ярослав, Светлана и я пошли на море. Я взял ружьё.

По дороге к морю нас опять терзали божьи коровки. Мы мрачно отбивались полотенцами. Говорят, что этих насекомых сбросили на самолёте по просьбе общественности для борьбы с какими-то более вредными тварями. Наверное, это враньё.

В десяти минутах ходьбы от пляжа в сторону Карадага мы нашли груду гигантских камней, сброшенных прямо в море. Остановились.

Места здесь на побережье тихие. Пижонов нет. Слева от нас резвились подводники, а впереди, в море, на одинокой скале грелось на солнышке семейство из лагеря академиков.. Вода довольно чистая. Под водой – те же камни и скалы.

Я взял ружьё и отплыл подальше. Удивительная тишина и голубизна необыкновенная. Я набрал в лёгкие воздуху и нырнул метров на 5. Впереди коричневая скала, обросшая водорослями. Множество маленьких рыбок. Я повис на мгновение, раскинув руки и ноги в стороны. Вода не выталкивает, потому что в руке довольно тяжёлое ружьё. Пошёл ещё глубже. Барабанные перепонки в порядке. На лоб тоже не давит. Медленно пошёл вокруг скалы. Заряженное ружьё-пистолет держу на вытянутой руке. Обошёл почти поло-

вину скалы и вдруг увидел у края скалы рыбку величиной в полторы ладони. Когда видишь рыбу в радиусе действия ружья, стреляй, не задумываясь. Это правило охотников. Я спустил предохранитель и немедленно нажал спусковой крючок. Гарпун стремительно рванулся с серебряным звоном, как мне послышалось, и ткнулся прямо в рыбу. Воздух кончился. Я едва успел подхватить гарпун и рванулся вверх.

Я так подробно описываю эту свою охотничью удачу, потому что это первая рыба, которую я подстрелил в своей жизни. Наружи она оказалась чуть поменьше. Но меня это не огорчило. Чуть попозже на глубине 5-6 метров я почти в упор пригвоздил ко дну краба среднего размера. Это очень юркая тварь, когда она спасает свою шкуру, то поймать её на такой глубине среди камней голыми руками довольно трудно. А попасть из ружья легко.

После обеда я сварил рыбу и краба. Краба слопали все. Лолочка взяла на память клешню. Высушит и будет носить на шее на верёвочке. Здесь это модно – что-нибудь таскать на шее. Я имею в виду пляжи.

А рыбу есть не стали. Может быть, вид у неё был неаппетитный. Рыбу я съел один. Из принципа. После краба она показалась пресной.

23 июля

С чего начать? С бухты Разбойника или с грота Шаляпина?

Вчера рано утром после хорошего завтрака мы отправились в бухту Разбойника, оставив в лагере дежурных: Светлану и Бориса.

Взяли с собой камеру, маски, ласты, ружьё и закуску.

Здесь пора описать наконец Карадаг.

Карадаг представляет собой мощный скалистый массив, упирающийся прямо в море. Отсюда начинаются Крымские горы и продолжаются туда – к Севастополю. Если смотреть с моря, то справа, у подножья Карадага, находится Планерское, слева – карадагская Биостанция. Расстояние между ними по морю около семи километров.

Всю красоту Карадага составляет контраст двухсотметровых скал и ослепительно синего чистого моря, обступающего скалы.

Между Биостанцией и Планерским находятся маленькие бухты, Их здесь довольно много: бухта Разбойника, бухта Баба Яги, бухта Льва, Золотые ворота, затем начинается гигантская, почти отвесная стена из скал с красочным названием – Хобо-Тепе. Стена тянется почти километр, за ней идут ещё несколько бухт, часть из них совершенно завалена камнями величиной с голову слона. Здесь бывают каменные осыпи. Жить в таких бухтах невозможно.

Потом следуют «жилые бухты»: бухта Барахта, первая и вторая Сердоликовые бухты, Лягушачья бухта и ещё две-три до Планерского. У Планерского всё это великолепие кончается и переходит в унылый холмистый пейзаж.

Хобо-Тепе разрывает сухопутную связь с бухтами надвое: одна половина бухт доступна по берегу со стороны Планерского, другая – со стороны Биостанции.

Все бухты связаны единой горной дорогой, идущей через перевал от Планерского до Биостанции. Но горный путь утомительнее морского, если учесть, что от этой основной дороги идут крутые, длинные спуски в каждую бухту; здесь бывают каменные осыпи, и туристы время от времени разбивают вдребезги свои горячие головы.

Но в некоторые бухты есть приличные спуски, в том числе и в бухту Разбойника. «Приличные» я имею в виду с точки зрения молодого здорового человека нашего возраста. Если бы наши дорогие мамы и папы увидели, как мы преодолеваем такие препятствия, они бы, наверное, заболели от страха.

Так вот вчера рано утром мы отправились берегом моря в легендарную бухту Разбойника, которую знали до сих пор лишь по фотографиям да по рассказам наших друзей, побывавших там в прошлые годы.

Дорога в бухту Разбойника очень живописна. Это, в сущности, узкая каменистая тропинка между морем и скалами; временами приходится перелезать через камни – гигантские глыбы, лежащие в море; временами идти по отмели, вдоль каменных стен под нависающими скалами, временами карабкаться по ступенькам в скалах. В общем, всего не расскажешь. Лучше скажет фотоаппарат. Всю дорогу до бухты у меня судорожно дёргалась рука к фотоаппарату. На этот поход у нас ушло 34 кадра.

Через час пути мы вынырнули из-под причудливо нависшей скалы и очутились прямо в бухте Разбойника. Неожиданное и ошарашивающее зрелище. Небольшой галечный пляж стиснут в каменном кулаке. Острые зубчатые глыбы рвутся в голубое небо. Справа возвышается продолговатая неприступная скала Иван Разбойник высотой метров 90-100. На вершине чётко выделяется маленькая каменная фигурка – случайный камень, торчащий острым концом вверх. Такое впечатление, будто стоит человек.

Два цвета бьют в глаза: буро-коричневый цвет гор и синий цвет моря.

Я забрался на какую-то скалу. Сверху бухта похожа на глубокий каменный колодец. Спустился чуть вниз, сделал несколько снимков. Потом отдал аппарат парню, который стоял на уступе ниже меня, распластался на скале

в немыслимой позе, симулируя восхождение на гору. В этой позе он меня сфотографировал.

Мимо бухты то и дело шмыгают маленькие катера, набитые до бортов голыми телами. Из рупора на всё море экскурсоводы барабанят заученный текст. Повторяется одна и та же шутка: «А вот перед вами бухта Разбойника. В ней вы можете увидеть разбойников». «Тонкий» намёк на наше присутствие. Когда очередной баркас пошёл на бухту, я выпрямился во весь рост и, сложив ладони рупором, громко скомандовал: «По катеру прямой наводкой изо всех орудий «Огонь!» Не выдержали, повернули, гады, в сторону.

Часа через два пошли дальше, в бухту Золотые ворота. Кроме нас, ещё человек двадцать туристов. Почти у всех маски, ласты и ружья. Я пытался бить рыбу, но безуспешно. Только погнул наконечники о подводные камни.

Метрах в 70 от берега стоит причудливая каменная арка высотой с трёхэтажный дом. Это и есть Золотые ворота. Вообще в Крыму любят названия Золотой, Голубой и т.п. Есть Голубой залив, Голубая бухта, Золотой пляж, Царский пляж. Невдалеке за Золотыми воротами стоит скала Лев. Считается, что она похожа на льва. По-моему, точно так же её можно сравнить с коровой, моржом, бараном и прочими полезными животными, но меньше всего она похожа на льва.

24 июля

У меня просто не хватает времени всё описывать. Вчера писал в упор до темноты. Не успел-таки.

Итак, из бухты Золотые ворота мы тронулись в обратный путь.

Дошли до бухты Разбойника и отсюда решили проникнуть на Биостанцию через горы. Труднее всех пришлось Лолочке, я помогал ей как мог. Поднялись по крутым тропинкам в скалах выше Ивана Разбойника. Величественное зрелище. Внизу сереет пятачок бухты Разбойника. На светлом фоне гальки зеленеет пятнышко палатки. Дно просматривается очень хорошо, видны подводные камни.

Весь путь до Биостанции занял у нас часа полтора. Пришли уставшие и голодные. В этот вечер легли спать довольно рано.

На следующее утро, то есть вчера поднялись в 4.40. Кое-кого пришлось поднимать за ноги, чтобы разбудить. За 40 минут упаковались и ещё через час уже ехали на автобусе в Судак. В автобусе было тесно, как в спичечной коробке.

Из канистры слегка вытекал керосин. Таскали мы с собой примус и керосин, а пользуемся дровами. Лёнька, гадёныш, научил нас взять примус. Это

хорошая штука в скалах, если жить там месяц, но мы ездим с места на место и дрова с трудом, но находим. Приеду домой, оболью Лёньку этим керосином и подожгу. Пусть горит вечным огнём в назидание всем прочим гражданам.

В Судаке проторчали часов до 12.

Наши дамы не могли спокойно идти по улице и застревали в любой тряпичной и посудной лавке, как шарики в китайском биллиарде застревают в лунках.

Вообще, срывали цветы мелких удовольствий. Я опять эпикурействовал. Уж больно умиляет тот факт, что за пивом нет никакой очереди, а за квасом давка. Прямо душа радуется.

Купили на рынке картошки 7 кг – 40 коп за кг. Считается, очень дёшево.

Сели на автобус, идущий до Уютного, доехали до Уютного и дальше по пыльной раскалённой дороге километров 6 петляли до Нового Света. Устали все ужасно. Особенно Лолочка. По дороге попадались чаны с водой. Я набирал в рот воды и брызгал Лариске в лицо, грудь и спину. В общем, с горем пополам дошли.

Шлагбаум. Надпись. Точно такая же, как у Биостанции. Автомашины не пускают.

24 июля, вечер

События опережают перо.

Сейчас только возвратились с моря. Море бурное. Волны трепали личный состав экспедиции, как щепки. Личный состав визжал от удовольствия. Волны хулиганят. Мы вели себя как дети. Мы кувыркались в белой пене. Я до сих пор чувствую удары волн. Оттого и плохой почерк.

Так на чём же я остановился?

Да! Мы добрались до Нового Света.

Что такое Новый Свет? Это великолепное место. Это бухта. Исключительно живописное место. Горы окружают обширный песчано-галечный пляж, мягко очерчивая плавную дугу. Здесь иные контрасты – зелёное и синее. Зелёные пятна туи и хвойных деревьев усыпали склоны гор. Впечатление замечательное. Въезжаешь в Новый Свет и чувствуешь оригинальную, неповторимую смесь запахов: море и хвоя, море и хвоя. После пыльной нудной дороги нам открылся маленький рай.

Новый Свет это, в сущности, завод шампанских вин. Территория большого санатория. Тихо. Народу немного. Ни домов отдыха, ни пансионатов, ни прочих высококультурных заведений.

Наша группа разбилась на две части. Света и Ярослав пошли к гроту Шаляпина, где мы договорились собраться. Остальные решили выкупаться.

Через час мы все были в гроте Шаляпина. Здесь, как гласит легенда, когда-то пел Шаляпин. Может быть, это и правда. Тем более, что сохранилась так называемая эстрада Шаляпина. Это помост из каменного кирпича, обнесённый аркой. Всё сооружение находится под гигантской серой скалой, нависшей над морем. Впечатление незабываемое. Серый, светло-серый камень. Скала накрывает тебя, как шатёр. Чувствуешь, кожей чувствуешь многие тысячи тонн камня, нависшие над тобой. Кажется, крикни громко – и каменная громада рухнет тебе на голову, раздавит в лепёшку.

Дорога сюда идёт по тропинке, вырезанной в скале. Рядом с эстрадой Шаляпина находится обширный винный погреб, некогда принадлежавший князю Голицыну. Мы вошли внутрь. Мрачный холодный каземат. Полукругом стоит стена, с вырезанными в ней ячейками. Ячеек много. Несколько сотен. Когда-то здесь хранились вина. Князья и графы очень любили хорошие вина. Сейчас здесь пусто и сыро. Посредине помещения – выемка с водой. Её питают подземные воды. Вода прохладная, чистая и вкусная.

Мы остановились у эстрады Шаляпина. Ярослав, Светлана и Оля отправились в Царскую бухту, дальше по берегу. Ярослав у нас ведущий разведчик. Он постоянно бродит где-нибудь по скалам, а мы потихоньку трепещем за его жизнь.

Мы с Колей отправились купаться, захватив маски. Это было средство от сна, который начал нас одолевать. Боря сначала нас подбадривал, уговаривал не спать, говорил, что в жару размаривает. И вот мы послушались доброго совета и пошли купаться. Когда мы вернулись, свежие и бодрые после купанья, Боря громко храпел, забыв, что сон в жару вреден. Под скалой была тень, и мы не стали будить Борю.

Приблизительно через час вернулись наши разведчики. Царский пляж им понравился. Сосны, море, галька. Есть туристы. Но нет воды. За водой 20 минут ходьбы до Нового Света.

Решили остановиться в Новом Свете.

Вообще о Новом Свете ходит худая слава. Место хоть и красивое, но туристов гоняют. Формально жить здесь нельзя в связи с повышенной огнеопасностью. Это обстоятельство уводит основной поток туристов в сторону. Но отдельные капли этого потока попадают сюда. В лощинках между скал, у самого берега можно видеть палатки. Как нам сказали, здесь господствует женщина – комендант Нового света.

Живут люди несмотря на угрозы коменданта.

В отличие от диких туристов, мы народ организованный. Недаром я так много суетился. У нас есть маршрутная книжка – разрешение на самодеятельный туристский поход, полученный мною в облсовете «Труд». Мы народ серьёзный. Мы решили с самого начала поставить своё пребывание здесь на официальную ногу. Отправились вдвоём с Борисом искать коменданта. Боря напросился, напирая на то, что он производит неотразимое впечатление на пожилых женщин. Я больше полагался на печать, поставленную в нашей книжке.

Нашли, нашли мы коменданта. Возлежала она на пышной деревянной лежанке, окружённая близкими. В собственном домике, неподалёку от замка князя Голицына. Откашлявшись, я представился. Показал книжку. Комендант откинула пышные волосы, поднялась с лежанки и, глянув в книжку, а затем на бронзовый лик Бори, застывшего в выжидательной позе, милостиво улыбнулась. Близкие дружно улыбнулись и загомонили что-то приятное. Мы также улыбнулись на всякий случай. Сердце пожилой женщины было, как видно, покорено. Поболтали о погоде, о снабжении, о том о сём и на прощанье получили разрешение остановиться где нам угодно.

Не зря, нет, не зря взял я с собой Борю! Под конец, пользуясь удобным случаем, Боря предложил свои услуги в качестве художника. Комендантша ещё раз ослепительно улыбнулась и порекомендовала обратиться в завком винного завода. Мы были удовлетворены.

Через час, после продолжительных поисков мы нашли место недалеко от моря и колонки с водой. Разбили палатки между двумя хвойными деревьями. Здесь и живём.

А что касается сегодняшнего дня, то прошёл он не очень интересно.

Мы с Ларисой ездили в Судак за билетом. Для Лариски. Она уедет пораньше. В Судаке жарко, много вина, пива, прохладительных напитков. Все эти прелести я опробовал в избытке, до сих пор никак не очухаюсь.

Привезли кое-что из продуктов.

Пока у нас всё идёт по плану: 1.50 коп в день на человека. С небольшим запасом на будущее. Едим кашу, супы; из мяса – тушёную говядину и свинину. Настроение отличное. Впереди ещё 13 дней! Что-то будет?

25 июля

Мне кажется, что весь Крым затоплен в вине. В отличном сухом вине массандровских погребов. По ту сторону моря люди купаются в море, по эту –

в вине. Вино здесь прохладное, чистое и очень дешёвое: 30 коп литр. Вино пьют мужчины, женщины, дети – люди всех возрастов. Берут по 3, 5, 10 литров. Пьют прямо из больших литровых банок в магазинах, из кружек, из стаканов. Кое-что из этого мощного потока попадает и в наши сухие глотки.

В местном магазинчике толпы туристов. Широкоплечие бородатые молодые люди в шортах хлещут светло-зелёный напиток из трёхлитровых банок. Крым есть Крым.

Сегодня рано утром мы с Ярославом направились в Судак, чтобы купить билет для Ларисы и кое-что из овощей.

По расписанию автобус отправляется из Нового Света в 8.05. Автобус не пришёл ни к 8, ни к 9, ни к 9.30. Автобусы здесь изменчивы, как пошлые курортные женщины.

Громко прокляв автобусный сервис, мы пошли пешком по пыльной, кривой дороге. Дошли до шлагбаума. Стоит аккуратный рижский автобус. В него не торопясь входят какие-то чистенькие мордатые товарищи. Едут явно в Судак.

Мы по простоте душевной кинулись, было, прямо в автобус, но какой-то особо гладкий, мордатый, очевидно, ответственный товарищ не пустил нас. Автобус был недогружен, оставалось пять или шесть свободных мест. Мы соглашались ехать стоя. Всё равно не пустил, гад. Люди явно нездешние. Знакомые саратовские порядки. Я разразился длинной горячей речью по поводу кулацких замашек и частнособственнических инстинктов. Вся команда слушала меня молча, пока шофёр неторопливо заводил машину. Так и уехали, гады. Не знаю, запали ли зёрна высшей справедливости в их чёрствые души. Наверное, всё-таки запали, тем более, что под конец я громко крикнул вслед, покрывая шум мотора: «Кулаки!»

До Судака добрались на попутном грузовике. На этот раз были умнее. Проголосовав на всякий случай шофёру и получив отрицательный ответ, мы, не долго думая, взяли машину на абордаж и свалились прямо на головы уже сидевшим там людям.

В Судаке проболтались до двух часов. Билеты, разумеется, не заказали, потому что было уже поздно. Купили сухого вина и пошли пешком назад.

По дороге в Уютное остановились у Генуэзской крепости.

Огромный холм, примыкающий к морю. По склонам холма расположены полуразвалившиеся башни из острого крымского камня. Весь холм от подножья до вершины замыкает кольцевая каменная стена из того же камня. Седой стариной веет от этих обшарпанных угрюмых стен. Смотришь на всё сооружение и чудится эхо старинных пушек, когда-то обстреливавших кре-

пость. Слышатся голоса древних воинов, звон клинков и удары ядер о каменные башни. Старина, старина!

Сейчас здесь что-то вроде архитектурного музея. Перед центральным входом, у больших ржавых железных ворот висит план крепости с описанием каждой башни. Мы входим внутрь. Ни единой живой души. Прошли вдоль стены и выбрались через пролом прямо на территорию дома отдыха «Сокол». Здесь также тихо и безлюдно. Аккуратные газончики, стриженые кусты, туя, хвойные деревья. Асфальтированные дорожки. На небольшой площадке стоит шахматная доска размером с обеденный стол. Фигуры чудовищных размеров. Сыграли партию. Вничью. Побросали резиновые кольца на колышки. Ярослав набрал лишних 10 очков. Сфотографировались по очереди у доски и пошли дальше.

26 июля

Ехали на юг лопать фрукты, а лопаем чеснок. В чудовищных дозах. Утром, в обед, вечером. Едят все семеро. Не есть – опасно, ночью скончаешься в страшных судорогах от удушья. Не дай бог попасть в нашу компанию свежему человеку!

Сижу сейчас один на камере под деревом и пишу при свете фонарика. Коля-Оля и Боря-Света где-то вздыхают под луной. Одинокий Слава придерживается жёсткого режима сна, Лариса у нас вообще – главная соня. Вот и сижу я один и слушаю шум прибоя. Луна сегодня какая-то бледная, словно невыспавшаяся. Сидит на сосновой ветке и смотрит на меня своим круглым белым оком, равнодушно и немножко снисходительно. «Сиди, пиши, писатель, свои мемуары, а я вот скроюсь за гору и через час вылезу опять». Луна здесь за ночь восходит и заходит два раза.

Сверху, с танцплощадки, доносятся звуки джаза. Сегодня день Военно-морского флота, если не ошибаюсь, и по этому случаю танцы. Брадатые отроки из соседнего ущелья танцуют твист, поражая воображение немногочисленных жителей посёлка. Коля-Оля появились оттуда на минуту и опять исчезли.

Сегодня у винзавода я обнаружил целое семейство диких кактусов. Колючие зелёные лепёшки. До сих пор я видел кактусы только в горшках. Принёс одну в лагерь и потом целый час выгрызал занозы, засевшие в пальцах. Экая вредная штука кактус!

Сегодня после обеда ходили в грот Шаляпина. Море бунтует уже третий день. Море с рёвом бросается на равнодушные серые камни и отступает,

истекая злой белой слюною. Я сделал несколько снимков. Потом надел пояс из чёртовой кожи, привязал к нему верёвку, медленно спустился по скале и повис над морем в идиотской позе. Коля страховал, Боря фотографировал. Пижонство, конечно, но что делать? Надо же что-то оставить потомкам. Мероприятие абсолютно безопасное, потому что скала отвесная, а под ней глубина метров 7.

Боря отправился домой к женщинам, к очагу, а мы с Колей пошли на Царский пляж.

Ну, красиво, красиво, чёрт побери! Даже описывать не хочется. Та же экзотика, что и здесь, в Новом Свете. Ну очень-очень красиво! Сосны, камни, галька. Но зачем ещё создавать впечатление, что каменный столб, подпирающий скалу, вот-вот рухнет? Я не утерпел, влез в трещину и надавил обеими ногами. Может, покачнётся? Ни черта! Ещё сто лет простоит до следующего землетрясения. Пижонство. Декоративная трещина. Козни экскурсионного бюро. Нарочно сделали – пугать туристов.

Шутки шутками, а падающие скалы бывают. Как я недавно выяснил, три дня назад, приблизительно через час после нашего появления в Новом Свете, на дорогу, по которой мы шли, рухнул булыжник величиной с мамонта, едва не похоронив под собой артель строителей. Здесь расширяли дорогу, чтобы сделать площадку для автомобилей. Горы с боем уступают каждый сантиметр, время от времени посылая на головы строителей каменные потоки. Строители это знают и готовятся отступить заранее. А с каменным мамонтом слегка просчитались. Подкапывались под него неделю. Опутали тросами и пытались стащить тракторами. Но гигант упирался.

Потом взял и грохнулся сам совершенно неожиданно. Только случайно рядом не оказалось людей. Смял в лепёшку грейдер. Водитель в это время справлял в сторонке малую нужду. Хорошо, что не успел кончить.

В Новом Свете свищет ветер и беснуются волны, а здесь, в двадцати минутах ходьбы от посёлка, – тихо, как утром. Вода чистая, ветра нет. Проторчали в воде около часу. Продрогли. Я пытался бить рыбу из ружья, но рыбы почему-то не было. Видели большого краба величиной с тарелку на глубине 10 метров. Меня позвал Коля, но когда я подплыл, то едва ли смог дойти до дна и посмотреть на краба. Пристрелить не хватило воздуху. Еле выкарабкался наружу. А когда отдышался, то сколько ни искал, не нашёл.

Вернулись назад через маленький перевал за 15 минут.

Периодически убиваем пауков. Пауки здесь жирные, косматые и наглые; изредка заползают в палатки. Не кусаются, наверное, потому что не ядовитые. Всё равно убиваем. На всякий случай.

30 июля

Сейчас только глянул на последние записи – 26 июля! Неужели прошло три дня? Мне кажется, что только один. Сейчас 2 часа ночи. Мы с Лолочкой сидим на Симферопольском вокзале и ждём отхода поезда на Белгород.

Итак, первый камешек тронут – Лариса уезжает. Остальные дни промчатся лавиной. Уже заказаны билеты на 6 августа.

Дорога от Судака до Симферополя занимает 3.20 автобусом.

Лариса наблевалась по уши. Ей помогала женщина, сидящая сзади. Я же чувствовал себя великолепно.

Дорога вьётся и вьётся бесконечной серой лентой. Сравнение не новое, но верное. Я не очень щепетилен в отношении стиля. Едва хватает времени просто фиксировать события. Где уж тут добираться до художественных высот!

Так вот, долины кругом, долины в основном. Табачок, виноград. Сёла жирные, богатые. Чувствуется, гребут деньги большими совковыми лопатами. Станица, точнее, село Белогорское. Ну, это вам не нищее Поволжье! Дома двухэтажные, каменные, асфальт, электричество и прочие блага цивилизации, вплоть до комфортабельной общественной уборной.

В Симферополе сразу же сели на троллейбус и доехали до вокзала.

Красивое сооружение! Хорошая вокзальная архитектура. У автобусной остановки толпа пионеров. Ребятишки разных национальностей. Синие, зелёные формы. Галстуки красные. У некоторых красно-синие. Это, видимо, из Болгарии. Кучкой собрались маленькие кубинцы, смуглые, юркие, организованные. Многоязычная речь. Меня нечаянно задел какой-то высокий паренёк лет 15-ти в синем галстуке. Извинился, сказал несколько слов. Хорошая русская речь.

Ну вот и всё. Часы пробили 3. Лолочка уехала. Уехала. Уехала…

Тихо, тихо; ночь. Я болтаюсь как неприкаянный. Очень трудная вещь – расставание. Даже на месяц…

Ну, вот, выпил всё вино из фляги, сижу пишу; так лучше. Немного лучше.

Наверное, не усну. Хочется говорить или писать.

А ночь живёт. Тонут в вязкой темноте истошные крики тепловозов. Изредка прошумит шинами такси. Вот они молча уставились на меня. Полтора десятка. Зелёные огоньки. Шофёры спят, высунув ноги наружу. Одинокие прохожие.

Спит вокзал, спит море, спят мои маленькие друзья в Новом Свете. Только фонари не спят. И я.

Впереди три с лишним часа дороги, а потом прыжок в цивилизацию. Морем в Ялту. Что ждёт нас в этой человеческой каше?

Здесь, в восточном Крыму, дикая природа и сравнительно немного людей.

31 июля

Мысль так и осталась оборванной. Не дописал.

Я уже и не надеялся привезти домой эту тетрадь. Всё утро ходил, как шальной, клевал носом. Всё так же клюя носом плюхнулся в такси. Меня выгрузили у автостанции в Симферополе. Вырвал листок из тетради, написал записку Ларисе, бросил письмо в ящик и уснул, сидя на камне у колонны, а дневник остался лежать на столе, в зале ожидания, где я писал. Вспомнил о нём через 20 минут после отправления автобуса. Стало мне совсем скверно.

Поубивался я немного и затих, потому что придумал способ вернуть тетрадку. Приехав в Судак, я дождался очередного автобуса, идущего в Симферополь, и стал слёзно умолять шофёра захватить тетрадь. Положил на всякий случай коробку сигарет у ветрового стекла с памятной надписью. Шофёр дал согласие. Система сработала чётко. Сегодня утром получил дневник в кассе.

В данный момент, когда я пишу, мы мчимся из Судака в Ялту на подводных крыльях. Качает. Ходим коридором, раскорячившись. Кораблик великолепный. Tip-top! На 100 человек. Сиденья, как в самолёте. Красный, серый бежевый цвета. Экипаж очень предупредителен и вежлив. Матрос в белом костюме предлагает пассажирам гигиенические пакеты. Я взял один на память. Заполню манной крупой. Это лучший сувенир для мамы. Думаю, что не побрезгует, тем более что пакетом я не пользовался.

Столик. Книга отзывов. Как и следовало ожидать, отзывы хорошие. Благодарят, восхищаются и вообще ликуют. Попадаются отзывы с юморком: «Присоединяюсь ко всему сказанному, только нельзя ли удалить ветер. Помял всю причёску».

За окнами салона методично качается берег. Вверх вниз, вверх вниз. Рёв страшенный, говорить приходится громко.

Вот добрались и до Алушты. С катера ничего не поймёшь. Нельзя составить никакого впечатления. Зелень. Невысокие горы. Всё покрыто зеленью. Белые дома, далеко, за серой пеленой дождя виднеется город.

Дождь разошёлся не на шутку. Море словно изрыто оспой.

Где-то мы остановимся в Ялте? Корабль наш что-то топчется на месте. Маневрирует. Ага! Вот он подошёл к причалу. Неужели вылезем прямо в дождь? Похоже, что в Ялте такая же погода.

Стало тихо-тихо. Только шуршит дождь. Народу почему-то немного. Свободных мест больше, чем занятых. Весь проезд от Судака до Ялты занимает 1 час 45 минут. Из них минут 15 стоянка в Алуште. А автобус ползёт целых 5 часов! Разница в цене билетов – 40 коп: 1р.80 за автобус и 2.20 за «Ракету». Но в автобусе берут 50 коп за багаж. Так что морем дешевле. Странно, что люди этого не понимают и мучаются в автобусе.

Пожалуй, на этом я и закончу описание сегодняшнего дня.

Ещё немного о Новом Свете.

Чем дольше мы жили там, тем больше он нам нравился. Тихо, малолюдно. В основном, туристы. Вечерами в чистом просторном дворе магазина собирается всё новосветское светское общество. Причина одна – продразвёрстка. Закупают помногу на целые коллективы. Вино берут почти все. Вёдрами, десятилитровыми бутылями, автомобильными канистрами. Молодёжь. Народ симпатичный. Так как очередь бывает большая, то здесь же невдалеке играют в настольный теннис. За домом хорошая спортивная площадка. Играют в волейбол. Удивительно, что играют все без исключения неплохо. Некоторые – очень хорошо. А волейболистов в Новом Свете набирается с полсотни. Совершенно неожиданная цифра.

Есть два бородача из московского «Спартака». Хлещут с такой силой, что некоторые игроки летят кувырком при попытке принять мяч без блока.

Три дня назад, перед отъездом Лолочки, мы приготовили шашлык. Купили в Судаке баранины по 1.90. Боря давал указания. Жарили на углях покавказски. Наелись по уши. Напились тоже. Физиономии у всех были масляные и довольные.

Приближаемся к Ялте. Скоро выходить.

1 августа

Писать, писать и писать. Хватит ли чернил в ручке?

Наши болтаются в городе. Я вернулся к палатке к 6 часам. Хорошо, если к 9 успею записать всё, что думаю.

Вылезли на берег. Набережная. Толпы народа. Пальмы, магазины, море, краны, мокрый асфальт и люди, люди, люди. У причала стоят шикарные катера, остроносые, как клюв цапли. Красное и белое. Большие белые пароходы; краны, как гигантские доисторические животные кланяются трюмам, неся на концах стрел тяжёлые грузы.

В общем, всё та же фотоэкзотика, которую мы все видели на страницах журналов и рекламных щитах. Только в масштабе 1:1, с цветом и запахом.

Слева – бесконечный городской пляж. Это какое-то стойбище тюленей. Люди ровным слоем покрывают гальку. Бросишь наугад камешек – набьёшь кому-нибудь шишку.

Вдалеке, за белыми домами, синеют горы, закрывая полнеба. Я не сразу сообразил, что это горы. Сначала подумал, что тучи. Но это горы. Главный Крымский хребет.

Вышли на набережную, и взгрустнулось. Прощай, чистая, непорочная жизнь в скалах. Прощай, Карадаг! Жерло цивилизации жадно смотрит на нас, ощетинившись тусклыми глазами магазинов, ресторанов, лавок, лавочек и лавчонок.

Чего оно ждёт от нас? Мы люди бедные. А жерло любит людей жирненьких, богатеньких, с тугим кошельком.

Через два часа скитаний мы сели в автобус и поехали к массандровскому парку.

Ну, честное слово, меньше всего мы ожидали разбить палатку так близко от города. 15 минут ходьбы до центрального телеграфа!

Место чистенькое, уютное. Под массандровским парком, на возвышении, у самого синего моря. Кроме нас, палаток пятнадцать. Никто не гоняет. Сзади нас в пяти палатках – стойбище таких же бродяг, как мы. Пожилые женщины, маленькие ребятишки.

Знакомая, здоровая атмосфера.

Вообще, став туристами, мы примкнули к замечательной касте людей, которые быстро знакомятся, хорошо понимают друг друга, людей бескорыстных и честных.

Та половина человечества, что живёт в пансионатах, домах отдыха, санаториях и на частных квартирах, стала для нас совершенно чужой. Мы люди разной породы. Они не понимают нас, мы ещё меньше понимаем их.

Итак, мы остановились на берегу моря. Солома, зелень. Здесь очень много зелени. Разбили только одну палатку, оставив основную часть вещей на автостанции, в камере хранения.

Вечером сделали первую вылазку в Ялту. Всей командой.

Прошли немного по кривым тёмным улочкам и выбрались на набережную. Свет реклам, вой джазовой музыки. Рестораны, бары, мелкие кормушки на каждом шагу. Мы шли по торному пути порока, затерявшись в пёстрой людской каше.

Люди разные. Со всего света. Бесконечный, бурлящий поток людей. Изредка мелькают откормленные, вышколенные морды в чёрных очках. Зачем чёрные очки вечером? Попробуй понять. Это иностранцы. Наверное, чёрные очки это их кастовая принадлежность. В дополнение к элегантнейшему выутюженному костюму. Чтоб не спутали.

Чужая речь. Мягкий украинский говорок. Мимо нас, хищно вращая бёдрами, проплывают чудо-женщины. Хлопают густыми ресницами. Синее, зелёное, полосатое, краплёное, задастое, насмерть закрашенное косметикой. Отвори карман! Учись жить красиво. Жизнь так шикарна!

Иди, иди, русалка, своей дорогой. Мы здесь только зрители. Мы здесь как в зверинце. Смотреть можно, а трогать не рекомендуется. Мы только смотрим. Великолепный зверинец!

Медленно идём дальше. Держимся вместе, косяком. У Светланки вспыхивают нездоровые огоньки в глазах. Это отражение огней ресторанов.

Великий, распутный курортный город. Наверное, можно дневным доходом города устлать весь асфальт вплоть до Алушты. И не рублями, а десятками.

Город сосёт деньги, как чудовищная, гигантская пиявка. Люди приезжают сюда, чтобы тратить. И город это прекрасно знает. Он встречает приезжего во всеоружии. Шашлычные, чебуречные, пиво, вино, мороженое, столовые и рестораны, рестораны, рестораны.

Стены залеплены афишами: Эстрадный оркестр из ГДР! Спешите посетить!

Знаменитый погребок массандровских вин! Цена за вход 1р.50. Вы попробуете лучшую коллекцию вин в мире!

Известный психолог Кастелло! Мгновенное угадывание мысли на любом языке мира!

Ешьте, пейте, тратьте деньги! Город – это огромный желудок. Едят, едят, едят. На каждом шагу. Пьют, пьют, пьют.

Витрины магазинов сверкают стройными рядами бутылок. Бьют по глазам медалями и, соответственно, ценой. Вина всех сортов, коньяки, колбасы, сыры, мясо, крупы. Жри! Давись! Лопай! Выворачивай карманы. Наверное, здесь самая высокая пропускная способность туалетов во всём Крыму.

Гори, гори, геенна огненная, ты не тронешь нас своим пламенем.

2 августа

Сегодня посетили Никитский ботанический сад.

Ехали катером. Заплатили за вход по 15 копеек. Народу сравнительно немного. Природа! Что сказать о ней? Каменные дубы, цветущие олеандры, много хвойных деревьев. Есть деревья возрастом 1000 лет! Гигантские секвойи. Великолепные розы.

У входа нам предложили дожидаться экскурсовода. Вежливо отказались. Ярослав организовал коалицию в единственном числе и застрял у входа. Потом мы его встречали несколько раз в составе какой-то экскурсии. Ярослав увлёкся ботаническим садом и просил не ждать.

Всюду по аллейкам снуют толстопузые семейки. Чинно выстраиваются по стойке смирно у древних стволов и ждут сигнала фотографа. Лица каменно-торжественные. Сознают важность момента.

Тень, прохлада, аккуратно выстриженные газоны. Я непрерывно щёлкал аппаратом.

Хороший кадр: какое-то древнее дерево; толстенный ствол; на несколько метров вытянулись ветви в горизонтальном направлении; галереи ветвей. Я попросил Олю подойти к стволу, для сравнения, чтобы составить впечатление о размере дерева. Не успела Оля подойти, как её пуганула экскурсовод, что-то объяснявшая группе туристов. Потребовала разрешения топтать древнюю землю парка. Странное разрешение! Оля шла по тропинке и ничего ценного не повредила. Убрались восвояси. Дисциплина есть дисциплина.

Наверху у источника воды отдохнули на лавке. Коля смачно хлебал воду, широко разинув клюв. Сфотографировал Колю, пьющего воду.

Перед уходом снова встретили примкнувшего к ним Ярослава, махнули на прощанье рукой и укатили на маленьком рижском автобусе в Ялту.

Пили кумыс. Белый пенящийся напиток 25 коп бутылка. Вкус остро-кислый со странным привкусом. Этот привкус почему-то ассоциировался в моём воображении с гладким кобыльим задом. Понравился мне кумыс, хорошо утоляет жажду.

3 августа

Пишу уже в Севастополе, на территории херсонесских раскопок.

Но об этом позднее.

Вернёмся к Ялте.

Так вот, жили мы не тужили на берегу моря и совсем близко от города.

Если в Новом Свете нас каждое утро будил нахальный и бодрый вопль петуха, то здесь нас будили дети. Надо признать, что нудный, на одной ноте рёв уже через 10 минут вызывает судорожное подёргивание челюстей. Хочется кусаться.

Вечером те же дети шумной оравой носились между палатками. Они играли в какую-то современную детскую игру. Я лежал, глядя в небо. Один из зарвавшихся ребёнышей чуть не выдавил мне глаз своей пяткой. Упал на меня и слегка вымазал сопельками. Я люблю детей, но не в такой дозе.

Как я уже писал, палатку мы взяли одну, вещей захватили мало. В первую же ночь женщины улеглись в палатке, а мы остались, было, наружи. Рваные куски разбитых туч были похожи на дешёвую вату. Временами сквозь проёмы в тучках к нам заглядывала луна. Ежесекундно полыхали зарницы; бесшумно, без грома. С моря тянуло прохладой.

Минут через десять Коля начал туманно высказываться насчёт того, что ночь будет холодная и дождь будет. И вообще снаружи спать неуютно. И зря мы вторую палатку не разбили. И что-то мало тёплых вещей взяли. Спал Коля с женщинами. Боря тоже. Мы с Ярославом, как истинные туристы, остались снаружи.

Оказывается, это далеко не простая штука устроиться на ночь, имея в своём распоряжении только узкое, тонкое одеяло, куртку и брюки.

Я обвязал голову плавками, чтобы было теплее; положил под голову пирамидку из чьих-то сандалий, покрыл их резиновой шапочкой и через четверть часа манипуляций с одеялом нашёл-таки более или менее удобную позу для сна.

Среди ночи проснулся. По спине, под кожей циркулировала холодная газированная вода. Правая рука стала ватной. Процедура переворачивания заняла ещё четверть часа.

Самое хитрое – использовать каждый квадратный миллиметр одеяла. Обернул тело под рубашкой обрывками газет. Стало теплее.

Из палатки слышалось шуршанье, сопенье и глубокие огорчённые вздохи.

На следующее утро Боря нагло заявил, что ночью он, якобы, мёрз. А между тем, в палатке было так душно, что, когда я сунул туда голову, моя голова тут же завязла в воздухе, и я с огромным трудом вытащил её обратно. И уж не только топор, наковальню можно было вешать.

На всю жизнь останется у меня в памяти своеобразный, душистый запах поношенных мужских босоножек, на которых покоилась моя голова. Мне кажется, к нему можно привыкнуть и даже как-то полюбить.

Вчера утром мы разбились на три группы: Коля-Оля пошли в город, Ярослав – тоже. Остальные – в дом-музей Чехова.

В высшей степени приятное впечатление. Двухэтажный каменный дом в тенистом саду. Огромная очередь людей. Нам помогла наша маршрутная книжка, пустили без очереди. В доме тихо и торжественно. Экскурсовод негромко и очень проникновенно рассказывает о жизни Антона Павловича. Комнат в доме несколько, но в меру. Семья Чеховых была большая. Кабинет Чехова. Старомодные вещи, картины, письменный стол. Прямо за столом – ниша в стене. В нише, специально предусмотренной архитектором, стоит диванчик. Чехов был болен туберкулёзом и иногда отрывался от работы, чтобы отдохнуть. Здесь нет сквозняков. А вообще в музее открыты окна, и по комнатам гуляет прохладный ветер с моря. Очень много фотографий, картин брата Чехова Михаила, Левитана, сестры Чехова. Талантливая семья. Комнаты обставлены со вкусом. И вообще чувствуется, что А.П.Чехов был чрезвычайно приятным и порядочным человеком. Я это знал и раньше, но здесь почувствовал.

В главном вестибюле – книга отзывов. Среди прочих записей есть одна очень правильная, примерно такого содержания: «Дом-музей А.П.Чехова оставляет глубокое, незабываемое впечатление. Именно поэтому неприятно платить деньги за вход. Не пора ли прекратить собирать гривенники за посещение исторических мест, являющихся нашей русской гордостью». И действительно, стыдно городу-обжоре, городу-хапуге, городу-толстосуму не найти ничтожных средств на содержание музея и делать деньги на уважении и любви к великому человеку.

Прогулялись по улицам Ялты.

Каменные заборы. Свисают ветки с жёлтыми гладкими плодами. Боря сделал стойку. Ноздри его нервно затрепетали. Потом Боря прыгнул мне на шею и с обезьяньей ловкостью принялся обирать ветви. Светлана индифферентно стояла в сторонке и делала вид, что нас не знает. Фрукты она ела с явным удовольствием. Нет ничего вкуснее краденого.

Было жарко, но мы шли в мощной тени деревьев и не чувствовали жары.

Когда мы проходили мимо пивных бочек, то принимались говорить о чём-нибудь постороннем, отвлекающем внимание. Мы уже выпили по кружке. Что касается меня, то после ревизии оставшихся средств я сильно урезал пивные и пр. нормы и теперь поражался своей колоссальной выдержке.

В 4.30 отъехали на автобусе в Севастополь. Дорога извивалась спиралью. Дорога билась под нами в судорогах, скручивалась в кольца и, распрямля-

ясь, то швыряла нас вверх своей узкой серой спиной, то сбрасывала вниз. Нас трясло. Через час пути публика начала помаленьку поблёвывать. Заразительная это штука – блевотина… Того и гляди, весь автобус втянется; понравится, за уши не оттянешь…

И вот наконец показались пригороды Севастополя.

Что же такое Севастополь? Сейчас отправляемся.

4 августа

Где только не приходилось писать! И в поезде, и в автобусе, и у палаток, и в «Ракете», и даже на ходу.

Сейчас пишу, сидя на корме катера, идущего на Инкерман – древний пещерный город, расположенный недалеко от Севастополя.

Да, Севастополь!

Что же такое Севастополь? Город-герой. Дважды разрушенный дотла и дважды возрождённый, город памятников русской боевой славы, город-курорт и крупный военно-морской порт. Этого сказать мало. Если бы земля имела два полюса, то на одном из них я расположил бы Севастополь, а на другом – Саратов. И дело тут не в культуре городов, не в количестве вузов и театров. Дело в людях.

В нашем цивилизованном Саратове с его консерваторией, университетом и прочими высококультурными заведениями услышать мат легче, чем разменять гривенник. Здесь, в Севастополе, я пока не слышал ничего подобного. Может, потому что не встречался с приезжими из средней России. Я не видел ни одной обшарпанной рожи, бессильно хрюкающей в луже. Наверное, потому что здесь есть где выпить и не надо искать третьего.

Не видел и милиционеров. Это странно, но это так. За три полных дня я встретил случайно лишь одного милиционера и то пьющего квас на углу.

Очень много можно рассказывать о Севастополе. Очень много.

Мы приехали сюда вечером и решили разбить палатки у Херсонесского музея. Как найти музей? Достаточно спросить любого коренного севастопольца. Он может и не знать точно, но он передаст тебе все сведения, какие имеет.

Эти милые и приятные люди очень любят объяснять дорогу. Достаточно спросить одного, как тут же вклинивается другой, более сведущий. Горячо споря, он доказывает, что дорога указана неточно и тут же сообщает более

правильный способ найти нужное место. Ему помогает третий, иногда начисто отвергая всё сказанное выше и предлагая «самый короткий и удобный» путь.

Остановку херсонесского автобуса нам показывало в общей сложности человек 15. Спрашивали мы в общей сложности троих.

Чистенькая маленькая старушка, которую мы спросили первой, клятвенно заверила нас, что садиться нужно «вот тут, у Ушакова». Объяснила, что автобус ходит через час, что до музея ехать минут двадцать и пр. и пр. На лавке рядом сидел дед в картузе, с палочкой. Дед слушал всё внимательно, потом, когда мы отошли, нагнал нас и принялся божиться, что остановка у «фарфор-фаянса», магазина на углу; что он сам видел там автобус.

У «фарфор-фаянса» дотошный Боря произвёл опрос ещё одной группы севастопольцев. После долгих споров они сошлись на том, что лучше всего пройти ещё квартал и повернуть за угол: «Уж там-то и есть автобусная остановка.

За углом Боря стал пытать какого-то тучного гражданина; тот немедленно указал нам на то место, откуда мы пришли. Нам стало весело. Вернулись. И уж тут-то один молоденький мальчик посоветовал нам никого не спрашивать, а ехать шестым троллейбусом до улицы Древней и оттуда пешком до Херсонеса.

В троллейбусе нам опять объясняли дорогу, опять незнакомые люди спорили друг с другом, спорили и после того, как мы уже вышли.

Все эти добрые люди были правы, как выяснилось позднее. На всех указанных остановках автобус действительно останавливался; просто ходил он через час и пользовались им немногие, отсюда и такое разногласие во мнениях.

Расписание автобуса от площади Нахимова до Херсонеса:
11.38 | 12.28 | 13.18 | 14.08 | 15.48 | 16.38 | 17.28 | 18.18 | 19.33 | 20.23 | 22.28

Впечатление от первой встречи с Севастополем осталось хорошим.

Итак, через час мы добрались до развалин Херсонеса и остановились неподалёку от палатки археологов, ведущих раскопки. Ночь была тихая и звёздная. Мы достали стружки и расстелили палатки прямо на земле. Спали, забравшись в палатки, как в спальные мешки. После продолжительных ночёвок на гальке, на острых камешках, на склонах холмов это было сущее блаженство.

На ужин была селёдка и ещё что-то пресное. Хотелось пить. А вода где-то далеко. А в палатке так тепло. Я предложил кинуть жребий. Принципиальный Ярослав, не евший селёдку, отказался, остальные тоже отделались шуточками. Полежали, поговорили о том, как приятно пить холодную воду, как вообще приятно утолять жажду, особенно после селёдки; потолковали о пиве, холодном квасе, ситро и ледяной газированной воде. Явно хотели пить, черти, но, начав соревнование в остроумии, уже не могли остановиться. Возникла забавная ситуация. Вода не так уж и далеко, а идти за ней отказались. Слово сказано. Тогда я сыграл иезуитскую шутку. – Ну, ладно, ребята, – сказал я, вылезая из-под палатки, – пойду-ка я теперь хлебну глоток холодной воды.

Принёс полную флягу воды. Целых 5 литров. Потом при гробовом молчании смачно глотал воду из горлышка. Вода аппетитно булькала, и этот звук, как видно, острым ножом раздирал сухие глотки зарвавшихся остряков.

Поставил флягу на видное место и лёг спать. Не знаю, убавилось ли воды во фляге за ночь или нет. Во всяком случае, утром воду пили.

В этот день мы взяли билеты на экскурсионный автобус и в 4 часа вместе с группой из 32 человек вошли в здание Севастопольской панорамы.

Ну, что я могу сказать о Севастопольской панораме, этом замечательном произведении живописи? Гигантское полотно высотой 14 метров и по кругу 115 метров. Мы находимся в центре, под большим зонтом, похожим изнутри на воронку с отогнутыми краями. Вид с Малахова кургана. На панораме изображён один час Севастопольской обороны 1854-55 г. Схвачен один час многомесячной эпопеи. Словами ничего невозможно передать. Картина яростного сражения. В неё вошло несколько исторических эпизодов, имевших место во время севастопольской обороны. Картина скомбинирована с предметным планом, и часто трудно определить, где макет переходит в живопись. Часть колеса телеги выступает на предметном плане, она сделана непосредственно из дерева, вторая – написана на полотне, и переход абсолютно неуловим. Этот приём, выполненный в совершенстве, создаёт такую иллюзию глубины пространства, что полотно просто не видишь и невозможно даже приблизительно представить его размеры. Приходится верить на слово экскурсоводу.

В нижних этажах здания панорамы по кругу расположены амбразуры, из которых можно рассматривать предметный план панорамы. По стенам – шкафы с военными мундирами, оружием. Макеты минных укреплений.

Вышли наружу. Дождь. Хороший осенний дождь – чрезвычайно редкое явление в засушливом Крыму, особенно в Севастополе. К автобусу мы

мчались, сверкая пятками со скоростью скаковых лошадей. Погрузка в автобус напоминала штурм Малахова кургана русской пехотой, который мы только что видели.

Небо обложило непроницаемой серой пеленой, словно гигантским одеялом. В автобусе было шумно и весело. Тронулись на Сапун-гору. Здесь от автобуса до здания диорамы опять мчались кавалерийской рысью. Долго томились в вестибюле, внизу, среди портретов бородатых героев севастопольской обороны и макетов кораблей. Вездесущий Боря успел куда-то сбегать и набить зоб горячими чебуреками. Где он их достал, мы так и не поняли.

Диорама это, в сущности, кусок панорамы, только другого содержания. Здесь показана вторая оборона Севастополя – 1941–1942 г. Штурм Сапун-горы. Впечатление слабое.

Потом мы экспромтом проехали по городу. Экскурсовод, лысый мужчина с быстрыми острыми глазами, давал объяснения. Голос у него громкий, дикторский. Сзади него стояла его коллега, тоже экскурсовод. Женщина в очках. Когда мужчина что-нибудь забывал, она шёпотом ему подсказывала. Как видно, он играл роль мощного усилителя. Здесь, как и в панораме, задиристый Боря несколько раз нападал на него, когда дело касалось вопросов живописи.

У подножья Малахова кургана нам была преподнесена теоретическая часть темы, добросовестно изложенная женщиной-экскурсоводом. От знакомства с наглядными пособиями все единодушно отказались. Никому не хотелось вылезать из тёплого и сухого автобуса в трясину и лезть ещё 200 метров вверх на курган. Решили посетить индивидуально.

Вот, собственно, и всё.

Палатки мы застали в хорошем состоянии. Вернулись весьма поздно. Дождь всё крапал. Так и заснули под шум дождя.

Сегодня утром всей командой отправились на Малахов курган. Признаться, я ожидал увидеть дикий курган, поросший бурьяном, и наверху какой-нибудь грандиозный памятник. Даже надел кеды, рассчитывая лезть по грязи. Ничего подобного. На вершину ведут аккуратные асфальтовые дорожки. Скамейки, где можно отдохнуть. Асфальт, газоны, много памятников. Центральная башня корниловского бастиона. Наверху – вечный огонь. Аллея деревьев, посаженных разными великими людьми. Орех, посаженный Хрущёвым. Каштан, посаженный Морисом Торезом. И много других.

Света встретила здесь свою бывшую учительницу. Это обошлось мне в несколько кадров.

Дерево, обнесённое отдельной решёткой, одно из немногих деревьев, уцелевших после войны в Севастополе.

С Малахова кургана поехали в Аквариум.

Небольшое помещение. Три зала. Вереница людей движется мимо больших аквариумов, вделанных в стену. Каких только рыб здесь нет! Мы встроились в очередь и медленно двинулись вдоль стены. Вода чистая. Я прильнул носом к стеклу. С той стороны на меня уставилась безобразная колючая тварь, бессмысленно вытаращив глаза. Пасть величиной с хороший кошелёк. Медленно шевелит жабрами, пропуская воду. Голова цвета протухшего яйца. Покрыта какими-то белыми ошмётками. Это скорпена. Морской ёрш. Колючки у него ядовитые. Укол очень болезнен, но не смертелен.

В следующем аквариуме деловито шмыгает кефаль – красивая серебристая рыба, похожая на торпеду. Самая вкусная рыба Чёрного моря.

А это что за смехотворная закорючка? Вылитый вопросительный знак. Только точки внизу не хватает. Верхняя часть напоминает шахматного коня. Это морской конёк. Меткое название. Конёк нервно дёргает своим скрученным в кольцо хвостиком и медленно поднимается вверх.

Здесь же плавают креветки, похожие на маленьких рачков. Они размером с две фаланги мизинца. Прозрачные, мягкие, не защищённые панцирем тела. Под брюшком у них десятка два ножек, похожих на усики. Они часто-часто семенят ножками. Забавный способ передвижения! Поднимаются вверх, будто ползут по склону. Варёные креветки – превосходная закуска к пиву. В Феодосии их продают, как семечки – стаканами. 20 копеек стакан мягких, вкусных красных семечек. По вкусу они напоминают раков, только мясо ещё вкуснее.

В небольшом бассейне посреди зала плавают осетры величиной с ногу взрослого человека; есть и крупнее. Исключительно красивое зрелище! Осетры крадутся по краям бассейна, тыкаясь белыми мягкими губами в шершавые каменные стенки.

Внизу, у самого дна трепыхаются скаты. Чёрный треугольник с длинным, как плеть, хвостом.

В двух последних аквариумах лежат гигантские черепахи с Тихого океана. Одна из них ткнулась мордой прямо в стекло. Чувствуется, что черепахе невыносимо скучно, ей смертельно надоела эта глазастая бесконечная толпа. Ударить бы ластами да уплыть в прохладные синие глубины океана,

да куда денешься – кругом стенки. Хорошо хоть, что ещё кормят, сволочи двуногие. Тоскливо черепахе, вот и лежит она неподвижно, изредка приоткрывая один глаз: может, знакомый попадётся?

В соседнем зале – чучела рыб и морских животных. В банках – заспиртованные кальмары, медузы, акулы. Отплавались, голубчики!

А вот лежит панцирь гигантского рака, только тело более вытянутой формы. По красному цвету панциря видно, что бедняга нашёл свою смерть в кипящей воде. Это лангуст – один из первых деликатесов мировой кухни.

Ещё раз остановились у бассейна. Невозможно оторваться. У меня возникло нездоровое желание нырнуть в бассейн и схватить осетра за скользкие жабры. Я на всякий случай отошёл к выходу, памятуя переправу из Сердоликовой бухты до Планерского, когда, перестав грести, я ни с того ни с сего прямо в одежде нырнул в воду. Непосредственно со скамейки. В новой обстановке часто шальная мысль может толкнуть к действию. Я помню, как Боря тогда веселился. Чуть не выронил в море флягу с бургундским, которой он правил, как рулём.

В этот вечер уже на закате Оля, Боря, Светлана и я направились в Инкерман, где расположен пещерный город-крепость, построенный ещё в VII веке.

5 августа

Вечер. 40 минут до отхода поезда.

Итак, час пробил. Прощай, Севастополь! Даже если бы не было у тебя такого героического прошлого, всё равно я полюбил бы тебя. Может быть, не все члены нашей экспедиции думают так, но я имею право высказать своё мнение.

Город очень неровный, в смысле местности. Дома расположены ярусами. Почти с любой улицы можно видеть в перспективе часть города. Либо в низине, либо на холме. В зависимости от того, где находишься. Как я уже упоминал, в городе почти нет милиции. Но зато много моряков. Их ослепительно белая форма производит очень приятное впечатление.

О, если бы я, к несчастью, был женщиной, я бы безумно увлекался моряками! Я специально приглядывался к морякам. Очень часто попадаются умные, интеллигентные лица. Если лет пятнадцать назад во флот, в основном, шли люди от сохи, то теперь кое-кого отрывают и от рояля.

Да, я остановился на Инкермане.

Сели на катер у Графской пристани. Именно там я записывал события последних дней. Через 20 минут мы сошли на берег и попутным автобусом добрались до Инкермана.

Скалистый массив, переходящий наверху в холмистую, поросшую травой местность.

Внизу, у подножия исполинской отвесной стены – старая церковь. Прямо в скале вырублены комнаты, соединённые коридорами.

По каменной лестнице мы поднимаемся вверх. Лестница кривая. Справа – каменная стена, слева – узкие каменные перила. Всё здесь сделанное человеческими руками давалось с огромным трудом. Лестницы, площадки, ступеньки – всё это также вырублено непосредственно в камне.

Наверху – первый ярус, состоящий из нескольких низких, чуть выше человеческого роста комнат, соединённых узкими проходами. Комнаты имеют проёмы и окна в наружной стене; толщина стены в этом месте не более 50 см.

Здесь пыльно и мрачно. Косые лучи солнца, пробиваясь в амбразуры окон, освещают гладкий, вымытый пол. Кто-то, видимо, регулярно здесь убирает грязь после туристов.

По комнатам с дикими воплями проносится ватага мальчишек. Вот уж где, действительно, можно поорать от души. Они рассыпаются по лабиринту комнат, уходящему в скалу, и с наслаждением воют на все голоса, как злые духи. Гора нервно дрожит от их визга и хохота. Кажется, вот-вот рухнут стены.

Я далёк от мысли быть строгим наставником для детей и никогда им не мешаю, пусть хоть на головах ходят или прыгают с десятого этажа, но когда у тебя торжественное настроение и хочется тишины, то поневоле вмешаешься в детские игры.

Напустив на себя грозный вид, я гаркнул, как бас-геликон: «Тише!». Ребятишки приумолкли, столпились вокруг нас и принялись нас изучать. Уже спокойным голосом я попросил ребят пока не шуметь. Замолчали.

Я поневоле вспомнил нашу саратовскую шпану. Может быть, я слишком преувеличиваю, но уверен, что в Саратове в аналогичной ситуации попытка успокоить ни к чему бы не привела. В лучшем случае тебя начали бы дразнить, как обезьяну.

Потом ребятишки показывали нам всю крепость, объясняли деловито и толково. Приятный глазастый народ и страшно любопытный. Самый маленький карапуз неотрывно следил за моими манипуляциями с фотоэкспонометром, потом не выдержал, встал на цыпочки и заглянул в коробку. Увидел качающуюся стрелку и захлопал глазёнками от удивления:

– Шо это такое, дяденька?

Я, как мог, объяснил.

Мальчишки показали нам дорогу до женского монастыря, посоветовали, куда лучше сходить, а куда вообще не надо; сообщили, что днём раньше со скалы свалился тринадцатилетний мальчик, приезжий.

Глянув вниз из окна, я уже не стал спрашивать, жив ли остался мальчик. Внизу узкая, как ленточка матросской бескозырки, вьётся дорога. По ней ползут люди-букашки.

Как неожиданно и странно умещаются в жизни и огромное горе, и самая большая радость. Я подумал, что в памяти матери неосторожного мальчика эти древние камни останутся как символ ужасного, трагического, непоправимого. Для нас это только история, предмет холодного любопытства. А может быть, для какой-нибудь молодой пары инкерманская крепость станет памятником первой любви, и с нею будут связаны самые приятные воспоминания.

Мы все живём под одним небом, а смотрим на одинаковые вещи совершенно разными глазами. Это естественно, но как часто мы забываем об этом

Я вспоминаю 29 августа, когда я провожал Лолочку.

На симферопольском вокзале к нам подсел незнакомый человек лет 42-46. Он был подвыпивши, и ему очень хотелось поболтать. Поговорили о том о сём, коснулись снабжения городов. Сам он симферопольский. Живёт здесь уже лет 30, не считая войну, когда он был на фронте. Привыкнув к хорошему симферопольскому снабжению продуктами, он никак не мог поверить и в изумлении крутил головой, когда мы ему рассказывали о саратовской дороговизне, об отсутствии многих продуктов питания.

В женский монастырь мы так и не пошли, удовлетворившись осмотром крепости. Поднялись на самый верх. Великое множество пещер, выходящих наружу, на отвесную скалу. Высота такая, что становится щекотно под мышками и хочется скорее лечь на пузо.

Я сел на камень, нависший над самой пропастью. Прямо подо мной – многометровая бездна. Я представил себя на месте мальчика, падающего с этой высоты, и мне стало холодно и неуютно. Здесь можно лететь до самой дороги, не коснувшись стен.

Хорошая панорама Севастополя. Город прячется за холмами. Чистенькие белые домики рассыпались среди зелени садов. Красные крыши. Хорошо видны обе бухты. Яркие сочные краски.

Два дня назад я случайно забрёл в Севастопольскую картинную галерею и посмотрел выставку работ местного художника Мирошниченко. Радостные, сочные цвета. Много синего, белого, зелёного, жёлтого. Очень хорошо показана богатая крымская природа. Приятное впечатление.

В инкерманских пещерах я сделал несколько снимков. Одна из них, прикрытая снаружи острыми зубцами скал, нависшими над входом, мне особенно понравилась. Кольцевой неровный проём в стене. На дне пещеры – отверстие. Это ход вниз. Пещеры расположены группами, сообщающимися друг с другом подземными ходами. Я сфотографировал эту пещеру в момент, когда из проёма в полу показалась голова Светланы.

В Инкерманской крепости во время войны находился штаб обороны. Абсолютно неприступная крепость.

Вчерашний день был последним днём нашего пребывания в Севастополе и вообще в Крыму.

Света потихоньку скулит, вспоминая, что 8-го с утра мы уже должны быть на работе. Жалко расставаться с Крымом. Мы уже успели к нему привыкнуть.

С утра до обеда бездельничали. Купались, загорали. Я писал мемуары. Деловой Ярослав собрал рюкзак ещё утром и был уже в городе.

Боря, как обычно, порхал где-то поблизости и через полчаса вернулся, неся в клюве бутылку ледяной фруктовой воды. Теперь он сидит на одеяле рядом со Светой и поит её водой. Боря у нас добытчик и информатор. Он очень быстро встревает в любую щель и моментально извлекает оттуда пользу либо в материальном воплощении, либо в виде информации.

Я взял ружьё и пошел к морю. Вода была мутная и грязная, как столовский бульон. Рыбы было мало. Волны швыряли меня то вверх, то вниз. Дно то удалялось, то приближалось. На берегу Коля мне говорил, что видел крупную рыбу на расстоянии вытянутой руки. И много. Я ему охотно верю.

Рыба разбирается в людях не хуже, чем люди в рыбе. Это я усвоил из собственных наблюдений. И не только в людях, но и в конструкциях ружей. Пока ты плаваешь с заряженным ружьём, вся крупная рыба прячется под камнями. Меня сначала тоже боялись. Но потом, раскусив, что моё ружьё бьёт по параболе, благодаря косо посаженному наконечнику, рыбы начали открыто надо мной издеваться. Толстенные окуни явно нарочно медленно проплывали перед моим носом вдоль камней, чтобы потом с удовольствием посмотреть, как я , кряхтя и ругаясь в трубку, выпрямляю голыми руками трезубец.

И уж форменное безобразие начинается сразу же после очередного выстрела в скалу. Бычки, окуни, кефаль мгновенно вылезают из своих убежищ и с убийственной неторопливостью прогуливаются перед самым носом.

Черноморская рыба неплохо изучила подводных охотников. Чем длиннее ружьё, тем дальше она от него держится. Короткие киевские пистолеты

игнорирует полностью и в совершенстве отличает новичка от опытного охотника. Наверное, по ластам. По-видимому, наши негнущиеся дубовые ласты вызывают смех в рыбьем царстве. Ими удобно забивать колья под палатку и колоть грецкие орехи, а в воде они служат больше как декоративное украшение и для сбора мидий.

Так и не поели мы хвалёного плова из мидий. Эх, тёмные мы люди! Почти в любом диком месте побережья можно видеть груды почерневших от огня створок этих моллюсков. Остатки пиршеств.

Рыбная ловля на удочку тоже не принесла нам удачи. Рыбу жарили два или три раза. В небольших количествах. Этим хлопотливым делом, в основном, занимался Коля.

Ловят здесь всё на тех же мидий. Без поплавка. На ощупь. Первая попытка наловить рыбы таким способом была предпринята Колей ещё в Сердоликовой бухте. Целый день, от зари до зари, он просидел в море на одиноком камне. Мы изредка смотрели на него в бинокль и каждый раз видели всё в одной и той же согбенной позе. Коля занимался, в основном, тем, что терзал раковины и насаживал приманку. Рыбы ели приманку и удивлялись тому, что не перевелись ещё на свете легковерные рыбаки. Впрочем, один зарвавшийся окунь потерял бдительность, за что и был вздёрнут на крючок. Окунь был торжественно изжарен и после исполнения ритуального танца съеден без остатка.

Коля жаловался на то, что «всё время клюёт, а крючок не глотает». Как я понимаю, крючок с мидией был для рыбы чем-то вроде шашлыка. Мясо можно и нужно съесть, а железку, ну её к лешему, лучше не трогать, а то, неровён час, глядишь, поскользнулся рыбак на камешке и вытащил нечаянно наружу. Тогда и костей не соберёшь. В буквальном смысле.

Во второй половине дня я упаковал рюкзак и поехал один на вокзал. Здесь я оставил рюкзак в камере хранения и, чтобы убить время, направился по адресу, который мне дала Валя Иванова, работавшая вместе со мной. С её мужем, скромным, занюханным Васей, я знаком уже много лет. Они собираются перебраться в Севастополь к её родителям. Она уехала через неделю после нас.

Я не пожалел, что побывал у неё в гостях. Целых два часа слушал её батю – коренного севастопольца. Отличный старик.

Сорвал роскошный обед из трёх блюд с чудесным домашним вином из чистого винограда. При моём отощавшем кармане это была сущая находка.

Очень хорошие люди: приятные, гостеприимные и общительные.

Вечером собрались у вокзала и в 9 часов укатили пригородным поездом в Симферополь. Приехали к полуночи. Расположились в привокзальном сквере на длинных скамейках под густыми деревьями.

Часа через два пришёл человек с наганом и прогнал. Сонные и недовольные побрели обратно. Эх, ты, человек с наганом, вечный недруг туриста! И за что ты так не любишь нашего брата? Как чётко сформулировал один товарищ из Сердоликовой бухты: «Бди. Лучше перебдеть, нежели недобдеть». Знает, знает милиция Козьму Пруткова. Бдит, чёрт бы её побрал. На каждом шагу бдит. Неустанно, денно и нощно.

Вторую половину ночи провели кто где. Мы с Ярославом отошли на квартал и спали, поставив палатки прямо на траве, у каменной изгороди. Остальные – на вокзале, на полу. Потом, встретившись в городе, хвалились, кто лучше спал.

Итак, прощай Крым! Крім, как здесь пищут. До свиданья, Карадаг, Ялта, Севастополь, до свиданья, море.

Сейчас одиннадцать ночи 6 августа. Как-то незаметно пересекли весь Крым, подъехали к парому. Переправлялись минут двадцать. И вот мы уже на территории Краснодарского края. Едем по узкому, длинному перешейку. Справа, в ста метрах, Чёрное море, слева – Азовское. Стоя на берегу Чёрного моря, можно в рупор спокойно беседовать с товарищем, стоящем на берегу Азовского.

Последняя остановка на 40 минут у обоих морей. Все идут купаться. Предпочитают Чёрное.

Я всё пишу и пишу.

Поперёк железнодорожных путей выстроились светофоры. Смотрят на нас красными немигающими глазами. Но вот подцепляют тепловоз; поезд трогается. Синяя полоса моря медленно уплывает в сторону; проходит несколько минут – берег всё ближе подкрадывается к горизонту. И вот уже осталась тонкая, как проволочка, полоска. Вот и она совершенно сливается с горизонтом и исчезает в голубой дымке.

Прощай, море! До новой встречи!

6 августа 1964 года

БАЙДАРОЧНЫЙ ПОХОД ПО РЕКЕ ХОПЁР

(1 июля – 9 июля 1967 г.)

1 июля

Точка. Самое время поставить точку. Конец сборам, остался пустяк – пройти около 200 км от станции Вертуновской до Балашова за 9 дней и постараться вернуться в исходном составе.

Нас девять человек: Лукьянов Олег – это я, Лукьянова Лариса, Наташа Аганина, Юра Домбровский, Юра Макарихин, Гена Петров, Гена Юрин и Лев Семёнов с Олегом Прокопенко. Они выйдут на день позже нас, встретимся через три дня.

Первый же день похода оказался весьма насыщен впечатлениями.

Вчера в 10.46 вечером погрузились в поезд Саратов – Москва.

Самому походу предшествовали довольно бурные сборы. Количество членов группы вплоть до последнего дня колебалось от 5 до 14 человек. Осталось 9, а вышло 7. В самый последний день, когда байдарки были доставлены к вокзалу, выяснилось, что Лев Семёнов пойти не может. Я слегка психанул у него на дому и в его отсутствие. Сам он не нашёл времени сообщить мне об этом. Пришлось переть назад одну байдарку. Поедем трое в одной.

В 3.15 утра сегодня прикатили на станцию Вертуновскую. Выгрузились. Зашёл к дежурному и получил печать в маршрутную книгу. Было почти светло. 1600 метров топали до железнодорожного моста через Хопёр. Мужчины тащили по 40-50 кг, женщины – 15-20. По дороге кормили комариков и думали о туманном будущем, которое нас ожидает.

У моста тихо и мелко. Низкий правый берег и левый, поросший лесом. Расположились лагерем и начали сборку байдарок. Одичавшее комарьё

с радостным визгом набросилось на наши солёные, вкусные спины. Пришлось вымазаться мазями. Комары прониклись уважением и перестали кусать. Вообще у нас много разных мазей от комаров: «Тайга», «Ангара», «Репудин» и даже гвоздичный одеколон. Мощная защита.

Три часа собирали лодки. Из них два часа разбирали, чтобы собрать снова. Бывали несоответствия, когда трубки не сходились на три пальца.

Было, повторяю, рано, и над рекой клубился рваный белый туман. Солнышко только-только начало продираться из-за леса.

Не стали отдыхать и поехали. Байдарки шли легко, хоть и были загружены битком. Течение довольно быстрое. Много осоки.

У деревни Зубриловка – плотина. Пришлось тащить лодки на себе метров 100. А у деревни Бельшино на нас внезапно напала гроза. Оглушила громами и вымочила до нитки. За несколько секунд разразился мощный ливень с иллюминацией. Выскочили на берег, кинулись искать место, где можно поставить палатку – всё мокро, кругом потоки воды. Все вещи в лодках, не завёрнутые в полиэтиленовые мешки, вымокли. Жалкое мы, должно быть, представляли зрелище – босые, мокрые и ошарашенные, без единой надежды найти сухое место, среди грома и молний, в промокших насквозь штормовках. Потом град. Юра поймал градину величиной с воробьиное яйцо и долго смеялся. Почему смеялся? Потому что не поверят дома, что нас молотили по голове такие пилюли. Хороший урок. Признаться, я слегка опешил от такого неожиданного акта со стороны Господа. Легко представить ситуацию: обложной, непрерывный, мордующий ливень, и невозможно поставить палатку, и неизвестно, когда он кончится – через час или через день.

Пару часов такой стоянки – и всю группу можно смело отправлять на кладбище. Морды синие, как у утопленников.

Бог миловал и прекратил спектакль минут через 20. Везение, что ли? Я плюнул и не стал углубляться.

Переправились на тот берег – низкий, поросший ветлой и осокой. Весь вечер сушились. Со стороны походили на цыганский табор – кругом на верёвках тряпки, разбросанные на солнышке вещи.

У Ларисы начинается ангина.

3 июля

Мы у Сорокино. Прошли 27 км от Бельшино. Ларисе хуже. Идём до Турков – 40 км.

Остановились у Перевесинки. Село на крутом правом берегу. Пошли в местную больницу. По дороге я вызвал гнев и возмущение стариков на лавочке своими шортами. Старички долго плевались и выкрикивали что-то обидное.

В поликлинике пропустили без очереди. Невозможно представить что-нибудь подобное в городе; городской больной – любитель свято хранить интересы очереди и мгновенно обнажает клыки при попытке её нарушить. Взяли антибиотики и вернулись назад.

А 1 июля к вечеру погода совсем наладилась. Мы подсчитали убытки от дождя – промокшие палатки (ребята в панике укрывали ими вещи), носки, два-три спальных мешка, рубашки и вся обувь. Послал Генку Юрина и Юру Макарихина в деревню за водкой.

А вечером в соседнем еловом лесочке обнаружены были чудовищные плантации грибов-маслят и рыжиков. У нас в голове не укладывалось, что грибы можно собирать, как цветы, рвать, как траву, а именно так оно и было. За 20 минут набрали два ведра и прекратили сбор, потому что грибы победили нас: их невозможно было бы собрать все ни за день, низа неделю.

На следующий день, т.е. второго, поднялись в 8, в 10 выступили.

Лодки идут хорошо, легко слушаются руля. Река виляет; виляет стрежень за стрежнем от берега к берегу; виляем и мы. Часто попадаются отмели, плёсы. Временами река разбивается на протоки густыми зарослями осоки. Течение здесь быстрое, скорость байдарки достигает 10-12 км в час, только успевай давить педали, поворачивай.

Берега то крутые, то низкие – и правый, и левый. По берегам сидят рыболовы и отвечают на наши вопросы. Много липы, ветлы, осоки, на крутых берегах – сосновые леса. Весь Хопёр утоплен в зелени. Часто попадаются кусты осоки, похожие на шапку водяного чудовища, торчащую из воды. Кувшинки и белые, как снег, лилии жмутся к берегам.

Ребята хищно посматривают на уток и гусей.

3 часа дня. Остановились на обед в 7 км ниже Перевесинки на сухом, не очень крутом берегу у соснового сожжённого леса. Страшные это леса: прямые, как свечи, невысокие сосны густо-густо посажены в геометрически ровном порядке. Земля усыпана высохшей хвоей, и мрак кругом. Голые стволы, сухие и ровные, одни стволы, зелени внизу нет. Кинь спичку – и лес вспыхнет, как порох.

И снова о вчерашнем.

Хопёр открывает за каждым поворотом всё новые и новые свои красоты. Река сильно виляет, попадаются подводные коряги, брёвна. Приходится

быть осторожными. Пока никаких повреждений. А ведь у нас практически нет ничего для ремонта. Всё везут Лев и Олег Прокопенко, следующие за нами на расстоянии дневного перехода. Оставим им на первой стоянке записку с вымпелом.

В пути нас снова настиг дождь. На этот раз действовали дружно и быстро. Предыдущий урок не прошёл даром. Подогреваемые свежими воспоминаниями о вчерашней экзекуции, молодцы мгновенно разбили палатку, вытащили на берег и перевернули лодки с вещами. Пересидели и пошли дальше. Ночевали ниже деревни Сорокино, ниже устья похабненькой заросшей речушки Ерик.

Опять, сгибаясь под тяжестью байдарок, лезли вверх по песчаному склону. Ночевали над обрывом на песке.

Рыбак, сидевший на берегу напротив, мрачно пообещал, что нас сожрут гадюки. Место было, действительно, типично гадючьим – песок и множество кустиков мать-и-мачехи. Но гадюки не явились, и ценные кинокадры не были сделаны.

Еды у нас великое количество. Держим в одной лодке в большом целлофановом мешке.

Ритм жизни такой: в 9.45 выходим, с 12 до 3.30 – обед и ещё пару часов пути, потом стоянка.

Пытались как-то ловить рыбу бреднем, но вытащили пустую сеть.

А что до грибов, то из них вышел такой жирный суп, что ложка не тонула (преувеличение). Супу нажрались от пуза, как выразился Гена Юрин, и боюсь, что последнее (т.е. пузо) долго ещё их не будет принимать. По-моему, тарелка такого супа в столовой обошлась бы не меньше двух рублей. Было сварено ведро грибов. После ещё жарили грибы и ели на следующий день; так и не доели – выбросили.

В Перевесинке купили крупных яиц по какой-то несуразной цене – 4 коп штука. Не смешно ли? Стакан газировки.

8.30 вечера 3 июля

К одной из нелепых черт человеческой натуры относится неумение ценить вещи, окружающие тебя. Человек радуется найденному гривеннику и не испытывает ни малейшего сожаления об утрате мира музыки, которого не обрёл, красоты природы, которую не видел, запаха борща после дня ходьбы без единой крошки во рту и многих других разных вещей. Многое потеряли и те, кто не пошёл с нами по той или иной причине.

Остановились ниже села Красный Яр на правом берегу. Ну, красиво, чёрт возьми! Опять же в квадрате, в кубе, в энной степени. Как-то я уже писал о подобных впечатлениях.

Хопёр разлился чёрным зеркалом на 150-200 метров. Берег и отражение не отличаются друг от друга. Так и хочется ступить ногами на эту блестящую поверхность и пешком пройти на ту сторону. Но я не Иисус и не Фрези Грант и по воде могу ходить только на вёслах. Кстати, по ориентировочному подсчёту каждому человеку надо сделать 160 000 взмахов веслом, чтобы дойти до Балашова.

4 июля

Вчера ночью дошли до Красного Яра. Гена Петров и Наташа отправились за жратвой и принесли бесплатной картошки и чего-то ещё. Уже второй раз дают за так. В первый день вечером нас напоили молоком, колхозным. А так как оно не продаётся, то списали за счёт телят.

Местечко я уже описал.

В 10.30 вечера со стороны реки замигал фонарик: приехали Лев Семёнов и Прокопенко. Дружно в несколько глоток исполнили туш в честь героев неслыханной гонки. В последний день ребята прошли 50 км. У Льва, однако, хватило энергии после ужина распевать песни, чем очень Лев тронул наших женщин. Пели песни по алфавиту, дошли до буквы «И» и не нашли подходящей песни. Легли спать.

Да, забыл. Вчера же пробовали идти под парусом. Макарихин и Юрин шли целый час под своей цветастой тряпкой. Наша лодка оказалась несчастной: ветер дул, пока я ставил парус, и потом стихал и начинал снова дуть, когда я снимал его. Жёсткая ткань обволакивала мне уши и глаза, а весло стучало о мачту. На соседних лодках весело ржали, глядя на мои упражнения. Говорили, что я похож на коня со шторками у глаз, чтобы не пугался.

Сегодня остановились у дома отдыха Бабинки (дом отдыха это такое место, где люди полагают, что они отдыхают: пляж – ларёк – столовая – ларёк – пляж; читай сначала).

Пошли играть в волейбол и бессовестно продули, то ли от незнакомой ситуации, то ли от лени, то ли от оригинальных местных правил: при подаче любой мяч, приземлившийся на поле, правильный. А так как кругом много деревьев, то варианты получались, понятно, весьма неожиданные: мяч ле-

тит в аут, отскакивает от дерева – сваливается на голову ничего не подозревающему третьему номеру.

Подсчитали продукты и деньги. Денег на еду 20 рублей, продуктов на два дня.

Сегодня день бритья, набрили не менее килограмма первосортной разноцветной щетины.

Завтра день отдыха, а ребята рвутся дальше. Привычка к движению даёт себя знать. Гребём уже профессионально. Жрём тоже. Снимаемся табором за 35-40 минут. Медленно.

Попадаются заводи, покрытые лилиями. Жадная Лариса не позволяет рвать.

5 июля

Вчера четверо уехали в Бабинки или Бабёнки, как мы их называем, и привезли оттуда полрюкзака резаного хлеба и двух девушек. Из них одна хорошенькая. Лёва пел, как соловей: с чувством, нужным надрывом, со слезой. Ночевали с нами. Холодище был лютый. Лариса и Наташа до утра торговали гусиной кожей, несмотря на мощный слой одежды и спальные мешки.

Впереди 100 с лишним километров.

2 часа дня

Проехали Турки. Перенесли лодки через плотину за 10–15 минут. Очень близко. Выкупались. Купили кое-какие продукты. С хлебом плохо. Нету. Нет и в Турках. Лариса окончательно выздоровела. Лев, напротив, слегка даёт дуба. Насморк.

Ниже Турков Хопёр значительно сужается и дичает. Крутые берега, покрытые лесом. Часто попадаются пляжики. Много коряг, и течение приличное. Приходится держать уши на макушке. Без руля здесь нечего делать, в два счёта повиснешь на коряге. Берега подмываются рекой, и местами вдоль берега лежат наполовину в воде большие деревья.

После вчерашнего концерта, протянувшегося до 2-х часов ночи, сегодня встали поздно и за 40 минут дошли от плотины до Бабёнок.

Народ стал поопытнее. Гребут ловко. Лежим на песочке, ждём Льва и Олега. Боюсь, как бы не сели на корягу.

Относительно экипировки. В такой поход обязательно брать спальные мешки, штормовки и резиновые мешки, не говоря уж о палатках и тёплых вещах. Хорошо иметь вместо штормовки непромокаемый плащ.

Появились Лев и Олег. Идём дальше.

3 часа дня.

Хопёр начинает кусаться. Лев сломал руль, а Макарихин и Юрин пропороли бок. Клеют, касатики. А мы готовим обед.

Льву на рули не везёт. Отличный руль был у него уведён на вокзале в Саратове, когда они зачем-то перебирали байдарку.

Коряг изобилие. Здесь они не хуже нильских крокодилов: сидят под водой и ждут жертву с той разницей, что на Ниле их истребляют, а здесь насаждают. Чёртовы рыбаки втыкают свои палки на середине реки и ставят сети. Не начать ли грабить сети в знак протеста?

Хлеба почти нет. Жрём синие обкрошенные куски, выпрошенные в бабинском доме отдыха. Там ими откармливают поросят и, как видно, туристов.

Погода стоит отличная. Кучерявые добренькие облачка (впрочем, готовые окрыситься в любую минуту), голубенькие лоскуты неба, лёгкий ветерок, тёплая морщинистая водичка, прозрачная у плёсов и темно-зелёная на глубоких местах у обрывов.

Лев лежит в тени и молча даёт дуба. Что-то капает в нос.

Трещит костёр. Народишко копошится у лодок, считает продукты. Рядом в траве проползла чёрная змея толщиной в три пальца. Проползла мимо, не стала с нами связываться, мы тоже не стали придираться.

Обедаем на ласковом песчаном плёсе. Шёлковый песочек, чистая вода и декорированные дремучей древесиной берега.

Лариса – ходячий справочник по ценам на продукты, что облегчает подсчёт будущих затрат.

Нажрались пшённого супа. Ха-ароший суп: сполоснул котелок – и чисто.

Лёв в угнетённом состоянии. Если не доживёт до Балашова – схороним на высоком берегу среди сосен с подобающими почестями и оставим надгробную надпись: «Здесь юноша знойный лежит, певец и бродяга, погибнувший смертью ужасной от насморка злого».

Едят. И опять слышится стереотипный текст: «Вот пройдём немного, и обязательно нужно забрести». (Имеем дырявый бредень с мотнёй, в которой может запутаться и бегемот). Много и со вкусом говорится об ухе, которую надо бы сварить. Пятый день говорится. Рыбу пока видели один раз – у рыбака. Почти каждый вечер на берег направляется рыболовецкая бригада, вооружённая удочками и, видимо, нагоняет такого страха на рыбье царство, что рыба со страху не клюёт. Тем не менее, не теряем надежды на хороший улов. Вчера выловили с килограмм разносортицы, но продержали в моём котелке, засыпав травой, в течение дня. Рыба начала смердеть, и её

пришлось выбросить, после чего во время еды котелок ещё долго издавал нежный запах далёких воспоминаний о первом удачном улове. Давлюсь, но ем, поскольку другой тары у меня нет.

6 июля

А народишко в СКБ-5 в настоящий момент чиркает карандашиками по бумаге. Почиркает – идёт набивать желудочки, питаться. Мы тоже чиркаем, только вёслами по воде, и не питаемся, а жрём.

До Балашова 50 км и два с половиной дня.

Сегодня опять на устах звучала старая фраза: «Побродим», вернее: «Забредём». Забрели. После нашего заброда дно реки заметно очистилось от водорослей, а что до рыбы, то счёт в её пользу 26:0.

Как справедливо заметил Лев, мы живём в счастливое время – ещё много мест, не загаженных народным хозяйством. Боюсь, что, если стиль работы в нашем отечестве не изменится, то ко второму пятидесятилетию фатерланда реки типа Хопра превратятся в заросшие, смердящие болота. В прошлом году огромное количество рыбы в Хопре было уничтожено браконьерами, но не теми, что бьют острогой (не те масштабы), а бековским или ещё каким-то сахарным заводом, который спустил в реку какую-то дрянь.

Стоим на плёсе. Сейчас подъехал Гена Петров. Он оставался на быстрине ловить щук. «Огромные щуки, своими глазами видел». 3:0 в пользу щук. Стоим ниже Летяжевки. Сегодня будем в Падовском санатории, а оттуда до Балашова 40 км.

В Падах должен отдыхать Денисов – главный инженер нашей конторы. Нанесём визит вежливости.

7 июля

Сижу, пися в лодке, тьфу! Пишу, сидя в лодке. Нас трое в одной лодке: Гена Петров, я и Лариса. Впервые за весь маршрут отдыхаю.

Приближаемся к Падам.

Вчера выползли из Аркадака в 10 часов утра с намерением остановиться у Падовского санатория, расположенного отдельно на левом берегу и показанного на карте.

Первую стоянку на обед сделали в 2.30 ниже Летяжевки на чистеньком, приятном плёсе. Стояли три часа и в 5.30 тронулись. По моим подсчётам, Падовский санаторий должен быть через полтора часа на расстоянии

8 километров, но когда мы спросили у первого же рыбака расстояние до санатория, он сказал, что осталось 15 км. Я позволил себе усомниться, а через полчаса ходу другой рыбак на такой же вопрос дал чёткий и недвусмысленный ответ: «Двадцать». Я нервно засмеялся. А когда ещё через полчаса один добрый человек заявил, что «до Падовского санатория идти – глаза на лоб вылезут», у меня, действительно, полезли на лоб глаза и вернулись на место к 10 вечера, когда выяснилось, что мы проскочили искомый санаторий и прём прямо на Пады и почти подошли к Падам, и что на карте Летяжевский санаторий нагло назван Падовским, и что мы за день прошли 35 км.

Сейчас, пока писал, сели на мель. Сошли благополучно.

Я пишу, сидя в середине лодки и укрывшись штормовкой, чтобы не капало с вёсел, и местная общественность, стоящая по берегам реки, спрашивает: «Что за мешок везёте?» На что я поднимаю голову и дерзко кричу: «Труп!»

Эту ночь провели на одном пляже с одной туристской парой из Балашова, идущей вниз на собственной байдарке.

Хопёр красив в этих местах: быстрины, где трудно стоять уже по пояс в воде, большие заводи, покрытые мелями величиной с ладонь. Огромное количество лилий. Кувшинки. У деревень важно плавают уточки и гуси и при нашем приближении с воплями разбегаются, то есть расплываются в стороны; ужи, птички разноцветные. До Летяжевки было великое множество коряг. Птичка на воде – коряга; если вода просто клубится – пучок водорослей или осоки, которые обволакивают рули и мешают грести. Поперечная, длинная волна, как порог, – наиболее опасная вещь – бревно, лежащее поперёк реки у самой поверхности. У бревна могут быть сучки, которые вмиг раздерут лодку. Много поваленных деревьев. Река готовит множество неприятных сюрпризов, но она и предупреждает о них, нужно лишь быть внимательным.

8 июля

Опять пишу, сидя в лодке.

До Балашова около 20–22 километров.

Вчера состоялся прощальный бал километрах в 10 ниже Падовского санатория. Жгли большой костёр. Сидели на расстоянии 8–10 метров от костра...

Днём вчера встретились в Падах с Денисовым. Закупили хлеба. Продукты на исходе, а оставшиеся деньги истратили на бал.

Сейчас только что рыбак сказал, что до Балашова 40 километров. Юра Домбровский чуть не выпал из лодки – по карте-то 20 километров. Врёт рыбак и не смеётся.

9 июля

И снова колёса. Проехали Аткарск, приближаемся к Саратову. Стёкла вагона покрыты оспинами дождя. Хмурый день. Путешествие заканчивается. Итак, около 200 километров по воде на байдарках пройдено.

БАЗАРНЫЙ КАРАБУЛАК – НОВЫЕ БУРАСЫ

21–24 июля

Нас трое: Хользунов Толя, Лида Харламова и я.

Прилетели в Карабулак по очереди. В 2.15 дня вылетел я и через 30 минут был на месте. Самолётик маленький, 12-местный с двумя крыльями. Трепало, но самочувствие было приличное.

Карабулак – крупное село – 8-10 тысяч человек. Есть неплохие магазины и даже собственный ресторан, где ещё не научились воровать и по неопытности готовят недорого и вкусно.

Купил продукты и улёгся спать на улице в тени, изумляя прохожих.

В 6.30 вечера прилетели Толька и Лида. Тронулись. Совершили налёт на огород. Накопали молодой картошки 2–3 кг. Пошли на север и остановились на ночь километрах в двух от пионерского лагеря. Место красивое, берёзы, осины. Здесь берёт начало речка Карабулак. Водичка чистая и холодная. Есть запруда. Температура воды 12–13 градусов.

Спал ночь отвратительно. До трёх утра не мог заснуть из-за дурнотного состояния от вчерашней попойки, имевшей место у меня дома.

Сейчас утро. Свежо и солнечно. Тишина.

22 июля

От пионерлагеря «Ласточка» пошли на юго-запад и через полтора часа мотаний по оврагам вверх и вниз вылезли к железной дороге на расстоянии 17 километров от железнодорожной станции Бурасы. Слева от дороги растёт смородина и крыжовник. Сейчас только сварили компот, бросили также диких яблок. Получился божественный напиток тёмно-рубинового цвета с совершенно потрясающим вкусом.

Остановились у деревни Алексеевка, рядом с родником «Лёгкий». Вода чистая, холодная и какая-то действительно лёгкая: пьёшь и не напьёшься.

Природа пока не особенно удивляет. Много сосны. В оврагах и на склонах сосны высокие и прямые, как свечи. Много саженых хвойных лесов.

Опять стоим недалеко от пионерлагеря «Зеркальный», и опять эта гнусная отрыжка цивилизации – радио оскверняет божественную тишину. Дик и тёмен человек, если не умеет ценить эту тишину. Пойти поджечь лагерь, что ли? Может быть, выключат? Или подпилить столб, на котором висит репродуктор?

23 июля

Стоим в Алексеевке. Купим жратвы и пойдём дальше.

АРХЫЗ – ДОМБАЙ – СУХУМИ

1967 год.
Степень сложности – горная двойка

5 августа

Ростов. Сзади гремят поезда, впереди торчит шпиль вокзала.

Сижу, прислонившись к не очень чистой стене, на каких-то задворках привокзальной площади. Солнышко тусклое. Площадь поганая. Настроение выжидательное.

Сегодня в час дня прибыли из Саратова. Около 70 человек едет от облсовета на Кавказ. В нашей группе 9 человек. Запишу-ка фамилии на всякий случай:

1) *Ремизов Николай* – руководитель группы
2) *Бугреев Анатолий* – завхоз
3) *Семёнов Лев Константинович*
4) *Евтюхин Володя*
5) *Скобелев Толя*
6) *Шелест Надя*
7) *Кузьмина Вера*
8) *Кастерина Неля*
9) *Лукьянов Олег* – лицо пока без определённых занятий, в прошлом инженер-конструктор

Снаряжение богатое: новенькие, со скрипом туристские ботинки, новенькие, с запахом фабрики спальники и абалаковские рюкзаки; роскошная капроновая верёвка, которая в состоянии удержать всю нашу группу вместе

с рюкзаками; ледорубы, штормовки, потрясающие брезентовые утиль-штаны приблизительно 70-го размера и многое другое.

Штаны ещё дома я ушил не глядя сантиметров на двадцать, и теперь в них могут влезть уже не три, а два человека, а если обернуть один раз и подвязать верёвочкой, получится совершенно не пробиваемая роба на одну персону.

Облсовет распространил свои щедроты так далеко, что полностью оплачивает весь поход, за исключением обратной дороги. Мир вам, добрые люди!

Итак, как я уже сказал, настроение выжидательное. Предстоит закомпостировать билеты до Черкесска, и смогут ли инструкторы выжать из касс такую тьму билетов на сегодня – пока неизвестно. Имею при себе кинокамеру «Спорт». Пытаюсь вести съёмку.

9 часов вечера. Две группы уехали. Остальные сидят.

Подходил один парень, харьковчанин. Только что с Кавказа. Говорит, что погода гнусная: дожди, снег. На перевалах минус 7-11. Кажется, придётся лезть к чёрту на рога, если только Худяков пропустит. Худяков уже там. Знакомится с условиями.

У Володи нет штормовки. Забыл дома. Весело, а?

Ростов – город пыльный и пьяный, типа Саратова. Повертелись в центре. Похлебали омерзительных щей в какой-то кормушке, выпили квасу. Квас здесь водянистый и сладкий.

6 августа

Сидим в Черкесске на вокзале. 32 человека. Остальные уехали ещё вчера. Командоры договорились относительно автобуса. Через 40 минут выезжаем в Архыз.

Вчера выехали из Ростова в 12.45 ночи. Посадка была хлопотливая. У вагона толпилось много народу. Мы полезли в соседний. Остальные штурмовали 5-й вагон.

При посадке произошёл инцидент с лёгким мордобитием, который я пропустил, толкаясь в это время в тамбуре соседнего вагона. Садилась небольшая группа цыган. В давке кто-то кого-то из цыган толкнул. Тот, не разбираясь, приложился к челюсти одного из наших ребят. Тот потерял

равновесие и упал вместе с тридцатикилограммовым рюкзаком. Цыгану этого показалось мало, он замахнулся ногой. На его цыганскую беду, рядом оказался командор Ремизов,- по-моему, кандидат в полутяже – и недолго думая, отправил цыгана кувыркаться через мешки. Потом мы тихонько дрожали за Колину судьбу, боясь появления скорой помощи и милицейской повозки. Пассажиры в вагоне с уважением покачивали головами, поглядывая на взбешённого Колю, который долго не мог ещё успокоиться от этакой неслыханной цыганской наглости.

Были на реке Кубани. Стремительная, весёлая, мутная. Скорость потока 10-12 км в час. Ширина метров 200. Всем вспомнились байдарки. Это было бы роскошное путешествие.

Выкупались, если можно назвать купанием стремительное движение вдоль берегов по кипящей воде. Река не даёт опомниться. Жадно ждёт, пока ты погрузишь тело по пояс, и тут же срывает и волочёт вниз на расправу. Вода холодная.

Вечером наняли автобус и отправились в Архыз.

Было уже темно, горы тонули в чёрной глубине, и только самые вершины чётко прорезали тёмно-синее небо бесконечной ломаной линией. Высыпали звёзды. Чистые, яркие.

Ехали три часа. Последний час – по горной дороге. Слева, в бездне, глухо ворчала река, справа нависли скалы.

Два раза останавливались и расчищали дорогу от камней. Завалы произошли совсем недавно, после проезда первой группы.

И к 12-ти ночи приехали в Архыз. В темноте полыхали костры. Повсюду бродили парочки. Любовь и горы! Это, конечно, незабываемо.

Палатки. Много палаток. Остановились на относительно ровной, но сырой поляне. Ночь была тёплая.

7 августа

Продрали глазки и как следует осмотрелись. Справа корявая, неуклюжая гора, покрытая лесом; впереди вершины с пятнами ледников по склонам; слева тоже гора, а внизу, в нескольких десятках метров от нашего лагеря беснуется река. Быстрая, мутная, вечно бурлящая. Что можно сказать о ней? Горная река.

Место оживлённое. Кроме нас, довольно много народу. Группа каких-то белотелых товарищей бегает под руководством инструктора. Неуклюже

строятся и под резкую команду инструкторы прячут животы и поворачивают головы..

Через час-полтора выступаем на Софийский ледник.

9.30 вечера

Горят костры. Разбились лагерем в 2-х километрах от Софии – рядом с ледником, на берегу реки София. В лагере 13 палаток и 65 человек. Сегодня произошла смычка с первой половиной отряда.

Прошли 15 км и основательно подвыдохлись. Потом сбежались тучки, и начал накрапывать дождишко. Укрылись полиэтиленовыми плёнками и продолжали идти.

Горы, горы, горы. Шли тропинкой. Крутые светло-зелёные склоны, покрытые тёмно-зелёными пятнами леса. И облака. Лежат на склонах, ниже гряды, как маленькие куски ваты, словно закрывая раны. Белесые, рыхлые, прохладные облака.

Горы прекрасны, как прекрасна сама природа, а ведь горы – это одна из лучших её симфоний. Здесь всё удивительно гармонично, величественно, даже гордо. Гордо своей независимостью от человека. Вот какие мысли вызывают горы. А лучше, что могут дать горы, это вода. Вечным кипящим потоком она мчится по дну ущелий. Она кажется мутной, эта грохочущая вода, но муть мгновенно исчезает, если налить её в кружку. Воздух выходит наружу, и вода становится чисто, как слеза.

Чертовская энергия падающей воды. Упадёшь в реку – и ты as good as dead. Пока сообразишь что к чему, тебя изобьёт о камни, оглушит, зальёт лёгкие водой. Сегодня мы были свидетелями того, как река обращается с неосторожными.

У Софии, к которой я пришёл с мокрыми насквозь ногами, первым отрядом была подготовлена переправа через реку. Что такое переправа через горную реку, даже такая несложная, как эта? (ширина река 10-15 метров). Через реку в узком месте переброшено бревно. По обоим берегам стоят по три парня (за отсутствием деревьев) и со страшной силой натягивают толстую капроновую верёвку, перебросив её через реку. По бревну по очереди переходят люди, один за другим, с обязательной подстраховкой с берега второй , вспомогательной верёвкой, привязанной к так называемому карабину – колечку, движущемуся по основной верёвке, а уже к карабину крепится за пояс идущий. Идёшь мелкими шажками по скользкому бревну. Сзади тянет рюкзак порядка 30 кг, внизу беснуется река. Нужно сделать 20-25 шагов, держась за натянутую верёвку. Не так уж много. И река вроде бы неширокая.

Однако один товарищ ступил на бревно недостаточно прочно и, сделав несколько нетвёрдых шагов, потерял равновесие и упал в воду. Воды было по колено, и он решил перейти вброд, держась за ствол левой рукой. Его пытались остановить, но он пошёл. Тогда ребята сильно натянули верёвку. Но едва парень оказался по пояс, как лютое течение мгновенно опрокинуло его, и он оказался на дне вместе с рюкзаком. Он пытался высунуть голову, но ледяная вода делала своё чёрное дело быстро, по старинному рецепту. Ему заливало лицо, уши, глаза. Из пены, клубившейся вокруг него, высовывалось перепуганное белое лицо, взметались вверх руки, но рюкзак тянул ко дну. В общем, типичная картина утопления.

Река яростно набросилась на жертву и не выпускала её. Не будь шнура – гроб, не выбраться ни за что. А шнур образовал галочку. По берегам его держали, а в центре река тащила человека.

Я на всякий случай добежал до середины бревна, сел верхом и со страшным усилием подтянул шнур с парнем к себе, выровняв его. А с берега его уже вытащили, как вытаскивают сома. Река сорвала с него штаны до колен, растрепала волосы, и вид у малого стал такой сдвинутый, что после того как напряжение момента спало, все начали ржать. Утопленник тоже…

Завтра Софийский ледник. Всё. Ночь. Выключаю фонарь.

8 августа

– Чтобы посмотреть, как цветут эдельвейсы, – так ответил один альпинист одному обывателю на вопрос: «Зачем вы лезете в горы?»

Наверное, это самый точный ответ. С точки зрения чистой логики, абсолютно бессмысленно лезть на гору, если можно не лезть. Однако где ещё увидишь эти божественно чистые, синие-синие озёра, будто подкрашенные ультрамарином, зелёные склоны, усыпанные яркими цветами, и здесь же рядом, в серых ущельях, снежные мосты над белыми, как зубная паста, горными потоками, прорезающими себе путь сквозь камни.

Однако всё это не объяснишь честному советскому обывателю, поэтому на приведённый выше вопрос, задаваемый, как правило, с иронической улыбкой, даёшь какой-нибудь малозначительный ответ.

Сегодня в 8 часов утра после завтрака весь личный состав нашего лагеря выстроился в каре на центральной полянке. Солнце уже тронуло вершины гор, и они порозовели. Небо было, как водится, голубое, воздух соответственно «чист и свеж, как поцелуй ребёнка», настроение приподнятое.

Начальник лагеря Кузнецов объявил о выходе в горы для прохождения тренировки по скалолазанию. Облачились в штормкостюмы, взяли ледорубы и еду на один раз и налегке выступили, оставив человек 10 дежурных. Шли по довольно крутой тропинке вверх по склону. Несколько раз переправлялись через неширокие весёлые горные ручьи. Шли по пояс голые, подставив спины солнцу.

Потом лес кончился, и мы выбрались на совершенно открытый участок склона, густо поросший травой. Кругом было много цветов. Потом цветы кончились, пришлось идти по застывшим камневым потокам. Камни. Кругом камни весом от нескольких граммов до нескольких тонн. Светло-серые шероховатые гиганты, покрытые ярко-зелёным лишайником, настолько прочно вросшим в поры, что невозможно отскоблить даже ножом.

Часа через полтора вышли к горному озеру, питаемому несколькими ручьями. Вода чистая, синяя и очень холодная; по берегам в нескольких местах – снежники. Один из снежников обвалился в озеро, и белая поверхность его окрасилась изумрудом с синевой. Что-то уж очень красиво. Даже не верится, что так может быть.

А ещё через полтора часа довольно трудного для меня движения по крутому каменистому склону мы выбрались на вершину. Кругом горы, и совеем рядом, а на самом деле весьма далеко. Покрытая снежной шапкой – София.

Здесь у озера нас ждал отец саратовского туризма, мастер спорта Худяков Дмитрий Сергеевич.

Опять построение в каре.

Руководители групп рапортуют о прибытии, и Худяков начинает говорить.

Невысокий, подвижный, быстроглазый, смеющееся лицо. Симпатичный человек.

Говорил он мало, но сказал много:

– Все эти построения и рапорты – не пустая формальность. Горы требуют дисциплины, и вы должны к ней привыкнуть. Горы не прощают ошибок, и не дай Бог кому-нибудь из вас познакомиться с ними в том варианте, когда приходится организовывать спасательные работы.

Так или приблизительно так начал он свою речь. Рассказал о рельефе. О снежниках и ледниках, о характере препятствий, встречающихся в горах. Немного пошутил, немного припугнул. 100 человек в год – вот цена, за которую горы соглашаются отдать свои владения людям. 100 зарегистрированных смертельных случаев в год по Союзу. А сколько незарегистрированных? В общем, горы вызывают почтение.

Потом карабкались по скалам со страховкой. Учились вязать узлы. Занятия были прерваны дождём. Собрались тучи, поблекли краски, камни быстро потемнели. Даль заволокло серой пеленой. Скалы стали мрачными и холодными, как в иллюстрациях Доре к «Божественной комедии».

Двинулись обратно. Через полчаса спуска на склонах появились рододендроны. Восковые цветы с розоватым налётом изнутри чашки, опалённые снаружи, у основания, ярким пятнышком рубинового огня. Твёрдые тёмно-зелёные листья, продолговатые и гладкие. Нарвал букет.

Дождь шёл какой-то нудный, вялый, но достаточно въедливый для того, чтобы наши штормовые костюмы смогли основательно промокнуть.

Шли по тем же камням и травянистым склонам. Тропинку размыло, и все часто поскальзывались. Мои отриконенные копыта сослужили мне хорошую службу. Возвращались другим, более коротким путём, поэтому имели возможность увидеть склон, по которому карабкались утром. Многие с недоверием качали головами – не ошиблись ли? Круто взмывающая вверх каменная поверхность, кажущаяся отсюда почти отвесной, и кругом сатанинское нагромождение из каменных монстров. Обман зрения – наклонная плоскость, если смотреть на неё прямо, естественно, проектируется на вертикальную.

Для справки: наш лагерь, в который мы возвращались, находится на высоте 1.600 метров, а занятия проходили на 2.900. Следовательно, за три с половиной часа мы поднялись на 1.300 метров. Не ожидал я от своих куриных лёгких такой прыти.

Кое-кому из нашей команды, например, Володе, такой темп кажется детским. Тренированный марафонец, кандидат в мастера и большой любитель «уделать любого на одной ноге» остался недоволен. (– Ну что это за ходьба – только разгонишься, земля кончается). Да, земля, действительно, то и дело кончается обрывами и крутыми склонами, которые приходится либо обходить, либо брать с известной осторожностью. На мой взгляд, смелость – нормальное качество человеческой натуры, не менее заурядное, чем, допустим, бережливость, внимание и т.п. Трусость – результат извращённого воспитания. В горах же, тем более, смелость не должна выделяться среди прочих, так сказать, «рабочих» качеств характера, необходимых для горного похода.

Я неоднократно слышал, что люди боятся идти в горы, наслушавшись рассказов о жертвах лавин, камнепадов. Всё это так, но надо внушить себе, что смелость в горах необходима так же, как, допустим, две ноги, рюкзак, осторожность, между прочим, и всё будет в порядке.

9 августа

Завтра выходим. Лежу и дрожу от страха – у меня лёгкая температура и нос мокрой тряпочкой. Результат перехода из Архыза с мокрыми ногами по ледяной воде. Я бы, разумеется, не заболел, если бы во время переобулся и съел чесноку, но «человеку свойственно ошибаться».

Весь лагерь ушёл в горы на снег – для тренировок. Остались только дежурные, 9 человек, я в их числе. 14 человек с Любавиным и Фешиным отправились в Архыз «за кормом», как выразился Володя в рапорте дежурному инструктору.

Опять состоялась переправа через Софию по тому же бревну. Мы страховали. Любавин ловко бегал туда и обратно через реку, перетаскивая рюкзаки и едва держась за натянутый реп-шнур (не уверен, что правильно написал это слово), сделав таким образом около тридцати рейсов и сэкономив минут 20 времени. Потом быстро перешли прочие. Просалютовали друг другу и разошлись в противоположных направлениях: мы – в лагерь, они – в Архыз. Завтра вечером они догонят нас в каком-то ущелье (не помню названия).

Трудно поверить, что речушка шириной всего 10–12 метров – могила для того, кто в неё упал без верёвки. Однако это так. Ещё до войны в такой же реке – Баксан утонула альпинистка Вера Флёрова, а совсем недавно Баксан проглотил пять человек, выпрыгнувших из машины, когда под той затрещал мост. Их трупы, вернее то, что от них осталось, обнаружили в 60 км ниже места происшествия.

Тьфу, чёрт побери! Прочёл сейчас предыдущие страницы – опасности, срывы, утопленники. Скажи, какой герой нашёлся – цену себе набивает. Ну, не буду, не буду. Гораздо приятнее писать о красоте гор, об их удивительном проникновении в душу человека.

Мне кажется, что человек, прошедший, скажем, по маршруту четвёртой-пятой категории сложности, – всё равно, что прожил вторую жизнь: настолько велик объём впечатлений, несравнимо велик по сравнению с рутиной повседневной городской жизни.

Шум снаружи палатки. Люди вернулись с гор. Линейка. Слышна команда: «Равняйсь!» Считают пришедших. Инструкторы докладывают о результатах. Всё.

10 августа

Выходим. Идём на Софийское седло. У меня температура 37,2. Надул врача, потому что пути назад нет. Пусть совесть её будет спокойна.

Рюкзаки тяжёлые. Господи, помоги сыну твоему грешному!

8.15 вечера

Прошли. Опять лагерь, в долине реки Кызгыч. Сизый дым костров в сером небе. Стук топоров. Ели кругом. Гигантские седые ели. Седина, как паутина, свисает с хвои, облепляет стволы, придавая лесу сказочный вид. И опять по расписанию дождь. Мелкий, редкий, нудный дождь. Быстро темнеет.

Утро было ясное. Прошли вверх, вдоль правого берега реки Софии, до снежного моста. Здесь река ныряет под слежавшийся грязный снег толщиной около 1,5 метров в середине, образовавшей, так сказать, мост. В сечении мост имеет форму вогнутой кривой. Перешли со страховкой.

Перебрались в палатку. Едим при свече. «Брезентовый неуют», одним словом. Лев терзает гитару в ожидании супа.

Дождь. В палатку набился народишко. Нажрались, как поросята, теперь слушаем музыку. Лев сидит как турок в углу и солирует. В центре горит свеча.

Должен сказать, что это сааме седло дорого мне далось. Высота 1.900 метров. Учитывая высоту нашего лагеря, подниматься всего 300 метров по вертикали.

Стоп. Допишу завтра.

11 августа

Утро. Сижу на берегу голубого ручья с кружкой дымящегося чая и пишу. Чёртова моя работа. Зачтётся ли она мне на том свете? Ко всем передрязгам бродячей жизни плюс ещё тетрадь с ручкой, к тому же сломанной и посему протекающей.

Итак, Кызгыч и ещё множество ручьёв. Ручьи голубые и мелкие. Говорят, что их голубизна от известняковых пород, сквозь которые они протекают.

Продуктовая команда ещё вчера вернулась из Архыза. Хлеба нет. Ну, что ж, будем жрать кору. Остановились они на противоположном берегу Кызгыча ниже нас на 3-4 км. Поэтому рано утром из лагеря отправилась команда для организации навесной переправы. Это значит, будут в привязанном за пузо состоянии переправляться по верёвке. Ну, очень, очень романтично до тех пор, пока не свалишься в воду.

Сушимся. Вообще сушка вещей – самое популярное занятие в этом походе. Кругом натянуты верёвки. На верёвках висят вещички. Костров не видно за заборами из тряпок. Вокруг ходят люди и скучают.

Долина Кызгыча весьма живописна. Круто спадают склоны гор, поросшие лесом, и останавливаются, оставляя реке ровную ложбину шириной километра два. Склоны нарезаны поперёк вьющимися нитками ручьёв, образуя таким образом ряд независимых выпуклых массивов. Вверху, если следовать по Кызгычу, видна закованная в ледяную броню Маруха, через которую мы должны перевалить.

Должны. Я начинаю тихо икать при мысли об этом, памятуя вчерашнее восхождение на 300 метров. Арифметика нехитрая: совершена работа (30 + 80) кг на 300 метров = 33 000 кг/м, а так как мы спустились на 1 км, то имеем в запасе 80 000 – 33 000 = 47 000. Даже больше, чем затратили. Так сказать, имеем запас.

Только я почему-то дышал, как только что пойманный заяц. Вспомнил я на подъёме В. Саранова, уменьшившего объём моих лёгких до трёх литров, и пожелал ему не вылезать из тюряги ещё многая лета.

Моё насморочное состояние горы вылечили лучше любого врача. Большая банка поту на подъёме – и температуры как не бывало.

На полпути к седлу нас стали нагонять сердитые тёмные тучи, обещая хорошую головомойку. До седла по склону оставалось метров 400. Пустяк. Но на подъёме иные масштабы. Идёшь мелким медленным шагом длиной в полступни, поэтому расстояние удлиняется многократно. Идёшь медленно, не торопясь, медленнее, чем на похоронах. По камням, по снежникам, по траве и видишь только, пардон, задницу впереди идущего. Медленно двигающиеся половинки оной. Горами не любуешься. Как-то некогда, недосуг. Была у меня мысль – вешать на пятую точку впереди идущего хорошие фото с видами Кавказа и периодически их менять. Получишь хорошее представление о красоте, которая тебя окружает.

Настиг нас дождь у самого седла. Набросили на себя полиэтиленовые плёнки. Преотличная, незаменимая в горном походе штука, должен я заметить.

Ребята шли хорошо. Я оказался самым слабым звеном. Сели отдохнуть. Мимо нас медленно, как в замедленной киносъёмке, прошла гуськом спасательная команда во главе с Худяковым.

Приятный человек Худяков, должен я сказать. Сангвиник по темпераменту, прост в обращении. Легко разговаривает с любым, отвечает на все

вопросы тоже как-то легко, концентрируя внимание на собеседнике, кто бы он ни был, словно боится и тени подозрения в зазнайстве. Эрудированный и хорошо знающий горы человек.

Я уже неоднократно убеждался, что квалифицированные, подлинные туристы – это очень порядочные и твёрдые люди.

В общем, туризм – школа мужества, особливо когда пытаешься добыть продуктов на турбазе для «дикой» команды.

Кто бы знал, с какой скорбью я спускался с высоты 1.900 метров на высоту 900 метров. Отдать за так, собаке под хвост, целых 1000 драгоценнейших метров по вертикали.

Спускались по размытой тропинке, по мокрому, поросшему травой склону крутизной градусов 40-45. О, если бы человечество переводило на градусы углов таких вот склонов, оно бы заметно улучшило свою породу.

Трикони сэкономили мне много сил. Они прочно вгрызаются в скользкий склон, обеспечивая устойчивое динамическое равновесие. У Нади Ремизовой, шедшей в туристских ботинках, от частых поскальзываний вся нижняя часть покрылась землёй, и если бы мы не остановились, то, полагаю, на ней начал бы прорастать мох.

Спуск продолжался 3.5 часа. И вот, наконец, мы вышли к Кызгычу, к условленным баракам. У бараков стояли палатки, прямо под навесами. Мы шли последними и отстали от основной группы на полчаса.

Из барака вышел румяный бородатый человек с чем-то вроде блесны в левом ухе и с приятнейшей улыбкой осведомился, не саратовцы ли мы, и, получив утвердительный ответ, заметил, что «вот уже часа два, как с гор прут одни саратовцы», и высказал предположение – уж не к дождю ли это. Затем он направил нас вверх по течению, сказав, что там остановились наши.

Прошли в ботинках несколько бродов. Меня вёз на спине Лёв, за что ему было обещано любимое сухое вино в городе Сухуми и выражена благодарность от лица всего прогрессивного человечества.

Пока всё. Перепачкался в чернилах по уши. На руки стараюсь не смотреть.

6 часов вечера

Сегодня в два часа дня я чуть не совершил роковую ошибку в моей жизни. Чуть не отказался идти на Чёртову мельницу.

Итак, по порядку.

Вышли налегке, оставив в лагере дежурных. Пересекли множество ручьёв, продираясь сквозь заросли берёз и каких-то кустов. Потом полезли

на склон и оказались в плену у первобытного леса. Это был в точности лес, описанный в «Руслане и Людмиле»: «Там чудеса, там леший бродит…»

Крутой склон, сплошь поросший лопухами величиной с ухо индийского слона и папоротником. Высоченные в два обхвата сосны почти не пропускают солнечный свет. Идёшь по мху, по трухлявым поваленным стволам. Пружинит нога, твёрдой почвы нет. Весь лес завален гнилыми стволами, через которые постоянно приходится перелезать. Кто-то к месту заметил, что не хватает леших и кикимор.

Сырость, сырость под ногами. Мох, сухие сучья. Моя узкоглазая кинокамера не в состоянии передать эту доисторическую красоту. Приходится запоминать.

Густые заросли. Прёшь вниз и вверх, раздвигая мокрые ветки, без ориентира, без тропы. Через полчаса нашли наконец тропу и быстро двинулись вверх. После вчерашней тренировки на «седле» идти было легко. «Дыхалка» работала, как хорошо отлаженный механизм. Я был приятно удивлён этой лёгкости. Ну, о воздухе я не говорю – это само здоровье.

Наверное, миром правит всё-таки несправедливость, если одним дано жить в этом раю, дышать этим воздухом, иметь полное материальное изобилие, а другим работать в течение года в закупоренных каменных зданиях, дышать чёрт знает какой вонью и к тому же производить для этих самых счастливчиков материальные ценности. Здесь можно жить до полутораста лет и жениться, прожив век!

Группа сильно растянулась. От нас в выходе принимало участие пятеро: Лев, Неля, Толя, Володя и я. Остальные по разным причинам остались в лагере.

Я непрерывно трещал камерой.

Вышли к водопадам. Река мчится по камням с высоты несколько сот метров, образуя на уступах водопады. Всего около десяти водопадов, каскад водопадов.

У подножья одного из спадов я встал прямо посередине реки на камнях и попросил одного парня запечатлеть на киноплёнку.

Прошли ещё немного по лугу, густо поросшему травой выше плеч. Множество цветов. Горные колокольчики ярко-сиреневого цвета. Каждый величиной с мизинец. Прочный стебель тянется вверх из травы на двухметровую высоту, вынося гроздь цветов к солнцу.

Посидели на каменном завале. Внизу, глубоко в ущелье, шумит река, извивается, ныряет под снежные мосты, исчезает в пещерах и уходит далеко-далеко к подножию сизых гор.

Посидели минут 15 и тронулись назад, так и не найдя этой самой «мельницы». Наша группа в пять человек шла последней. Мы отстали, потому что я задержался с перезарядкой камеры, и нам крупно повезло: только нам одним удалось увидеть Чёртову мельницу.

Вот как это произошло. Шедший впереди Володя («уделаю всех на одной ноге») вдруг что-то сумбурно прокричал своим сипловатым, приятным голоском. Мы остановились и увидели его внизу по склону среди деревьев. Он не своим голосом орал, пытаясь перекричать шум реки: «Сюда! Все сюда!»

Склон был крутой, градусов 60, и густо порос берёзками.

Мы спустились вниз по ступеням, вытоптанным в земле, уйдя таким образом от тропинки метров на 70, и увидели нечто такое, что просто онемели от изумления. Святая святых природы, несусветно грохочущая красота – Чёртова мельница.

Тупоголовые кретины, иронизирующие над людьми с рюкзаками, даже вы, «любящие баб да блюда», были бы ошеломлены тем, что мы увидели.

Мрачный каменный колодец неправильной формы, диаметр трудно определить – может быть, несколько десятков метров. Стены колодца выпирают острыми камнями, образуя своды и пещеры, и сверху из узкой каменной теснины с бешеным, именно бешеным, рёвом рвётся вода и падает вниз, на самое дно колодца и, не найдя выхода, кипит, взрывается голубым паром. Внизу, в трёх-четырёх десятках метров под нами – адово голубое пламя; кажется, что горы дрожат, не выдерживая удара тысячетонной струи. Какое-то судилище, десятый круг Дантова ада. Котёл для грешников.

Мы по очереди спустились на каменный карниз шириной в полметра-метр, расположенный на отвесной стене колодца, прямо над кипящим котлом. Справа от нас вырывается тугая голубая струя и, разбиваясь в мелкие брызги, падает вниз. На карнизе уместилось только трое; приходилось быть очень осторожными. Смерть слева – всего в одном шаге. Долго стояли потрясённые, уходили именинниками. Неля заметила, что, если бы знала, что это такое, возможно, побежала бы, не задумываясь, ещё раз.

В лагере, где мы рассказали об увиденном, нам просто позавидовали и всё: к сожалению, слова – первобытный способ передачи чувств, иначе бы через пять минут после нашего прихода в лагере не осталось бы ни одного человека.

Всё. Завтра штурм Марухи, высота выше 3000 метров.

Помоги мне, Боже милосердный. Только бы не упасть на полдороге! Нагрузка всё увеличивается по мере возрастания выносливости. Черти инструкторы всё время ведут на пределе. Не дают полюбоваться горами на ходу.

12 августа

Караул! Темнеет. Никак не хватает времени. Я слегка соврал вчера. Маруха ещё впереди.

Сегодня прошли перевал Бугайчай. Высота ~2900 м, поднявшись таким образом на 1600 метров.

Подъём в 6 утра. В 8.30 выход. Прошли несколько бродов прямо в кедах, по колено в воде и выбрались на правый берег Кызгыча. Вода холоднючая, кусается, как бешеная собака; шли потом по какой-то трясине в общем минут 45 с мокрыми ногами. После короткого подъёма сменили обувь.

Погода весь день стояла прекрасная. Чистое голубое небо и горячее горное солнышко. Довольно долго шли вверх по склону, поросшему лесом. Много препятствий. Шли бодро. Посидели у основания горы Бугайчай среди дикого великолепия гор, потом полезли вверх, предварительно уничтожив крупный кусок сала и пару банок шпрот.

Наша группа шла последней. Шли хорошо, сказалась тренировка предыдущих дней.

Посидели у снежника. Этакая роскошная картина: ослепительно белый снег, а на снегу голые люди в разноцветных купальных костюмах. Кое-кто спустился вниз по снежнику на корточках. Солнце жжёт спину, а под ногами искрящийся снег.

Наиболее интересными были последние 200-300 метров штурма.

Перед нами встали горбатые, корявые скалы, похожие на хребты бронтозавров. Позади многокилометровая бездна, впереди взмывающие вверх скалы. В общем, классическая экзотика гор.

И вот мы на перевале. Сидим в седле, в узком проёме горного хребта. Великолепие вокруг непередаваемое. Позади София, покрытая снегом, впереди – отделённая от нас долиной двуглавая Маруха, покрытая ледником. И вдалеке сжатое горами чёрное озеро. Оно искрится на солнце тысячами, миллионами белых огоньков. Можно себе представить эту картину: чёрная вода, сжатая в каменном кулаке великана, и пляшущие искорки. Озеро ниже нас метров на 200.

Горные хребты покрыты снегом и белыми, как снег, облаками. Облака ниже и выше нас: кругом облака, как короны над царственными главами вершин.

Неля заметила, что для полноты картины не хватает демона, витающего в пространстве над скалами.

Центральный Кавказский хребет. А мы сидим на высоте 2.900 метров и глазеем по сторонам. Склоны гор покрыты травой; кое-где зелёный

покров расступается, уступая место узким и длинным полосам снега. Снег здесь влажный и какой-то искрящийся, живой.

Мы потратили много времени на остановки у снежников и поэтому значительно отстали от отряда. Наверху в консервной банке оставили записку о прохождении перевала. Спускались со страховкой. Николай бросил вниз основную верёвку, и мы по очереди осторожно прошли вниз на грудной обвязке и схватывающем узле.

Весьма интересный узел. Охватывает основную верёвку этакой втулочкой и свободно скользит по ней. В случае если загремишь, твоя страховочная верёвка резко натягивается и узел мёртвой хваткой впивается в основную верёвку. Ещё одна жизнь честного советского человека спасена.

Потом мы шли без страховки. Спускались мы метров 600. На полпути подошли к крутым скалам, спускаться по которым весьма опасно. Девочек спустили на страховке. Затем спустили рюкзаки и потом сошли сами. Николай заметил, что, если бы Худяков (начальник спасательного отряда) видел наш спуск, он бы поставил ему, Коле, чудовищную клизму – Худяков отвечает за наши бесшабашные головы.

Скалы, как волчья пасть: торчат из тела горы острые каменные клыки, и внизу бездна. Идёшь с карниза на карниз.

Пока мы нянчились с переправой вещей, на гору спустились облака, перспектива исчезла, пространство замкнулось, оставляя для обозрения всего 100-150 метров. Всё остальное утонуло в молочном тумане. Долее шли сквозь туман по предательскому каменистому склону, страхуясь ледорубами и самодельными альпенштоками. Время от времени срывались и ехали вниз на заду.

Внизу у лагеря, у самого берега реки, нас встретил Худяков. Кажется, он был нами недоволен. Сегодня вечером будет большая клизма после ужина.

13 августа

Только что вернулись с занятий на снежнике. Штаны мокрые, настроение отличное (штаны мокрые от снега, прошу не путать).

Ну, что мы там делали под двуглавой горой на высоте ~2500? Учились ходить по снежному крутому склону с ледорубами. Идёшь вверх, пардон, враскорячку, врубая в снег ледоруб с каждым шагом. Склон длиной метров 400-500, внизу камешки, корявые такие, как рашпиль. Попривыкли, обнаглели и начали учиться падать. По указанию ведущего инструктора, сзади идущий неожиданно сбивает тебя с ног – скользишь вниз на брюхе по мо-

крому снегу, ощущая животиком и коленками твёрдые колдобины; втыкаешь ледоруб клювом в склон, останавливаешься.

Мне поручили пихать Толю Бугреева. Иду сзади. Толя инстинктивно косит глазом, ждёт; а нельзя – надо неожиданно. Пытаюсь подойти – Толя инстинктивно прибавляет шагу. Теряю терпение, хватаю Толю за ногу, ан нет – Толя уже на брюхе.

Потом Лев, как царь зверей, подаёт героический пример: падает сам, летит кувыркаясь вниз и в точном соответствии с теорией тормозит метрах в пятнадцати ниже.

Я тоже от души покувыркался, отчего сильно промокли мои брезентовые порточки, особливо, опять пардон, на заднице и коленках. Исключительно полезное для здоровья занятие. Там за хребтиной людишки греют животики на пляжах, а мы здесь в середине августа ползаем по снегу. Ну, не здорово ли?

Вот сейчас посмотрел на гору Маруху и на снежник, на котором тренировались. Большое, бесформенное белое пятно среди серой массы скал. Снега здесь много. Плавные, изящные линии, вогнутые, текучие, как будто застыла, обратилась в снег вода, внезапно вылитая с неба из гигантского котла. Снегом забиты все расщелины, все углубления в скалах. По причине этого снежного изобилия к вечеру в долину стекает холодный воздух, и ночью можно вполне дать дуба, если плохо оденешься.

В нашей группе (условное название «дистрофики») половина народу либо хлюпает носом, либо ходит с температурой Хорошо, что здесь нет бактерий, дышим рафинированным воздухом. Те, что с температурой, постепенно как-то исцеляются, то ли от страха, что их прогонят вниз в долину, то ли ещё как-то. Вылечиваются. Я, например, совершенно выздоровел, только кашляю, как старый хрен на пенсии. Безвредно. Самочувствие на «5». Живёшь на 200%, один день такой жизни идёт за десять суконных, однообразных дней в городе. Что даёт человеку город? К пятидесяти годам полтора десятка хронических болезней и право величаться по имени-отчеству; ну, ещё виды на пенсию.

Человек, как это легко заметить, всю свою грешную жизнь тратит на то. чтобы сорвать побольше удовольствий при минимальной отдаче. Те, кому это удаётся, постепенно пресыщаются, а следовательно, духовно стареют.

Здесь, в горах (и в этом, я бы сказал, философский смысл туризма) человек отдаёт огромную массу сил и энергии и начинает остро воспринимать простые естественные потребности, данные ему природой. Я даже пиво не пил с таким удовольствием, как чистую и холодную горную воду.

Здесь вообще всё стерильно и чисто. Даже самые горы, словно написанные кистью гениального художника на бесконечном голубом холсте, кажутся чистыми, как будто тщательно вымыт каждый камешек, каждая травинка.

Ох, и красивая же это долина! Особенно в сумерках.

Мы находимся в середине гигантской каменной чаши. Ближние невысокие горы уже черны, и за ними светятся в лунном сиянии снежные вершины, светлые, словно сотканные в воздухе, и непередаваемого оттенка вечернее небо. Оно постепенно переходит от едва розоватого на западе в бледно-фиолетовый на востоке. И из-за острого каменного клыка выглядывает яркая серебряная горбушка луны.

Возвращались со снежника весело и быстро.

При переходе реки Безымянной каждый бросил в воду камень. Получилось несколько горок из камней.

Я перепорхнул, как пташка. Прошли легко, за исключением одного малого. В тот момент, когда гонт перепрыгивал на следующую горку, какой-то дядя из стоящих на берегу не глядя швырнул булыжник и угодил прямо в ботинок идущему. Тот брыкнул ногой и упал в воду. Вылез сам. Много ржали. А глупого добросовестного дядю, бросившего камень, не нашли. Застеснялся.

Сегодня ели баранину. Купили барана.

14 августа

Зима. Зима в середине августа. Сидим прямо у Марухского ледника, под Кара-Кайским перевалом. Высота около 3000 метров. Над горами сизые тучи, капает дождичок, что-то в стороне погромыхивает. Палатки стоят на камнях морены. Кое как подготовили площадку. Впечатление будто лежишь на булыжной мостовой.

Слева перевал, и прямо от перевала огромной дугой идёт горный хребет во главе с Кара-Каем, и всё пространство между ними горной стеной занято ледником. Великое снежное поле.

В километре от нас на снегу стоит лагерь гляциологов (боюсь, опять наврал в написании). Живут они роскошно, мы смотрели в бинокль. Полярные палатки с двойными стенками, бочки с горючим. Их высадили сюда с вертолёта.

Сегодня ночуем на морене. С ледника тянет лютым холодком. Что будет ночью – не представляю.

Гена Кузнецов обстоятельно объяснил мне, что такое морена.

Ледники, сохранившиеся с последнего ледникового периода, постепенно тают, сползают, теряют толщину и оставляют на склонах гор камни, которые когда-то несли в себе, а в нижней своей части, в так называемом языке, камни лежат поверх ледника. Это и есть моренные отложения.

Мы находимся на боковой морене Марухского ледника. Если посмотреть вдоль ледника вверх, то можно видеть, что склоны гор по обеим сторонам, начиная с некоторой высоты, покрыты серым каменным одеялом вплоть до самого ледника. Выше идут либо скалы, либо зелёные склоны. Эта серая пелена показывает старые границы ледника, границы тысячелетней давности. Скальные твёрдые породы, много гранита. Идёшь по центральной морене и видишь под камнями лёд. Иногда лёд выбивается наружу, и острая грань его сверкает на солнце бриллиантовым блеском. Узкий пылающий лучик.

Толщина ледников на Кавказе сравнительно невелика: две-три сотни метров. Это как бы застывшие в веках реки, лежащие в междугорьях на высоте выше 2.500 метров. Отсюда берёт начало много ручьёв, которые стекают в долины, соединяются и образуют те самые стремительные горные реки, которые нам столько раз приходилось переходить.

Ручьи, протекая по склону под ледником, вымывают в фундаменте последнего длинные ледовые коридоры, которые выходят наружу из языка ледника. Размеры выходов невелики, у здешних ледников – приблизительно 2 метра.

Моренные отложения, находящиеся под такими коридорами, иногда продавливают свод, и камень рушится вниз. Не дай бог человеку оказаться в такой момент рядом. Каменная мясорубка сделает из него фарш.

Ледяные гроты, образуемые у выхода ручья, имеют весьма тонкую крышу; на ней лежат здоровенные камни. Стоять под таким сводом не рекомендуется: крыша может сломаться и тогда… камень слишком твёрдая штука для человеческого черепа.

Дров в долине не было. На морене тем более. Вчера мы с большим трудом нарубили берёзок, растущих на склонах ущелий, и сегодня принесли их с собой на морену. Каждый нёс килограммов по 7-8 дров.

Костёр разводить на такой высоте весьма трудно: чувствуется недостаток кислорода. Вода, как точно установил Лев, кипит здесь при температуре ~ 90 градусов. Отсюда прискорбный вывод – суп как следует не сваришь. Будем лопать манную кашу.

И вот, пока писал, опять вылупилось солнце. Тучи как-то быстро, словно стесняясь своего дурного поведения, отодвинулись в сторону от Марухи, высвобождая приличный лоскут голубого неба.

Меня в горах больше всего удивляет эта вот контрастность. Горы – это существо несовместимого, это гармония контрастов. Яркий свет – и глубокие, чёрные тени. Крутые, взмывающие вверх скалы – и зелёные долины, подчас ровные плато. Снег – и рядом трава; голые скалы – и доисторические дремучие леса. Горячее горное солнце – и холод ледников. И наконец, грозные грозовые тучи – и небо, чистое, голубое утром и совершенно непередаваемых оттенков вечером. И многое другое. Не удивительно, что раз оказавшись в горах, человек всю жизнь потом стремится сюда. Только души примитивные и лишённые воображения могут остаться глухи к красоте гор.

Полчаса назад вернулись с моциона по леднику, о котором я писал. Кстати, рельеф гор – стена полукругом и в середине ледник – напоминает цирковую арену и поэтому зовётся цирком.

Итак, посмотрели мы этот цирк вблизи. Снаряжались капитально: штормовые костюмы, трикони, ледорубы, основная верёвка. Николай за отсутствием триконей надел «кошки» на свои туристские ботинки. Шли цепочкой, связанные основной верёвкой, на расстоянии 10 метров друг от друга. Я шёл в связке первый, Лев – замыкающим.

Попадались неширокие трещины в теле ледника, глубиной до самого склона, на котором лежит ледник, много метров вниз, и стенки сходятся. Перепрыгивали.

Длина ледника 4 км, ширина около 1,5 км.

Вчера ребята были на Марухском перевале; меня оставили дежурить. Вернулись довольные.

На перевале в 1942-43 г шли ожесточённые бои. До сих пор лежат человеческие кости. Много всевозможной солдатской утвари: заржавленные немецкие зажигалки, бритвы, жестяные коробки. Много немецких консервных банок – и ни одной нашей или американской. Что же ели наши ребята на этом перевале? Ведь дров там совершенно нет. Кругом снег. Нашли несколько гранат без взрывателей. Заржавленные гранаты образца 1933 года. Видать, уже не смогла подняться рука, которая должна была их бросить. Неля принесла в лагерь человеческую челюсть, нижнюю. Совершенно целые зубы, только одна аккуратно сделанная пломба. Предположили, что челюсть арийская. Обладателю её, видно, было едва за 20. Пацаны убивали пацанов за дикие, бредовые идеи. Их уже давно нет, а горы всё стоят и будут стоять ещё тысячелетия, и неизвестно, сколько ещё бредовых идей возникнет за это время в человеческих мозгах и сколько ещё людей будет уничтожено за их вознесение.

На перевале стоит памятник нашим солдатам, погибшим на Марухе. А минут 20 назад совсем рядом с нашим лагерем кто-то нашёл целый ящик заржавленных мин с взрывчаткой и взрывателями. Будут думать, куда их деть. Местные пастухи говорят, что до сих пор время от времени на минах рвутся овцы.

Завтра перевалим Кара-Кай, а послезавтра – Домбай, крупный международный лагерь. Будет днёвка.

15 августа

Не будет днёвки в Домбае. Сегодня задержались у вершины Сулахат.

Сегодня утром подъём был в 5.30. Я же проснулся ещё раньше, оттого что под кожей спины циркулировала холодная газированная вода.

За 45 минут весь лагерь собрался, позавтракали всухомятку и пошли краем ледника на Каракайский перевал. Было холодно, как зимой. Я надел все имеющиеся в наличии тряпки.

Поднялись по снежнику до седла вместе с солнышком. Перевал классифицируется как 2а, но прошли мы легко, так как заранее подошли к морене. На перевале немного посидели, поглазели по сторонам. Раннее утро вообще наилучшее время дня, а на высоте 3 км оно чудесно в квадрате.

Горная цепь. Один из хребтов весьма похож на лежащую на спине женщину; впрочем, при наличии воображения его можно принять за что угодно, хотя больше он похож именно на женщину с распущенными волосами. Особенно голова. Что касается груди, то, если корявый бугор, находящийся ниже подбородка можно принять за женскую грудь, то только отвергнув классические каноны.

На перевале есть невысокая скала, а на скале оригинальный обелиск, поставленный в 1966 году туристами Ростсельмаша. Из бетонной полусферы тянутся вверх три трубки, на концах которых лежит чаша, а в чаше пластмассовые, в красную крапинку лепестки вечного огня. Высота обелиска около 1 метра. На полусфере, то есть металлическом основании обелиска, выгравированы слова: «Дальше было некуда, дальше было небо, и они остались здесь, чтобы отстоять землю. Не спрашивайте их имён – люди ушли в бессмертие».

Худяков, имеющий сверхширокоформатную камеру, сделал несколько эффектных снимков. На переднем плане – люди у обелиска, а вдали панорама гор.

У нас фоторепортёрские обязанности лежат на Толе Бугрееве. Толя где-то скитался в это время, и прямолинейный командир Ремизов, редко

выбирающий тропинки в густом лесу словесности, время от времени громко призывал Толю в довольно солёных выражениях, вызывающих смех у сидящих на скале. Наконец, «эта клизма на пороге коммунизма» появился и сделал несколько кадров.

Минут через 10 тронулись вниз, через узкий проём в каменной стене и дальше, по снежному склону.

Я оглянулся назад. Скалы чётко вычерчивали ломаную линию на фоне совершенно удивительного цвета неба. Это был какой-то тёмно-синий, свежий, с примесью фиолетового, цвет. Такое небо я видел только на цветных фото в журнале «Америка» и полагал, что это фототрюк. Неправдоподобно синее, почти ультрамариновое пространство, чистое, без малейшего пятнышка.

Через час спуска зима сменилась весной, а затем и жарким горным летом. Пришлось сменить форму на летнюю. Появились травы, цветы. Густой, влажный, пряный запах, даже немножко душный.

Спускались по шееломной тропинке среди сосен и камней. Надолго запомню я этот спуск. Крутизна склона до 60 градусов, и среди сосен – каменные осыпи. Сосны сдерживают поток камней, идущий с гор, и камни нагромождаются в живописные кучи. Острые, как клыки, торчат они из тела горы. Неосторожное движение – камень срывается и мчится вниз.

То и дело слышатся крики: «Камень! Камень!». Громкость крика пропорциональна размеру камня. Вот в несколько глоток раздаётся по лесу, как эхо: «Камень!» Мимо, шагах в десяти, со скоростью снаряда проносится увесистый, как поросёнок, булыжник и с тугим звоном ударяется о ствол дерева.

Долгий и утомительный спуск. Ноги горят от мозолей, сверху сыплются камни из-под ног идущих. Ступаешь осторожно, стараешься не задевать эти обидчивые камни, памятуя одно из золотых правил альпинистов: «Не тобой положено – не тобой взято». Спускаешься, страхуясь альпендрыном, как его называет Ремизов, или ледотыком – у кого что есть. Прижимаешься к каждому стволу, как к любимой женщине.

Часа три спускались мы по этому капризному склону, и всё время сверху сыпались камешки. Иногда кое-кто поскальзывался на крутом месте и с огорчённым стоном сползал вниз. Вот уж когда люди мёртвой хваткой цепляются за любую ветку.

Основательно все устали. У многих от напряжения дрожали колени.

Мой рюкзак казался мне тяжёлым, как кабан, хотя весил не более 20 кг. На особо опасных местах он иногда кивал в сторону, приглашая проехаться вниз. Приходилось урезонивать с помощью этого самого альпендрына, то

есть простой палки. Почти ложишься на склон, втыкаешься в землю между камнями.

Кое-кто за время этого спуска ухитрился набрать грибов. Но что за толк от грибов, которые растут на стенках? Наверное, нудно было довольно основательно полазать по этим склонам, чтобы набрать приличное количество грибов.

И вот, наконец, матросы Колумба заорали там, внизу: «Земля!»

Мы вышли в долину реки Сулахат. Вся долина завалена камнем, и среди камней – изобилие ручьёв и речушек, которые вливаются в Сулахат. Это настоящий лабиринт речушек. Вдоль края долины, у леса, мчится, ворочая камни, бешеный, мутный Сулахат, и параллельно с ним следуют речки-помощницы, речки-секретари, речки-заместители – такие же быстрые и мутные, как их шеф.

Переправа через этот лабиринт оказалась довольно трудным и долгим занятием. Шли вброд, со страховками. Опять ледяная вода, сводящая ноги. Идёшь с палочкой поперёк потока, держишься одной рукой за верёвочку, натянутую через реку, другой щупаешь дно. Ни черта же не видно.

Наиболее интересной была переправа через последний стремительный и широкий приток Сулахата.

Ширина метров 40. Опять верёвочка, но самостоятельности больше. Если упадёшь – вытащат, но ведь мокрого же с головы до пят. Вода хватает за ноги, старается утащить. Идёшь враскорячку, как подвыпивший матрос.

Когда настала очередь нашей группы, я переправился первый и приготовился к киносъёмке. Девочки прошли хорошо, но, когда в воду ступил Толя Бугреев, я понял, что это товарищ обречён: слишком неуверенно он двигал ногами. Кажется, я угадал точно. Толя клюнул в воду именно там, где я ожидал. Пока Толя весьма картинно двигал ручками и ножками, пытаясь удержать голову над водой, я трещал камерой. Безусловно, опасности для жизни не было, но были интересные кадры, которые невозможно было упустить.

Вытащил Толю руководитель отряда Г.Кузнецов, и долго ещё Толя выжимал воду из штанов, подштанников, носков и т.п., что также было хладнокровно зафиксировано мною на киноленту.

Сулахат перешли, слегка балансируя, без страховки по толстенному бревну, переброшенному через реку. Двенадцать часов без пищи.

Сейчас только кончили ужинать и повеселели. Манную кашу слопали с таким вкусом, как будто это был по меньшей мере крем-брюле.

Завтра до полудня валяем дурака. Вечером поднимемся опять на морену уже перевала Сулахат (3.400 метров). Послезавтра возьмём Сулахат

и спустимся в Домбай, а так как день потерян из-за переправы, то дневки, по-видимому, не будет.

16 августа

Стоянка у перевала Сулахат.

Слышится традиционное объявление: «Девочки гуляют вниз, мальчики вверх». Как ни забавно. Но с «М» и «Ж» обычно начинается лагерь. Иначе могут произойти неожиданные, нежеланные встречи.

Сегодня с утра до двух дня бездельничали. В два часа дня выступили и за 1,5–2 часа поднялись метров на 800 вверх, под самый перевал. Прошли удивительно легко и быстро. Никакого сравнения с первыми днями похода. Я приехал сюда ремарковским «ходячим кладбищем бифштексов», а сейчас начинаю походить на 100% мужчину. Научился правильно дышать, от других не отстаю.

Сейчас мы на высоте ~2.800 метров, на зелёном лугу, у истока какой-то чистой, относительно спокойной речки. Палатки выстроились в ряд вдоль ручья – 13 штук. Целый городок. Позади нас вверх взмывает каменная стена, и на середине её, метрах в 100 над нами лежит здоровенный каменный мамонтище, как раз против нашей палатки. Общественность сильно веселилась по этому поводу, показывая пальцами, как плохо держится камень на крутом склоне.

Сулахат возвышается треугольной громадой над горным хребтом, как голова исполина, и к толстой её шее словно привязан белый галстук – длинный узкий снежник, а по обеим сторонам головы белые плечи – Сулахатский ледник и снежник. Высота перевала 3.100. Подниматься будем по галстуку и через правое плечо. Завтра спускаемся в Домбай и будем думать, как добраться до Сухуми. Дальше решили не идти – слабые перевалы.

В нашем отряде три кинооператора, и все трое липовые, я полагаю. Хорошо если из всех киноматериалов удалось бы набрать минут на десять приличных лент. Как я сегодня обнаружил, один кинолюбитель давно уже заправляет плёнку наизнанку, то есть эмульсией внутрь от объектива и полагает, что всё в порядке. У Гены Жвачкина, известного среди туристов собирателя песен, барахлит камера. У меня отказал экспонометр. А на Кара-Кайском перевале забастовали от холода все три камеры. Мы собирались вместе, колдовали над нашими механизмами, дышали на батареи, но камеры молчали. Лучшие кадры остались неотснятыми.

Так вот, наше путешествие подходит к концу. По сложности и трудности оно не идёт ни в какое сравнение с нашими прежними вылазками по Сара-

товской области. Здесь работаешь весь день и получаешь отличную физическую подготовку. Здесь отдых – не самоцель, как в лёгких маршрутах, а, как говорится, суровая необходимость, без которой не сделаешь и шага дальше. И это, конечно, далеко не всё.

Среди нас есть ребята, для которых этот поход – прогулка, и они пошли, чтобы получить руководство. Люди ходили по «пятёрке», а это пока находится за пределами моего воображения.

И опять шумит река. Здесь, в горах, трудно уйти от этого шума. Тихо только на перевалах. В предыдущем лагере, например, шум, издаваемый Сулахатом и его эскортом, был так велик, что уже на расстоянии 3-4 метров приходилось разговаривать громким голосом.

Но это безвредный для нервной системы шум. Я бы сказал, целебный шум, под него легко засыпаешь и крепко спишь.

17 августа

Сидим на Северном приюте, куда приехали из Домбая.

Первый гнилой выдох цивилизации: за стоянку берут по 20 копеек с души. Костры жечь не велят. Дружно плюнули на запрет и приготовили ужин.

17 километров по шоссе до Клухорского перевала. Завтра поедем на машине до перевала, дальше пешком 25 км до Южного приюта.

А попали мы сюда следующим образом.

В 6 утра вышли на перевал Сулахат (3.400м). Погода быстро испортилась, и мы лезли вверх по скользкому мокрому снегу. Капал гнусненький дождичок. Даль заволокло туманом. Подъём был для меня очень тяжёлым. Благородный Лев намекнул, чтобы меня разгрузили, так как продукты кончились, а у меня оставалась мокрая четырёхместная палатка. Палатку взял Толя.

Я шёл без альпендрына, который кто-то увёл утром и страховался охотничьим ножом. Несколько раз поскальзывался на крутом снежном склоне, но тут же втыкал нож в снег и останавливал скольжение. Лезли вверх по снежному «галстуку». Дождь всё моросил.

За два часа тяжёлого, изнурительного подъёма вылезли на перевал. Позади долина Сулахата, впереди Домбай. Минут 15 стояли на сквозняке под моросящим дождём. Спускались по весьма крутой скале, цепляясь за выступы. Камни скользкие, опоры мало, внизу – снежный спуск. Потом почти ехали по снегу.

Неожиданно и быстро на нас села туча, и ни черта не стало видно. Шли в тумане по траве, по библейской грязи и постепенно основательно промок-

ли. Часа через три остановились недалеко от альплагеря Алибек. Молниеносно сожрали сыр и шпроты. Переоделись в сухое, двинулись вниз по роскошной дороге через лес, похожий на парк, и через час вышли к Домбаю.

Появились крыши домов, телеграфные столбы, стоянки палаток, асфальт. Да, наконец, ноги наши ступили на асфальт. Такое знакомое и одновременно непривычное после стольких дней ощущение – идёшь, будто плывёшь, и не перекатываются камни под ногами, не скользит нога, не хлюпает вода в ботинках.

Домбай – международный туристический лагерь. Большая поляна плотно окружена высокими горами, снежными вершинами, и поэтому размеры её скрадываются.

Много народу самого разного толка. Респектабельные иностранцы в чистых туристических костюмах, жирные, задастые дамочки явно курортного вида, скромные «плановики» с облегчёнными рюкзаками и пореже – наш брат, дикий, с щетиной до глаз, обветренный, вымоченный дождями и высушенный солнцем, в выцветшей рубашке и стоптанных ботинках.

Кругом среди домов и домишек стоят палатки. Ближе к горе тянется вверх белой крышей оригинальной архитектуры деревянная гостиница, какая-то сухопарая, изящная, вытянутая вверх. Это для господ-иностранцев, так сказать, друзей-эксплуататоров. Рядом современное кафе. Яркое, пёстрое, набитое людьми.

Сходили на площадь, через мост. Посредине Домбая протекает река, такая же бешеная и шумная, как и все горные реки. На площади купили продуктов, поели мороженого, выпили по стакану айрана – жирного кислого молока. После концентратов и сухарей мороженое явилось на наши шершавые языки неким божеством – мягким, ласковым, всепроникающим, дурманящим удивительным ароматом. Об айране не говорю. Стакан был проглочен, как рюмка роскошного коньяка.

Здесь многие меняются значками. Значок здесь это культ. Наши ребята, Фешин и Ремизов, таскают обменный фонд прямо на шапочках. Штук по двадцать разноцветных металлических побрякушек. Подходи, выбирай, меняйся.

Домбай я фактически не увидел. Стремительно промчались два часа, и вот мы уже в кузове автомашины, летящей со скоростью 70 км в час по асфальтовому серпантину к Северному приюту.

Настроение у всех было как после сдачи трудного экзамена. Смеялись, дурачились, во всё горло орали песни. Солнышко бежало за нами по синему небу, путаясь в маленьких облачках-бяшках, и в лицо дул тугой, резиновый ветер. Шесть перевалов лежали позади, поджидая следующих настырных,

а нам оставалось пробежаться рысью через лёгкий Клухор и из Южного приюта – в Сухуми!

Сегодня вечером Коля притащил десять бутылок чешского пива. Кто-то достал несколько ящиков на весь лагерь, и был устроен маленький пир. Это была высшая награда за каторжный путь. Носы, отвыкшие от алкоголя, воспринимали десятки тонких нюансов аромата, неизвестных раньше.

18 августа

Итак, Клухор. Пижонский перевал, который, как утверждает Сороковский, можно пройти в тапочках.

Вчера договорились, что за нами приедет машина рано утром, поэтому сегодня поднялись в 5.30, наскоро проглотили какао и бутерброд с колбасой, упаковались и выкатились на дорогу. Здесь у каменного белого домика Приюта собралось народу человек 100. Сидели на рюкзаках, пели песни, пребывая в размагниченном состоянии.

В поведении нашем начала сквозить некая анархия. Худяков остался в Домбае, руководители групп слегка расхолодились под влиянием близкого конца маршрута, мы стали походить на цыганский табор, лишённый какой бы то ни было дисциплины.

И вот когда подошла машина, началось весьма позорное представление, никак не соответствующее духу туризма. Как-то сразу все сорвались и бросились к машине. Голоса инструкторов потонули в общем гаме. В кузов летели рюкзаки, через борта перегибались тела и сваливались внутрь. Лезли все, и «ваши и наши», даже началась лёгкая перебранка.

К чести нашей группы все, кроме Толи Скобеева – вечно голодного угрюмого математика, остались на своих местах. Мрачный Толя проявил совершенно неожиданную для его замкнутого характера прыть и уже сидел, как курица, на своём рюкзаке в углу кузова.

Коренастый шофёр-армянин молча, сложа руки, смотрел на это вавилонское столпотворение и, когда кузов стал походить на подушечку, густо утыканную иголками, веско сказал: «Нэ поедем. Слэзай кто лышный. Бэру толко двадцат чэловэк». Позорное явление: когда руководители групп приказали своим товарищам слезть, те долго упирались и не хотели покидать кузов.

Ну, всё-таки машина уехала.

Мы долго ещё торчали на месте, ожидая вторую обещанную машину. Лев справедливо кипятился, подбивая идти пешком. Пройти столько перевалов

и ждать машину, когда пешком по довольно лёгкому пути не более 2,5 часов до перевала!

Командор пребывал в состоянии меланхолии, лёжа на рюкзаках. Группа начинала разлагаться. Организованный маленький отряд прямо на глазах превращался в банду анархистов.

Потом вышла группа Любавина, самая организованная и дисциплинированная группа, сохранившая порядок вплоть до Сухуми и даже сохранившая его там.

И как-то стихийно вышли мы. Володя-кандидат и высаженный из машины Толя удрали вперёд, унеся с собой наши запасы хлеба со сгущёнкой и палатку, совершив таким образом совершенно недопустимый в горах проступок.

В этой анархии виноваты отчасти мы сами.

Ещё вчера наш казначей Вера объявила, что деньги у нас кончились и что с 19 августа каждый пусть думает о себе. Это было несколько неожиданно, так как мы финансировались на 18 дней, то есть до 23-24, и многие группы сохранили финансовую дисциплину вплоть до сегодняшнего дня и намерены существовать коллективом вплоть до отъезда. Наверное, наш казначей, несмотря на принадлежность к торговой касте, слишком необдуманно тратила деньги на холодные перекусы, мало думая о том, что не у всех людей могут оказаться в достатке личные средства.

Это вот заявление внесло какую-то диссонирующую ноту в наш, с позволения сказать, оркестр. Каждый стал думать о себе, утрясать свои нарушенные финансовые планы, и как-то мы расклеились.

В общем, вышли мы всемером в 8.30 утра, потеряв два с лишним часа на бессмысленное ожидание. По дороге до перевала 17 км, но мы резали серпантин по склону. Опять дождичок, опять подъём. Через два с половиной часа мы срезали последнюю петлю дороги и вылезли к озеру у перевала.

Даже в эту хмурую, дождливую погоду озеро представляло собой красивейшее зрелище. Опоясанное кольцом гор, оно лежало под серым небом, молчаливое, величественное, какого-то, если можно так выразиться, молочно-голубого цвета с изумрудным отливом. Вода перетекала лениво через каменную грубую дамбу и, собравшись в узкий ручей, стремительно мчалась вниз.

Коля и Надя отстали, и мы впятером остановились их подождать. Потом, когда они подошли, исчез Лев. Только что мимо нас прошла группа Софронова, и мы решили, что он ушёл с ними, пользуясь скверным примером Толи и Володи. Пошли вшестером. У самого перевала, перед снежником, присели

отдохнуть. И тут появился Леа. Он полил нас бранью за то, что мы его не подождали, а он, оказывается, один, ничего никому не сказав, пошёл искать Колю и Надю и разминулся с ними.

Коля поставил Льву богатую клизму за самовольный выход, и мы полезли через перевал. Минут за 20 поднялись к самому перевалу. Местечко, действительно, пижонское – великое множество консервных банок. Хожено-перехожено.

За перевалом наших не обнаружили. Дождичок всё усиливался. Разделили банку халвы на 7 частей без помощи математики, выпили остатки какао и почувствовали некоторый прилив сил.

Поползли дальше. Нам предстояло пройти километров 25 до Южного приюта. Не знаю, как мы их прошли. Устали основательно и неистово хотели жрать. Лев шёл сзади и громко и воодушевлённо рассказывал, как вкусно в Сухуми готовят национальное блюдо хачапури. Передохнули минут пять в кошаре – маленьком каменном строении для овец, покрытом двускатной крышей. Доски держатся камнями, положенными сверху, и ни единого гвоздика.

Потом опять шли по грязи, промокли насквозь. Встретили группу москвичей Отсалютовали приветствие. От них узнали, что до Приюта километров 12.

Слева от тропинки стояли на камнях козы. Неподвижные, как изваяния, они молча жевали свою жвачку, задрав кверху хвостики-лоскутки. Вода скатывалась с их шерсти. Моя шерсть – моя крыша.

Что-то долго мы шли по ущелью. Вымотались ужасно, и, когда уже совсем «дошли», мы и в самом деле дошли до дороги. Внизу у обочины стоял грузовик, в него деловито грузились ребята и девочки из группы Софронова. Грузовик урчал, готовясь к отъезду. Такая удача! Сразу, без остановки, в Сухуми! Мы заорали в семь глоток, замахали руками. Нас заметили, а через пять минут мы буквально с неба скатились в кузов. Зафырчал мотор, и машина тронулась.

Это было неслыханное блаженство. После 10 часов непрерывной ходьбы по грязи, в промокшей одежде, с тяжеленными рюкзаками оказаться в машине, едущей к морю – домой. Морды у всех были такие счастливые – невозможно передать. Тут ещё, к нашему приятному изумлению, из кабины показалась волосатая рука, сжимающая в кулаке бутылку пива. Пиво было выпито глотками, по кругу. Опять орали весёлые глупости, пели песни.

Я тут же в кузове переоделся и по-настоящему, впервые за весь поход вздохнул.

Кто-то сказал, что турист – это демократическая смесь повара, музыканта и ишака. Это верно, потому что истинные открытия делаются на рубеже нескольких специальностей.

Для меня было открытием, что трясущийся кузов автомашины, битком набитый людьми, может быть мягче пуховой перины.

Ехали мы часов шесть. Часто останавливались. По дороге нас догнала машина с группой Доценко и альпинистами, едущими из Домбая. Потом ехали вместе, так как их машина испортилась. Стало тесно, как в спичечной коробке, но мы отдыхали.

Приехали в какое-то селение недалеко от Сухуми. Жрать хотели немилосердно, до тошноты. Горы съедают до 8.000 калорий, а свойство организма восстанавливать не более 6,000.Сказывался накопленный дефицит и результат сегодняшней голодовки. Ребята поехали с шофёром в пекарню и привезли роскошного, тёплого, круглого, огромного, как колесо, хлеба. Ни разу в жизни я ещё не ел обыкновенный хлеб с таким удовольствием. Лёг спать в мешке под звёздами и мгновенно уснул.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ДЕЛЬТЕ ВОЛГИ

1969. 1 мая–11 мая

3 мая

Мы в Зеленге, одном из крупных посёлков рыбацкого царства – дельты. Отсюда ло Каспия нас отделяет день перехода на байдарках.

Прикатили вчера ночью на ракете за 1,5 часа из Астрахани. Побросали снаряжение, загромоздив при этом добрую часть причала, и отправились на разведку – искать ночлег.

Недалеко от пристани начинались камышовые хранилища, представляющие собой большие настилы из досок, установленные на четырёх опорах высотой 1,7–1,8 м, на которых хранятся связки сухого камыша – основного вида топлива в Дельте. У одного из навесов стояла пожилая женщина, которой он принадлежал. Она удивилась, когда мы стали спрашивать разрешения переночевать здесь:

– Пожалуйста, ребята, чего же спрашивать.

Потом впотьмах перетаскали груз. Было темно и прохладно. Даже полная луна светила как-то не в полную силу. Река обдавала нас холодком. Нам помогал перетаскивать вещи один доброволец из местных жителей, отрекомендовавшийся Колей-хулиганом. Коля был смертельно пьян и очень добр. Мы взвалили на него «Салют» и рюкзак. По дороге он туманно пояснил, что он интеллигентный хулиган, что никого не обижает и что вот сейчас же, как отнесёт груз, опять пойдёт пить.

Нам принесли два чайника горячего чаю и связку сушёной воблы прекрасного качества. Мы были очень тронуты таким вниманием.

Женщина, которая стояла у настила, и старик, её муж, оказывается, ждали своего сына с рыбалки. Они-то и приняли такое участие в нашей судьбе. Позднее приехал на моторке их сын, крепкий малый лет 35, и сходу предложил нам свежей рыбы. Мы не стали упираться.

Лёня Серебров ещё раньше говорил мне о гостеприимстве местных жителей, но я, признаться, всё же не ожидал такого чуть ли не родственного внимания.

Потом около нас остановились какие-то парни, тоже пьянющие основательно. Слушали превосходную игру Виктора на гитаре. Музыку вряд ли поняли, но прониклись к нам сочувствием и притащили парус, которым мы затянули навес с одной стороны.

Тем не менее, кажется, у этих добрых людей создалось впечатление, что с нами сурово обошлись, потому что утром спросонок я слышал рассуждения стоявших неподалёку женщин:

– Диван у любого есть, могли бы впустить. Или на кухне переночевали бы. Нехорошо.

Здесь, как и повсюду на Волге, много лодок, но есть и судна, типичные только для Дельты. Это бударки – длинные плоскодонки с навесом от дождя, передвигаемые с помощью шеста.

Теперь о нас самих.

Нас 9 человек:

Безгодов Валерий, руководитель путешествия, фотограф

Безгодова Надя, жена руководителя, художник в душе

Безгодова Ирина, сестра жены руководителя

Шалыгин Станислав, высокий, добрый человек с мягким характером, густым басом и блестящими музыкальными способностями

Ильичёв Виктор, гитарист-виртуоз, впервые в жизни отправившийся в многодневное путешествие

Лукьянов Олег, финансист, проворовавшийся в первый же день, и автор дневника

Макарихин Юрий, завхоз, ещё не вполне привыкший к своим обязанностям, но отличившийся тем, что в первый же вечер достал рыбы – много и бесплатно

Наташа Аганина, Марина Преображенская – хорошие девочки, у которых всё впереди

Браконьерство в Дельте – дело опасное и потому уважаемое местными жителями. Объектом браконьеров является, конечно, золотой запас отечества, его «чёрное золото» – осетровая икра.

Весной во время нереста идёт осётр. Его ловят сетями. Тайно, с оглядкой. Здесь свирепствуют милиция и ОБХСС. Дело борьбы с браконьерами поставлено на широкую ногу. По протокам шмыгают лодки и катера ОБХСС. По берегу шныряют переодетые милиционеры. Государство цепкой лапой держит богатства Дельты, закон здесь выступает в виде сильного и опасного противника. Наверное, именно поэтому и существует почтение к опасной профессии краснолова, как здесь называют браконьеров. И уж конечно, никто не расценивает ловлю красной рыбы как воровство, хотя именно так расценивает её закон и за воровство наказывает по соответствующим статьям УК.

Весьма романтично.

Икра стоит здесь 3 рубля за килограмм.

– Это прекрасно! – как сказал бы режиссёр Серебряков.

А впереди трудовой день. Собирать байдарки, плыть вниз по быстрине, искать основную стоянку.

3 мая. Вечер

Сегодня днём прикатили Валерий и Ирина. Собрали байдарки. Собирали долго, нудно. Клеили «Луч», в котором плывут Юра, Ирина и Станислав. Вокруг нас резвились ребятишки. Всегда ребятишки, пацаны первыми проявляют интерес к туристам. Я дал им бинокль. Выстроилась очередь. Два карапуза, Женька и Мишка, в сумме просуществовавшие на свете не более 10 лет, особенно подружились со мной. Дёргали за рукав, осыпали вопросами:

– Дядя Олега, а ты на войне был?

– Дядя Олега, а у вас в Саратове пожары бывают?

– Дядя Олега, а это что – руль или винт?

И так далее.

Подошёл местный житель – пожилой мужчина в картузе и военных галифе, отозвал меня в сторонку:

– Воблы не надо?

– Надо, – говорю, – на рублик. А крупную партию возьмём на обратном пути.

Привёл меня в свой дом, оказавшийся поблизости от реки. Чистенький, как и повсюду в посёлке, дворик. По двору мотается всякая полезная

живность, из сарая слышится кабаний хрюк. Дядька нырнул в щель между домом и пристройкой и через минуту вытащил связку отличнейшей воблы. Я поблагодарил и ушёл.

Байдаркам дали пышные названия. Моя «прима» названа «Лотос-69», Безгодовых – «Гаудеамус», что и было зафиксировано на деке.

Еду готовили на примусах в соседнем доме с любезного разрешения хозяйки.

К вечеру перед отплытием ко мне снова подошёл дядька, предлагавший воблу, и сунул мне в руки свёрток:

– Возьми на дорогу, сынок, пригодится.

Ещё раз подивился я этому поразительному благожелательству. В свёртке оказался большой вяленый лещ, десятка полтора золотистых икряных лепёшек и даже пакетик чёрной икры.

(– Это потрясающе, – сказал режиссёр Серебряков).

Я выспрашивал у него дома, где достать чёрной икры, и вот, добрая душа, принёс сам. Пожалел сынов голодного Поволжья. Спасибо, добрый человек! Дорога не икра, а внимание; хотя икра тоже дорога.

Решено было переправиться на другой берег широкой протоки к полосе леса и там подытожить результаты пробного плавания.

Наши «примы» чувствовали себя хорошо. Несмотря на сильное течение, мы успешно маневрировали. А маневрировать пришлось основательно, потому что «Салют», в котором находились Наташа и никогда не бравший в руки весла Витя, выделывал по всей реке вензеля и безнадёжно отстал. Нам тоже приходилось крутиться на месте, чтобы не потерять их из виду. Было видно в бинокль, как экипаж изображает вёслами крестики и лодка крутится на месте. Потом Валера взял эту баржу на буксир и потащил против течения вдоль левого берега. Сын крепыша. Да, только сын крепыша мог справиться с такой задачей.

В общем, через полтора часа петляний по открытому месту в виду посёлка все байдарки благополучно причалили к противоположному берегу. «Гаудеамус» и «Луч» пришли полные воды. Сегодня будет проверка байдарок.

4 мая

Ночь была тихой, но к утру начался норд, согнал тучи, возмутил протоку. По всей ширине реки пляшут серые волны. Норд холоден и упрям. Дует,

не меняя направления, со стороны реки. Чем-то прогневали мы золотую рыбку. Если к обеду не утихнет, мы вряд ли сможем тронуться.

Здесь в лесочке довольно уютно. Развели костерок.

Ага! А вот и показались между туч большие голубые лоскуты. Рассупонилось, как говорится, солнышко и разнесло свои лучи по белу светушку.

Теперь немного о деле.

Куда нас несут черти, и что им, то есть нам, от них надо?

Нам совершенно необходимо, чтобы черти привели бы нас в легендарные джунгли Дельты, где клювастые пеликаны ловят рыбу, где по мелководью разгуливают элегантные, кривоносые фламинго в розовых юбочках, а зарослях камыша бродят полосатые кабаны-секачи, чучела которых уже произвели на нас соответствующее впечатление в астраханском краеведческом музее. Основная цель путешествия чисто эмоциональная – познакомиться с природой Дельты.

Немножко несолидно, конечно, особенно если учесть, что в Дельте живут сугубо деловые люди: рыбаки, охотники, учёные-биологи. Но, в конечном счёте, любопытство не такой уж большой порок, тем более, что экспедиция основательно оснащена фото-киноаппаратурой. Идейный вдохновитель путешествия – Валера Безгодов, коренастый кэп, человек с бицепсами боксёра и душой аристократа. Он же владелец уникального «фото-снайпера» – роскошного телеобъектива с камерой, выполненного в виде ружья и отчего имеющего сходство с портативным лазером. Кроме того, есть любительские кинокамеры и несколько фотоаппаратов.

Наша конкретная цель – подобраться поближе к заповеднику, а по возможности, и нарушить его границу.

Пропусков мы не имеем, следовательно, будем безжалостно вытурены, как нас уже предупреждали, но всё же рискнём, если будет необходимость и возможность.

Судя по экспонатам музея, природа Дельты удивительно богата. Тут, кроме тех животных, о которых я упоминал, и длиннохвостые ондатры, и белые цапли, зайцы, лисы, несколько видов уток, бакланы, даже волки. (Несколько скелетов волков мы обнаружили и на нашем острове).

Из рыб – лещ, сазан, вобла, белуга, осётр и пр.

Из пресмыкающихся – несколько видов змей, змеевидные ящерицы – полозы, черепахи, сухопутные и водяные.

Из насекомых, не вызывающих симпатий: фаланги – крупные волосатые ядовитые пауки, похожие на песочные часы; каракурты, скорпионы.

В общем, тварей божьих очень много; я не перечислил и десятой части.

Комаров и мошкары здесь в мае нет. Слава Богу! Эта публика приступает к поеданию местного населения с июня месяца и плодотворно работает в течение лета, выкачивая насильственно многие тонны человеческой кровушки. В июле без накомарника в Дельте находиться нельзя – сожрут до костей.

Лето в Дельте начинается 5 мая и продолжается до 25 сентября. В конце апреля и начале мая здесь бывают сильные морские ветры – моряны. Они загоняют воду авандельты, то есть приморского участка Дельты, вверх, затапливая острова.

А сейчас пока дует норд. Солнышко окончательно рассупонилось, и весьма кстати при таком пронзительном ветре. Но всё это пустяки. Настоящей Дельты мы ещё не видели. В сущности, мы прошли Дельту на «Ракете» и теперь спускаемся к Каспийскому морю. Наша задача – выйти к трёхизбенному участку заповедника и попробовать проникнуть в него. Для этого необходимо выйти к самому Каспию, пройти через узенький ерик и со стороны Каспия войти на территорию заповедника.

5 мая утро

Стали табором у посёлка Тишкино.

Ночь была холоднющая. Сбились в кучу в палатках, однако девицы мёрзли. Марина накрутила на себя все имевшиеся в её распоряжении тряпки и мою одежду, влезла в спальный мешок и однако умудрилась замёрзнуть.

Я спал в чудном маминого производства ватном мешке с вкладышем и чувствовал себя так, словно мешок имел электрический подогрев, хотя лежал в одном тренировочном костюме.

Вчера вечером к нашему костру подошёл местный житель и всё подробно растолковал, как добраться до трёхизбенного участка, с кем говорить.

Пеликанов на участке, к сожалению, нет.

Вообще Астраханский заповедник состоит из трёх изолированных участков, равномерно расположенных в самом устье, у выхода в Каспий: Обжаровский, Трёхизбенный и Дамкчинский. Последний самый богатый. Там резиденция учёных, работающих в заповеднике, – главная контора.

Ну, что же – вперёд, мореплаватели! Теперь недолго осталось ждать, чтоб выяснить волнующий нас вопрос – пропустят ли нас в этот эдем или попрут в выю. Прикинемся простаками, каковые мы, в сущности, и есть, ибо в противоположном случае своевременно запаслись бы ворохами казённых бумаг.

5 мая вечер

Спустились вниз по протоке и свернули направо в узкий извилистый ерик с сильным встречным течением. По обеим сторонам высокий сухой камыш. Своеобразный речной коридор в зарослях камыша. Взлетели и покружились над нами две крупные белые цапли. Воздух, кажется, до самого горизонта сотрясает гигантский невидимый лягушиный хор.

Выбрались на открытое пространство. Однообразный типичный пейзаж Дельты – заросли грязно-жёлтого камыша: камышовые топкие островки, отдельные клочки, торчащие из воды. Глубина не больше полуметра. Вода мутная.

Табличка, прибитая к колу: «На границе заповедника осторожно с огнём».

Валера с Ириной отправились на разведку к видневшейся вдали лодке. Возвратились через полчаса, ничего толком не узнав. Вернулись назад к тому же ерику и спустились вниз по основной протоке. Решили остановиться на обед. Ни одного приличного места для стоянки – кругом камыш.

Вылезли в первом попавшемся месте. Поле горелого камыша. Почва мягкая, сырая, подальше от берега она покрыта толстым слоем тёмно-серой пыли, смешанной с пеплом, разогретой на солнце. Вьются мошки. Марьяшка подняла писк. Она очень не любит мошку.

Поболтались в поисках места для костра. Неожиданно из зарослей выскочил Витя и с трагическим криком: «Пожар! Пожар! Все по лодкам!» бросился к лодке. Ряды дрогнули. Я пошёл посмотреть, что там за пожар такой. Всё объяснилось просто. Ветер поднял эту самую серую пыль, образовав небольшой вихрь, очень похожий на дым, тем более что пыль имеет запах гари. Вместе с характерным хрустящим шелестом сухого камыша эта картина создала в горячем Витином воображении впечатление пожара.

Отбой! Пожар отменяется.

Снова пошли вниз в поисках места для главной стоянки и опять вышли к плавучему приёмному пункту рыбы. Рыбаки закричали нам, замахали руками. Мы подъехали.

– Здорово, рыбаки!

– Здорово, туристы!

– Ещё не всю рыбу переловили?

– Нет, не всю.

Причалили, вылезли из байдарок. Здесь работают сезонные рабочие. Понаехали отовсюду. Русские, казахи, калмыки. Чёрные шершавые лица.

Поболтали о том о сём. Купили рыбы, так как сами они предложить не догадались, а просить мы сочли неудобным. Отдал я рубль калмыку, бригадиру, а тот взамен выловил из фелюги сазана и леща, общим весом килограммов на семь.

Недалеко от баркаса, вдоль камышового берега протянулись длинные деревянные мостки – тони, как их здесь называют. С них вытягивают из воды невод с рыбой.

Вообще при таком изобилии рыбы в Дельте едят далеко не всё подряд. Воблу, в основном, сушат. В уху кладут крупных судаков и сазанов. Рыбу некрупную сразу же выбрасывают. В июне, когда рыба возвращается с верховья после нереста, её не ловят.

– Тощая, жиру нет, это как баба после родов, – смеясь, объяснил мне один рыбак. – Да и жрёт она у вас там что попало. Травленая она оттуда идёт. Нефтью пахнет. Не едим мы её, боимся.

Вот так.

Остановились лагерем на полузатопленном островке. Здесь есть деревья, сухие дрова и изобилие сухой травы. Весь островок завален мягким сеном. Этот настил из сена обманчив. Под ним у берегов вода. Кое-кто уже вляпался. Поставили палатки на настоящие перины из тонкого, мягкого сена.

Вечер тёплый, сухой. Развели костёр. Сверху капают капельки, редкие, мелкие. Это не дождь. Это плачут ивы. Вот одна упала на плечо, оставив чёрную острую полоску на лацкане штормовки.

Слава играет на гитаре. Преобладает у нас серьёзная музыка. Ребята играют почти профессионально, прочувствованно. Мой туристский репертуар бледнеет перед красочными гармониями настоящей музыки.

6 мая

Сегодня утром мы с Юрием отправились на порожней «приме» в рыболовецкую базу за рыбой, а заодно узнать, как добраться назад, в Астрахань.

Прошли километр очень быстро. Опять на рубль взяли сазанов килограмм на 6–7. Кажется, зря мы швыряемся тут рублями. Приёмщик, продававший рыбу, приезжий, как и мы, поэтому и берёт деньги.

Подплыли к рыбакам, разбирающим сети на своих куласах. Узнали, что до Астрахани можно добраться из Тишкино на катере, что от нашего места до кордона Трёхизбенного участка 15 километров против очень сильного течения. Узнали и присвистнули: вряд ли мы осилим это расстояние с женским квартетом и грузом.

Отправились вниз поискать аварийное место для ночлега, если наш остров начнёт затапливать. Мы легко можем оказаться на положении мазаевых зайцев.

Рыбаки крикнули вдогонку:

– Рыбу-то на уху брать будете?

– Ага! – заорал я с радостью.

Причалили снова. Нам подали за жабры золотистого сазана размером с молочного поросёнка. У меня дух захватило. Вот так подарок за дружескую беседу! Спасибо, рыбаки!

Нашли ниже по течению неплохой пятачок с тремя ивами и полчаса выгребали назад. Навстречу течение несло щепки, листья чакана, чилим – рогатый водяной орех, похожий на диадему; чёрный, твёрдый. Положил парочку в нос.

У базы причалили снова. Здесь стоял продовольственный баркас, регулярно привозящий рыбакам продукты: хлеб, соль, мясо, вино.

На борту трое вчерашних знакомых. Пили водку и закусывали вяленой рыбой.

– Вам сюда, ребята.

Опять причалили.

– Ну и рыбы тут у вас! – говорю с намёком. За эти два дня у меня выработался нахально-подхалимский тон. Положение финансиста обязывает. Моя святая обязанность – экономить деньгу.

– Э, да разве это рыба? – говорят с баркаса. – В этом году рыбы нет. Работы мало.

– А сазаны-то какие, – гну дальше свою линию, – в мешок не помещаются. Вот какого сазана нам дали. Вытаскиваю двухкилограммового, показываю.

Один рыбак, слегка косоватый от выпитой водочки, поднялся с места:

– Вася меня зовут. Токо это не сазан, полагать надо. Вот вам дюже добрый сазан.

Вытащил крупнокалиберную рыбину на семь килограмм весом. Ух ты! Одна башка килограмм весит. Бьётся зверюга в сильных руках, чешуя гладкая блестит золотом. Первый раз в жизни увидел я такую роскошную рыбу.

– Лови, ребята, – бросил нам в лодку. Юра мёртвой хваткой вцепился в рыбьи жабры. Сазан последовал в мешок к собратьям.

Под навесом висел балык. Расспросили про балык, о том, как его готовить. Вася оказался весьма весёлым и болтливым человеком. Он долго объяснял, как вспарывать рыбу, куда сыпать соль, крутил пальцами, всё время вставлял своё словечко «полагать надо». В результате я ничего не понял.

Тогда Вася, по-прежнему радостно-пьяно улыбаясь, взял у нас подаренного сазана и принялся его разделывать на наших глазах.

– Спинку режем вдоль, полагать надо. Голову рубим, вынимаем потроха. Эх, ребята, балык ерунда делать, только показать надо, сами не сделаете.

За несколько секунд он располовинил рыбу на две половины со стороны спины, выбросил за борт потроха. Работал он со сноровкой. Мы загляделись и не успели сообразить, как за борт последовала и икра. Тремя полными пригоршнями. Вот жалость! Круто посолил все разрезы и снова отдал нам сазана.

По дороге назад поговорили ещё с одним рыбаком, назвавшимся Николаем. Он обещал привезти нам сухой воблы. Эхма! Как в раю, даже немножко получше.

Часа через полтора к нам на стоянку прикатил весёлый Вася.

– Поехали на баркас, балык делать будем.

Марина и Наташа закричали от радости. Добрый Вася забрал четверых – Юрия, меня и Марину с Наташей. Валера с Надей приехали на байдарке тремя минутами позднее. Лёгкая «прима» на стремнине не уступает в скорости моторке.

Наш праздный восторженный коллектив рассыпался по фелюгам. Рыбаки засыпали рыбу в сетки-носилки из трюмов, ставили на весы и выгружали её в садки. Изобилие сазанов, линей, щук, сомов. Гладкие золотистые их бока сверкали на солнце. Мускулистый Валера, голый по пояс, увешанный аппаратурой, перебегал с места на место, снимая на киноплёнку интересные моменты.

Деловой Юра вёл специальный разговор с Васей, сидя с ним в лодке. Оба распутывали сеть. Вася непрерывно болтал, вставляя в свой бесконечный монолог любимое «полагать надо», цитаты из популярных фильмов, пословицы. Он сразу почувствовал в Юре заядлого рыбака и проникся к нему доверием.

– Мы с Юриком едем в ночь ловить рыбу, наловим дюже доброй рыбы, полагать надо.

Маленький пожилой казах, загрузив очередную сетку, вытащил сазана покрупнее и бросил в сторону, к трюму.

– Ты куда это? – скрипнул на него недовольно бригадир.

– На обед оставить надо.

– А ты меня спросил?

Странная жадность в этом царстве рыбы. Но дело было, разумеется в покорёженном самолюбии и только. Это было понятно из последнего вопроса.

Наверное, это было продолжение какого-то давнего, нам, разумеется, не известного разговора.

Наташа с Мариной присели на борт и, косо поглядывая на бригадира. Принялись шептаться.

Я подошёл к ним.

– Чего шепчетесь?

– Несправедливость! Чего он одну-единственную рыбу пожалел? – Простодушная Марьяшка, известный борец за справедливость, и тут усмотрела акт несправедливости.

– Да вы бы, ребята, в июле приезжали – посмотрели бы, как лотос цветёт, – сказал мне бригадир второй фелюги, когда мы сидели под тентом на носу. – Уток здесь – завались. По полсотни в день настреливаем.

Через полчаса довольно бессмысленного топтания и восторженных восклицаний поехали назад, к стоянке. «Приму» вели на буксире. Здесь бравый Вася, не прекращая разглагольствовать, разделал и засолил остальных сазанов.

Поставили вариться уху из сазаньих голов. Вася остался с нами. Потом подъехал Николай на своей моторке. Тут произошла небольшая заминка. Николай отвёл меня в сторонку и почти шёпотом стал договариваться насчёт поставки воблы.

– Ты ему не говорил, – кивнул он в сторону Васи.

– Нет.

– Ну, хорошо.

Через несколько минут рыбаки начали беспредметный, с какими-то экивоками и тайными шпильками разговор.

Однако обедали все вместе. Выпили водки. Уху Надя приготовила восхитительную, хотя и утверждала, что понятия не имеет, как её готовить и как она вообще у неё получилась. Варёная сазанья голова это настоящий деликатес. Что-то умопомрачительно вкусное. Здесь рыбаки любят говорить: «Кто поел сазаньей головы, тот навсегда останется жить в Тишкино».

Юра собирался всерьёз ехать на рыбалку с Васей, который просто в Юру влюбился. Наташа и Марьяшка принялись взахлёб упрашивать Николая взять их с собой в ночь. Ночной Каспий, прыгающий по волнам кулас, сети, свежий морской воздух – все эти прелестные картинки настолько разгорячили, а точнее, развинтили воображение нашей романтически настроенной парочки, что мне пришлось долго доказывать бессмысленность просьбы. Марьяшка, которая мёрзнет даже в июле под шерстяным одеялом, в море,

да ещё в такой холод это, простите, могло кончиться только одним: мы привезли бы домой нечто навеки смёрзшееся, что не разогрело бы и тропическое солнце.

Коля, слегка окосев, выразил согласие, а посему Марьяшка не принимала никаких объяснений и на все аргументы твердила одну фразу:

– Это ведь только раз в жизни, только раз.

Разбил-таки я, старый пират, бедное сердце. Не пустили девочек. Юра уехал.

На закате ходили с Валерой вверх на «приме». Вышли на обширное водное пространство ильмень, как здесь называют. Изобилие уток. Красиво, черти, взлетают: длинный разбег по воде, ф-р-р – крылья трещат по поверхности, оставляя позади очередь белых всплесков. Вода на солнце, как расплавленное серебро. Вечернее освещение изумительно! Вода переливается миллиардами цветных пляшущих серебряных точек.

Валера трещал кинокамерой, сделал несколько кадров фотоснайпером.

7 мая вечер

Наш островок затопило. Вынуждены были перебраться в другое место. Остановились на невысоком яру, окружённом сухим камышом. На небольшом пятачке стоят три большие ивы. Разбили лагерь. Опять наелись ухи из сазаньих голов и приступили к музицированию. Станислав поёт песню ямщика. Спокойствие вокруг восхитительное. Звёздная ночь.

Утром приехал с рыбалки Юра на куласе. Привёз двух сазанов по 10 кг весом и несколько штук линей. Они ловили рыбу сетями в авандельте, полтора часа ходу на моторном куласе. Видел много цапель и лебедей. Привёз сухопутную черепаху. Сазанов разделали сами, используя Васины уроки. Кажется, переть нам отсюда придётся куда больше груза. Одного балыка килограммов 18. И ещё заказано 600 штук сухой воблы.

На закате сделали с Валерой выход на байдарке на территорию заповедника. Вышли на просторный ильмень через узкую протоку, где едва проходит байдарка.

А вот Слава взял басом «Лунный камень». (Это прекрасно, – сказал режиссёр Серебряков).

Так вот, подошли мы по мелководью к границе заповедника. Торчит столб с заржавленным щитом, на котором едва проглядывает надпись, что-

то запрещающая. Рядом со столбом нахально расставлен «секрет» – разновидность вентеря.

Вот здесь мы впервые увидели диких белых лебедей. Принуждён привести затасканный эпитет. Царственная птица, да и только. Лебеди живут парами. Крупная белая птица. Длинная вытянутая шея. Многие видели лебедей в зоопарках и привыкли к тому, что эта птица только плавает, но мало кто видел, как взлетают лебеди.

Мы гнали байдарку с подветренной стороны к очаровательной лебединой парочке, плавающей вдалеке на открытом пространстве. Я рубил вёслами, Валера держал палец на курке своего фотоснайпера. Подошли метров на пятьдесят. Лебеди тяжело взмахнули крыльями; три-четыре взмаха – и громоздкие птицы, словно подталкиваемые снизу воздушным напором, повисли в воздухе. Валера сделал несколько «выстрелов». Я следил за ними в бинокль. Первое впечатление всегда дорого. Только для того чтобы увидеть, как взлетают с воды вспугнутые лебеди, стоит поехать в Дельту.

Летит лебедь плавно, без натуги, как-то неторопливо, величаво. Длинная шея неподвижно вытянута, острая головка впивается в воздух. Чувствуется, что воздух – его стихия. Лебеди сделали круг и скрылись в закатных лучах за камышовыми зарослями.

Повсюду снуют кашкалдаки – разновидность уток, но на них мы внимания уже не обращали. У Валеры две плёнки набиты утками.

Снимали также серых цапель. Одна цапля нас удивила странной выходкой. Я разглядел её в бинокль. Стоит птица на тонких ножках и что-то выклёвывает из воды. Подошли ближе. Вдруг цапля исчезла. Что за чертовщина? Не взлетела, не нырнула, просто исчезла. Покрутились мы вокруг места, где она стояла, и ушли, ничего не поняв.

На территории Трёхизбенного участка есть место гнездовища диких лебедей. Попытаемся завтра туда добраться.

Здесь водятся также цапли, кашкалдаки, чибисы, из зверья – зайцы, ондатры, лисы. Есть здесь и королевские фазаны, но в атласе они помечены как редко встречающиеся. Это очень пугливая птица, прячется в камышах, встретить её трудно. Пеликаны, фламинго и кабаны обитают только на основном участке – Дамчинском, где живут научные сотрудники.

Наше посещение Дельты проходит несколько по иному плану, чем я предполагал. Мы стоим на месте, объедаемся рыбой. Каждый день лопаем уху, жареную рыбу и очаровательное блюдо – жареную сазанью икру.

И всё же лучший вариант – путешествие по протокам с самого начала Дельты до авандельты. Такое путешествие лучше всего совершать небольшой подготовленной группой в 4–5 человек, привыкших сносить неудобства походной жизни. Пришлось бы, наверное, ночевать на воде, защищаться от комарья, если ехать летом; готовить на примусах.

В дальнейшем мы обязательно вернёмся в Дельту. Это замечательное место и, слава Богу, ещё не открытое туристами.

8 мая

Утром в шесть утра меня разбудил Валерий. Накануне мы договорились ехать в заповедник и, плюнув на всё, нарушить его границу. Довольно быстро дошли до узенького ерика, ведущего в заповедник и ранее открытого Валерием, поднялись вверх по течению и вышли на просторный ильмень, находящийся в центральной части заповедника. Здесь, как сообщал атлас, должно было находиться место гнездования диких лебедей.

Лебедей мы и в самом деле обнаружили восемь штук, количество, явно недостаточное для массового гнездования, где их собирается по нескольку тысяч.

Опять начали маневрирование на открытом пространстве; развороты, тихие подходы с подветренной стороны, резкие броски вперёд. Лебеди поднимались, тяжело хлопая крыльями (размах полтора метра), крякая на подъёме, делали круг и садились в другом конце.

Садится лебедь не менее эффектно, чем взлетает: на подходе к воде он постепенно выпрямляет своё вытянутое туловище и становится под углом 70-80 градусов к поверхности, широко расправляет свои крылья и фиксирует их, используя, как паруса, для торможения, вытягивает чёрные лапки и в финале садится пушистым белым задом на воду, как на стул. И смешно, и красиво. В таком сидячем положении он едет по поверхности несколько метров, оставляя за собой волну, и мягко плюхается в воду.

Кроме лебедей-шипунов, здесь много серых цапель, чёрных желтоносых бакланов – рыбьих палачей, колпиц и чайконосых крачек – небольших, но удивительно изящных птичек, имеющих яркую, разноцветную окраску. Они сидят парами на пучках камыша, остроносые, с длинными вытянутыми хвостами – само изящество. Крачки – маленькие живые флюгера: их клювы направлены в сторону ветра. Они обтекаются воздушным потоком и, как стрелки компасов, смотрят в одну сторону, не шевелясь.

Мы подошли к месту их наибольшего скопления. Стрелки размагнитились, птички поднялись в воздух и принялись с криками кружиться вокруг нас.

Валера не переставая водил своим лазером, щёлкая время от времени.

Я назвал чёрных бакланов рыбьими палачами. Это так. Осенью, как нам рассказывали, в авандельте можно наблюдать грандиозное и по-своему трагическое зрелище – массовое уничтожение косяков рыбы несметными стаями бакланов. Эти летающие пиратские дивизии окружают кольцом большого радиуса косяк, обречённый ими на истребление, и начинается потеха. Бакланы непрерывно ныряют, хватают рыбу, поднимают в воздух, ломают ей позвоночник клювами и покалеченную бросают вниз. В авандельте мелко, и ныряющие птицы образуют под водой плотный кольцевой заслон, внутри которого мечется ошалевшая от испуга рыба. Но кольцо сужается, и рыба немилосердно истребляется. Здесь же, за пределами бандитского кольца, летают вороны, рассчитывающие на бесплатное угощение. Огромное количество рыбы гибнет зря.

За эти дрянные свойства, а также абсолютную непригодность к пище бакланов разрешено стрелять в любое время года.

Я увидел метрах в 300 от нас моторнгый кулас, в котором находился человек, толкавший его шестом. Так как мы находились в центре заповедника и вокруг не было ни единой живой души, то не оставалось сомнения, что это был кто-то из сотрудников. Мы направились к лодке. Так и оказалось. В лодке сидел молодой парень в простеньком сером костюме. Лицо симпатичное, улыбчивое.

– Здорово.

– Здравствуйте.

Естественные вопросы, кто такие, откуда и куда. Представились. Соврали, что плутаем не зная где.

– Так вы же на территории заповедника, в зоне спокойствия. Как вы могли сюда попасть? – удивился парень.

Объяснили подробнее. Он заулыбался, покачал головой:

– Мы не везде таблички ставим, но вообще-то посещать заповедник без пропуска категорически запрещено.

Звали его Дмитрий. Профессия – орнитолог. У него отказал мотор, и вот с 5 утра он полз по участку на своём куласе.

Разговорились. Валера выложил на нос свой фотоснайпер, чтобы было видно, что мы не зеваки, а деловые люди. Из разговора выяснилось, что

места гнездовья лебедей нет, что атлас врёт и что самое лучшее, что мы можем с ним сделать, это выбросить его в воду.

Прошли вместе ещё немного, остановились у скопления тростника – уколки, как тут говорят.

Над уколкой взмыла ворона крупных размеров.

В руках орнитолога мгновенно оказалась мелкокалиберная винтовка. Полоснул выстрел, как удар хлыстом по воде. Ворона выронила из клюва что-то белое, мелькнувшее в воздухе и упавшее в заросли.

– Хотите сфотографировать гнездо лысухи? – предложил Дмитрий.

Ещё бы! Валера перелез на кулас, долго прилаживался.

– А зачем вы стреляли в ворону? – спросил я Дмитрия.

– Ворон необходимо истреблять беспощадно, – объяснил тот, если бы мы не подошли вовремя, она бы разорила всё гнездо.

Минуту спустя подошёл катер. В нём сидели мужчина и женщина, казахи.

Опять вопросы, кто, почему без пропуска, как прошли незамеченными. Женщина, ещё когда катер подходил к нам, сфотографировала нас, как заметил Валера.

Выяснили, что мы не более, не менее как браконьеры, чуть ли не контрабандисты, что нарушение границ заповедника уже квалифицируется как браконьерство, тем более мы мотались в так называемой «зоне покоя» и гоняли лебедей. В общем, цивилизованные варвары. И у нас имели право отнять лодку безвозвратно.

Объяснились, конечно. Расстались вполне дружески и повернули назад.

По дороге зашли на наше первое пристанище и взяли балык. Остров уже основательно залило. Осталась сухая неширокая полоска, где раньше стояли палатки. Ещё неделя – и остров погрузится в воду на глубину от 20 см до полуметра. Такие места в сочетании с зарослями камыша именуются полоями. Начиная с середины мая, до середины июня они залиты водой, которая прогревается солнцем до температуры 30–34 градусов.

Сюда ходят сазаны на нерест. Рыбаки говорили нам, что полои буквально кишат огромными сазанами, как садки. Их можно ловить сачками, бить баграми, хватать руками тех, кто поменьше. Сазаны бывают весом до 15 кг, и это не такая уж редкость. Они ползают на брюхе по самому мелководью в камыше, их спины наполовину высунуты над водой. Стада жирных морских зверей.

Вернулись на вторую стоянку. Развесили балыки, и через пару часов они подветрились и стали вполне съедобными. Очень вкусно.

Подъехал Коля, Тайком, со стороны зарослей камыша. Опасливо озираясь, притащил в палатку два мешка воблы. 600 штук были куплены нами за 50 рублей. Вобла некрупная, средняя, но приготовлена профессионально.

Теперь о рыбаках и о том, почему Николай с таким и предосторожностями привёз воблу, будто тащил в мешке разрезанный на куски труп, а не рыбу.

Рыбаки объединены в рыболовецкие колхозы. Регулярно они выходят в море (каждую ночь) на лов рыбы. Ловят в авандельте на моторных куласах. Условия лова следующие: со 100 заработанных рублей 60 – колхозу, 40 – рыбаку (в прежние годы работали из 50%). Колхоз обеспечивает рыбака снастью, куласами с подвесными моторами, но фактически всё это рыбак имеет своё. Рыбу он отвозит на приёмную базу, о которой я уже писал. Там её принимают. Сазана по 18 копеек килограмм, судака – 24 коп, сома – 36 коп. Сом здесь ценится высоко.

Так Вася в ночь, когда с ним ездил Юрий, наловил 500 кг рыбы. Рыбаку официально разрешено привозить домой не более 3-х кг рыбы ежедневно. Продажа ловленной рыбы, в том числе воблы, вообще частная продажа рыбы запрещена, квалифицируется как воровство и наказуется разными сроками тюремного заключения. Вот почему рыбак боится рыбака, когда они встречаются при совершении таких сделок.

О чёрной икре и говорить нечего. Это – золото в буквальном смысле. Она идёт за рубеж в обмен на золото, поэтому в отношении продажи икры закон особенно свиреп. Если при поимке с поличным за воблу на первый раз простят, то за икру посадят как пить дать и на долгий срок. Всё это касается, разумеется, только продающих, а не покупающих. У последних икру просто отберут и напишут на место работы.

К вечеру отчаянный Васька привёз на своём куласе рыбу. Бросил нам на берег трёх сомов. Сомов здесь едят не целиком. А только хвостовую часть. Голову с потрохами и с доброй половиной мяса выбрасывают. Отнюдь не из-за несъедобности – сом здесь очень высоко ценится – следующая рыба после осетра, а так, с жиру, как говорится, бесятся.

Теперь всё стало на свои места. Стала понятна такая, поразившая нас вначале, бескорыстность рыбаков. Фактически мы находимся на территории завода, продукция которого не принадлежит его рабочим – рыбакам. Она сдаётся государству за бесценок.

Ну что стоит из полтонны пойманной рыбы отдать 4-5, даже 10 кг, как это сделал Вася при первом знакомстве? Пустяк, да и только. С другой стороны,

такая щедрость может выгодно обернуться, ведь приезжий это всегда потенциальный покупатель воблы, этого уже частного продукта.

11 мая

Последние записи.

9 мая был солнечный ветреный день. Утром небо было затянуто облаками, но потом, как это здесь случается, погода резко изменилась. Появилось солнышко, стало тепло.

Мы с Марьяшей дежурили. Пока я рубил сучья с большой ивы, вызвав страшный переполох в вороньей семье, обитавшей в её ветвях, Марина, по моей просьбе и собственному желанию, отправилась на байдарке к тоням, где рыбаки тянули сетями рыбу, и привезла оттуда сазана килограмм на 12, с икрой. Я заметил, что каждый новый сазан, которого мы получаем, крупнее предыдущего. Это экземпляр был рекордным по весу и по размерам.

Быстренько мы с ним расправились. Икры оказалось три полные миски; однако сварить его мы не успели. Прикатил бодрый Вася на своём куласе:

– Поднимайтесь, ребята, поехали.

Вася за эти дни стал у нас кем-то вроде Меркурия у римлян. Этакий проворный, покровительствующий нам бог.

Вообще рыбаки – фигуры колоритные. Издали сразу не отличишь одного от другого. Грубая рыбацкая роба, не пробиваемая ни ветрами, ни солнцем. Прямые короткие линии. Смуглые, да что там смуглые, цвета красного кирпича лица под широкополыми шляпами.

Натуры не такие уж простые, как кажется с первого знакомства. Нас, приезжих, прежде всего привлекла их простота и прямолинейность. Вежливы, по-своему, конечно. Бескорыстны. Однако внутренние их взаимоотношения посложнее, чем кажется. Город коснулся деревни одним только краешком, да мало что понял. Есть у них и свои собственные внутренние противоречия, да не очень-то они бросаются в глаза.

Впрочем, хватит об этом.

Вася очень помог нам. После его появления, сопровождавшегося прибаутками, всякой отвлечённой болтовнёй, в нашем заспавшемся коллективе началось движение.

Оказывается, расторопный Васенька, то ли из симпатии к Юрию, то ли просто по простоте натуры своей, уже успел договориться, чтобы нас отвез-

ла большая моторная лодка, на которой по каким-то своим делам приехал сюда начальник астраханской тюрьмы.

Побросали рыбу в кастрюли, упаковались. Вася стоял на яру и, размахивая руками, призывал моторку. Те вскоре подъехали. Лодка оказалась очень вместительной, её хозяин – майор, человеком очень гостеприимным.

Мы положили две «примы» сверху на каркас для тента, погрузили вещи и все ввосьмером расположились в кубрике. Юра поехал с Васей. Они тащили на буксире порожние «салют» и «луч». В конце пути выяснилось, что на старте опрокинули они «салют», потеряли сиденье, спинку и мою Тортиллу. Придётся ехать домой без черепахи.

В Тишкове время прошло незаметно в довольно бодром темпе.

Ещё раз местные жители поразили нас своим гостеприимством.

Сидели мы у местного продмага и пили сухое вино. Нас немедленно пригласили хозяева дома напротив. Поставили столик, накрыли скатертью, подали закуску. Всё это находилось на летней веранде. После деликатно удалились, как люди, исполнившие свой долг.

(– Это черт знает как восхитительно! – заметил режиссёр Серебряков).

Потом было обширное пивное заседание в местной забегаловке, скромно именующейся «Чайной» и показавшей нам обширные запасы пива.

Наконец-то сбылась мечта группы идиотов мужского пола: вобла встретилась с пивом.

Станислав исполнял под гитару романсы. Его бас, как я понял, потряс аудиторию, потому что каждая исполненная вещь сопровождалась аплодисментами. Наверное, редко в пивной Тишкова приходилось слушать столь блестящее исполнение и, наверное, разговоров после себя мы оставили на месяц. Не сомневаюсь; тем более, что в утеху молодой тишковской поросли я выдал несколько вещей Высоцкого, которого здесь, как оказалось, хорошо знали.

В результате этого творческого вечера я возвращался домой с одним из местных парней по имени Гена. Могучий, на 100 кг весом организм. Сильные бицепсы и хилая речь. Парняга простой, как шар. Затащил меня к себе на другой берег, куда мы переехали на пароме, и проводил до пристани с кипой воблы, которую я едва увязал в штормовку.

Здесь он долго мотался с нами в ожидании катера из Астрахани, помог грузиться и потом обнимал каждого из нас. Вообще на старенькой, покосившейся пристани собралась уйма народу. Кроме нас, отъезжала ещё группа

москвичей, тоже со своим Васей-покровителем, который тоже всё время острил, горланил и т.д. Катер отчалил под крики провожающих.

(–Это трогательно! – сказал режиссёр Серебряков).

И вот после бессонной ночи, которую я провёл на полу между сиденьями и поминутно отдёргивая голову от двух горячих труб, проходивших вдоль борта, мы прибыли в Астрахань.

Наши мешки были набиты воблой и сазаньими балыками. Было раннее утро и дул пронзительный холодный ветерок.

Флибустьеры привели себя в порядок и вступили в город.

Всё. Конец.

КОБОЖА – 71

Кобожа – река в Вологодской и Новгородской областях РСФСР, левый приток реки Мологи. Длина 150 км, площадь бассейна 2700 км. В верховьях протекает через небольшие озёра. Далее течёт среди лесистой и частично заболоченной местности. Сплавная. БСЭ, том 21, стр. 496

Выбор маршрута вытекает из цели путешествия. Наша главная цель – отдых с небольшой физической нагрузкой и умеренной сменой впечатлений. Столь скромные потребности объясняются тем, что в поход решено взять детей.

В поисках компромиссного варианта маршрута мы с Ларисой перекопали груду карт и перечитали массу тонких и толстых книжек, но долго не могли найти ничего подходящего, так как требования наши оказались чересчур противоречивыми,

1. Река должна быть достаточно спокойной, чтобы мамы не волновались.
2. Но не настолько, чтобы пап клонило в сон.
3. Река должна быть глухой и живописной.
4. Однако безнаселёнка тоже не годится. Дети.
5. Хочется также посмотреть старину – монастыри, церкви и пр.
6. Подъезд и отъезд должны быть на железной дороге.
7. Продукты желательно покупать в пути.
8. Должны быть грибы, ягоды, рыба.

… и так далее. Всего пунктов двадцать.

Она вынырнула-таки из груды материала, эта маленькая северная речка. Она выдержала экзамен, вполне сносно ответив на все двадцать вопросов, Ларису особенно успокоили строки из БСЭ: «течёт среди лесистой и частич-

но заболоченной местности». Значит, спокойная. Никаких порогов. Так была выбрана река Кобожа.

9 июля Москва

Одним из пунктов требований было непременное пребывание в столице. Это ради детей. Взрослым же, везущим багаж весом около 200 кг, встреча с Москвой не сулила радостей.

На перроне Павелецкого вокзала нас встретили Марьяша и Лёня, прибывшие в один день и час, одна – из Ленинграда, другой – из Мурманска. Обрадованная Марьяша бросилась нас обнимать, а Лёнька, представившись, немедленно принялся грызть меня за смену маршрута (одним из вариантов была река Пра). Тогда я взвалил на него сорокакилограммовый «Салют» и пообещал дорогой всё объяснить.

Нам повезло. Довольно быстро удалось найти грузовик, и через час с небольшим наши байдарки и рюкзаки уже находились в камере хранения тихого савёловского вокзала, воспетого Высоцким. Очень симпатичный вокзал. Ни толкотни на перронах, ни очередей у камер хранения.

Продовольственная бригада в составе Лёни, Люси, Гали и Марины отправилась по магазинам, а наши два почтенных семейства повезли детей на Красную площадь.

Итак, для наших сыновей путешествие уже началось. Мавзолей, Кремль, Царь-пушка, Царь-колокол, под обломком которого так интересно пролезть любознательному человеку, эскалатор метро (по паре раз вниз и вверх); наконец, стремительный полёт в такси по широким московским проспектам. К вечеру дети и мамы выдохлись. Первые – от впечатлений, вторые – от вопросов, и были рады оказаться, в конце концов, на перроне вокзала.

Наши вещи, целую гору, привёз на тачке под неумолчный ропот экономного Леонида старичок-грузчик. Он же был нашим единственным провожающим. Помахал на прощанье форменной фуражкой и побрёл вслед за двинувшимся поездом, катя впереди себя пустую тачку.

Дети уснули как убитые, едва коснувшись полок.

Кто есть кто?

Эта страничка скучная, но необходимая. Надо точно знать, что за люди отправляются в плаванье. Формальность? Ну, и пусть. У любого капитана обязательно есть список матросов, хотя он знает и так каждого, как облупленного. Не будем нарушать флотских порядков.

Имя	Профессия	Возраст	Место жительства	Обязанности в походе
Лукьянов Олег	инженер-конструктор	34	г. Саратов	капитан
Лукьянова Лариса	преподаватель СГУ	33	г. Саратов	мамы своих детей
Белокрыс Валя	преподаватель консерватории	30	г. Улан-Удэ	
Белокрыс Миша	преподаватель консерватории	30	г. Улан-Удэ	матрос
Серебров Леонид	биолог-подводник	32	г. Мурманск	завхоз
Годунова Галя	выпускница СГУ	24	г. Саратов	казначей
Чикирис Люся	выпускница СГУ	24	г. Саратов	сестра милосердия
Преображенская Марина	инженер-синоптик	29	г. Ломоносов	фотограф
Алёшка Белокрыс	дети своих родителей	4	г. Улан-Удэ	слушать мам и пап
Максим Лукьянов		6	г. Саратов	

10 июля

Прибыли на железнодорожную станцию Кобожа или Кабожа, как гласит табличка на станционном здании.

Шесть часов утра. Непроницаемо серое небо. Северный ветер несёт над крышами домов клубы водяной пыли. Изо рта валит пар. Температура воздуха 15-16 градусов. Дождь, бисерный, въедливый. Матросы ёжатся от холода. Вещи свалены на железнодорожную гальку. Уходят в туман чёрные нити рельсов. Там, в полутора километрах от станции река Кобожа. Чтобы сбить тусклое настроение, фотографируемся.

– Ну-с, – говорю бодрым насморочным голосом, – вещи на станцию, там теплее, потом поищем транспорт.

Быстро перенесли груз в здании станции и отправились втроём – Лёня, Лариса и я – к реке осмотреть подходы. От станции до железнодорожного моста около 1,5 км, однако всё расстояние мы не прошли. В середине пути встретили трактор с прицепом. Два человека в телогрейках пьют что-то из бутылки.

– Салют, мужики! Приятного аппетита! Есть одно интересное дело, надо довезти до реки вещи. Согласны?

Леонид, ёжась, скребёт спину, но не возражает. Трёшку придётся отдать, не переть же, в самом деле, поклажу на собственном горбу. Хотя если подумать… Не думай, парень, а садись-ка в кабину – мужичкам как раз не хватает ещё на бутылку.

Имеем три байдарки: «Салют» трёхместный, грузоподъёмность 350 кг, «Луч» также трёхместный, 320 кг и миниатюрную «Приму» – 190 кг.

Быстро загрузили прицеп, и мощный агрегат, лязгая гусеницами, медленно пополз по дороге.

Деревянные домишки, придавленные низкими, тяжёлыми тучами, мокрые ели. Прицеп долго, как во сне, ползёт по грязной петляющей дороге. В кузове на вещах трясётся команда, накрывшись полиэтиленовыми простынями. Я скачу вслед за прицепом с кинокамерой. На своих двоих. Детки сидят в тёплой кабине и таращат во все стороны счастливые глазёнки.

Расположились на пологом открытом берегу. Идеальное место для сборки байдарок. Сборка заняла свыше пяти часов. Долго возились с «Лучом», старой перезалатанной байдаркой с нестандартным деревянным набором.

Ширина реки у посёлка не более 30 метров. Вода прозрачная, хорошо просматривается дно.

Ещё три часа ушло на упаковку груза. Все тёплые вещи – в непромокаемые мешки, мешки под деку, в корму, на корму – куда влезет. На дно – надувные матрацы, подушки. Неужели всё поместится?

Пока взрослые заняты делом, дети бегают по берегу, заставляя мам волноваться. Максим копается в мокром песке, Алёшка проверяет на герметичность свои резиновые сапожки. А ну-ка, зайдём поглубже. Чудеса! Стоишь в воде, а ногам сухо. С нервным криком вскакивает мама и выдёргивает сына из воды.

– Мама! – удивлённо кричит Алёшка через минуту, – смотри, что я на том берегу нашёл!

Там на берегу, позвякивая бубенчиками, ходят пятнистые коровы.

Пообедали в уютной столовой. Обед оказался очень вкусным. Лёню прошибла слеза умиления, и он записал благодарность в соответствующую книгу. Мы все подписались.

Закупили основные продукты: сахар, крупы, масло, хлеб. Снабжение здесь хорошее. В местном посудо-хозяйственном магазине даже купили то, чего не смогли бы достать даже в Москве – чудесное белое эмалированное ведро.

«Луч» на воде. Марина и Галя уже сидят на своих местах. С некоторым трепетом жду, когда поместится Леонид. Он стоит по колено в воде, обхва-

тив байдарку ногами; налаживает сиденье. Решается судьба путешествия. Если «Луч» поднимет всех троих, значит, плывём, А то, в самом деле, придётся по очереди бежать по берегу. Леонид втискивает свою обширную казённую часть в переднее сиденье, борта со скрипом раздаются, байдарка погружается в воду с дифферентом на нос по самые швы. Ветхое судно, повинуясь толчкам вёсел, медленно выплывает на середину реки. Н-да, глубоковато сидят, но плыть можно. По дороге утрясёмся.

Торжественный долгожданный момент! Флотилия в составе трёх сильно нагруженных байдарок в 6 часов вечера отчаливает от берега. Нас провожала команда местных мальчишек.

Дождь кончился. Серая мгла рассасывается. Идти легко и приятно, потому что течение быстрое. Байдарки загружены до паспортных пределов. Река сильно петляет. При оценке расстояния по карте на этом участке следует вводить коэффициент 1,5.

По берегам луга, дальше за ними острые зубцы сосновых лесов. Через час хода – первое небольшое препятствие – старая заброшенная мельница. Под низким деревянным мостом лежит бревно; здесь раньше был водосливный лоток. От него остались деревянные доски, уходящие от бревна полого в глубину.

Мужчины вылезают на дощатый лоток и по колено в воде проводят байдарки под низким мостиком. Где-то здесь, за лесом, находятся деревни Горки и Левача.

Идём дальше. Река расширяется. Леса отступают ещё дальше, освобождая место пойменным лугам. Течение почти прекращается. Видимо, впереди плотина. Сильный встречный ветер. Байдарки растягиваются на километр. Позади всех борется с волнами экипаж «Салюта». В лучах невидимого нам закатного солнца пылают вершины сосен.

Выходим на обширнейший водоём и причаливаем к острову, поросшему мхом и редкими высокими соснами. Разбиваем лагерь. Почва уже обсушена ветром. Ветер пронизывает весь остров, раздувая бока палаток. Уже одиннадцать часов ночи, но ещё светло, вполне можно обходится без фонаря. Наскоро поужинав, ложимся спать.

11 июля

Утро. У костра возится с кастрюлями Галина. Леонид, воздев к лазурным небесам могучие чресла, рубит дрова.

Тепло и тихо. Ушедшие за ночь ветры унесли с собой все тучи.

Лариса с Максимом отправляются за грибами. Алёшка, игнорируя крики мамы Вали, опять лезет в воду. Надо же, наконец, проверить замечательные резиновые сапожки. Умывающийся неподалёку папа даёт сыну нагоняй, отчего тот ударяется в рёв. Эх, папа, испортил сыну настроение! (Папина физиономия так живописно разделана щетиной, что все приказы, исходящие от него, особенно убедительно действуют на ребёнка).

Леонид с охапкой дров, ступая осторожно, как дрессированный слон, обходит Галину. Ласково бормочет что-то насчёт кофе.

Максим влез по сучкам на высокую сосну, и теперь нервничает мама Лариса, вышедшая из лесу с грибами.

Латаем байдарку «Салют». Под деревом ревёт наказанный Алёшка. Папа решил довести до конца урок воспитания, но любящее мамино сердце не в состоянии долго выдерживать рёв – и ребёнок снова на свободе. Леонид делает неодобрительное замечание по поводу несогласованности родителей. (У него свои взгляды на воспитание детей, и все последующие дни он будет регулярно встревать в родительские споры, с комическим упорством пропагандируя свою, без сомнения, единственно верную линию воспитания. И Алёшка своей обаятельной серьёзностью очень напоминающий Маленького принца, приобретёт в лице большого и неуклюжего дяди Лёни не менее серьёзного оппонента, хотя и не будет догадываться об этом, ибо всё-таки в этом рослом дяде при всей его бранчливости, на каждый килограмм веса приходится, по крайней мере, полпуда доброты)…

Однако сплетни в сторону. Пора загружать байдарки, а работа эта долгая, Нужно затолкать все тряпки в тесные клеёнчатые колбасы и плотно начинить ими байдарки от кормы до носа. Три часа псу под хвост. Такая арифметика.

Остров позади. Через пять километров подходим к плотине. Шумит вода. Не разгружая байдарок, ввосьмером поочерёдно переносим их через насыпь. Сто метров сороконожкой. На полусогнутых. Спотыкаясь и тихо лаясь. Потом идём с детьми на мост смотреть, как падает вода. Позади стоячее болото, впереди живая живописная речка.

Байдарки одна за другой выходят из заводи на быстрину. Река петляет. Поворот, ещё поворот. Лес обступает берег, оставляя редкие пятачки полян. Вода прозрачна, как в колодце. Внизу, под тонким резиновым брюхом лодки скользит песчаное дно. Вниз по течению тянутся зелёные нити водорослей.

Проходим под железнодорожным мостом. Течение уменьшается, темнеет вода, река выносит байдарки в поистине сказочный мир. Увешанные се-

дыми нитями плечом к плечу стоят гигантские ели. Ни просвета. Воздух насыщен неярким вечерним светом. Тишина. Поперёк реки на воде лежит высохшая сосна, цепляясь за берег обнажёнными вывернутыми корнями, словно пальцами. Река подмывает берег, и деревья падают в воду, чтобы больше никогда не встать.

Вода наполнена запахом хвои. Отражения, отражения… Кучевые облака, подрумяненные солнцем, лежат в чёрном мраморе плёса. Вода отпечатала небо на своей поверхности, в точности сохранив все краски. Там, под нами, в чёрной бездне они кажутся ещё сочнее.

Молча стоим, курим и любуемся шедевром, созданным для нас природой. Щёлкают затворы. Остановись, мгновенье! Жаль, что фотографы мы хреновые, не унести нам с собой и тени этого заколдованного уголка. Вся красота померкнет в жалких чёрно-белых отпечатках.

Деток пейзаж не трогает. Их неискушённые умы волнуют вопросы:

– Мама, а эта сосна давно упала?

– Мама, а тут медведи водятся?

– Мама, смотри, кто это бежит по воде?

Максим, перегнувшись через борт, полощет в воде ладошки. Лёшка бросает щепку и попадает в огненное облако. Разбегаются идеальные концентрические круги. В них струится жидкое золото.

Плывём дальше. Лес редеет, поляны становятся просторнее. Лёшка поёт длинную песенку без слов. Максим читает книжку.

Проплывает одинокая берёза, величественная, как собор. Солнечные лучики пляшут в листве. По-прежнему тихо-тихо.

Разбиваем лагерь на ровной поляне, окружённой сосновым бором. Готовим ужин. В палатках светло, и свечей можно не зажигать. Спать ложимся поздно.

12 июля

И снова утро, и снова облака, предвещающие продолжительную собачью погоду. И тот же бисерный дождь с порывами ветра. Тускло блестит вода в Кобоже. Дежурный Миша, стоя на четвереньках, раздувает костёр. Дым стелется по мокрой траве. В палатке тепло и сухо. Посапывает во сне Максим. Ларисы нет. Уже ускакала за грибами. Грибов здесь много, но большинство гнилые. Весь июнь было холодно и шли дожди.

Опять сборы съедают массу времени. Отчаливаем в одиннадцать часов. Очень поздно, но ничего не поделаешь, слишком много барахла на три

лодки, слишком много народу. Не хватает как раз одной двухместной байдарки.

К полудню погода удивительнейшим образом меняется. Ветер слизывает серую муть, и, как на переводной картинке, вдруг обнажается голубое, свежевымытое небо.

Ветра здесь сильные, они весь день гуляют над тайгой, раскачивая верхушки деревьев; они работают то на нас, то против нас, эти циклоны и антициклоны.

А река всё расширяется, появляются белые кувшинки, заросли болотных растений. Значит, скоро опять плотина. Вот и деревня Горны. Прямо на воде у берега стоит высокий деревянный дом – электростанция. Опять обнос. Байдарка, обхваченная восемью парами рук, медленно поднимается из воды и ложится на плечи. Пошла сороконожка! Местные ребятишки показывают дорогу, Мы уже на территории Вологодской области.

Всё. Плотин больше не будет. Дальше, у села Трухино, нас ждёт первая шивера – мелкий каменистый перекат. Он появляется часа через два. Перед автомобильным мостом река широко разливается и мелеет. Вода бурлит и переливается чешуйками волн. Подходим ближе. Животы байдарок чиркают по песчаному дну, дальше идут каменистые отмели. Мужчины вылезают в воду и метров сто проводят байдарки руками. Мамы, вцепившись в детей, с надеждой осматривают берега. Но берега далеко, и вода там быстра. Не успеешь причалить – и понесёт на мост. А здесь, на середине реки, удобно выбрать оптимальный вариант прохода.

Бездетный «Луч», управляемый многоопытным Леонидом, дружно работая вёслами, входит в центральную струю, быстро приближается к среднему пролёту моста и легко проскакивает между быками. Марьяша качает над головой веслом, что значит – будьте внимательны. Бледные мамы ещё раз проверяют надувные пояса своих детей. Теперь моя очередь. Снимаю «Приму» с мели. Течение подхватывает лёгкую байдарку и выносит на стартовую точку – в центр реки. Здесь река разбивается на несколько рукавов, разделённых каменистыми мелями, и стремительными потоками уходит под быки моста. Там пузырится пена и пляшут волны вокруг больших камней. Байдарка ныряет в резвящуюся струю. Чтобы не потерять управление, (худшее, что может случиться), приходится энергично грести. Скользим, как по наклонной плоскости, с возрастающей скоростью. Навстречу мчится мост, всё увеличиваясь в размерах. На миг становится темно. Байдарка, чиркнув дном о камень, вылетает на простор.

Вслед за нами успешно проходит «Салют». Течение тащит лодки ещё метров двести. Останавливаемся на мелком месте проверить, нет ли пробоин. Всё в порядке, воды в лодках нет.

Проходим одну излучину и видим старый разрушенный мост. Одиноко торчат деревянные быки. Пролёт осел в воду. Лёнька подходит к правому быку и вылезает из байдарки на деревянный уступ. Мы причаливаем к берегу. Мамы остаются в лодках. А мы с Мишей вброд пробираемся к Леониду, стоящему по щиколотку в воде между быками. Настил погружён в воду. Заплесневелые скользкие доски еле держатся, а местами их совсем нет. Из обнажённых брусьев пролёта торчат крупные ржавые шляпки гвоздей. С грузом не пройти. Обнос опять отнимет много времени. Принимаем решение пронести байдарки «сороконожкой» прямо по настилу.

Первым проносим «Луч». Пых да пых. Леонид, Миша, я и Люся – бригада богатырей. Байдарка тяжёлая, как бревно. Поднимаем, делаем шаг, опускаем. Осторожно-осторожно между гвоздей. Скорость черепашья. Пять метров растягиваются в добрую версту. Наконец, байдарка на плаву, а мы по пояс в воде.

Переправа заняла чуть ли не час.

Идёт третий ходовой день, а мы уже отстаём от графика на 20 км. По плану мы должны пройти всю Кобожу за неделю и, отдохнув день в Устюжне, идти по полноводной Мологе ещё 100 км до Рыбинского водохранилища. Удастся ли? Кажется, Кобожа заставит нас сократить протяжённость маршрута

13 июля

Да, течение быстрое. Экипажу «Салюта» пришлось первому испытать её силу.

Однако по порядку.

Итак, Кобожа. Кобожа, Кобожа, неизвестная загадочная речка! Здесь есть всё, что способно надолго, на всю жизнь, насытить память впечатлениями. Могучие сосновые леса, глухие, непроходимые, заковавшие речку по обоим берегам. Есть и мирные плёсы с лугами большими и малыми, есть мели и перекаты и даже небольшие пороги. Удивительно чиста вода в Кобоже. Она мчит свои светлые струи над песчаным коричневым дном, которое хорошо видно. Здесь много рыбы. По берегам в конце июля, в августе изобилие ягоды.

Лёнька, дотошный подводник, взял с собой в поход тяжеленный бокс для подводной съёмки. Я скрипел на него за этот бокс, когда мы отправлялись,

и, оказывается, зря, ибо прозрачность воды весьма высокая. Вода здесь холодная, я бы сказал, освежающая. И какая-то девственно чистая, как колодезная. Станешь по грудь – и видно всё тело до дна.

А песок! Он здесь тянется по всему донному рельефу. Мягкий, шелковистый, без малейшего налёта ила.

Река своеобразная и живая. То она мчит среди хвоща и зарослей осоки, бурля и переливаясь на солнце, то разливается на плёсах недвижным чёрным мрамором.

Вот плёс окружён глухим сосновым бором, и в мягком вечернем освещении золотятся верхушки сосен. Вечерний неяркий свет насыщает воздух. Отражения деревьев удивительно отчётливо, отчётливее, чем сами деревья. Вода напоена запахом хвои.

Вот лежит на воде старая седая сосна, обнажив корни. Вода подмывает крутой берег, и деревья падают, чтобы никогда больше не встать.

Отражения, отражения… Кучевые облака, подрумяненные солнцем, лежат в чёрном мраморе плёса. Вода приняла небо на свою поверхность, изумительно точно сохранив все его красоты.

«Ночью вода вертикальна, как лес; лес подошёл к воде» – это про кобожанские плёсы.

Очень вкусна вода в Кобоже. Её можно пить сырой. На реке нет никаких вредных предприятий – вот почему чиста вода. И ещё потому что речка быстрая, а дно песчаное.

Кобожанский коктейль. Этот напиток изобрёл Лёня Серебров, название ему дал Миша. Делается он так: зачерпывается прямо за бортом кружка воды, в неё добавляется лимонная кислота, две ложки клубничного сиропа – и коктейль готов к употреблению. Он очень приятен на вкус, прохладен и хорошо утоляет жажду.

Здесь много елей и сосен. Они на отдельных участках тянутся вдоль берегов сплошной стеной, иногда расступаются, чтобы освободить для ищущего стоянку путешественника обширную ровную поляну или полянку.

Попадаются берёзы и целые берёзовые леса. Вологодские берёзы это могучие раскидистые деревья. Вот стоит на невысоком крутом берегу гигантская красавица, одна-одинёшенька. Её ветви свисают вниз и дрожат тысячами зелёных огоньков трепещущие от ветра листики. Лучи солнца пронзают крону, сверкают и переливаются в листве. Берёза медленно проплывает и остаётся за поворотом.

Иногда леса обрываются и начинаются луга. Ветер несёт запах свежего сена. На луговой равнине стоят стога. Они особенной, не нашей саратовской, кладки. Наши стога громоздки, как амбары, и неуклюжи. Эти стога очень изящны. Они намётываются вокруг вертикального, высокого шеста, они вытянуты вверх, круглы и продолговаты. Они сделаны с определённым архитектурным вкусом, по-видимому, выработанным практикой.

14 июля

А теперь начались валуны. Они лежат группами и в одиночку на дне у самого берега и прямо на берегу. Они прячутся в осоке, высунув из воды шершавые коричневые лысины и придавая пейзажу благородную северную суровость.

«В речке каменной бьются камни, по гранитным скользя камням. Древними каменными глазами смотрят горы на меня…» Гор здесь, правда, нет, но всё равно красиво; полагаю, не хуже, чем в песне Ады Якушевой.

Лихо лавируем между валунами на смеющихся быстринах, нарочно проходя в сантиметре от каменных голов. Это спортивно. Это увлекает. И вдруг на хорошем разгоне – крепкий толчок в пятую точку. «Прима», выгнувшись дугой, повисает на каменном лбе. Чтобы снять байдарку, приходится лезть в воду. Справа от меня аналогичным делом занят «Луч». Вот так. Оказывается, камни тут положены не столько для придания пейзажу суровости, сколько для того, чтобы давать пинки ротозеям-рулевым.

Образованный Леонид поясняет, что камни эти – следы древнего ледника, а посему лежат не как попало, а по ходу ледника – грядами. Булыжник на берегу почти всегда означает, что здесь проходит цепь подводных камней. Если течение быстрое, они выдают себя «чёлочкой» из стоячих волн, а при благоприятном освещении уже издали видны в прозрачной воде.

Теперь то и дело слышатся крики:

– Внимание! Впереди быстрина с камнями!

– Справа по борту камень!

– Сюда не ходите – мы сидим!

Нет, мамы, не будет вам покоя на этой реке.

Подходим к небольшой деревушке. Берега обнажаются, в этом лесном краю сёла ищут простора. Причаливаем к низкому берегу. Нас окружают ребятишки. Иду в село в сопровождении двух окающих добровольцев. На деревенской улице пустынно. По дороге заходим за продавщицей. В рамках сельского сервиса магазины работают «по требованию». Набиваю карманы штор-

мовки крупами, сахаром, банками (забыл взять рюкзак). Добровольцы тащат хлеб. Выдаю им за работу по значку с изображением моста через Волгу.

На берегу мамы допрашивают оставшихся пацанов Их интересует единственный вопрос – много ли впереди перекатов. Выясняется, что ниже речушки Белой есть небольшой порог, километрах в двадцати отсюда. Ну, теперь хватит пищи для переживаний! Холостая половина команды рвётся в бой. Мамы, напротив, тускнеют. Они твёрдо решили провести детей по берегу, тем более, что на вопрос, как себя вели предыдущие группы, конопатый гид ответил, задумчиво почесав нос: «Которые обносят, а которые совсем отчаянные, так те проходят.

Опять дождь. Укрываемся плёнками. Ещё деревня. Высаживаемся и идём за молоком. Обедаем на берегу и трогаем дальше. Деток, надувшихся молока, клонит в сон. Алёшка укладывается на колени к маме, Максим тоже кое-как приспосабливается на матраце. Лариса укрывает его курткой.

К вечеру становится тихо и светло. Небо опять чисто. Пора искать стоянку. Крутой песчаный берег. На лугу стоит огромный дуб. Ни ветерка. Противно ноют комары. Вот с вами, ребята, мы ещё как следует незнакомы. Не было подходящих условий: то дождь, то ветер.

Ставим палатки. Готовим манную кашу пополам с комарами и, набив желудки, направляемся к своим «брезентовым неуютам». Здесь неистовствует комариное воинство, поэтому действовать приходится быстро. Открывается краешек марлевого полога. Первыми лезут мама и сын, а за это время комары успевают принюхаться к тебе, большому и вкусному, и вот, пресмыкаясь, как перешибленная змея, ты вползаешь в палатку, получая вдогонку злые укусы в не защищённую мазью часть тела, ту самую, которую пуще всего надлежит беречь гребцу.

15 июля

В том месте, где мы ночевали, река поворачивает назад, огибая длинный мыс, и мчится по осоковому коридору. Я сижу на берегу мыса с кинокамерой в руках и жду появления «Луча». Прямо подо мной в воде лежит громадный камень, загромождая и без того узкий проход. Поток, чуть переламываясь, уходит под свисающие над берегом ветви деревьев. Хорошее место для съёмки.

Из-за мыса выворачивает «Луч». На переднем сиденье возвышается Леонид. Что-то кричит через плечо своей дамской команде. Отчаянно размахивает вёслами Марьяша, едва поспевая за рулевым. Покачиваясь на волнах, «Луч» уверенно проскакивает узкое место.

Минут через пять появляется замешкавшийся «Салют». В рамке видоискателя – щетинистая физиономия Миши, младшего матроса, дослужившегося до рулевого. За ним, вцепившись в Алёшку, сидит Валентина. У неё вид человека, над которым внезапно замахнулись палкой. Немножко вразнобой с Мишкой работает мощный кормовой двигатель – Люся. Проходят впритирку к камню, чиркнув вёслами…

Музыкальный экипаж «Салюта» весь день распевает песни по очереди: то папа, то сын. Папино пение отличается богатством репертуара и техникой исполнения, зато сын – мастер импровизации. В его вокальных фантазиях отчётливо звучит безмятежная радость бытия.

С идущего впереди «Луча» раздаётся крик: «Внимание, перекат!» И пение прекращается. В чаще остролистого болотного растения прорезается узкий проход. Течение резко убыстряется. Быстрей, ещё быстрей! Пока не поздно, ныряем в заросли. Здесь не снесёт. Глубина не более метра. К берегу не пробиться – сплошные джунгли, а переть с детьми наобум рискованно. Вылезаем в воду и идём вниз по протоке – Миша, Лёнька и я. Течение свирепое. Идём вдоль травяной стены. Воды здесь по колено. Протока поворачивает вправо и сужается. Вода, бурля, перекатывается через камни. Намечаем линию движения. Первый камень обойти легко, надо только энергично грести, чтобы не потерять управление. Дальше идёт второй. Временной интервал между обоими камнями не больше четырёх-пяти секунд. Надо успеть пересечь протоку по диагонали. Грести как можно сильнее. Затем следует ещё поворот, круче первого. Прижим к левому берегу. Там лежит топляк. Сильно работаем левым веслом. Дальше – плёс. Кажется, всё ясно, мужики? Вопросов нет? Надеюсь, вы догадываетесь, что это и есть тот самый порог, о котором говорили мальчишки. Чур, мамам не говорить, всё равно пятиться поздно. Уже проскочили удобный для обноса берег, а против течения на вёслах не пройдёшь.

Возвращаемся назад той же дорогой, вдоль осоки. В босые ступни впиваются острые камни. Идиот! Пожалел кеды, теперь расплачивайся собственной кожей. Нет, идти по такому дну босиком положительно невозможно. Вода хлещет в живот, и, пытаясь сохранить равновесие, всё время напарываешься на камни. Лезу в чащу, не выдержав пытки. Там помельче и дно песчаное.

Порог, в сущности, простой. Мои саратовские коллеги-водники, ходившие по порогам Катуни и Чёрного Черемоша, проскочили бы его, даже не подумав вылезать из лодок. Иное дело мы: половина личного состава – необученные матросы, и для них этот порог – препятствие достаточно серьёзное.

Проплутав в чащобе, вылезаю в протоку прямо напротив лодок. Парни уже подготовили мам.

Первыми идём мы с Ларисой и Максимом. Втискиваюсь в сиденье. Лариса отпускает стебли. Течение немедленно подхватывает байдарку. Едва успеваю просунуть ноги в рулевые педали и выровнять лодку, как появляется первый камень. Обходим впритирку; давлю на левую педаль, несколько энергичных рывков – и второй булыжник, весь в клокочущей пене, пролетает мимо борта. Крутой вираж левой лопастью – байдарка лихо проносится в полуметре от топляка и выпархивает на чистую воду. Останавливаемся на песчаной отмели. Хватаю кинокамеру и бегу по воде вдоль мели к повороту. Едва успеваю приложиться к глазку видоискателя, как протока буквально выплёвывает «Луч». Причаливают к левому берегу метров на тридцать выше меня. Галя остаётся в лодке, а Лёнька с Мариной выпрыгивают в воду, не забыв прихватить аппаратуру. Спешат вверх по течению подстраховать «Салют».

А между тем экипаж «Салюта», не выдержав ожидания, бросается прямо чёрту на рога. И вот что из этого получается.

Незабываемая картина! По пояс в ревущих струях стоит бледная мать, прижимая к груди орущее дитя. Чуяло ведь, чуяло материнское сердце! Щетинистый крепыш в кепочке остервенело ворочает затопленную байдарку, пытаясь снять её с камня. Его лицо перекошено от напряжения. Наверное, он в эту секунду проклинает товарищей, покинувших его в беде, и, возможно, даже матерится (шёпотом, конечно), несмотря на образцовое воспитание. Но товарищи уже спешат на помощь, борясь с волнами и не забывая, однако, прикладываться к глазкам своих фотоаппаратов. Их можно понять: нельзя упустить бесценные кадры, тем более, что экипажу пострадавшего судна серьёзная опасность не угрожает. Вон уже сняли лодку, не дожидаясь помощи, и уж в крайнем случае (оправдывают они себя, щёлкая на ходу затворами фотоаппаратов) всё это поплывёт вниз и никак не минует их дружеских рук, а шести рук как раз хватит, чтобы надёжно перекрыть протоку…

Сценка вторая, снятая на киноплёнку.

Пропоротую байдарку бережно выводят на тихую воду. Вниз по течению идёт рослый человек с ребёнком на руках. Сюжет почти библейский. Алексей Белокрыс в дружеских лапах своего оппонента Леонида Сереброва.

А вот, растянувшись цепочкой, матросы переправляют на берег вещи с потопленной байдарки. Вот они уже на берегу. Считают убытки. На ра-

зостланной полиэтиленовой скатерти лежат пачки мокрых сигарет, сбившаяся колтуном лапша, буханки хлеба, мягкие и мокрые, как губка. Всё, решительно всё промокло. Вот что значит небрежная упаковка!. Завёрнутый в сухое одеяло Алёшка – в центре внимания. У палатки, в стороне стоит забытый на время Максим. Он ужасно завидует Алёшке…

После первого потрясения Валя быстро опомнилась, а Миша вообще вёл себя хладнокровно. Мишей я остался в этом походе очень доволен. Они оба молодцы. Впервые в жизни, с ребёнком, рискнули двинуться по незнакомой реке на незнакомом виде транспорта, положившись целиком на мой туристский опыт, и, попав в небольшую аварию, впрочем, более чем достаточную, чтобы запугать новичка, не скандалили потом, не упрекали меня ни в чём, в общем вели себя, как прирождённые путешественники.

А Валя очень испугалась. Достаточно сказать, что Алёшку на несколько секунд накрыло ревущей водой и Валя, сама стоя по пояс в воде, своевременно извлекла его из затопленной лодки.

Вообще же серьёзной опасности им не угрожало, ибо на Алёшке был спасательный пояс, течение хоть и быстрое, но мелкое, и, кроме того, ниже по течению уже стояли по колено в воде экипажи благополучно прошедших лодок – на тот самый случай, чтобы поймать, если что унесёт водой. Алёшку ловить не пришлось – Валя держала его мёртвой хваткой, так что, если бы и пришлось ловить, так только их обоих.

Байдарка заклеена. Продукты и вещи высушены. Матросы сидят у костра на солнечном пригорке, делятся впечатлениями и уписывают новейшее кулинарное изобретение Леонида Сереброва (кстати, большого любителя вкусно поесть), названное им «Кекс по-кобожански» Воспроизвести это великолепное блюдо в городских условиях невозможно. Для этого требуются слишком дефицитные компоненты: хлеб, пропитанный кобожанской, именно кобожанской, а не какой-либо другой водой, сахар, вымоченный там же и как масло намазанный на корку. Кроме того, нужны горячие сосновые угли, придающие изделию специфический горьковатый аромат, когда осторожно уложенное на жестяную сковороду, оно обволакивается клубами копоти. В общем, кекс по-кобожански – блюдо уникальное, а следовательно, неповторимое.

Но самое интересное заключается в том, что Миша, пока сохли продукты, провёл рекогносцировку местности и обнаружил в зарослях, в стороне от коварного порожка, удобный и лёгкий проход.

17 июля

Вчерашняя авария произошла на шестьдесят пятом километре маршрута. Её причина в том, что экипаж «Салюта» прекратил грести в самый ответственный момент, положившись на течение. На повороте, в полном соответствии с законами физики, центробежная сила сорвала уже неуправляемую байдарку с основной струи и направила на камень.

И снова тишина. Плёсы, заводи, покрытые россыпями белых лилий. Приливы лёгкого ветерка несут лесные запахи, среди которых преобладает густой и влажный аромат хвои. Из зарослей осоки вспархивают две вспугнутые утки и, часто хлопая крыльями, уходят низко над водой за поворот реки.

Моросит дождь. Гребу в одиночку. Лариса и Максим сидят, укрывшись плёнкой, как в домике, и играют в какую-то словесную игру. Лёнька, идущий неподалёку от нас, высказывает одну интересную мысль. Он заметил, что, если долго идут плёсы, значит, впереди что-то тормозит движение реки: либо разрушенный мост, либо перекат, либо порог. Лариса, услышав последние слова, стягивает плёнку:

– Что? Опять порог?

– Да вот, Лёне тишина кажется подозрительной.

Лариса сворачивает плёнку и берётся за весло, потому что голова у Лёньки умная. И его надо слушать…

Так и есть. Выплываем из чащи на чистую воду и видим:

От правого берега до середины реки тянется двойной ряд спиленных деревянных свай. Вода с шумом перекатывается через них. Слева – пенистая гряда, там, по-видимому, камни, а в середине, между сваями и камнями – проход на ширину весла. Долго сдерживаемая вода разряжает здесь накопленную энергию, сливаясь в единую струю. Безгрешный Лёнька, не замедляя хода, влетает в воротца близко от свай. Байдарка быстро и плавно переваливает линию водослива и, чуть наклонившись носом, скользит вниз. По воде за кормой бегут маленькие воронки от вёсел. Сквозь шум воды доносится писк Марьяши и невнятное бормотание Лёньки. Качают веслом в воздухе, показывают рукой вправо. Ни черта не разобрать.

«Салют» прибивается к осоке, где течение тише. Кричу им, чтобы без команды не трогались (хватит впечатлений), и направляю байдарку в проход. Препятствие простое, нужно только точно попасть в ворота водослива.

Длинные, сильные взмахи вёсел, скорость километров под двадцать; стремительно надвигается бурлящая гряда. Идём точно по центру струи.

Но что там опять кричит Лёнька? Тоже выбрал момент для объяснений!

В последнюю секунду давлю на левую педаль, направляя байдарку на буруны. Зачем? Чёрт знает, зачем. И вот на полном ходу – х-р-р-р, обшивкой по камням. Нас по инерции швыряет вперёд. Стоп, приехали!

Дальнейшее укладывается в считанные секунды. Первые две секунды – поток набрасывается на беспомощную лодку и начинает разворачивать лагом, вода хлещет в бок. Третья секунда – отчаянно вопит Максим. Краем глаза охватываю его сморщенное от страха лицо и четверть минуты соображаю, что нужно делать. Четвёртая секунда – выпрыгиваю из лодки – и как раз во время. Ещё немного – и нас неминуемо опрокинуло бы. Обхватываю байдарку за корму и пытаюсь сдвинуть. Никак.

Максим ревёт ещё громче. Лариса, дрожа, как осиновый лист, спокойным голосом объясняет ему, что всё в порядке, опасность нам не угрожает, и сейчас папа снимет байдарку с камней. Молодец, девочка!

Папа же, надрывая пуп, наконец отрывает лодку от камня. Подоспевшая волна переносит её через буруны, и она на миг зарывается носом в волну, черпанув с полведра воды.

Соскальзываю с камней и оказываюсь по горло в воде. Плыву за байдаркой к берегу. Но что-то болтается на пузе, мешает плыть. Ах, чёрт! Кинокамера! Снимаю с шеи и передаю Ларисе. Через минуту причаливаем к берегу, осматриваем обшивку. Максим уже успокоился. Удивительное дело – все деревянные части целы, а на обшивке только длинная рыхлая царапина, легко заклеиваемая лейкопластырем. Очень дёшево отделались…

Экипаж «Салюта» терпеливо ждёт инструкций. Лёнька подобрался к ним с берега и объясняет, как идти. Я по столбикам пробираюсь с фотоаппаратом на середину реки к самому водосливу. Вот проносится «Салют». Проклятье! Плёнки осталось полкадра. Строчу вдогонку кинокамерой. Тр-р-р – заело.

Короткая передышка с выходом на берег. Едим бутерброды, так как на обед времени нет – надо торопиться.

Максим удовлетворён и больше не завидует Алёшке. Страхи прошли, и теперь не грех похрабриться, а на провокационный вопрос родителей, почему он тогда так громко кричал, уже готов прекрасный, правдоподобный ответ: «Я же кричал от радости!»

18 июля

Сегодня день спокойного плавания. Не спеша останавливаемся на обед. С утра пройдено восемнадцать километров, можно пару часов отдохнуть.

Варим щи из щавеля. В тени на пригорке спят дети на надувных матрацах. Здесь гуляет ветерок и относит комаров.

Пока варится обед, я изготавливаю из консервной банки вполне приличный половник с длинной ручкой. До сих пор пользовались обыкновенной ложкой, привязанной к палке. Лариса опять приносит грибов – горсти две блестящих маленьких маслят, пару свежих подберёзовиков и несколько подосиновиков. Отличная приправа к щам.

Надо заметить, что попали мы на Кобожу не в сезон. Природных продуктов не так уж много.

На первой стоянке, на острове, Миша с утра пораньше надёргал рыбки, а Лариса раздобыла черники. Там её было много, целые заросли, но почти вся неспелая.

В дальнейшем у нас всё время уходило на загрузку лодок и борьбу с препятствиями, а на сбор растительной пищи времени почти не оставалось.

Когда надоедали концентраты, мы выбирали подходящее место по рекомендации Ларисы, делали на полчаса остановку и прочёсывали окрестный соснячок, растянувшись цепь. Бывали удачи.

Купаемся в Кобоже. Температура воды градусов восемнадцать. Течение уносит песок из-под пяток. Дно мягкое, чистое. Подожмёшь ноги – и поплыл вместе с течением.

Обед. На второе спагетти. Максиму очень они нравятся. Возьмёшь хвостик в рот и тянешь из тарелки полуметровую макаронину.

Всё, что не съедается матросами, всегда находит место в вечно голодной утробе Леонида. Сегодня после очередного погружения с маской у него аппетит, как у африканского слона.

После того, как на одной из первых стоянок он с помощью элементарной алюминиевой ложки и буханки хлеба обратил в прах содержимое пятилитрового котелка, оставшегося почти нетронутым вследствие нерасчётливости дежурных, все пришли в почтительный восторг. Лёньке было выдано право первого доедалы и присвоено почётное звание Господин Главжелудок. Званием этим Леонид весьма гордился и впоследствии иногда напоминал о нём, чтобы мы не забывали.

Пятнадцать минут на сборы. Экипаж «Салюта» намертво завязывает горловины мешков. Два часа движения среди лугов, но вот тайга снова придвигается к самым берегам.

Открывается гигантская поляна, окаймлённая полосой соснового леса. На крутом берегу , прижавшись спиной к лесу, стоит деревянный дом. Это

что за контора? Надо посмотреть. Посланные на разведку Валя, Галя и Марина возвращаются минут через десять, такие счастливые, словно нашли колодец с живой водой.

Никакая это не контора. Там никого нет. Это настоящая таёжная избушка для охотников! Там даже печка есть! И картошка! И стол, и нары!

Личный состав флотилии спешно покидает корабль. Последним плетётся капитан, чуя: опять останутся не пройденными намеченные на сегодня километры.

Дом в самом деле хорош. Дверь, подпёртая колом, ведёт в сени. К чердачному окну приставлена лесенка. Впрочем, окна как такового нет – доски отодраны.

Из сеней вход в просторную, чисто выметенную комнату. Справа у стены печь, а на уступе печи кучка картофелин и соль в пачке. Слева, вдоль окон, от стены до стены в полуметре от пола тянутся нары человек на десять. Посередине комнаты – грубо сколоченный стол. У стола – длинная лавка и здоровенный сосновый чурбан. Становится совершенно ясно, что дальше мы сегодня не пойдём, и я официально объявляю стоянку.

Из лодок вытаскиваются необходимые вещи. По поляне от дома к берегу бегают воодушевившиеся матросы.

Разжигаем печь, стелим на нары спальные мешки. Лариса отправляется за грибами.

Подъём необыкновенный! Всего шесть дней в пути, а уже соскучились по комфорту. Надоело лазить на четырёх в палатку и обедать, по-арабски поджав ноги, отбиваясь от комаров.

Вечер. Сидим на нарах и лавке за столом, уставленным едой. Ярко горят четыре свечи. В комнате тепло. Играют тени на бревенчатых стенах, и гудит огонь в печке. Над котелком с грибной лапшой клубится ароматнейший пар. Рядом аппетитно поблескивает бутылка «Экстры», уже опорожненная наполовину. Болтают охмелевшие матросы, а поговорить есть о чём. Бутылка делает заключительный круг, задерживаясь на этот раз только у мужчин, и пустая отправляется в угол. Миша оттопыривает локоть с кружкой в руке и, осенив себя широким крестом, рубит: «Премного благодарны, вашбродь!» Глаза выпучены, грудь колесом – натуральный фельдфебель николаевской армии.

Плывут блаженные минуты, прочно оседая в памяти десяти мореплавателей.

18 июля

Свежайшее, стерильное утро. Блестит на повороте река; далеко к голубым горизонтам простирается тайга. Солнце давно встало. Тихо, ни ветерка.

Обхожу кругом домик и в пяти шагах вижу крупного серого зайца. Вот так встреча!

– Здорово, парень! Ты чего тут делаешь?

Заяц несколько секунд удивлённо смотрит на меня блестящими тёмными глазами и, повернувшись, не торопясь, скачет в лес.

– Эй, куда ты? Подожди! Сейчас я приведу двух замечательных пацанов, которые до смерти будут рады увидеть тебя, длинноухий!

Куда там – даже не обернулся.

На реке девочки моют песком посуду, Леонид стоит с веслом на маленьком деревянном плотике. У его ног сложено подводное снаряжение: ласты, маска, фотобокс. Леонид – единственный среди нас стопроцентный морской волк. Подводный мир – его рабочее место. Свободное от дежурств время, равно как и время самих дежурств, он посвящает изучению подводного царства реки Кобожи. Очень интересно смотреть, как он ныряет. Вот над водой появляется стеклянная морда и, осмотревшись, исчезает. Следует неистовое шевеление вод, вследствие чего река слегка выходит из берегов, и вместо головы на поверхности показывается противоположная часть тела, обтянутая плавками никак не меньше шестидесятого размера. Засим из воды вырастают две гигантские белые колонны, увенчанные резиновыми ластами – и всё сооружение медленно уходит в глубину. Бывает, что движение вдруг приостанавливается, и стоящие на берегу ощущают лёгкое сотрясение почвы. Это означает, что водолаз, забыв, что Кобожа – не Баренцево море, упёрся в дно черепной крышкой…

Домик убран. Байдарки загружены. Мамы вытаскивают откуда-то из подполья любознательных детей. Пора в путь. Согласно традиции, оставляем на столе немного продуктов взамен съеденной (кстати с большим аппетитом) картошки. Подпираем дверь колом. До свидания, домик!

До устья сорок километров. По спокойной реке это расстояние можно пройти за день – восемь ходовых часов. Но мы уже изучили характер Кобожи. Неизвестно, каких ещё она прячет чертей.

А пока всё тихо. Берега пустеют. Появляются квадраты вырубленного леса. Здесь поработали лесоразработчики. По дренажным канавам из осушаемых болот в реку течёт гнусная жижа. Вода мутнеет. Теперь коктейль покобожански пить опасно.

Новые места – новые препятствия. Начинают попадаться одинокие брёвна. Они лежат вдоль и поперёк реки, как крокодилы, высунув наружу тупые рыла. Наиболее подлые из них лежат на дне, ратопырив сучки. Доселе чистая и откровенная Кобожа становится коварной. Внимание всё время напряжено.

Быстрина с топляками. Идём с интервалом в десять-пятнадцать метров. Теперь всё время лидирует «Луч». Успешно лавируем между брёвен, табаним вёслами в подозрительных местах, жмёмся к берегам.

Ещё вчера я полагал, что нам всё-таки удастся за день дойти до устья. На позапрошлой стоянке была даже заготовлена мачта под парус, однако теперь нам становится совершенно ясно, что Кобожа нас задешево не пропустит к полноводной Молое и ещё пощекочет животы наших байдарок своими каменными перекатами. Не желая с нами расставаться, она пускает в ход сразу весь арсенал уже известных нам средств – быстрины с камнями и топляками, каменистые мели, заросли осоки и, наконец, перекаты.

Всё перекаты, да перекаты,
Послать бы их по адресу.
На это место уж нету карты –
И мы идём по абрису.

Да, пора бы послать их по адресу. Песню про перекаты за последний день до выхода к Мологе прочувствовал каждый. В этой песне всё совпадало с нашими маленькими приключениями. Каждая строчка. Мы тоже шли по абрису, не имея представления о грядущих коварствах речки Кобожи, и тоже шли к большой реке и тоже не хотели расставаться с этой вредной, взбалмошной, но всё же симпатичной для каждого речкой, к которой все мы успели привязаться.

Перекаты следуют один за другим. Вылезаем из лодок каждые полчаса. Вот ощетинилась полукилометровая шивера. Дно – как хорошая тёрка. Ахнуть не успеешь – и брюхо пропорото, а каждый прокол – потерянные часы, которых никак не хватает.

Женщины идут с детьми по ровному открытому берегу. Сверху хорошо смотреть, как мы проводим байдарки. На этот раз, не рискуя босыми ступнями, надеваю шерстяные носки. Идём по колено в воде, я первый, за мной – Миша. Впереди на бечеве – байдарки.

Шумит перекат, широко разлилась река. В подходящем месте быстро сажусь в заднее сиденье и, свесив по бортам ноги в мокрых носках, берусь за

весло. Байдарка легко, как соломина, проносится над камнями. Огибаю каменную плиту, поворот вправо, поворот влево. Сзади за мной мчатся Мишка и Лёня. За две минуты догоняем ушедших вперёд женщин. Только сели – опять вылезать. Теперь Кобожа желает попробовать нас на перекате с топляками. Разведка отнимает полчаса. Детки возятся с машиной на песчаной косе, а папы, стоя в воде по это самое место, расчищают от камней фарватер…

Ещё перекат с двумя поворотами. Тут по берегу не пройдёшь – берега надёжно перекрыты быстринами с топляками. Опять разведка съедает час времени.

Это что за дьявол притаился за поворотом в зарослях осоки? Выставил наружу рога. Эх, ты! Дубина ты и есть дубина. Хорошо, что во время заметили.

Песчаный островок посреди реки. Косо светит вечернее солнце. На островке – мы. Собрались вокруг повёрнутой брюхом вверх лодки. Подсидел-таки один замшелый крокодил капитана Белокрыса. Пока мы с Лёнькой заклеиваем прорехи, сам капитан, собрав женщин и детей, демонстрирует приёмы игры «в ножички»: с пальца, с подбородка, с двойным переворотом, прямо. Песок сырой, ножик втыкается хорошо. Дети довольны.

Полутора часов как не было. Обед на ходу. В этот предпоследний день мы шли семь часов чистого времени, а прошли немного более пятнадцати километров и остановились на ночлег ниже какого-то села перед очередным перекатом. Рубим лапник под палатки. Леонид поднаторел в этом деле до высокой степени совершенства. Его палатка напоминает ханский гарем – мягко, тепло и много женщин.

По лугу идут коровы. Самостоятельно, без провожатого. Коровы плотно поужинали, и поэтому за ними остаются большие дымящиеся блины. Алёшку коровами теперь не удивишь: и не такое видывали.

Горячий ужин. Перед едой по сто граммов отечественной табуретовки – в целях профилактики радикулита.

Завтра подъём в семь утра, а мы с Ларисой, как дежурные, должны быть на ногах уже в половине шестого. Получаем от завхоза продукты. В Лёньке вдруг просыпается рачительный хозяйственник, дремавший всё время путешествия. Сигналом к пробуждению явился обнаруженный перед ужином дефицит сгущёнки, сахара и кофе. Такой неожиданный удар в самое, можно сказать, уязвимое место – в главжелудок. Никак невозможно бедному водолазу прожить без любимого горячего напитка, а до плановой закупки ещё два дня. Бурча на матросов за неосмотрительную любовь к сладкому,

Леонид отпускает повару две понюшки кофе, банку с остатками сгущёнки и стакан сахару…

Быстро съедаем ужин – и в палатку. Спать, спать. Сегодня прошли шесть перекатов, надо набрать сил на завтрашний день. До устья 25 километров. Их надо во что бы то ни стало пройти до вечера.

19 июля

Половина шестого утра. Вылезаем с Ларисой из палатки осторожно и быстро, чтобы под полог не успели залететь комары. Максим спит спокойно. Полог, сделанный из тончайшей капроновой ткани, надёжно защищает от комаров. Великолепный материал! Прозрачный и достаточно плотный и, главное, очень прочный. Ещё в мае прошлого года он был декоративным знаменем , украшавшим колонну демонстрантов. Мы стояли у ворот и смотрели на проходящие колонны, и тут к нам подбежал человек и сунул в руки знамя.

– Спрячь, а то врагам достанется.

Он, видимо, имел в виду завхоза своего учреждения. Четыре квадратных метра материала уместились в кармане моего пиджака.

Туман, сырость. Вчерашнее утро вспоминается, как нечто нереальное. Глядя на это тусклое, прогнившее на многие километры туда вверх, к вселенной, небо, невозможно вообразить себе, что на этом небе может появиться солнце. Этим мне и нравится вологодский климат. Прохлада бодрит организм, поднимается тонус, потому что воздух перенасыщен кислородом. Ведь ни грамма, ни миллиграмма пыли не может быть в этом влажном, пахнущем свежей хвоей воздухе. К обеду погода разгуляется – можно не сомневаться.

Моросит. Втыкаю вокруг костра четыре палки и растягиваю тент. Костёр горит ярко. Хорошо, что не поддались очарованию тёплого ясного вечера и накрыли дрова плёнкой. Тихо-тихо кругом. Печален луг. Тёмны хвойные леса. Над острыми зубцами сосен курятся низкие облака. Лагерь спит, и нарушает тишину только стук моего топора.

Лариса смеётся и крутит головой: «Ну можно ли из такого количества продуктов приготовить хороший кофе с молоком?»

Ах, ты глупый, добрый и ужасно бедный завхоз! Когда же ты, наконец, станешь крупным учёным, чего, определённо, заслуживаешь, и откажешься

от привычки экономить на мелочах? А пока приходится, нарушая финансовую дисциплину, красть припрятанные запасы кофе и сгущёнки. Авось, к вечеру покроем перерасход в ближайшем селе.

Через час из палаток начинают появляться заспанные физиономии матросов Ещё час на завтрак и сборы – и вот мы уже на воде.

Проходим два небольших переката.

Дремучий сосновый бор на крутом берегу, а ближе, у самого обрыва, притулились две бревенчатые избушки. Окна в резных наличниках, крыши покрыты серебристой осиновой щепой. Эта осиновая крыша долговечнее железной. Осина – гнилоустойчивый материал. У забора стоят две женщины и несколько ребятишек. Смотрят на нас. Стоят прямо и неподвижно, словно парад принимают. Миша, идущий вдоль самого берега, вежливо здоровается, забыв, правда, приподнять головной убор, и спрашивает, будут ли ещё перекаты.

– Будут, будут, – кивают с берега, – один перекат. Вот пройдёте кривулю, он там и будет.

Но за кривулей не оказалось никакого переката. Прошли быстрину с топляками, и всё.

Вверх по течению навстречу нам медленно движется лодка-долблёнка, вся почерневшая от времени. Человек, сидящий в ней, такой же тёмный и тусклый, как его лодка, орудует шестом, отталкиваясь от дна. Проплывем мимо. Здороваемся.

А лодка, оказывается, красива. Длинная недолблёная корма ступенькой, а от кормы к миделю линия борта идёт выгнутой дугой и, едва не касаясь воды, взмывает к острому носу. Гребец сидит на корме, на ступенчатом возвышении и работает одним веслом. Такой лодки у нас на Волге не увидишь. Не представляю себе, как можно передвигаться на ней хотя бы в небольшую волну.

Скоро, совсем скоро устье. Но почему так медленно течёт вода? Что там ещё готовит очаровательная вредина – Кобожа? Выплываем на излучину реки, и тайное становится явным. Русло загромождено брёвнами. Правый берег песчаный, крутой и высокий, а по левому – заросли ив. Пейзаж приличный для лесостепной полосы, но никак не для зоны северо-европейской тайги.

Идём правым берегом, вдоль завала.

Вот, оказывается, что скрывается за единственным словечком «сплавная» в графе «Кобожа» тома двадцать первого Большой советской энциклопедии.

Выглядит это так, словно сказочный великан, перепрыгивая реку, уронил в неё, как в малый ручеёк, коробку своих великанских спичек, и они рассыпались, в беспорядке загромоздив всю реку.

Вдоль берега, где нет брёвен, течение ускоряется. Причаливаем к песчаному крутояру. «Луч», лавируя между брёвен, выбирается на открытую водную лужайку. Вокруг дыбятся брёвна. Лёня вылезает на брёвна и начинает разгораживать проход, управляясь где веслом, где голыми руками. Подходящая работёнка для нашего прожорливого Геракла. Не зря откармливали весь поход.

Мы сидим в лодках и ждём, накрывшись полиэтиленом, ибо в небес начинает капать дождик. Пока милосердный, но обещающий стать сильным. Лёнька садится в байдарку и, проорав нечто нечленораздельное, выгребается в открывшуюся лазейку. За ним торопимся мы. Проходим лабиринт вздыбившихся брёвен под аккомпанемент приглушённых раскатов грома. С юго-запада на нас надвигается тяжёлая , мрачная туча , исполненная, судя по зловещим вспышкам молний, самых серьёзных намерений. Интервал между вспышкой и звуком не более десяти секунд. Значит, до центра грозового фронта около четырёх километров.

Рядом с байдарками плывут потревоженные брёвна. Отталкиваем их вёслами. А ну, изыди, чёртова дубина, не мешай грести!

Впереди появляется ещё один завал, живописнее первого. Дождь усиливается. Туча хмурит свои синие брови. Вот она уже почти над нами. Раскаты грома оглушают. Но туча почему-то медлит, словно ждёт, пока мы выберемся на волю.

А ну-ка, поднажмём, братцы! Вон уже виден проход. Ещё несколько зигзагов, и мы, наконец, выплываем на чистую воду.

Снизу прямо на нас идёт под мотором замшелая развалюха, битком набитая женщинами. За рулём – лихая бабёнка в белом платочке и длинной старомодной жакетке в талию. Лодка круто сворачивает к берегу. По воде ударяют первые хлёсткие плети дождя. Тётки резво выпрыгивают из лодки и торопливо бегут вверх по скользкой крутой тропинке туда, где на ровном берегу стоят дома.

Мы едва успеваем причалить к берегу и затянуться плёнками, как над нашими головами в чёрном чреве тучи вспыхивает голубой куст молнии. Следует оглушающий раскат грома. На тёмную воду, на крыши домов, на наши белые плёнки обрушиваются потоки дождя.

Пробушевав с четверть часа, гроза стихает. Туча, добродушно ворча, уползает в сторону, оставляя за собой арьергард безобидных сереньких

облачков, сикающих редкой водяной крупой. В освободившуюся щёлку пробивается бледный лучик солнца. Нам становится легко и весело. Мы стягиваем плёнки и вылезаем из байдарок.

Село Софронцево. Вдоль улицы, мокрой от дождя, тянутся ряды деревянных домов. У заборов стоят аккуратно сложенные поленницы свежеколотых дров. Дворы усыпаны обломками коры, белыми щепками. Кое-где у калиток стоят одинокие берёзы, стройные и высокие. Их прозрачная колеблющаяся листва кажется невесомой. Напротив домов, через улицу, стоят маленькие бревенчатые избушки – это бани.

Галя и Марина отправляются в дальний конец деревни, где, по справкам, имеется кислое молоко и творог. Остальные идут в сельмаг. В маленьком полутёмном помещении пусто. За прилавком скучает продавщица в белом халате, а на прилавках смешение товаров. Рядом со сливочным маслом соседствуют дамские панталоны. Тут же носки, расчёски, зеркальца и прочая дребедень.

В углу, в темноте, вырисовываются корешки книг. Миша, перегнувшись через барьер, зорко осматривает полки и, не теряя более ни секунды, решительно врывается за прилавок. За ним устремляются остальные. Я успокаиваю продавщицу, и она с улыбкой кивает головой. Она по опыту уже знает, что эта интеллигентная щетина носков не крадёт. И она оказывается в выигрыше, ибо через четверть часа получает за стопку потрёпанных книг новенькую купюру с водяными знаками. Каждому своё: коню – овёс, крестьянину – водку, а этим городским чудакам – лежалую бумагу.

Выходим из магазина, Две женщины с интересом разглядывают нас, потом одна говорит: «Откуда же вы такие захухренные?»

Холодный ужин на берегу. Люся, наевшись творогу, исполняет андалузский танец. Одеваемся потеплее, укладываем вещи – и в путь. До Устюжны десять километров. Все препятствия позади: мосты, пороги, перекаты, завалы. Река петляет среди крутых безлесых берегов, и вот впереди, в устье, показывается запань. Идём вдоль цепочки брёвен, огибаем остров и выходим в Мологу. Минута молчания. Очень торжественная минута. Вот она, Молога! Величественная (ну, что ещё тут скажешь?), спокойная, широкая таёжная река. Берега раздвигаются, отчего стена хвойных лесов становится ниже.

Через час хода до сознания матросов доходит, что путешествие, в сущности, окончено. Позади осталась весёлая, живая и такая уютная речка.

Ну, что, мамы, дождались? Нравится ли вам это тихое, сонное движение?

Слева на берегу деревенька. Низкие домики, крошечные фигурки людей, а над ними, над нами, над рекой лежит необъятный и светлый северный вечер. Вода спокойна. От носа байдарки по воде расходятся веером длинные волны. Тихо причмокивают вёсла.

– Хоть бы камень попался что ли, – вздыхают на соседней лодке, – заснуть можно.

Но по-прежнему всё спокойно, и тихо капает вода с вёсел.

Нет, братцы, с этой холодной красавицей у нас романа не выйдет…

Небо снизилось и потемнело, и впереди показался изящный деревянный мост на четырёх быках. Ну, просто технический гигант по сравнению с кобожанскими самоделками.

Справа на отлогом берегу вдруг открывается за сосновым бором, ну словно лубочная картинка, тихий, обаятельный, патриархальный городок. Одноэтажные деревянные домики с садами, разбросанные в уютном беспорядке. Церковные купола. Редкие фигурки людей на берегу. Древний город Устюжна.

К большой реке я сегодня выйду,
А завтра лето кончится.
И подавать я не должен виду,
Что уезжать не хочется.

Нам, как и автору этих строк, тоже не хочется уезжать, но ещё меньше хочется оставшиеся четыре дня упираться на вёслах до Рыбинского водохранилища по ленивой Мологе. Поэтому единогласно решаем провести пару дней в Устюжне и потом на автобусе добраться до железнодорожной станции Весьегонск.

Байдарки проходят под высокими пролётами моста. Опоры защищены водорезами – парами деревянных щитов, поставленных углом против течения и окованных железом по линии стыка. У берега на мостках сидит человек с удочкой. Спрашиваем, где тут гостиница.

– Да вот же она, – удивляется человек.

Метрах в пятидесяти от берега стоит аккуратный деревянный дом в два этажа. Нижние окна со ставнями, крыльцо под навесом. У крыльца ходят крашеные куры.

Матросы, внимание! Перед вами не просто провинциальная гостиница, это историческая гостиница. Именно здесь останавливался петербургский чиновник Хлестаков. Ну, может, прототип Хлестакова носил другую фами-

лию, это неважно. Важно то, что Александр Сергеевич Пушкин услышал замечательную историю об одном молодом авантюристе из столицы, побывавшем здесь и основательно обчистившем карманы богатых городских простофиль, выдав себя за ревизора. Впоследствии, как известно, Пушкин подсказал Гоголю сюжет «Ревизора». Почему это та самая гостиница, вы спрашиваете? А потому что в городе нет другой гостиницы. Нет, потому что городок лежит в глухих вологодских лесах вдали от железнодорожных путей и авиационных трасс, и одной гостиницы ему вполне достаточно для случайных приезжих.

Прямо от реки мимо гостиницы поднимается вверх тихая прямая улочка. Напротив гостиницы стоит низкое каменное сооружение, смахивающее не то на лабаз, не то на трактир пушкинских времён. К нему примыкает двухэтажный каменный дом более поздней постройки.

Вытаскиваем лодки на берег. Мы с Мишей идём в гостиницу на разведку и с нами Леонид, тайно надеющийся на отсутствие в гостинице свободных мест. Тут необходимо объяснить, что Леонид, принадлежащий к беднейшим слоям научных работников, ещё не успевших защитить диссертацию, а посему воспитавший себя в духе аскетизма, последние четверть часа бранчливо разоблачал идею остановиться в гостинице, выдвинутую Мишей, упирая на то, что туристам, имеющим палатки, не подобает спать в чистых постелях и тем более обедать в столовых, когда есть концентраты. Это чисто купеческое ухарство.

Не поддержанный остальными членами экипажа, Леонид отправился с нами, полагаясь на обычный для отечественных гостиниц лозунг: «Свободных мест нет».

Устюжанская гостиница оказалась исключением из правила. Нас приняли с радушным удивлением и предложили места в двух общих номерах. Один для женщин, другой для мужчин. Надо сказать, что гостиница оказалась набитой битком, и уж не знаю, почему администратор оказалась такой покладистой, то ли в виду экстравагантности нашего внешнего вида, то ли из жалости к детям, которых мы предусмотрительно захватили с собой. Скорее всего по последней причине, ибо мордуленции наших ребятишек, покрытые волдырями от укусов комаров, могли разжалобить даже очень чёрствого человека.

Оставалось решить, куда деть байдарки. Пока мы, разбираясь с вещами, обсуждали этот важный вопрос, к нам прибился основательно подвыпивший молодец. Услышав, о чём идёт речь, он, пару раз икнув, представился как сотрудник районной газеты и предложил перенести байдарки во двор

типографии, как раз по соседству с гостиницей. Лучшего варианта невозможно было придумать.

Поздним вечером пошли всей командой в баню. Очередища, как на вокзале в разгар курортного сезона. Баня здесь, как и во многих других провинциальных городках, работает два раза в неделю. За эти два дня надо успеть перемыть, по крайней мере, восемьдесят процентов городского населения, ибо одноэтажные домики, составляющие основную часть жилого массива, коммунальных удобств пока не имеют.

Вернулись в гостиницу в час ночи и с наслаждением растянулись в чистых постелях. В нашем номере, прокуренном до потолка, пьяноватые командировочные рубились в карты.

Утром спустились позавтракать в столовую. Получили по сходной цене прекрасный завтрак: свежайший, приготовленный в нашем присутствии овощной салат, вкусные жирные щи и хорошо приготовленное мясное. Мы с Мишей принесли из буфета две бутылки медовухи – ароматного сладкого вина местного производства. Господин Главжелудок всплакнул от умиления, уписывая по обычаю оставшиеся порции, и всё рвался к жалостливой книге, чтобы там на её страницах излить переполнявшее его чувство благодарности.

Побродили по улицам. Старина, кругом старина! Чистый городской парк. На берегу живописного пруда каменная пожарная колокольня постройки прошлого века. В открытом окне сидит усатый человек в форме и пьёт чай из блюдечка. Надо полагать, начальник.

Трёхглавая каменная церковь, ныне краеведческий музей, а рядом деревянные дома. А вот двухэтажный дом с деревянными колоннами. Деревянная Византия. Очень мило. На окнах чистые кружевные занавески, цветы в горшках.

Погода солнечная. Весь день дуют ветра, гонят пузатые белые облака.

Посетили местную церковь. Хороша! Рядом высоченная, каменная же колокольня. Хотели, было, влезть, ан нет – двери на замке. Здесь же, за церковной оградой, кладбище, а у ворот – гигантская берёза качается на сильном ветру. Большой жестяной щит с перечнем правил захоронения усопших. Всего пунктов тридцать, вплоть до самых идиотских. Краска свежая, и чувствуется современный стиль. Тоже ведь потела чья-то бюрократическая задница!

Посетили краеведческий музей. В низком сводчатом холле – цветная карта Устюжанского района. Синей ленточкой – наша Кобожа. Она теперь и в самом деле наша – мы её знаем лучше любого старожила.

Картины, деревянная мебель, посуда, старые книги, оружие. Миша заводит специальный разговор со смотрительницей музея. Максим возбуждённо мечется от одного экспоната к другому. Вологодский медведь – чучело в натуральную величину. Красив и грозен.

Следующий день прошёл совсем незаметно. К четырём часам дня пошли в церковь, посмотреть службу.

Горят свечи. Народу битком. Высоко вверх уходят расписные стены, увешанные иконами. Там, далеко голубеют узкие проёмы окон. Прихожане молча слушают проповедь попа. Иногда крестятся. Над головами в платочках – сам поп в позлащенной робе. Наши детки, широко раскрыв глаза, смотрят на сверкающую обрядовую мишуру.

Судя по содержанию речи попа, он читает послание нового патриарха – матушка православная церковь держится лояльной позиции. По целому ряду пунктов послание совпадает с политикой правительства.

День кончился. Собраны в тюки байдарки, уложены вещи в рюкзаки, ещё вчера обсосан местный книжный магазин – всё самое вкусное теперь в наших рюкзаках.

Вечер. Последний вечер в вологодском краю. Этот вечер приносит с собою тучи, такие же ленивые, безликие, безнадёжно унылые, как в день приезда.

Матросы сидят в тёплой гостинице и пьют горячий чай. На улицах сыро, мокро, блестят крыши домов и совсем нет людей. Они тоже предпочитают пить чай или что-нибудь покрепче в этот промозглый, сырой вечер.

Только два человека – один в телогрейке, с чёрной щетиной по всей роже, другой – в грязной штормовке, рыжебородый, носятся по опустевшим улицам, зажав в кулаке бумажку с адресами.

Что им нужно от тихого городка? Почему они стучатся в калитки и окна и, получив разрешение войти, задерживаются где надолго, а где лишь на минуту, достаточную для того, чтобы пробормотать слова извинения и приподнять головные уборы? И что означает странная, пожалуй даже подозрительная, сцена у одного из домов? Трясущаяся от гнева старушонка кричит в пустоту улицы вслед улепётывающим бродягам, грозя сморщенным кулачком: «Я вас знаю, господа! Это вы украли мои иконы! Верните мои иконы, а то я вызову полицию!»

Нет, не иконы нужны этим двум «захухоренным» типам. Они ищут старые книги, бесполезно гниющие в чужих сундуках, и готовы платить за них чистокровными отечественными рублями. Тернист и труден их путь! Вот так

налетишь на одинокую безумную старую ведьму (которая, по сведениям, растапливает печь книгами) – и давай Бог ноги!

Снова гостиница. Миша увязывает добычу – около пуда дореволюционных изданий. Всё, всё! День кончен. И путешествие тоже. Не знаю, понравилось ли оно вам, матросы, а пока – спокойной ночи. Завтра в пять утра подъём – и автобусом на железнодорожную станцию Весьегонск.

Я ложусь спать и, засыпая, всё ещё вижу перед собой изящную голландскую печку, мастерски отделанную изразцом, а за её ровными плитками – чудную речку Кобожу, её быстрины, её перекаты…

На следующий день мы разъехались из Весьегонска в разные стороны: Белокрысы – в Улан-Удэ, Марина – в Ленинград, Лёня – в Мурманск, Олег – в Саратов. А небольшая компания (Люся, Галя и я с Максимом) сели на катер и ещё несколько дней путешествовали по северным городам. Побывали в Череповце, Белозерске, Кирилло-Белозерском монастыре, Вологде. К сожалению, дневник никто из нас не вёл, и поэтому многие подробности этой поездки забылись.

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ

25 июля 8 августа 1971 год

В. Учкулан – поляна Лесорубов – лагерь КПИ «Глобус» – р. Гондарай – р. Актюбе – альплагерь «Золото» – р. Зап. Кичкинекап – перевал Мурзук – р. Сакени – ледник Морды – перевал Сакен-Далар – перевал Морды – Сакен 2 (4-я категория сложности)

День первый

Вылетели из Саратова на самолёте и через два часа сели на аэродроме в Минводах. Здесь такая же жара, как в Саратове. От раскалённого асфальта пышет жаром, воздух горяч. Через час автобусом добрались до Черкасска. Нам повезло, и мы тут же пересели в автобус, идущий до Тиберды, и к вечеру уже были в городе Карачаевске – центре Карачаево-Черкесской автономной области. Городок тихий, окружён невысокими лесистыми горами.

Устроились на ночь в местной гостинице. Так как было уже поздно, отправились ужинать в ресторан «Эльбрус». Народу немного. В большом зале тихо и чисто. Посетители, в основном, местные жители, хотя вон, за дальним столиком, сидят коллеги-туристы.

Нас шестеро мужчин. Вот мы:
Михаил Шмырёв, руководитель, 33 года
Хользунов Анатолий, 25 лет
Семёнов Лев, 42 года
Глыжев Михаил, 21 год
Логачёв Виктор, 31 год
Лукьянов Олег, 34 года

Такой состав.

В ресторане обслуживают посетителей две официантки в национальных костюмах. На решётчатой стене у входа висят чеканные изображения в национальном духе.

Мы скромно заказали борщ и пару бутылок сухого. На второе официантка посоветовала взять цыплёнка-табака. Посмотрели в меню – 1р. 05 коп. Ого! Но, подумав не более трёх секунд, единодушно заказали цыплёнка. Всем захотелось перед тяжёлым походом как следует вкусно поесть. Цыплята поразили наше воображение. Они приплыли в железных тарелочках, огромные, распластанные, подрумяненные, аппетитно пахнущие. Мы ели своих цыплят, приправленных острым соусом и хвалили местную кухню. Подумать только! За какой-то рубль – и такая гора мяса! Мы еле-еле одолели цыплят, пришлось даже взять ещё бутылку вина.

При расчёте нас ожидал сюрприз. Официантка, быстро пощёлкав на счётах, назвала астрономическую по нашим возможностям цифру. Что-то около пятидесяти рублей. Мы несколько секунд молча смотрели друг на друга, а потом разразились внезапным и дружным хохотом. Цифра настолько поразила нас, что оставалось только смеяться. Смеяться над собственной наивностью. Витя Логачёв, не говоря ни слова, выложил сумму улыбающейся и ничего не понимающей официантке.

Двигаясь поздней ночью по тёмным уличкам города к гостинице, мы всё ещё хохотали, острили, подшучивали друг над другом. Цыплёнок, однако, был очень вкусным, приготовлен был мастерски и, безусловно, стоил своих денег – рубль за сто граммов (мы не поняли меню).

День второй

В шесть утра сели в автобус и через два часа доехали до села Верхний Учкулан; далее нас подбросил трактор с прицепом, ещё 6-7 километров мы шли пешком до туристского лагеря Киевского политехнического института под названием «Глобус».

Стоянку на обед сделали километрах в пяти выше лагеря на берегу реки Гондарай. Долина окружена невысокими горными цепями, склоны поросли лесом. Река Гондарай – свирепый, весь белый от злой пены поток с голубым отливом. Река живописна. Попадаются поваленные в воду сосны, огромные камни, принимающие напор воды.

Скоро обед.

Результаты первого небольшого перехода удовлетворительные. Вес рюкзаков в среднем 32 килограмма.

Идём дальше сквозь сосновые леса вдоль реки. Через час пути начинаешь понимать, что рюкзак тяжёлый, к тому же плохо уложен. Через четыре часа, основательно вымотавшись, подошли к палатке пастуха, поднявшись таким образом на высоту 2.300 метров. Мы с Анатолем пришли последними. Я еле дышал. Для первого дня нагрузка большая.

Пастух жил в палатке с семьёй – женой и тремя маленькими детьми. Детки вытаращили на нас глаза. Очень смешной один из них – маленький, стриженный наголо, впереди крохотный забавный чубчик, глаза неподвижные, немигающие, чёрные, как маслины.

Мы поздоровались с хозяевами, дали ребятишкам конфет и получили от хозяйки 6 литров айрана по цене 30 копеек за литр. Чудесное прохладное кислое молоко. Его здесь разбавляют водой, такое оно густое и жирное. Вкус остро-кислый, со специфическим ароматом.

Мы недолго отдыхали у пастушьей стоянки. Наш неистовый предводитель Миша Шмырёв, оказывается, намеревался сегодня же подойти к перевалу Мурзук, чтобы наутро взять его. Я внутренне взвыл, услышав такое решение, ибо ноги мои были уже похожи на две гипсовые тумбы, а сердце… В общем, что там говорить.

Оставили мы часть вещей у пастуха, взяв спальные принадлежности, палатки, снаряжение и еды на два раза, и тронулись в путь. Предполагалось сделать радиальный выход, завтра в шесть утра выйти, подняться на перевал, снять записку ранее прошедшей группы и вернуться к пастуху.

С погодой нам везло – ни облачка. Горы застыли в густом и чистом вечернем небе. Но мне было не до пейзажей – я шёл на последнем издыхании. Оттопать 18 километров в первый же день с тяжеленными рюкзаками и чуть облегчившись (взамен вещей и продуктов, оставленных у пастуха, пришлось взять дрова), сходу лезть на морену под перевал, всё вверх и вверх – это трудно.

За два часа сменился климат. Из жаркой долины мы подошли к зоне хвойных лесов. И вот уже леса позади. Кругом только безлесные скалистые склоны и камни, камни, камни. Они нагромождены на всём нашем пути. Приходится взбираться на них и снова прыгать вниз. Это очень утомляет. Рядом шумит, грохочет река Западный Кичкинекол.

Быстро стемнело и стало прохладно, а вскоре и просто холодно. Впереди заснеженные зубцы гор. Там ледники и поэтому так прохладно. Там скрытый от нас за крутым склоном наш первый перевал – Мурзукский. Он снежный и крутой, и работы нам предстоит много.

К восьми вечера вышли на небольшую площадку морены среди каменного нагромождения и здесь сделали, наконец, стоянку. Я пришёл последним. Точнее, приполз, высунувши язык. Приполз, как издыхающий пёс. Быстро приготовили ужин и легли спать в 9 часов. Было уже совсем темно. Я лежал на своём надувном матраце и наслаждался долгожданным отдыхом.

День третий. Мурзук, он же Гвандра, и что такое двойка «а»

В 5 утра мы были уже на ногах. Почему так рано? Потому что перевал технически сложный – двойка «а»; после 12 дня, когда пригревает солнце и начинает таять снег, возникает опасность лавин и камнепадов. Надо успеть подняться и спуститься до 12 дня.

А сейчас раннее утро. Темны скалы, серы пятна снежников, густ до синевы воздух. Я выскакиваю из палатки и тут же натягиваю свитер. Холодно. Двадцать минут на завтрак и экипировку. Надеваем штормкостюмы, абалаковские пояса для страховки, привязываем к поясу кошки. Я, кроме того, беру кинокамеру. Вчерашняя усталость не успела пройти, и я с некоторым опасением подумываю о предстоящем пути.

Тронулись. Через полчаса ходьбы ущелье открывает нам снежные зубцы скал, тронутые розовым светом восходящего солнца, невидного нам и ещё скрытого за скалами. Ещё через полчаса я начинаю понимать, как мне придётся тяжело. Дышу часто, стараюсь не отставать от других. Опять идём по отрогам морены, по её большим и малым камням. Поднимаемся на невысокий хребетик, если можно так выразиться. Он не такой уж невысокий – метров 200-250. Идём прямо по хребту, по узкой тропинке. По обеим сторонам от тропинки уходят вниз каменистые осыпи. Я иду медленно-медленно, опираясь на ледоруб.

Вот он впереди, белый галстук Мурзукского перевала; он теперь совсем близко. Снежная стена уходит ввысь к голубому небу, где становится совершенно отвесной. Прямо поперёк ледника идут две трещины. Первая опоясала всю нижнюю часть от скалы до скалы, словно охраняет вход на перевал, вторая – чуть повыше. Она покороче, но живописнее. Ледник в этом месте просел, открыв красивый снежный грот. Справа и слева в снежном склоне, как островки в море, выступают скалистые массивы. Выше по обеим сторонам возвышаются скалы, старые осыпающиеся скалы, украшенные живописным нагромождением камней. Видимо, они-то и представляют собой главную неприятность для проспавшего свой срок восходителя. Через час мы, наконец, пересекли ледник и подошли к первой трещине.

Так вот он, Мурзук, во всей красе! Что-то уж чересчур крутой подъём. Он начинается прямо от края широкой трещины и уходит вверх, вверх к нагромождению камней – неудобный, корявый, но единственный вход на перевал. Да, такие перевалы я ещё не видел.

Страшная усталость. Сердце колотится с такой яростью и негодованием, словно оно обижено и хочет выскочить наружу и посмотреть, действительно ли стоит так напряжённо работать. Стоит, сердце, стоит. Это мой перевал. Он достанется тебе недёшево, сердце, потому что в помощь тебе приданы лёгкие чересчур малого объёма, но лезть надо.

Мы с Толей идём в паре. Остановка. Надеваем кошки. Я делаю несколько кадров кинокамерой. Трещину проходим по снежному мосту парами. Сначала идёт верхний. Нижний врубает ледоруб и крепит к нему конец репшнура. Потом поднимается сам, пристёгнутый карабином ко второму концу верёвки. Склон очень крутой, градусов 55-60. Впереди идут Шмырёв и Глыжев, затем Семёнов и Витя Логачёв, последние – мы с Толей. Я еле ползу, дыхание прерывается, по спине градом пот, а до верхней линии перевала ещё лезть да лезть.

Через полтора часа поднялись до середины снежного склона и расположились отдохнуть на каменном карнизе. Я сижу и хватаю ртом воздух. Остальные вроде чувствуют себя нормально. Вниз уходит крутейший снежный склон; там дальше видны обе трещины. Вокруг – панорама горной цепи; уходит далеко, далеко вниз, в сине-зелёную тьму ленточка реки. День ясный, по небу бегут безобидные белые облачка.

Подъём! Движемся дальше вверх вдоль каменной стены по снежному склону. Миша первым становится на склон и выпрямляется во весь рост. Я снимаю его на киноплёнку, ибо кадр очень эффектный – человек в альпинистском снаряжении, а за его спиной – уходящая вниз снежная бездна.

Штурм перевала продолжался до 10.30. Почти у самого седла нас встречает вертикальная стена из нагромождённых камней, правее неё идёт вертикальная снежная стенка высотой метров 5. По ней не взберёшься, Лезем по камням. Сначала, с подстраховкой снизу, поднимается Миша. Такая страховка только для самовнушения, потому что, если Миша сорвётся, будет лететь сначала по острым камням, а потом по снежному склону на две длины верёвки. Но ничего не поделаешь – кто-то должен быть первым.

Миша благополучно взбирается на перевал, закрепляет на воткнутом в снег ледорубе верёвку, и мы по одному взбираемся вверх на перевал. Я пришёл последним и на последнем издыхании. Ребята сняли записку предыдущей группы, и тут обнаружили, что в соответствии с запиской мы нахо-

димся на перевале Гвандра… Миша очень разочаровался, ибо в его маршрутной книжке значился, Мурзук, а не Гвандра.

Закусили и сфотографировались.

Пошли вниз. Опять препятствие – каменная стена. Теперь Миша спускается последним. Его страхуют снизу.

Уже 12 дня, и наш неистовый Ахав чуть-чуть нервничает. Вон слева, у противоположной стены, ссыпались по снежному склону камни и застыли далеко внизу за трещинами неподвижными чёрными точками.

Спускаемся по так называемым перилам. Впереди идёт Миша, спускается вниз на длину верёвки – метров на тридцать, врубается ледорубом, закрепляет конец верёвки, и по этой верёвке, пристегнувшись карабинами, по одному спускаются остальные. Теперь мы уже не идём, а просто бежим, держась руками за верёвку.

– Быстрее, быстрее! – кричит снизу Мишка.

Ещё один шаг верёвки. Ещё тридцать метров бегом вниз по склону. Вот и снежный мост через первую трещину. Пролетаем, как на крыльях. Мы уже внизу. Склон становится совсем пологим. Теперь не нужны ни верёвка, ни ледоруб. Бежим, скользим вниз. Ещё 200 метров снежного склона остаются позади.

Всё. Дошли. Снимаем кошки, штормовые костюмы. Солнце печёт во всю силу. Мы с Анатолием первыми вышли на каменные осыпи морены. Я плюхаюсь на спину и, отдышавшись, с удовольствием смотрю в голубую глубину неба.

Через четверть часа подтягиваются остальные. Они задержались, свёртывая снаряжение. Ещё час ходьбы по камням морены – и мы в базовом лагере.

Я устал. Очень устал, но первый перевал позади, и я чувствую радость, несмотря на усталость. Отлежавшись с полчаса, упаковываем в рюкзаки вещи, каждый своё, и двигаемся вниз, к палатке пастуха. Из-за каменистого гребня хребта наползают тучи. В долину спускается серый сумрак. Начинает накрапывать дождь. Мы идём, укрывшись полиэтиленовыми плёнками. Дождь неторопливый, редкий, с резкими порывами ветра.

Час ходьбы – и вот мы уже в лесной зоне. Из-за следующего поворота тропинки появляется далеко вдали палатка, и ещё через полчаса мы, наконец, сбрасываем рюкзаки. Нам навстречу выбегают пастушьи стриженые дети.

Я лежу рядом со своим рюкзаком и глотаю воздух, как рыба, вытащенная из воды. Позади перевал, позади – и это главное. Теперь бы отдохнуть, выспаться, однако наш яростный капитан не удовлетворён достигнутым.

– Через полчаса подъём!

О кей! Как ни прискорбно, а надо идти дальше.

Наш расторопный Лев Семёнов, большой любитель айрана, уже бежит от пастуха с кастрюлей этого вкусного напитка. Глотаю прохладное, острое кислое молоко. Мне литр, тебе литр, ему литр. Каждому по литру.

Во всём теле свинцовая тяжесть. Подстегнув себя усилием воли, поднимаюсь и иду в сарайчик пастуха, где лежат мои вещи, выгруженные перед перевалом.

И вот мы снова идём. Не знаю, почему я иду, когда я уже совсем не могу идти, а тут ещё начинается подъём, крутой и извилистый. Запах хвои. Вверх к голубому небу тянутся разлапистые, глянцево-зелёные ели.

Группа останавливается через десять минут. Останавливается. Потому что я слишком тяжело дышу. Да что там тяжело! Я страшно жутко дышу, так жутко, что яростный Шмырь наш не выдерживает этого ритмического задыхающегося звука, пульсирующего с хрипом за его спиной.

– Остановка! Лукьянова нужно разгрузить.

Все снимают рюкзаки, собираясь принять лишний груз. Я рюкзак не снимаю, потому что не хочу, чтобы меня разгружали. После небольших словопрений идём дальше, каждый со своим грузом и, слава Богу, выбираемся, наконец, на ровное место. Весьма кстати, весьма кстати. Я уже дошёл до ручки. Останавливаемся у больших плоских, как блин, камней. Косо светит солнце. Из долины поддувает ветерком. По зелёному лугу бродят коровы, совершенно равнодушные ко всему, что их окружает. Далеко, далеко над гребнями гор висят сизые тучи, а под ними, цепляясь за острые каменные зубцы, ползут мучнисто-белые облака. Будет дождь или нет?

Миша даёт команду собирать дрова. Через пятнадцать минут идём дальше – на морену, под перевал Ак-Тюбе. Неужели я ещё в состоянии сделать хоть шаг?

Ко мне приказание не относится, ибо вид у меня, как у загнанной вконец лошади. Я ложусь грудью на шероховатую тёплую поверхность камня и, нагнувшись, пью из углубления в камне тёплую дождевую воду.

Пока увязываются дрова, Миша приказывает мне идти вперёд, не торопясь, своим темпом. Подавляя стон, взваливаю на спину это зелёное ненасытное чудовище и, кряхтя, как столетний старик, медленно иду по тропинке.

Я уже не вижу ни гор, ни лугов; я смотрю вниз, под ноги. Я чувствую над собой свежую лазурь небес; её прохладные вертикальные струи обтекают мой потный затылок и мокрую шею с повязанным на ней платком. Мне всё

безразлично. Я знаю только то, что надо куда-то идти. Мне указали тропинку, и я иду по ней. Перехожу через бревенчатый мостик, и мне всё равно, пройду я через этот мостик или упаду в бешеный белый поток.

Вслед за мной, громко лая, бегут лохматые собаки из соседней отары. Большой белый пёс с висячими ушами подбегает слишком близко и, обнажив жёлтые клыки, хрипло лает. Я замахиваюсь на него ледорубом.

– Уйди, животное, – говорю я ему, – я не враг тебе. Уйди, а не то я поражу тебя ледорубом, и тебе будет больно.

Пёс, крикнув в последний раз своё жалкое рабское проклятие, отступает – я выполз за границу его владений, и он может с чистой совестью отчитаться перед хозяином. Хорошо тебе, пёс! Ты сделал своё дело, а я ещё нет. Мне ещё идти и идти.

Через пятнадцать минут моё лидерство заканчивается. Меня обгоняют товарищи. Я с завистью смотрю на их удаляющиеся спины. Размеренно, не торопясь работают ноги: раз-два, раз-два. До чего же крепкие мужики! Падаю грудью на ледоруб. Надо отдышаться. Вот они уже далеко вверху, вот скрывается за большим камнем рюкзак замыкающего.

Тучи, тучи, тяжёлые мрачные тучи плывут над хребтом. Они не страшны нам, эти тучи, потому что уходят туда, за хребты, и в их крутые низкие бока бьют лучи заходящего солнца. Зелёная трава горит в лучах заходящего солнца бледно-зелёным ярким пламенем.

Сколько ещё идти? Что там в голове у нашего неутомимого предводителя? Лучше не знать. Надо найти в себе силы оторвать тяжкую, как мешок цемента, грудь от ледоруба и двигаться дальше. Иду с частыми остановками. Садиться боюсь, просто опираюсь руками и грудью на ледоруб и жду, пока пройдёт тяжесть в теле и успокоится сердце.

Вот, наконец, я поднимаюсь ещё метров на тридцать вверх и вижу невдалеке большую группу людей. Наши кого-то встретили и, слава Богу, стаскивают рюкзаки, очевидно, собираясь останавливаться на ночлег.

Иду. Иду, чёрт возьми, старая развалина! Ещё сто метров, теперь уже пятьдесят, двадцать, десять. Всё!

– Салют коллегам, – говорю я собравшимся, и мне стыдно своего хриплого полушёпота.

Их здесь целая гвардия, не меньше двадцати человек. Бородатые, интеллигентного вида парни, стройные шершаволицые девушки. Кто-то из наших объясняет мне – ленинградцы. Идут по маршруту первой категории. Эх-ма! Мне бы этот маршрут!.

Собравшись с силами, как можно небрежнее сбрасываю рюкзак, подавляя дрожь в ногах; сажусь на камень…

День четвёртый 28 августа

Итак, день четвёртый, последний мой день в высокогорье. Я запомню этот день на всю жизнь, до самой смерти, ибо в этот день думы о сем печальном конце не раз одолевали меня.

Подъём! Подъё-ё-ём! Пять утра. Я размыкаю тяжкие веки, и первое ощущение – усталость. Усталость каждой мышцы, каждой клетки. Я словно и не спал.

С трудом, подавляя тяжкий вздох, вылезаю из палатки. Я чувствую себя глубоким старцем, прожившим не менее 90 лет. Горы темны, серой плесенью затянуто небо, и далеко впереди, куда мы ещё пойдём, бледнеет сумрачной бледной белизной кошмарный перевал, имя которому Ак-Тюбе.

Дежурные суетятся у костра. Дымится варево.

Экономя на каждом движении, я медленно подбираюсь к реке умыться. Сердце колотится с такой силой, словно я только что очнулся от эфирного наркоза. Господи, в которого я не верю, неужели я буду в состоянии сделать хоть шаг?

Парни уселись завтракать. О, вы, здоровые мужики, крепкие, как молодые кони. Вы отоспались и теперь вам всё нипочём, даже самый тяжёлый перевал. Как я вам завидую!

Ну что? Проглотил с отвращением три ложки варева и запил глотком какао. Весьма слабый заряд, но больше не могу, хоть Толя и пилит меня. Не могу, не лезет. Наливаю полную фляжку какао. Проходит час. Пятнадцать минут тому назад мы должны были выступить. Наш неистовый Ахав нервничает.

– Через десять минут старт! – командует он. – Кто не успеет, пусть догоняет.

Я давно уже упаковался. Мне это было нетрудно сделать, Я несу теперь только свои личные вещи. Остальное – общественный груз – разобрали наши чуткие мужики: Миша Глызов, Толя Хользунов, Лев Семёнов. Шмырёв предлагает мне идти, остальные догонят. С радостью соглашаюсь и беру старт. Иду осторожно и медленно, словно иду не по утоптанной тропинке, а по тросу, натянутому над Ниагарским водопадом.

Сердце, сердце! Неужели ты выдержишь это восхождениё?

Я ем воздух, как ребёнок мороженое. Я глотаю его с жадностью бедуина, дорвавшегося до источника воды. Иду, иду, иду и через каждые пять минут оборачиваюсь, чтобы оценить пройденное расстояние. Ах, как мало я про-

шёл! Я поднялся по вертикали не более, чем на сотню метров, А вон и они! Они уже тронулись. Они быстро движутся среди серых камней морены. Через полчаса, не более, они нагонят меня.

Приваливаюсь спиной к услужливо подоспевшему камню. Лямки рюкзака освобождают сердце и лёгкие. Можно глубоко вздохнуть. Хорошо!

Они всё ближе и ближе. Идут твёрдо, не медленно, не быстро. Идут как надо. Мишкино лицо: он смотрит на меня, как мастер на бракованную деталь:

– Ну, как?

– Никак. Пойду своим темпом, за вами не угонюсь.

Группа идёт дальше, а со мной остаётся, по приказу капитана, Хользун Толька.

– Сейчас отдохнём как следует и пойдём. Нам торопиться некуда. Этот перевал я знаю. Мы будем их ждать на той стороне.

Тут вот что. Наш яростный предводитель, задавшийся безумной целью пройти горную четвёрку за девять дней вместо 15, положенных по инструкции, решил немножко схитрить.

Самые тяжёлые, самые опасные перевалы Морды и Сакен впереди, и он решил перевалить Ак-Тюбе и, оставив самых слабых и все рюкзаки у перевала Ак-Тюбе, сделать переход через эти два сложных перевала с оставшимися и вернуться назад. Теперь их только четверо. Недопустимо по инструкции четверым брать такие сложные перевалы, как Морды и Сакен, но выхода нет, ибо я – самый слабый, и со мной остаётся Анатоль.

Идём. Я не могу понять, почему я иду, хотя я должен упасть сию минуту. Однако я иду. Тропинка теряется в водовороте камней. Идём всё выше и выше. Тяжек каждый шаг, тяжко каждое движение. Вон куда занёс меня мой безобразный, авантюрный характер! И я иду, потому что назад пути нет. Надо пройти Ак-Тюбе. Надо. Я уже знаю, что это мой последний перевал, что потом я спущусь в долину и уеду к морю, но море ещё так далеко. И перевал тоже далеко. Очень далеко. Теперь не видно уже его снежной седловины, и впереди только камни, нагромождённые среди камней.

Стоп! Всё. Я готов. Я падаю на спину, на рюкзак. Плывут перед глазами острые зубцы гор. Грудь трепещет, как лоскут на ветру. Воздуха, воздуха! Я прилипаю к камням и ничегошеньки не соображаю. Где я застрял? Почему я здесь? Далеко отсюда, внизу, моя дорогая Ларочка и мой сын. Я рисую их лица в своей памяти, и мне становится немного легче. Я ведь должен увидеть их. Небо над головой, обрезанное наполовину каменной стеной. Так

хорошо в тени, такое блаженное ощущение в теле. Ощущение отдыха. Слышны женские голоса. Кто-то кричит, весело, беззаботно. Кто здесь может кричать? Мы здесь одни. Я и Анатоль. А где Анатоль? Ах, всё равно!

Он появляется передо мной внезапно, на нём нет рюкзака. Почему на нём нет рюкзака? Анатоль вынимает из-под меня мой рюкзак и, взвалив его на свои могучие плечи, лезет в гору. Пятьдесят метров по вертикали. Я смотрю ему вслед. Надо подниматься. Он вовремя взял у меня рюкзак. Очень вовремя! Как же мне теперь подняться? Стоп! У меня ведь есть шоколад. Вынимаю из кармана штормовки плитку и, распечатав, насильно съедаю. Ещё десять минут отдыха. Анатоль уже наверху, на самой гряде. Я вижу снизу, как он бросает рюкзак и садится отдыхать.

Шоколад оказывает положительное воздействие. Смолкают голоса, небо из серого становится синим. Я отталкиваюсь от земли обеими руками, медленно, страшно медленно поднимаюсь и начинаю движение вверх, туда, на Голгофу.

Сделано ещё одно усилие. Выпиваю немножко какао, и силы прибавляются. Теперь я даже могу взвалить на спину рюкзак.

Снова идём. Идём час, два. И, наконец, ярким белым пламенем вспыхивает море фирнового снега. Мы стоим у языка ледника. Сердце, уже давно понявшее, что до отдыха ему очень далеко, теперь бьётся равнодушно ровно, сильно, но ровно. Спасибо, сердце! Я догадываюсь, что тебе помог шоколад. Это хорошо.

Сидим с Анатолем у ледяной стены, разваленной надвое глубокой, уходящей вглубь трещиной.

– Моего бы тестя сюда, – говорит Анатоль, – очень он любит ледяную воду.

Из жерла трещины выплёскивается белый холодный ручеёк.

Отвесная, полыхающая бледным изумрудным светом ледяная стена. Это так красиво, что я поднимаюсь и делаю несколько кадров кинокамерой.

Анатоль ищет на блестящей шероховатой снежной поверхности ледника следы наших парней. Следов нет. Куда пойдём? Где прошли они? Наверное, они обошли ледник низом, по камням. Спускаться вниз? На добрые полсотни метров? Ну, уж нет! Лучше идти прямо через ледник, пусть там хоть тысяча трещин, пусть он даже весь заминирован, этот ледник, но только не вниз. Надеваем кошки.

На этом дневник обрывается. Это был последний поход Олега. Сжатое лёгкое не позволяло ему участвовать в горных походах. Года через полтора он неожиданно стал писать фантастику, и началась совершенно иная жизнь.

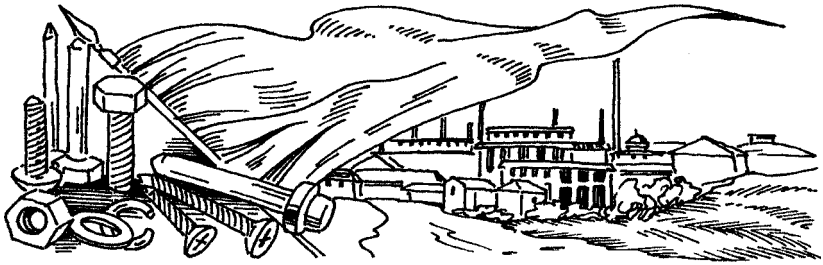

ОЧЕРКИ

Предлагаемые читателю очерки были созданы в разное время, в основном, по заказам Приволжского книжного издательства. Но даже в том, что писалось по заказу, Олег Максимович старался представить читателю свои взгляды на мир, обратить внимание на общие мировоззренческие проблемы: уникальна ли жизнь во Вселенной, возможно ли преодолеть энтропию в мире техники, не приведёт ли непрерывный рост информации к невозможности подготовки специалистов широкого профиля, не станет ли безудержное развитие технологий причиной гибели биосферы и т.п.

Как известно, всё, что изображает писатель, отражает не только то, о чём он пишет, но и его жизненные ценности, и, в какой-то мере, его характер. Все очерки созданы человеком не равнодушным к своим героям. Олегу Максимовичу было не достаточно просто взять интервью у тех, о ком было поручено написать; он проводил много часов в беседах с героями своих очерков: учёными, токарями, слесарями, волочильщиками; с журналистской дотошностью собирал материалы для каждого очерка, находил старых работников заводов, знакомился с ними и их семьями, расспрашивал о давно прошедших временах. Люди чувствовали неподдельный интерес писателя к их личностям, к их жизни – и в душевных разговорах раскрывали свои лучшие качества, так что во многих из них он увидел не только производственников, но и людей большой внутренней культуры. В гости к Олегу стали захаживать пожилые рабочие, долгое время он был в приятельских отношениях с университетскими учёными В.А. Твердохлебовым, Ю.А. Скляровым, а знакомство с неординарным врачом-педиатром В.В. Гузеевым перешло в многолетнюю дружбу, прервавшуюся только с уходом Олега из жизни.

Очерки интересны и тем, что в них впервые появляются идеи и мысли, которые автор впоследствии развил в своей главной книге – «Миф о планетарном космосе».

ВРЕМЯ ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

Заводы, как и люди, имеют каждый свою судьбу. Но если по внешнему виду человека, его характеру и поведению можно иногда догадаться, какую жизнь он прожил, то, побывав на современном заводе, обозрев даже все его участки, понять это невозможно. Эпоха НТР сильно изменила облик отечественных предприятий, особенно старых, родившихся на заре промышленного века.

Саратовский метизный завод имени В. И. Ленина – один из таких долгожителей. Скоро ему исполнится девяносто лет. Возраст, согласимся, почтенный... За это время здесь сменилось несколько поколений людей и машин. От первых рабочих завода остались лишь воспоминания да фотографии в Ленинской комнате, а из построек тех времен уцелел только кирпичный особняк, в котором до революции жил управляющий, а ныне размещается здравпункт.

Но стоит ли вспоминать о том, что было, прошло и никогда больше уже не возвратится? Не лучше ли начать с того, что есть завод сейчас? Стоит... В наш суперсложный век мы имеем подчас очень смутное представление о том, что происходит и происходило в сферах деятельности, непосредственно не входящих в круг наших интересов, – какие кипели страсти, какие решались проблемы, какие характеры обнаруживались. А знать об этом неплохо, даже необходимо, чтобы не «распалась связь времен», как выразился классический герой.

Наш очерк не претендует на полноту охвата событий. В нем будут даны лишь наиболее интересные эпизоды и факты из истории старейшего промышленного предприятия города. Если они помогут читателю лучше понять наше время со всеми его достижениями и просчетами, то автор будет считать свою задачу выполненной. А потому вернемся по стреле времени назад, в эпоху, как говорится, давно ушедшую...

Россия. XIX век. Век Пушкина и Гоголя, декабристов и разночинцев, Толстого и Достоевского, век напряженных духовных исканий, оставивших глубокий след в мировой культуре. Но была и другая Россия, сильно уступавшая капиталистической цивилизации Запада, – Россия промышленная. Контраст между вершинами духовной культуры страны и ее материальной культурой был разителен.

Саратов, провинциальная глушь, типичный российский город, в начале XIX века имел три канатных фабрики, три винокуренных завода, несколько кожевенных мастерских и мельниц. В середине века зародилась здесь мелкая промышленность. Первым машиностроительным предприятием в Саратове был завод Чирихиной, основанный в 1830 году. На нем работало сорок человек. В семидесятые годы появилось еще два таких же заводика – Малышкина с двадцатью и Парусинова с пятьюдесятью семью рабочими. К концу века в Россию начинает проникать иностранный капитал, и в Саратове появляется завод Беринга (ныне «Серп и молот») и завод Гантке, о котором и пойдет речь дальше.

12 мая 1898 года местная печать отметила приезд в Саратов представителя фирмы братьев Гантке немецкого фабриканта Густава Гантке. Сообщалось, что он просит городскую думу выделить ему земли за чертой города для строительства металлообрабатывающего завода. Просьба Гантке была удовлетворена. Городское управление передало фирме землю на южной окраине города, получив за нее 45 000 рублей золотом.

Первоначально завод имел только два цеха – гвоздильный и проволочный, в которых работало 120 человек. Позже открылся кузнечно-прессовый. Завод стал выпускать болты, заклепки, гайки, железнодорожные костыли...

Первых рабочих Гантке завез из других областей России, где имелись подобные заводы, – из Екатеринославля (Днепропетровска), Варшавы; Риги. Однако долго они здесь не продержались и через некоторое время недовольные условиями жизни стали уезжать в родные места. На их места брали саратовцев, а также пришлых крестьян из соседних волостей...

Как же выглядел метизный завод в то далекое от нас время? Там, где сейчас стоят благоустроенные многоэтажные дома Заводского района, когда-то была окраина города – пустыри, овраги, огороды, обширные городские свалки. Здесь, неподалеку от завода Гантке, которым заканчивался город, располагались бараки и хибарки, в которых жила основная часть рабочих. Низкие темные комнаты, нары в два этажа, грязь, антисанитария... Жилища рабочих строились наспех, из отходов лесоматериалов, ржавых кусков кровельного железа. Хибарки лепились одна к другой, образуя поселки с кри-

выми грязными улочками. Агафоновка, Юриш, Солдатская слободка... Основную их часть составляли вчерашние крестьяне, которых нужда и голод подняли с родных мест.

Условия работы на заводе Гантке были типичными для эпохи раннего капитализма. Производственные помещения строились в ущерб здоровью рабочих низкими, темными, тесными. Полностью отсутствовала вентиляция, хотя по условиям работы в цехах бывало много вредных испарений и дыма. Практически не имелось механизации, а из внутризаводского транспорта были только одноколесные ручные тачки да лошади. Картины, которые здесь можно было видеть, являли собой воплощение мрачных фантазий средневекового художника Иеронима Босха. Вот, например, как работали в травильном отделении, где условия были наиболее тяжелыми. Травильщик нес на плечах со склада моток проволоки, весивший пять-шесть пудов, через весь двор до травильного отделения. Здесь в больших, вкопанных в землю на уровне пола травильных чанах находилась горячая пятнадцатипроцентная кислота, в которую травильщик погружал моток с помощью примитивной ручной тали. Раз в месяц травильщик получал куртку и шаровары из плохонького сукна. На ноги надевались обрезанные в голенищах валенки с толстой войлочной подошвой. Однако этой «спецодежды» хватало самое большее на полсрока. От брызг серной кислоты она становилась как решето, оставляя тело незащищенным. Пары кислоты разъедали зубную эмаль. Травильщика в поселке можно было узнать по изъеденным язвами рукам и испорченным зубам.

Ненамного лучше были условия и на других участках завода. В волочильном цехе стояли протяжные станы примитивной конструкции – на верстаке два барабана, а между ними – волочильная доска с фильером (отверстием с закругленными краями) из закаленной стали. Волочильщик брал на плечо протравленный моток и сажал его на ведомый барабан. Потом долго отбивал конец проволоки молотком, протаскивал через фильер и, закрепив в захвате ведущего барабана, включал стан.

Теснота, отсутствие ограждений у опасных зон и тяжелейший, до полного изнеможения, труд бывали причиной частых несчастных случаев. В Государственном архиве Саратовской области хранятся документы, описывающие трагедии, которые разыгрывались на заводе Гантке. Так, волочильщик А. Кудряшов попал рукой в петлю проволоки, сорвавшуюся с ведущего барабана, был затянут на барабан и насмерть задушен. Рабочий Жбанов, поднимая семипудовый моток проволоки, сломал себе позвоночник и стал тяжелым инвалидом. Трагически погибли волочильщики Тухтарев, Темкин,

Ионов. Оступившись, упал в чан с горячей кислотой и скончался в мучениях старый травильщик Василий Егорович Кашкин. Список пострадавших можно было бы продолжить.

Болты, железнодорожные костыли и гайки изготовляли горячим способом в кузнечно-прессовом цехе. Здесь всегда стоял густой чад от сгоравшего мазута, в котором смутными желтыми пятнами выделялись раскаленные горны. У горнов виднелись маленькие щуплые фигурки нагревальщиков-подростков. От зари до зари наряду со взрослыми находились они у пылающих горнов, подавая прессовщикам горячие заготовки.

Работа прессовщика требовала колоссальной выносливости. Двигать приходилось и руками и ногами, не переставая. Горны и прессы стояли так скученно, что нагревальщики, стоявшие у соседних горнов, часто касались друг друга спинами. Горячее излучение обжигало грудь, лицо, руки. Летом температура в цехе поднималась до шестидесяти градусов, а у горнов еще выше. Не только подростки, взрослые иногда не выдерживали и падали в обморок. Их вытаскивали во двор, отливали водой.

Еще одна картинка – гвоздильный цех...

Тогдашние российские потребители гвоздя вряд ли догадывались о том, какой ценой они доставались. В низком, полутемном помещении разделенные узким проходом стояли гвоздильные станки – «хлопушки». Их называли так из-за специфически резкого, оглушительного звука, который они издавали во время работы. Так же, как и волочильные станки, устроены они были предельно просто. Главным рабочим органом у них были так называемые деревянные пружины, а попросту длинные березовые доски, заделанные в потолок и свисавшие вниз. На нижнем, пружинящем конце доски имелась закаленная стальная пластина с насечкой, которая, оттягиваясь, била по заготовке, формируя шляпку гвоздя. От множества работавших в цехе станков стоял совершенно невообразимый грохот. Через несколько лет работы гвоздильщики безнадежно глохли, отчего их с печальной иронией называли «глухарями». Здесь все операции также делались вручную. Гвоздильщик на спине тащил к станку тяжелый моток, надевал и снимал его, сам выгребал гвозди из-под станка и относил на полировку. Гвозди обыкновенно убирались раз в три-четыре дня, а за это время их накапливалась гора до ста и более пудов. Старые гвоздильщики говорили – не так трудно сделать гвоздь, как сдать его.

Норма на упаковку гвоздей составляла сто ящиков в смену, и работа эта была очень тяжелой – загрузить ящик, забить, поставить в штабель. Здесь также широко использовался труд подростков.

Отдельно о психологической атмосфере, царившей на заводе Гантке. Структура управления заводом была крайне проста и состояла, по сути, всего из двух звеньев – административной верхушки в лице управляющего и мастеров. Сам хозяин, Густав Гантке, кроме саратовского завода, имел еще несколько таких же в других городах. В Саратове он был, по-видимому, только в период строительства, а в 1902 году, напуганный предреволюционным брожением, продал завод Акционерному обществу русской железной промышленности. Фактическими хозяевами завода на протяжении последующих лет были управляющие – немец, Э. Тилль, а с 1904 года поляк Меленцкий. Последний представлял собой хрестоматийный образец хищника-эксплуататора – безжалостного, грубого и наглого. Жил он со своей семьей на территории завода в каменном особняке, имел собственный выезд и пользовался большим уважением у отцов города.

При существовавших тогда порядках в руках управляющего практически бесконтрольно находился весь финансовый оборот завода, и при известной доле сноровки он мог урывать для себя значительный куш помимо жалованья. Как? Очень просто. За счет безжалостной эксплуатации рабочих, экономя на самом необходимом. Семьям погибших и покалеченным на заводе рабочим он выплачивал ничтожные пособия, а то и совсем ничего не платил.

Особый разговор о жалованье рабочего. В разные годы и у разных профессий оно колебалось от семи до пятнадцати рублей в месяц. Много это или мало? Ничтожно малым было жалованье рабочих завода, но и его они получали не полностью. Стараясь извлечь максимальные прибыли, алчные хозяева беззастенчиво грабили рабочих. Они учредили целую систему штрафов, поражающую своей бессмысленностью и одновременно иезуитской целеустремленностью. Все в ней выполняло одну задачу – поставить рабочего в такие условия, чтобы рано или поздно он оказался нарушителем. От станка не отойти ни на минуту, но, если закуришь на рабочем месте и мастер увидел, – плати штраф. Чуть повысил голос, доказывая начальству свою правоту, – штраф «за неблагопристойное поведение». Собрались вместе пять-шесть человек – штраф за «сбор толпою». И так далее – десятки разных штрафов. Мало этого, рабочих обманывали, устраивая махинации с переводом стрелок часов, удлиняя таким образом рабочий день. Часто вместо денег выдавались талоны, по которым продукты можно было купить только в заводской лавке, где цены были выше рыночных. Одним словом, это было узаконенное грабительство.

Вполне естественно, что при таком положении между администрацией и рабочими были отношения непримиримых врагов. Вот некоторые дошедшие до нас факты.

Мастера придирались к любым мелочам. Подойдет мастер к «хлопушке», возьмет горсть гвоздей и, если обнаружит среди них хотя бы два гвоздя с заусенцами, заставит перебирать вручную всю кучу – полторы с лишним тонны. И сидит гвоздильщик перебирает – день, второй, третий. А денег за эти дни не получает. Широко распространено было среди мастеров рукоприкладство. В архивных документах названы имена наиболее жестоких из них – Карасева, Отто Белланга и Реута. Последний особенно откровенно и нагло издевался над рабочими. В своих воспоминаниях в 1938 году один из старейших рабочих завода Петр Логинович Быков рассказывал:

«...Мастер Реут был самый ненавистный для рабочих. Его издевательства превосходили все другие. Бывало, садился в повозку, в нее впрягались мы, рабочие, и возили его по заводской территории. Мастер катался и кричал на нас: «Бегом, вы, клячи!» Бегали мы от проходных ворот и до проволочного раз пятнадцать-двадцать туда и обратно. Реут чувствовал нашу ненависть к нему и носил с собой два револьвера, особенно во время событий 1905 года».

«Как жадный спрут, высасывал из нас кровь и здоровье завод господина Гантке, – вспоминал другой старый рабочий завода волочильщик Василий Захарович Викторов. – Точно в адском пекле проходил каторжный день рабочих проволочного цеха. Воздух здесь был насыщен тяжелым смрадом, удушливыми испарениями. Измученные, в грязных лохмотьях, рабочие от зари до вечерних звезд стояли у волочильных станков. Смертельно ненавидели проволочники владельца завода Гантке, который заботился только о том, чтобы извлечь как можно больше прибыли».

Кто же они были, первые рабочие Саратовского метизного завода? Время стирает следы... Сейчас не осталось ни одного живого свидетеля той эпохи, состарились их дети, рассказанные когда-то отцами истории повыветрились из памяти. Но кое-что все-таки осталось – имена, обрывки воспоминаний, лица...

Павел Кузьмич Мишаев, основатель рабочей династии Мишаевых... Поступил на завод пятнадцатилетним мальчишкой в начале века. Работал нагревальщиком, прессовщиком. В годы Советской власти вырос до начальника цеха, а позже и до начальника производства.

Василий Васильевич Кашкин, сын травильщика, сварившегося в кислотной ванне. Заступил на работу на следующий день после несчастья с отцом в возрасте тринадцати лет. Позже дослужился до должности начальника цеха.

Еще один основатель рабочей династии – Иван Егорович Крайнов. История его семьи типична для тех времен. Жили Крайновы в деревне Анновке

Хвалынского уезда. Глава семьи Иван Егорович работал за гроши пастухом. Летом 1910 года от великой бедности подались Крайновы в город. Первое время жили в сарае у родственника. Иван Егорович устроился на завод Гантке волочильщиком, прошел весь ад капиталистической эксплуатации, был дважды изувечен, но работоспособность сохранил. Бывало, в периоды застоя производства семья оставалась совсем без денег – из-за отсутствия сырья рабочих временно увольняли. В гражданскую войну Иван Егорович был красным партизаном, вернулся па завод и работал там до самой кончины.

Одной из самых многочисленных, династий завода оказались Быковы. Глава ее, Петр Логинович Быков, 1888 года рождения, всю жизнь проработал гвоздильщиком. Был одним из активных участников революционных событий в Саратове. Оставил после себя трех сыновей и несколько внуков. Многие из них работали на заводе имени В. И. Ленина. Самый младший член быковской династии Евгений Константинович Быков работает сейчас в ОКС.

Тяжелая, до отказа наполненная трудом и лишениями судьба выпала на долю старейшего рабочего завода Гавриила Семеновича Ларионова. Начал работать на заводе с четырнадцати лет нагревальщиком, потом волочильщиком. Воевал в первую империалистическую, был в плену и вернулся в 1918 году на завод. Израненный, изувеченный, работал пожарником, кочегаром, разнорабочим. Полвека на трудовой вахте без всякой пенсии...

А умер Гавриил Семенович так: пришел домой со своей кочегарки, сел обедать, взял в руки ложку, вздохнул и умер.

...Человеком исключительной честности и добросовестности показал себя Николай Степанович Зотов. Он был один из тех подростков, что по двенадцать часов в чаду и жаре проводили у пылающих горнов. Семья рано лишилась кормильца, мать вынуждена была пойти работать на завод вместо мужа, но поскольку специальности не имела, то устроилась работать грузчицей, наравне с мужчинами таскала тяжести. При советской власти Николай Степанович работал мастером в костыльном цехе, начальником ЖЭК, заведующим складом заводской столовой.

Рассказывают, что, работая на последней должности, Зотов по неопытности сгноил как-то с центнер капусты. Учитывая скудное материальное положение его семьи, Зотову предложили списать испорченный продукт, но он отказался – возместил убыток из скудной своей зарплаты. В 1941 году Николай Степанович пошел добровольцем на фронт, а перед самым концом войны погиб где-то в Восточной Пруссии...

Тяжелый и подчас опасный труд, нищенское жалованье, обманы и издевательства администрации, невыносимые бытовые условия – вот обстанов-

ка, в которой жили и трудились первые рабочие метизного завода. Казалось бы, все было сделано для того, чтобы превратить их в загнанных безропотных рабов или злобных, утративших человеческий облик существ. Однако ни рабами, ни зверьем они не стали. Во всяком случае, в большинстве своем, и это-то самое замечательное из всего, о чем здесь рассказано. Не будем идеализировать прошлого – пьянство, драки, грубость и прочие «свинцовые мерзости жизни» – все это, конечно, было. Но было и другое – добрые, человеческие отношения и чистые души.

Тут весь вопрос в акцентах...

В воспоминаниях тех, кто общался со старыми рабочими уже при советской власти, постоянно повторяется один и тот же круг характеристик: «очень хороший, уважительный был», «исключительно честный, замечательный работник», «спиртным не баловался, всегда трезвый, выдержанный» и т. п.

Заглянем в Ленинскую комнату нынешнего завода. Тишина, чисто, зелень на окнах. По стенам развешаны аккуратные фотостенды, иллюстрирующие ключевые моменты заводской истории. Фотографии первых рабочих завода...

Изрезанные тяжелыми морщинами, но удивительно симпатичные лица людей, хвативших довольно лиха за свою жизнь. Серьезные, задумчивые, печальные – разные. Но ни одного мрачного, а тем более озлобленного.

Интересно, какие лица были у их угнетателей – всех этих гантке, реутов, меленцких? Жаль, что их нет на стенде. Контраст был бы, наверное, впечатляющим, потому что верно говорит пословица – бог шельму метит...

* * *

О революционном движении в России написано достаточно, поэтому, рассказывая о заводе Гантке, мы ограничимся лишь некоторыми иллюстрациями.

Нынешний сравнительно небольшой завод имени Ленина с двухтысячным коллективом и скромной продукцией не слишком выделяется среди десятков других более крупных предприятий города. А когда-то он казался гигантом на фоне множества мелких промышленных предприятий старого Саратова и сыграл немалую роль в революционных событиях тех лет.

В январе 1905 года, когда обстановка в стране была крайне напряженной, на заводе Гантке произошел инцидент, нагнавший страху на начальство. Работал здесь ближайший друг и помощник управляющего Меленцкого француз Ленгрон, неоднократно доносивший на рабочих и за это ненавидимый ими. Однажды утром, обходя завод, он вошел в кузнечно-прессовый

цех и остановился, наблюдая за рабочими. Прикрикнул на одного из прессовщиков, хотел сказать что-то еще, да не успел. Неожиданно сзади ему на голову набросили рогожный куль из-под древесного угля и быстро связали веревками. Через минуту связанного, барахтающегося Ленгрона погрузили в тачку, вывезли за территорию завода и выбросили с мостика в сточную канаву. Оттуда его вытащили потом черкесы из заводской охраны.

Случай напугал и обозлил администрацию. Управляющий вызвал на завод полицмейстера города Дьяконова, однако розыск ничего не дал. Никто не выдал зачинщиков и исполнителей акта справедливого возмездия над мастером. Тем не менее несколько рабочих показались Дьяконову подозрительными и были уволены.

Чуть позже, во время январской стачки, произошло столкновение большой группы заводских забастовщиков с полицейским нарядом, охранявшим штрейкбрехеров. Дело дошло до кулаков и трансмиссионных ремней. Полицейские бежали, а штрейкбрехеров рабочие со свистом и улюлюканьем выгнали с завода.

В первое бурное пятилетие XX века заводские рабочие принимали участие в ряде митингов и выступлений: на Казачьем острове, в Парусиновой роще (ныне ГПКО имени Горького), в кровавой стычке с полицией на Институтской площади. Здесь погиб рабочий завода Гантке слесарь Николай Степанович Харабик. Его имя высечено на памятнике бойцам революции 1905 года в сквере на 2-й Садовой улице.

В эти годы впервые заявляют о себе заводские большевики А. Ларионов, Л. Симонов, А. Клещевников. На квартире Ларионова в поселке Юриш печатались на гектографе прокламации, призывавшие рабочих к борьбе. Симонов ведет активную подпольную работу после разгрома революции 1905 года, устанавливает связь с сестрами В. И. Ленина Марией Ильиничной и Анной Ильиничной, жившими в то время в Саратове.

В мае 1917 года завод перешел в собственность Акционерного общества нижегородского металлургического завода «Новая Этна» и некоторое время носил это название, вполне соответствующее духу революционной эпохи. Управляющим завода назначают члена правления акционерного общества С. А. Фрадкина. Это представитель нового поколения заводских хозяев – капиталист, чувствующий веяние времени. По его указанию в заводской бане поставили дополнительный чан для воды, навели кое-какой порядок в цехах, ничего существенно при этом не изменив. Фрадкин даже являлся на собрания рабочих, шел на незначительные уступки, чтобы завоевать репутацию человека демократической складки. Стали покладистее и мастера –

«начали играть в демократизм, а грубость сменили на слащавую улыбку», как определил суть этих изменений старый рабочий завода Павел Кузьмич Мишаев в своих воспоминаниях.

Всю гражданскую войну завод сильно бедствовал. Пустыми и холодными стояли цеха. Из-за отсутствия сырья они простаивали месяцами. Люди в заводских слободках мерзли, недоедали, болели...

Маленький, но выразительный факт. В 1918 году, в самое тяжелое время, на заводе была открыта рабочая столовая. Ее приняли как чудо – настолько необычным было для рабочих, что кормить их будут на заводе. Заведующим столовой назначили Якова Петровича Цибулю, а в помощники ему поставили тринадцатилетнего парнишку Ваню Мальцева. Обеды, учитывая военное положение, не отличались калорийностью, но зато были дешевыми и готовились со всем старанием. Много лет спустя старый рабочий завода пенсионер Иван Федорович Мальцев напишет на завод письмо, вспоминая об этом времени, в котором назовет Якова Петровича человеком исключительной честности с высоким чувством ответственности за порученное дело.

Трудно, почти невозможно в рамках даже большого очерка дать достаточно полную картину заводской жизни в годы становления Советской власти – слишком насыщенными были эти годы, слишком много произошло событий. Полистаем поэтому отдельные странички.

1918 год... Митинг во дворе завода в связи с покушением на В. И. Ленина. Многосотенная, нервно-напряженная толпа, похожая на пороховой погреб, к которому подведен запальный шнур. Бледный от волнения секретарь большевистской ячейки завода С. И. Иванов комкает в руках фуражку, не зная, как начать. Потом в полной тишине прерывающимся от волнения голосом произносит обжигающие души слова: «Ленина... ранили... эсеры».

1919 год... За столом в одном из цехов сидит комиссия из трех человек, а у стола вереница рабочих. Идет запись добровольцев в части особого назначения. Говор, возбужденный шум. Над головами добровольцев лозунг, написанный неровными буквами: «Все на борьбу с Колчаком!». Уходили на фронт рабочие завода, передавая свои места тем, кто не мог воевать. В. Алексеев, Ф. Старшов, И. Никонов, И. Градовский, Н. Мельников... Уходили, зная, что многие из них не вернутся.

1919, 1920, 1921 годы... Завод «Новая Этна» решением Совета Труда и Обороны под председательством Ленина включен в состав ударной группы промышленных предприятий страны. Материальное положение завода исключительно тяжелое – не хватает сырья и квалифицированных кадров, нет хорошего оборудования. Однако люди работают, не жалея сил.

Выписка из приказа по заводу:

«Решением руководства завода и заводских общественных организаций от 7 мая 1921 года признаны достойными высшей награды (самовара) за отличную работу фрезеровщик гаек Васильев Николай, заклепщик Архипов Михаил, проволочник Григорий Исаев, чернорабочий Петр Загуменный...».

24 октября 1922 года (по старому стилю) по решению общезаводского собрания рабочих было направлено коллективное письмо Ленину с просьбой дать согласие на присвоение заводу его имени. Процитируем здесь отрывок из этого документа, в котором простительная для того времени некоторая неуклюжесть стиля с лихвой возмещается сердечным чувством и неподдельной искренностью.

«Дорогой Ильич! – говорилось в письме. – Мы, рабочие саратовского гвоздильно-проволочного и болто-заклепочного завода «Новая Этна» и курсанты 20-й пехотной школы, собравшиеся в числе 1000 человек в день 5-й годовщины Октябрьской революции, в день чрезвычайного исторического события, когда российский пролетариат первым осмелился заявить свое рабочее право на жизнь и стал у власти и с помощью авангарда – Коммунистической партии, возглавляемой Вами, вот уже пять лет крепко держит ее в своих мощных руках... Мы высказываем желание, дабы подчеркнуть этот день и сделать памятным навсегда, переименовать наш завод, назвав его Вашим драгоценным для нас именем, а равно внести Вас в список, как почетного рабочего нашего завода...».

Просьба рабочих была удовлетворена.

Саратовский метизный завод оказался одним из первых предприятий страны, которому было присвоено имя В. И. Ленина.

Это обстоятельство сыграло роль важного морального фактора, поднявшего авторитет завода в глазах трудящихся Саратова и особенно в глазах тогдашней комсомольской молодежи. На завод потянулись молодые рабочие. Вот что говорит по этому поводу один из заводских ветеранов В. И. Фадеев:

«На завод я поступил в 1935 году еще совсем молодым парнем, комсомольцем. Одной из главных причин, почему я выбрал именно гвоздильно-проволочный завод, было то, что он носил имя Ленина, присвоенное еще при его жизни. Для нас, комсомольцев довоенных лет, это имело очень большое значение. Ведь таких предприятий в стране было немного. Ленин, как известно, относился отрицательно к прижизненным почестям и соглашался на присвоение своего имени только в особых случаях.

...Помню, как волновался я в первый день работы, подходя к воротам завода, на которых крупными буквами было написано имя Ленина. Очень боялся, как бы не осрамиться, не работать хуже других...»

Было и другое, горестное для заводских тружеников событие, связанное с именем В. И. Ленина, – когда спустя два года 21 января 1924 года во дворе завода состоялся траурный митинг, посвященный смерти вождя. Рабочие стояли понурые и молчаливые. Выступали коммунисты и беспартийные, руководители и рабочие. Говорили о своей горячей любви к Ленину, о чувстве ничем не восполнимой, горькой утраты.

«Умер наш Почетный рабочий, вождь рабочего класса, наш дорогой Ильич, – говорилось в решении собрания. – С глубокой, искренней скорбью мы сознаем эту утрату. Он умер, но его заветы, его труды всегда останутся с нами. Дорогой Ильич! Мы, рабочие завода твоего имени, химического завода и граждане Солдатской слободки даем здесь обет, что завоевания, достигнутые под твоим руководством, рабочий класс не отдаст никому. В великой скорби по тебе мы наши ряды, наши сердца сомкнем еще теснее. И, как ты учил нас, не ослабим своего сплочения, перейдя от скорби к борьбе.

И еще сильнее ударит наш молот по твоим и нашим врагам. Рабочие всего мира! Ниже склоните знамена и обнажите свои головы перед гордой могилой нашего общего вождя, нашего Владимира Ильича Ленина».

От тех лет сохранилась фотография, изображающая траурный венок, сделанный с большим искусством заводскими мастерами. Венок размером семьдесят на сто пятнадцать сантиметров образует металлические листки пальмы, украшенные листьями бегонии, белыми фарфоровыми цветами и металлическими голубыми незабудками. Сохранилось и содержание надписи на траурной лепте. Вот оно:

«От рабочих Саратовского завода имени В. И. Ленина. Дорогому Ильичу! Мировому титану.

Спи спокойно, дорогой Ильич, Дело коммуны в надежных руках!»

* * *

В пухлых папках государственных архивов хранится запротоколированная, пронумерованная, разложенная в хронологическом порядке история страны. Она подобна застывшей лаве когда-то действовавшего вулкана. В ней есть факты, но нет живого огня. Огонь давно погас, подернулся пеплом, но остатки тепла, к счастью, еще сохранились в памяти последних живых свидетелей ушедшего времени.

Из их воспоминаний складывается другая история – история человеческих душ, обойденная вниманием архивариусов. И она не менее содержательна, чем история документальная...

Когда я собирал материал для этого очерка, то встречался в основном с пенсионерами, людьми преклонного возраста, по пятьдесят и более лет отработавших на производстве. Иные, как, например, С. Г. Богачев, М. Г. Кузянина, Г. К. Страшилин, еще продолжают работать, иные, ослабленные болезнями, сидят дома. И вот что я заметил. При всей разнице в характерах, судьбах и занимаемых когда-то должностях есть у них у всех – и у руководителей, и рядовых работников – что-то общее. Это чувство долга – драгоценное свойство народной души, благодаря которому, можно сказать, и выжила Советская власть. Особенно показателен в этом отношении метизный завод. Условия труда на нем, несмотря на попытки улучшения, еще многие годы оставались тяжелыми. Кислотные испарения, высокая температура и чад в горячих цехах, несчастные случаи из-за несовершенства оборудования, страшная нервотрепка у руководителей – все это было. Но люди оставались на своих местах, хотя видели, что есть работы и полегче, и понадежнее. Модные ныне понятия «служебная карьера», «престиж», «предприимчивость» не существовали в их словаре, потому что считались чем-то порочным. Время меняет людей, но и само меняется вместе с ними. Во всем ли в лучшую сторону?

Была на заводе когда-то такая профессия – возчик. Так называли рабочих, чьими мускулами осуществлялся заводской грузооборот металла. Вручную, на вагонетках они перевозили металл с сырьевого склада в цех. И из цеха в цех.

Одного из них, бывшего краснофлотца Костю Пруссакова, помнят на заводе до сих пор. Это был рослый, невероятно выносливый и физически сильный человек. Характер имел замкнутый, несколько суровый, но душою был чист и работал в буквальном смысле, как лошадь. Он перевозил проволоку из волочильного цеха в гвоздильный по многу десятков тонн в день, один обеспечивая всю программу гвоздильного цеха. Нагружал в вагонетку тонны две, а то и больше, и толкал сзади, упираясь в землю ногами. При этом нагрузка на ноги была столь большой, что подошвы грубых рабочих ботинок, что называется, горели, снашивались за месяц. А выдавалась пара раз в год по норме...

Особенно доставалось возчикам зимой. Снегом заваливало пути, примораживало поворотные круги. Приходилось выходить на смену пораньше, отбивать ломом лед, очищать от снега пути, чтобы к приходу производ-

ственных рабочих обеспечить их материалом. Константин Павлович Пруссаков всю жизнь проработал на одном заводе, оставив о себе добрую память.

А вот еще одна неординарная фигура, по-своему характерная для небольшого завода с примитивной организацией производства, каким был метизный завод в тридцатые годы.

Жил в Солдатской слободке тогда старый кузнец Филипп Пантелеевич Андропов – один из самых первых рабочих завода. Жил с женой в небольшом собственном домике, без детей. Держал корову, имел велосипед – вещь по тем временам дорогую. Зарабатывал Филипп Пантелеевич очень неплохо, потому как был единственным на заводе специалистом, который умел делать крупные железнодорожные гайки. Он работал фрикционным прессовщиком и один выполнял всю заводскую программу по этим гайкам. А работал Филипп Пантелеевич так. Приходил в начале месяца на завод и дня два-три не торопясь подготавливал свое рабочее место – запасался железной полосой, настраивал пресс, разжигал горн, подготавливал инструмент. А потом садился и начинал работать – штамповал гайки. Трудился по двенадцать-четырнадцать и более часов в сутки и домой уже не уходил. Тут же в цехе ночевал на подстилке, жена приносила ему еду. За месяц такой запойной работы он выполнял программу на два-три месяца вперед, после чего тушил горн, получал зарплату и... начинал «гулять». Пропивал деньги, закладывал велосипед, корову, дом и все пил. Продолжалась эта бесшабашная гульба около месяца, и все знали, что никакая сила Андропова остановить не может – только он сам. Каждый раз запойный цикл заканчивался одним и тем же – приходили с завода с заказом на новую партию, и Филипп Пантелеевич давал «заключительный концерт». Он влезал на крышу своего заложенного дома и благим матом орал оттуда свою любимую песню про златые горы. Потом слезал, отсыпался и шел на завод. И снова работал, как одержимый. Выкупал и дом, и корову, и велосипед. Так и работал до 1938 года, пока не был уволен, как подающий дурной пример молодым рабочим.

Ясное дело, Филипп Пантелеевич Андропов отнюдь не образец для подражания, но и осуждать его язык не поворачивается. Все-таки, как ни смотри, нравственно он был на голову выше современного алкоголика, поскольку приносил вред только самому себе...

А теперь познакомимся с верхним звеном заводской иерархии тех лет, ибо и на нем лежит характерная печать эпохи. Вскоре после установления Советской власти директором завода был назначен А. И. Клещевников. В историю предприятия он вошел как «первый красный директор», открыв собой длинный перечень довольно часто сменявшихся руководителей. Из-

вестно о нем очень мало. Родом из рабочих, был слесарем на заводе Гантке, потом стал профессиональным революционером, член РСДРП с 1905 года. В 1907 году вместе с другими саратовскими большевиками был арестован, осужден и сослан в отдаленную губернию. Однако долго он там не задержался – вскоре бежал и несколько лет ездил по городам России, продолжая революционную деятельность. На должность директора был назначен в 1920 году, а через два года, как способный руководитель и идейный коммунист, был переведен в Москву для работы в высших хозяйственных органах. В Ленинской комнате завода висит фотография Клещевникова, перепечатанная из старой газеты. Худощавое с крупным лбом довольно интеллигентное лицо под сдвинутой на затылок шляпой. Спокойные, с добродушным прищуром глаза, на шее галстук, плащ нараспашку. Словно торопился человек по делам, а его на ходу остановили и сфотографировали.

Потом был Иван Осипович Грабовский, инженер по образованию, тоже проработавший только два года. Потом Иван Карлович Ларин-Бергман, в прошлом токарь. О нем известно побольше. Латыш по национальности, член РСДРП с 1903 года, профессиональный революционер, он имел исключительно твердый характер и отличные способности руководителя. Во время гражданской войны Ларин-Бергман командовал партизанским отрядом в Сибири, а затем дивизией в Красной Армии. За год работы на заводе с 1922 по 1923 год в условиях острой нехватки сырья и рабочих кадров он сумел наладить бесперебойную работу цехов завода, а в декабре 1923 года в связи с ухудшением внешнеполитической обстановки был отозван РВС республики для службы в Красной Армии.

В тридцатые годы был в ходу термин «выдвиженцы».

Так называли рабочих-коммунистов, назначавшихся на ответственные посты. Были это люди чаще всего малограмотные, но идейно убежденные и энергичные. Выдвинуло их само время. Требовались командиры производства, органично связанные с рабочим классом. Наиболее приятными чертами лучших из них были прирожденный демократизм, отсутствие начальнического чванства и умение признавать свои ошибки.

Приведем два примера из истории завода имени Ленина.

Первый почерпнут из рассказов ветеранов и документального подтверждения, к сожалению, не имеет. Поэтому не будем называть имени героя.

В двадцатые годы директором завода был назначен один прессовщик, зарекомендовавший себя как хороший работник. Проработал он года два в директорской должности, а потом проштрафился – стал проявлять кое-

какие человеческие слабости, недостойные руководителя. Это не понравилось рабочим. Директора стали критиковать на собраниях, и довольно резко. Критика, однако, подействовала мало, и тогда на одном из партийных собраний большинством голосов было решено отправить директора на перевоспитание в цех на... прежнее место. Не сладко ему пришлось. Рабочие подтрунивали над ним – бывало, подкатывали к началу обеденного перерыва тачку и говорили: «Просим, товарищ директор, машина подана». Тот, однако, не обиделся, как мог бы сделать другой на его месте в подобной ситуации, а показал себя человеком настоящего, большого самолюбия. Не обращая внимания на насмешки, он стал работать с максимальной отдачей, из месяца в месяц перевыполняя план, и вскоре завоевал звание лучшего прессовщика завода. На одном из очередных партийных собраний рабочие снова предложили поставить его на должность директора. Прессовщик вернулся на директорское место, проработал еще год или два на заводе и за это время ни словом, ни намеком не высказал недовольства теми, кто над ним смеялся.

Некоторые нынешние пенсионеры с теплом вспоминают другого выдвиженца из рабочих – Петра Семеновича Сорокопудова, занявшего пост директора завода в 1930 году. О Сорокопудове говорят как о человеке большого личного обаяния и врожденной культуры.

«Был он не шибко грамотен, но работать умел и с людьми хорошо ладил, – вспоминает о нем А. П. Захаров, в прошлом тоже директор. – Честнейший был человек, отзывчивый, скромный и в то же время требовательный. Светлая личность!»

Вот несколько примеров, характеризующих этого интересного человека.

Заступив на директорскую должность, Сорокопудов в первый же день освободил кабинет от всех лишних, по его мнению, вещей, оставив только стол. Даже стулья на табуретки заменил. Рабочий день Сорокопудов начинал с обхода завода. Заходил в цеха, здоровался с людьми, интересовался ходом работ, делал пометки в записной книжке. Отмечают деловитость и культуру, с которой он проводил производственные совещания. Говорил всегда, не повышая тона, коротко и по существу. Если кто-нибудь начинал многословить, вежливо прерывал выступавшего и просил сообщать только главное.

Некоторые его поступки показались бы современным руководителям чудачествами или позерством, но для Сорокопудова они были так же естественны, как поддевка, подпоясанная ремешком, которую он долгое время носил. Например, зарплату передовикам производства он выдавал соб-

ственноручно. Приходил с кассиром в цех, пожимал отличившемуся руку, улыбался, благодарил за добросовестный труд и вручал конверт с деньгами.

Что касалось личных потребностей, это был человек крайне непритязательный. Стеснялся ездить на пролетке, которая была ему положена как директору. Он считал это проявлением барства. Позже, когда завод получил американский легковой автомобиль, он также избегал пользоваться им и ездил на работу трамваем.

По осени приносил на завод здоровенную связку валенок, закинув ее за спину. Для работников завода и членов их семей была бесплатная мастерская по ремонту обуви. А семья у Сорокопудова была большая. Жил он с ней в одном из переулков неподалеку от кинотеатра «Искра» в более чем скромной квартире из двух маленьких комнат.

После завода Ленина Сорокопудов работал на руководящих должностях, а по окончании войны опять вернулся на этот же завод заведующим складами. И в этой должности его многие запомнили и полюбили за спокойный нрав, честность и добросовестное отношение к делу.

Он был очень цельный человек, живший по велению сердца, а не обстоятельств.

За годы Советской власти завод имени Ленина в несколько раз увеличил количество и номенклатуру выпускаемых изделий: в 1902 году их было 11523 тонны, а в 1940 году уже 55 200. Изготовлялось несколько видов проволоки, гвозди, болты, гайки, железнодорожные костыли и прочее. Эти успехи были достигнуты за счет двух слагаемых, сразу скажем, далеко не равноценных – техники и людей. Во время первой реконструкции 1926 – 1927 годов были построены новые корпуса, установлено более совершенное оборудование, проложены узкоколейные пути под вагонетки для внутризаводских перевозок, кое-где на участках установлены подъемно-транспортные механизмы.

В два миллиона рублей – сумму по тем временам немалую – обошлась государству реконструкция. И все же главной составляющей была не техника, а люди. И эта ориентация на людей держалась на заводе еще долгие годы.

В самом деле, условия работы в цехах завода продолжали оставаться очень трудными. По-прежнему преобладал тяжелый ручной труд, низкими и тесными были помещения цехов, шум от станков, жара вредно сказывались на здоровье людей. Волочильный цех из-за крайней скученности оборудования был просто опасен.

Тяжелые условия порождали, в свою очередь, проблему кадров. Текучка была истинно хронической болезнью метизного производства. Приходили

случайные люди, не дорожившие местом, среди них часто попадались пьяницы. Отсюда несчастные случаи, уносившие нервы и здоровье руководителей. В отличие от дореволюционных хозяев за увечья на производстве, за травмы новая власть спрашивала строго. Случалось, отдавали руководителей под суд. Тем большая ноша ложилась на плечи кадровых рабочих, тянувших на себе весь завод.

Картина производственной жизни довоенных лет представляла собой постоянный поиск все новых форм совершенствования трудового процесса. Социалистическое соревнование, многостаночничество, коммуны, самоуправление на рабочих местах, стахановское движение, рационализаторство, индивидуальный и цеховой расчет и т. п. – чего только не внедряли. И все это, в конечном счете, приносило успех – усилия партийной организации и руководства находили поддержку снизу, и в первую очередь со стороны рабочих-коммунистов. Это были годы, когда на отечественных заводах был широко распространен тип сознательного и деятельного рабочего, неравнодушного к судьбе производства.

Свидетельствует начальник волочильного цеха тридцатых годов, ныне завхоз Саратовского горисполкома Н. Г. Комаров: «Помню, как-то на завод спустили очень жёсткий план, а директором тогда был П.С. Сорокопудов, человек серьёзный и очень уважаемый рабочими. Собрал он нас, руководителей цехов, ознакомил с цифрами и сказал: «Что будем делать? При наших мощностях такой план нам никак не поднять». Все согласились – не поднять, как ни старайся. Составили экономическое обоснование невозможности выполнения такого плана, подкрепили его цифрами и зачитали на общезаводском партийном собрании, с тем, чтобы все члены партии подписали его. Мы никак не ожидали того, что произошло, – общая реакция собрания была негодующей. Рабочие один за другим поднимались на трибуну и ругали Сорокопудова. Как могли написать такое обоснование? Почему не посоветовались с коллективом? Кто сказал, что невозможно выполнить план? Можно! Сорокопудов сидел весь красный от стыда. Даже слезы на глазах появились. Потом он поднялся на трибуну и поблагодарил рабочих за критику. А ведь, в самом деле, – выполнили мы этот план! Все сдали, что положено. Нашлось и умение и силы».

* * *

В истории любого предприятия наверняка можно найти людей, чья деятельность имела ключевое значение для его судьбы. Одним из таких людей на заводе имени Ленина был Петр Павлович Дранищев, работавший дирек-

тором с 1938 по 1953 год и, по мнению многих, поставивший завод на ноги. За сравнительно короткий срок Дранищев вывел завод в число передовых предприятий области и много лет держал переходящее Красное знамя района. Как личность Петр Павлович был, безусловно, ярок и интересен. Из воспоминаний ветеранов труда завода создается обаятельный облик прямодушного и честного человека, талантливого организатора, чуткого к нуждам своих подчиненных.

Родился Петр Павлович Дранищев в 1900 году в рабочей семье, трудовую деятельность тоже начал как рабочий, слесарь. В 1928 году Дранищев вступил в партию большевиков, через несколько лет с дипломом Харьковской промышленной академии был назначен на должность директора Саратовского завода имени В. И. Ленина. По своим идейным и нравственным установкам это был руководитель такого же типа, как Сорокопудов, но обладал гораздо большими знаниями и, как говорят, имел более крутой характер. С самого начала своей деятельности Дранищев глубоко и основательно изучал производство. Так же, как Сорокопудов, он взял за правило регулярно обходить завод по утрам. Очень скоро рабочие привыкли видеть в цехах коренастую, крепкую фигуру директора, облаченную в зависимости от сезона в телогрейку или рабочий халат. Так же разговаривал с мастерами и рабочими, делал пометки в записной книжке и, таким образом, получал полную информацию о ходе работ на участках. Разумеется, руководить современным крупным предприятием так уже невозможно, но тогдашние масштабы производства позволяли, что давало директору возможность пользоваться принципом обратной связи. Информированность Дранищева в конкретных производственных вопросах оказывалась непреодолимой преградой для тех, кто пытался уйти от ответственности, переложить ее на плечи другого.

Будучи сам исключительно добросовестным в исполнении своего служебного долга, Дранищев требовал такой же добросовестности и от подчиненных.

«...Обмануть его было невозможно, – вспоминает ветеран завода термист Георгий Кузьмич Страшилин. – Если кто-нибудь из начальников цехов пытался утаить правду, обмануть директора, то Петр Павлович очень сердился и тут же уличал его. На первый раз обман прощал, если случай повторялся – объявлял строгий выговор, а если кто и дальше продолжал обманывать – снимал с работы. Очень суров иногда бывал, но всегда справедлив. За это его уважали».

...Отлично, до мелочей зная производство и людей, он всегда ставил реальные сроки выполнения заданий, советуясь при этом с исполнителями.

Но уж потом требовал, чтобы все делалось вовремя. Много интересного и поучительного можно услышать от тех, кому пришлось работать вместе с ним. Высоко ценивший рабочую минуту, он впервые на заводе ввел в обиход совещания по селектору. Производственные совещания проводил очень рационально, пресекая многословие, требуя конкретных и ясных ответов. Бюрократизм, чинушество, зазнайство были глубоко ему противны. Людей такой закваски он не переносил, весьма решительно от них избавляясь. Особые отношения были у Дранищева со временем. Он не только ценил и берег его, но умел управлять им. Вот пример. Назначая кому-нибудь прием по производственному вопросу, он требовал явки точно в намеченное время – ни раньше, ни позже. Если человек придет слишком рано и будет сидеть в приемной, то Дранищев выговорит ему за потерю рабочего времени, если опоздает хотя бы на пять минут – не примет.

Рассказывают такой эпизод. Назначил как-то Дранищев одному из начальников цехов прием на следующий день, а с утра уехал по вызову в райком партии, где задержался. Дело было серьезное, решался вопрос об освоении нового вида продукции, однако Дранищев вспомнил о назначенной им встрече и за полчаса до нее позвонил на завод своей секретарше, попросил передать начальнику цеха по внутренней связи, что не сможет принять его. А ведь речь шла о каких-нибудь десяти-пятнадцати минутах, которые тот потерял бы на бесполезное хождение.

...Говорили, что с годами Дранищев настолько хорошо изучил людей, что знал в лицо всех работавших (около 2000 человек), а по имени и фамилии чуть ли не половину. В отношениях Дранищева с рабочими ярко проявились две черты его характера – простота и человечность, за что рабочие платили ему неизменной любовью.

«...Дранищева мы, рабочие, любили беззаветно, отцом между собой называли, – вспоминает другой старый работник завода, член старейшей рабочей династии Клавдия Ивановна Крайнева-Медведева. – Он и впрямь относился к нам, как заботливый отец. Вот, к примеру, случай из моей жизни... Квартирные и материальные условия у нашей семьи были очень тяжелые. Одна комнатка на двенадцать человек – ни стульев, ни. стола, ни матрацев. Как- то зашла к нам одна наша работница, жившая в одном доме с Дранищевым, посмотрела, как худо мы живем, и рассказала об этом Дранищеву. Через некоторое время он подошел ко мне, обходя, как обычно, завод, и велел зайти к нему в кабинет. Помню, шла и не догадывалась, зачем он меня вызывает. Я тогда стахановкой, сварщицей была – думала, по какому-нибудь производственному делу. А он стал расспрашивать меня о нашем житье-бытье,

потом вызвал коммерческого директора Михайлова и велел ему выдать бесплатно для нашей семьи одеяла, матрацы, стол, стулья. И еще валенки велел мне дать – я тогда зимой в морозы галоши на шерстяной носок носила. Михайлов было заупрямился, но Дранищев пристыдил его, сказал: «Это наша лучшая стахановка, а живет хуже всех. Надо обязательно ей помочь».

Забота о людях была такой же органической частью личности Дранищева, как и забота о выполнении плана. Он просто не отделял одного от другого. Многие отмечали, что Петр Павлович никогда не забывал хороших работников и изыскивал возможности для материального поощрения отличившихся, даже если было трудно с деньгами. Никогда не кривил душой с людьми и всегда твердо держал слово. Тот же Страшилин рассказывает: «Обратился я как-то к Дранищеву с просьбой о материальной помощи. Тот был очень занят, торопился куда-то, но меня выслушал внимательно и сказал: «Сейчас нет возможности, попозже помогу». Прошло около месяца, и я уже забыл о своей просьбе. А Дранищев, оказывается, помнил. Подходит ко мне во время своего утреннего обхода и говорит: «Пиши заявление, Георгий Кузьмич». «Какое заявление?» – спрашиваю. «Ты же ведь просил о материальной помощи?» Тут-то я и вспомнил наш разговор...».

В отличие от Сорокопудова, человека по характеру очень сдержанного, мягкого, Дранищев бывал вспыльчив, даже груб. Мог в запальчивости накричать и кулаком по столу стукнуть. Однако человеческую личность уважал. Если считал необходимым как следует отругать провинившегося руководителя, то, за редким исключением, делал это наедине. Но он умел и признавать свои ошибки. Это Дранищев на одном из собраний сказал почти афористически: «Критика вещь хорошая, но ее никто не любит, в том числе и я. Однако надо уметь делать из нее правильные выводы».

Бывшая работница завода стахановка М. Г. Кузянина вспоминает такой эпизод: «Однажды на совещании один из начальников цехов заспорил с Дранищевым, пытаясь доказать ему, что срыв месячного плана произошел не по вине коллектива цеха. Начальник был прав, и все присутствующие это знали. В запале спора Дранищев перешел на повышенные тона, обозвал начальника бездельником и при всех выставил из кабинета. Обидел, одним словом, человека ни за что ни про что. Но прошло время, Дранищев во всем разобрался и на очередном совещании также при всех принес извинения обиженному, сказав, что был не прав».

Таким был человек, занявший директорский пост в 1939 году. «Волевой, очень строгий и очень человечный», как кратко и емко охарактеризовал его один из старейших рабочих завода слесарь-ремонтник С. Г. Богачев.

...Потом были последние два года мирной жизни, и люди не верили, что после всех трудностей и мытарств послереволюционных лет, когда жизнь стала как будто налаживаться, им снова придется нести тяжкий крест страданий. В Европе уже лилась кровь и строились концлагеря, а они все еще не верили.

А потом началась Великая Отечественная война...

* * *

Трудами и талантами наших лучших военных писателей-фронтовиков создана грандиозная по масштабам и глубине картина жизни человека на войне. Описаны сотни эпизодов, изображены люди в их величии и падении. Но можно ли утверждать, что столь же масштабно и глубоко исследована жизнь тыла, и в первую очередь заводская жизнь? А ведь заводы, по сути, были второй армией, которая так же вела напряженные, полные драматизма бои. Без самоотверженного, горболомного труда бойцов и командиров этой армии – рабочих, начальников цехов, директоров, парторгов – нечего было бы и думать о победе над фашистами.

Военные годы на заводе имени Ленина предстают в воспоминаниях тружеников тыла в виде напряженнейшего – по двенадцать и более часов в сутки – труда, с редкими выходными, почти без праздников, короткими перерывами на сон. В первые же дни войны на фронт ушло около четырехсот квалифицированных рабочих завода – волочильщиков, кузнецов, станочников, инженерно-технических работников. Это нанесло ощутимый урон производству, так как программа выпуска не только не снизилась, но росла. Наряду с выпуском метизов завод выполнял также заказы для фронта. Потерю в кадрах возместили подростки, старики-пенсионеры и женщины. Снова, как в давно забытые времена, в цехах стали появляться худенькие фигурки подростков, вчерашних школьников. Ребята осваивали профессии токарей, фрезеровщиков, шлифовщиков. Только в горячие цехи их не пускали – жалели. Чтобы ребята могли дотянуться до рабочей зоны станка, под ноги им ставили деревянные ящики для гвоздей. Их матери и старшие сестры взяли на себя более тяжелый труд, считавшийся всегда сугубо мужским, – работали на фрикционных прессах, на волочильных станах, на сварке. Стремительными темпами завод перестраивался на военный лад. Изготовляли ручные гранаты, детали минометов и танков, колючую проволоку, цепи противоскольжения, конную сбрую для кавалерии и многие другие изделия, остро необходимые фронту.

Тяжелая ноша легла на плечи оставшихся в тылу. Особенно трудно приходилось во время битвы под Москвой и Сталинградской битвы. «Сутками,

бывало, не уходили с завода, – вспоминает об этом героическом времени волочильщик В. П. Викулов, тогда совсем еще молодой человек. – Выходной редко использовали – то приходилось ехать на прополку, то на конюшню подсобного хозяйства. Отдыхали, по сути, три дня в году – 1 мая, 7 ноября и в Новый год. 2 мая и 8 ноября уже выходили на работу... В особо напряженные дни, выполняя срочные фронтовые заказы, люди по много часов работали, не отрываясь. Бывало, падали от усталости и тут же у станков засыпали на подстилке. На их место становились другие...».

Рабочие – мужчины, женщины, подростки, – отработав смену, безропотно шли на чистку снега или разгрузку вагонов.

...Случалось, боясь бомбежки, матери брали с собой на завод маленьких детей. Еду им готовили в цехе. На раскаленных заготовках костылей, на листе железа пекли лепешки, тыкву.

Резко ужесточилась в военное время дисциплина на заводах. За опоздание на двадцать минут объявлялся выговор, а за большее время отдавали под суд, наказывали рублем. Строгость, однако, не только не ожесточала рабочих, а, наоборот, сплачивала. Понимали – надо, иначе не победить врага. Да людей, в общем, и не надо было подгонять. Если до конца работы оставалось десять минут, – вспоминает волочильщик военных лет В. Ю. Убойцев, – то все равно рабочий «запрягал моток» и передавал стан сменщику. Разрыва в работе не было ни на минуту.

Несмотря на трудности и лишения, товарищеская и трудовая атмосфера на заводе была, в общем, благоприятной. Случались, конечно, отдельные срывы – людей в таких условиях можно понять, – но они никогда не переходили в длительную неприязнь, быстро гасли.

Люди умели понимать друг друга. Война на редкость крепко спаяла в единое целое и руководителей, и рядовых работников. Взаимопонимание и взаимовыручка составляли основу этой спайки. В тяжелые времена битвы под Сталинградом, когда Саратов был объявлен на военном положении, от завода посылали людей на рытье окопов. К. И. Крайнова-Медведева, о которой уже говорилось, рассказывает такой весьма показательный эпизод: «В войну я работала сварщицей, варила цепи противоскольжения. Работы было много, а питалась я плохо, ну и сильно ослабела. Да только никому не жаловалась, потому что всем тогда несладко было. Поднимаюсь как-то по лестнице, и вдруг в глазах потемнело. Чувствую, что теряю сознание, и схватилась рукой за перила, чтобы не упасть. И тут кто-то меня трогает за локоть, участливо так спрашивает: «Что с тобой, Клава, тебе плохо?» Это был наш секретарь парткома Павловский. Взял он меня под локоть, отвел в свой

кабинет, налил горячего сладкого чаю, хлебом угостил и стал расспрашивать. В тот же день меня перевели на более легкую работу, помогли с продуктами...»

Давно известно, что каков руководитель, таковы в значительной мере и подчиненные. Дранищев, совершенно не переносивший болтунов и бездельников, особое внимание уделял подбору руководящих кадров. Старался брать людей честных, добросовестных и, конечно, технически грамотных.

...Живет в Саратове на улице Богдана Хмельницкого бывший директор завода имени Ленина, ныне пенсионер Александр Павлович Захаров. Его имя уже упоминалось в нашем очерке, а теперь мы расскажем о нем подробнее. По образованию инженер-мостостроитель, Захаров до войны несколько лет работал на строительстве мостов, проявил себя как способный организатор и технический специалист и был переведен на завод имени Ленина. Здесь он всю войну проработал в должности начальника костыльного цеха – одного из самых трудных участков производства. После войны Захаров руководил штамповальным цехом, а с 1953 года по 1965 был директором завода, после чего ушел на пенсию. Захаров принадлежит к поколению советской технической интеллигенции сороковых годов, отличительными чертами которой были развитое чувство долга, энергия и умение проводить задуманное в жизнь. Все эти качества имелись и у него.

Много интересного рассказывает Александр Павлович о заводе военных времен, но наибольший интерес из рассказанного представляют, пожалуй, не крупные события общезаводского значения, а частные факты, которых не найти в пухлых архивных папках и которые замечательно воссоздают саму жизненную атмосферу тех лет.

Александр Павлович – человек с живым воображением и хорошей памятью, поэтому послушаем немного его самого.

«...В зиму 1941/42 года Саратов оказался в исключительно тяжелом положении. Не было топлива. Дело дошло до того, что стали останавливаться заводы. К весне 1942 года наш завод остался совсем без топлива, а продукцию выпускать-то надо! И тут нам повезло. Пришли с севера баржи, груженные дубовыми чурками. Поскольку горячие цехи не работали, то нам, кузнечно-прессовому и костыльному, поручили разгружать эти баржи. Съездил я к месту, где они причалили, познакомился с обстановкой. Вижу – баржи стоят у берега на дне, наполовину затопленные водой. Пошел лед, их прижало к берегу, ну и затопило.

Стою, соображаю, что делать? Апрель. По утрам морозы, работать, вижу, придется по пояс в ледяной воде. Чурки-то тяжелые, на дне лежат. Думаю –

надо организовывать питание, костер и обязательно спирту хоть немного раздобыть, не то люди попростужаются. Пошел к Дранищеву, обрисовал положение, попросил спирту. Тот не дает. А я тогда настойчивый был, горячий. Стал с ним спорить – он меня и прогнал. Я, однако, опять пришел.

Опять прогнал. Пять раз приходил и, в конце концов, добился своего. Отпустили нам спирта из расчета сорок граммов на человека. Ну что дальше? Достал я с вечера лошадей, телегу, составил списки работающих. В столовой нам продуктов выдали...

На следующий день с утра вышли всем коллективом на берег и принялись за работу. Мужчины стояли по пояс в воде, и вытаскивали затонувшие чурки, женщины по цепочке передавали их на берег, складывали в штабеля. Старики костер развели, обед готовили. Режим работы был такой: час поработал – десять минут отдыхаешь, сушишься у костра. И пошло дело...

К обеду в назначенный час подвода с продуктами подъехала. Пообедали все вместе, отдохнули, песню спели и снова за работу. В общем, к вечеру всю баржу разгрузили. А потом прямиком на завод – под горячий душ...».

Как известно из истории, первые месяцы войны были самыми тяжелыми и опасными для СССР. Используя преимущество неожиданного удара, вражеские полчища неудержимо растекались по югу страны, двигались к Москве. Дезорганизованное народное хозяйство и транспорт спешно перестраивались, приспосабливаясь к быстро меняющейся обстановке. Чтобы противостоять хаосу, выдержать первый натиск фашистов, и в армии, и в тылу была установлена суровейшая дисциплина. В этих условиях случались драматические ситуации, когда руководители тыла, вынужденные принимать то или иное безотлагательное решение, рисковали потерять не служебное место или премию, а жизнь. Снова послушаем Захарова.

«...Имелись у нас на заводе в 1942 году свободные площади, позволявшие хранить уголь. И вот, с осени 1941 года по распоряжению Государственного Комитета Обороны к нам целыми составами пошел уголь. Мы его своими силами разгружали и складировали. Огромное количество штабелей накопилось. Только брать его ни грамма было нельзя. Резервы ГКО объявлялись неприкасаемыми, за нарушение – трибунал и расстрел без всяких разговоров.

Положение драматическое. Как я уже говорил, топлива зимой 1942 года у нас совсем не стало, тут угля горы, а трогать его нельзя – то и дело наезжают контролеры ГКО, проверяют запас. И все-таки вышло так, что тронули...

Вызывает как-то Дранищева первый секретарь Саратовского обкома партии Павел Тимофеевич Комаров и говорит ему:

– Сложилось очень тяжелое положение, Петр Павлович. Нужно срочно готовить эшелон с военной техникой, а у нас заводы стоят без топлива, производство остановилось.

– Чем же я могу помочь? – спрашивает Дранищев.

– Углём. У тебя ведь уголь на – заводе есть?

Дранищев насторожился.

– Есть, но это же из резервов ГКО.

– Давай из этих резервов.

– Как давай? Уголь неприкасаемый.

– На меня в случае чего сошлешься.

– Да не могу Я, Павел Тимофеевич, – стал объяснять Дранищев. Я за него лично головой отвечаю перед ГКО. Договоритесь с ними, тогда другое дело.

Тут надо понять ситуацию. Договориться с ГКО об использовании резервного запаса было очень трудно, на это ушло бы время, а уголь нужен был срочно, сейчас.

Комаров объяснил это Дранищеву. Дальше между ними состоялся следующий разговор:

– Если я трону уголь, меня за это расстреляют раньше, чем разберутся, – сказал Дранищев.

– Ну и что? – отвечал на это Комаров. – Ты же коммунист, значит, должен рассуждать так: пусть меня одного расстреляют, зато я сотни людей спасу, которые сейчас гибнут без наших танков.

Задумался Дранищев... Не ожидал такого поворота темы. Помолчал и сказал:

– Хорошо, будет уголь.

Вернулся на завод, а там уже машины с других заводов стоят, ждут. Ну и начали грузить уголь... Потом, когда полным ходом шла погрузка, Дранищев вызвал меня к себе, рассказал о случившемся, всплакнул даже. Посовещались мы с ним и решили дать срочную телеграмму министру черной металлургии СССР, обо всем рассказать.

Все кончилось, слава богу, благополучно. Через два дня пришел ответ от министра. Дранищеву объявлялся всего лишь строгий выговор. Можете себе представить, как он жил эти два дня. Ведь очень просто могли отдать под трибунал. Подобных случаев в войну было достаточно.

А позже состоялся у него второй разговор с Комаровым, повеселее. Пришел он к нему на прием по какому-то вопросу, тот его увидел и спрашивает удивленно:

– Жив? А я уж думал, тебя давно похоронили.

Посмеялись оба.

– Ну вот, видишь, а ты боялся...

Потом-то мы узнали, что Комаров тоже крепко понервничал в эти дни. Говорят, Сталину звонил, просил заступничества...»

Колоссальная ответственность лежала в годы войны на руководителях. Работали от темна до темна, бывало, ночи проводили на заводе. Начальникам цехов сплошь да рядом приходилось самим принимать ответственные решения. Не побежишь по каждому поводу советоваться с директором – у него своих дел по горло. В военно-исторической литературе много говорилось о всеобщем энтузиазме, охватившем рабочих во время войны, о большой роли социалистического соревнования, патриотических починах... Все это, конечно, было и составляло основной фон заводской жизни военных лет. Но при взгляде с высоты и вспаханное поле кажется однообразно ровным, а посмотришь вблизи – борозды, камешки, крупные комья. Известно, что во время войны на заводах была строгая дисциплина. А известно ли, какой ценой она подчас давалась? Попадались ведь и нерадивые работники, и начальнику цеха приходилось трепать себе нервы – уговаривать, убеждать, наказывать, а иногда идти на серьезный конфликт.

Вспоминая военные годы, Александр Павлович оживляется. Как же! Молодой был, горячий, принципиальный. Бывало, и с директором спорил до хрипоты, и подчиненным не уступал, если видел откровенное нежелание хорошо работать.

Еще один эпизод...

«Работал у меня в цехе в войну прессовщик, молодой парень Петр Гусаров. Плохо работал, ленился. Все норовил поспать на рабочем месте. Дал ему, помню, учеников, но он ими совсем не занимался. Лежит себе, спит у пресса, а ученик уродует пресс. В войну за плохую работу, как вы знаете, судили. Судил и я Гусарова два раза, да все без толку. Ничего его не брало. И выгнал бы, да нельзя – люди на вес золота. Хочешь не хочешь – воспитывай этого. Мастер с ним совсем замучился. Приходит как-то ко мне рассерженный, говорит: решай – либо я, либо он. Спал на рабочем месте, я стал будить его, так он меня кулаком двинул. Вот негодяй!

Велел я позвать Гусарова – не идет. Я в проходную звоню – не велю из завода без моего письменного разрешения выпускать. Пришел. Стал боком у двери, смотрит на меня угрюмо.

– Звал? – спрашивает.

– Звал.

– Какого хрена?

У меня все в груди закипело, однако сдержался, спрашиваю:

– Опять спал?

– Да. Спать захотелось.

– А Стрыгина за что ударил?

– А чего он мне спать не дает?

Вот такой вышел разговор, дальше, как говорится, идти уже некуда. А у меня на столе инструмент лежал – стальная плашка килограммов на пять весом. Я потерял самообладание, закричал на него самыми черными словами и запустил в него эту самую плашку. Он еле увернулся, а плашка дверную филенку вышибла. Он бежать, я за ним – по цеху. Не догнал... А догнал бы – точно избил. Я тогда спортсменом был, мог, как говорится, врезать под горячую руку. Ну что? После этого случая стал Гусаров работать лучше, но когда я появлялся в цехе, лез под пресс – вроде что-то исправлять. Целый месяц мы с ним не встречались. Мастер Стрыгин как-то спрашивает: «Его что, подменили, что ли? Отлично работает». «Да нет, – говорю, – просто мы с ним по душам поговорили». А сам думаю – чудом ведь не убил его, дурака... Два года работал после этого Гусаров в моем цехе, стал лучшим прессовщиком, но меня избегал. И вот однажды после смены является вдруг ко мне в кабинет. «Извините меня, пожалуйста, Александр Павлович», – говорит. «За что?» – спрашиваю. «За то, что я тогда вас до такого состояния довел. До сих пор не могу забыть. Вы же из-за меня сесть могли...».

Это надо же, а! Ничего на него не действовало – ни выговоры, ни суд, а эта сцена подействовала. На свадьбу меня приглашать пришел, представьте себе. Вот как я его допек!»

Краткая справка об авторе приведенных воспоминаний (выписка из истории завода имени Ленина):

«...Захаров Александр Павлович, 1912 года рождения, член КПСС с 1942 года, образование высшее... В период своей деятельности на заводе тов. Захаров проявил себя как высококвалифицированный, энергичный работник, отличный организатор производства. Он умело направлял коллектив на решение насущных производственных задач, заботливо и внимательно относился к нуждам трудящихся завода, пользовался у них заслуженным авторитетом... За высокие трудовые достижения и своевременное выполнение военных заказов в период Великой Отечественной войны тов. Захаров награжден орденом Красной Звезды, а всего за свою трудовую жизнь получил восемь правительственных наград и не имел ни одного взыскания».

Орден Красной Звезды был очень высокой наградой для тылового работника. Из заводчан, кроме Захарова, ее удостоились еще только два человека:

гвоздильщик С.П. Денисов и начальник волочильного цеха В.С. Барановский. Последний работал на заводе только во время войны, но запомнился многим как личность яркая, незаурядная. Стоит рассказать о нем немного...

До войны начальником волочильного цеха был старый чапаевец Василий Васильевич Кашкин – тот самый, чей отец сварился в чане с горячей кислотой. Человек он был хороший и прошлое имел героическое, но как руководитель был слаб. Рабочие считали его «своим», ровней и слушались плохо. Цех, и до того сильно запущенный, при Кашкине стал работать еще хуже. К началу войны остро стал вопрос о смене руководства одного из ответственнейших участков завода – волочильного цеха, и Дранищев нашел подходящую кандидатуру. Это был молодой инженер из Одессы Владимир Станиславович Барановский, эвакуированный вместе с семьей.

...Когда он появился в цехе – высокий, с простым лицом и грубовато-добродушными манерами, рабочие встретили его настороженно. Уже знали некоторые подробности его личной жизни – что имеет инженерский диплом и учится в консерватории на баяниста, что жена у него хорошо играет на фортепьяно. А с виду крестьянин... Решили – выскочка, в интеллигенты метит. Настороженность перешла в недовольство, когда новый начальник начал действовать. Он осмотрел цех, прилежащую территорию, поглядел, как работают люди и в каких условиях, и остался всем очень недоволен.

«Так дальше жить нельзя, товарищи, будем останавливать цех, – вот были первые слова, сказанные им на общецеховом собрании. – Я такой грязи еще нигде не видел».

И остановил, изумив даже Дранищева. Однако директор возражать не стал. Делай, мол, что хочешь, но к концу месяца чтобы план был. Два дня недовольные рабочие мыли и скоблили цех, заросший грязью за много лет. Потом разбирали завалы из увязочной ржавой проволоки, скопившиеся вокруг цеха. Люди за эти дни не заработали ни копейки. В завком посыпались жалобы...

Чистоту, однако, навели. Вырубили дикие кусты вокруг цеха, вскопали землю и посадили сирень. Огородик даже небольшой развели. Летом к обеду волочильщики имели редиску, лук, капусту...

Труднее оказалось наладить производство. Кашкин по доброте своей основательно распустил вожжи. Работали волочильщики с прохладцей, в цехе процветало пьянство. Барановский пересмотрел и ужесточил нормы выработки, найдя их сильно заниженными. Стал наказывать за нарушение трудовой дисциплины. Тут уж его по-настоящему невзлюбили. Волочильщики, не стесняясь, ругали начальника прямо в глаза. Но самолюбивый и настойчивый Барановский держал себя в руках и продолжал требовать. Положение

его оказалось очень сложным. Цех по условиям труда тяжелейший, кадры на вес золота – не уволишь. Как тут работать?

И все-таки Барановский победил рутину. Перелом наступил после впечатляющего урока, который начальник цеха преподнес своим подчиненным. Об этом случае долгие годы рассказывали потом на заводе. А дело вышло такое. Схлестнулся Барановский с одним нерадивым рабочим, стал ругать его за то, что тот обленился, не использует возможностей оборудования.

– Ишь какой умный! – огрызнулся волочильщик. – Ходить, давать указания и дурак сможет, а ты вот у стана постой попробуй.

Классический аргумент рабочего человека в споре с начальствующим белоручкой. Однако с Барановским номер не прошел.

– А что, давай поменяемся местами, – вдруг предложил он. – Ты побудешь начальником цеха, а я за тебя у стана постою. Посмотрим, кто как управится.

Рабочий с подозрением смотрел на начальника цеха. Шутит или на испуг берет? Подошли другие рабочие, прислушиваясь к разговору.

– Я серьезно предлагаю, – продолжал напирать Барановский. – Меняемся на две недели местами. Ты будешь ходить давать указания, а я пока волочильщиком поработаю.

По тону, каким это было сказано, всем стало ясно, что Барановский не шутит.

– Не хочу, – буркнул смущенный волочильщик.

– А-а! И начальником не хочешь, и у стана как следует работать тоже не можешь. Тогда так. Будешь каждый день приходить на работу смотреть, как я буду работать. Получишь за это время среднесдельную. А за меня пока Василий Васильевич покомандует.

...Этот удивительный урок продолжался с полмесяца. Барановский показал, как надо работать! За пять дней выполнил программу десятидневки. Все это время посрамленный волочильщик просиживал на табуретке рядом со станом и смотрел, как быстро и ловко управляется начальник – как заряжает новый моток, снимает старый, протягивает проволоку через волоки... А тот, поработав пять дней, перешел на стан тонкого волочения, потом еще на один стан. Прошелся по всем станам, показал высокий класс на всех видах волочильных работ. Потом собрал всех волочильщиков и сказал: «Видели, что можно делать на ваших станах? Попробуйте только теперь не выполнить норму».

Оказалось, что до поступления в институт Барановский несколько лет работал волочильщиком и досконально освоил эту профессию. Никуда не денешься, пришлось волочильщикам подтягиваться до уровня своего начальника, осваивать его приемы труда. После этого случая авторитет Бара-

новского в глазах рабочих сразу вырос. Цех стал выполнять и перевыполнять план и, пока начальником был Барановский, ходил в передовиках.

Большой активностью отличались в войну заводские комсомольцы. В первые же дни войны добровольцами в Красную Армию ушло более половины состава комсомольской организации. Оставшиеся завидовали уходящим. О том, как велико было желание комсомольцев попасть на фронт, свидетельствует такой эпизод, рассказанный бывшим начальником отдела автоматизации завода В. И. Кулаковым.

«..Помню, в конце 1943 года нас, заводских комсомольцев, вызвал в военкомат начальник отдела майор Шеперкин.

– В армию хотите, ребята? – спросил он.

– Конечно! А в какие войска?

– Пока не войска, а в Вольское военное училище тыла. Учиться будете на механиков по обслуживанию боевых самолетов.

Вручил он нам повестки, сказал, что договорится с заводским руководством насчет нас, и велел через неделю явиться с вещами. Домой мы уходили счастливые...

А через неделю нас ждало разочарование. Построили нас в красном уголке – ребят со всех заводов района, и вдруг раздается команда:

– Комсомольцы завода Ленина, два шага вперед! Марш по домам!

Мы так расстроились, что не сразу ушли. Явились потом всей гурьбой в кабинет Шеперкина просить, чтобы нас зачислили в училище. Он долго так смотрел па нас, сидя за столом, потом поднялся, усмехнувшись, и достал из сейфа бумагу.

– Читайте, если грамотные.

Это был приказ Сталина, вышедший в минувшую неделю. В нем запрещалось брать на фронт рабочих с заводов Наркомата черной металлургии ввиду особой важности их для обороны страны.

Комсомольцы принимали активнейшее участие во всех патриотических начинаниях военных лет. Они досрочно выполняли заказы для Сталинградского, Донского и других фронтов, принимали активное участие в строительстве инженерно-оборонительных сооружений на подступах к Саратову. Они проводили военизированные кроссы, учились в стрелковых и парашютных кружках, в кружках ПВХО, готовясь заранее к службе в Красной Армии.

Многие заводские комсомольцы выросли в дальнейшем в значительных личностей – стали партийными и хозяйственными деятелями крупного ранга, командирами Красной Армии. Вот несколько примеров. Алексей Соколов,

работавший в годы войны на заводе, комсомольский секретарь, стал заместителем председателя Совета Министров Литовской ССР и ушел на пенсию в звании пенсионера союзного значения. Николай Аврорский, тоже комсомолец военных лет, ушел на фронт, получил офицерское звание, стал Героем Советского Союза. Храбро сражался на фронтах Великой Отечественной войны Владимир Суслов, вышедший в отставку в чине полковника.

Людмила Вершкова окончила после войны медицинский институт и тридцать лет проработала детским врачом. Алексей Кашкин стал заслуженным артистом РСФСР. Иван Иванов, участник Великой Отечественной войны, окончил Военно-воздушную академию имени Жуковского, стал инженер-полковником...

В заключение военной темы расскажем немного еще об одной стороне производственной деятельности завода – военных заказах, которые шли сверх основной метизной продукции.

Вот далеко не полный их перечень: цилиндрические шестерни для танков, детали минометов, поковки колец подшипников для тяжелых танков, металлические части к кавалерийской сбруе, медные шпильки для сапог, колючая проволока, крепежные части для саперных войск – понтонные болты, скобы...

Собирали на заводе походные мастерские для ремонта боевой техники в полевых условиях. Задания бывали неожиданными, непривычными, не было подчас подходящего оборудования, и приходилось перестраиваться на ходу, приспосабливаться к имеющимся станкам. Так, немало хлопот доставили инструментальщикам медные шпильки для партии сапог, заказанных саратовской обувной фабрике.

Приезжал на завод первый секретарь обкома партии, просил директора срочно изготовить оснастку для производства полумиллиона шпилек. Готовил оснастку инструментальщик Епифанов. Шпильки придумали делать на гвоздильных станках, а потом накатывали на них резьбу...

Одним из важнейших заданий, выполненных заводом в годы войны, был заказ на путевой крепеж для стратегической железнодорожной ветки Свияж – Сталинград, успешное строительство которой во многом определило судьбу Сталинградской битвы. Рельсы были привезены сюда с заложенного еще до войны строительства Байкало-Амурской магистрали, а костыли и прочий, крепеж изготовлял завод имени Ленина. Именно за выполнение заказа на костыли А.П. Захаров – тогда начальник костыльного цеха – был награжден орденом Красной Звезды.

* * *

Обширный период мирной послевоенной жизни с 1945 года до наших дней не содержит столь острых и драматических событий, какие завод пережил за свою предыдущую историю. Основное событие этого сорокалетия – сначала медленная, но постепенно набирающая темпы реконструкция всего производства, в результате которой завод стал тем, что он есть сейчас – современным промышленным предприятием с высокой степенью автоматизации производства и культуры труда. Вторым, но уже менее заметным событием становятся изменения в социальном составе работающих и в их психологии. Уходят на пенсию ветераны труда... Чем ближе к нашему времени, тем чаще вывешиваются у проходной портреты в черной рамке с традиционно-строгим текстом, сообщающим о кончине очередного заслуженного работника завода. В 1956 году умер П. П. Дранищев. Последние годы своей жизни он работал на Украине в городе Харцизске, но, согласно завещанию, оставленному им перед смертью, был похоронен в Саратове, куда привезли гроб с его телом. Церемонию похорон взял на себя завод имени Ленина в знак благодарности бывшему директору, который столько для него сделал. На заводе состоялся траурный митинг, собравший большое количество людей. Пришли все, кто знал Дранищева, в том числе и многие из тех, кто к тому времени уже не работал на заводе. Выражая глубокое уважение и любовь к бывшему директору, рабочие несколько кварталов несли на руках гроб с телом покойного...

Все больше появляется на заводе молодых людей со средним и высшим образованием, растет культура труда, зарплата, расширяется жилищное строительство, но растут и потребности. И люди утрачивают представление о том, что было раньше, что творилось на том самом заводе, который дает им средства к жизни. Нынешний молодой рабочий был бы ошеломлен, если бы его ввели в помещение старого кузнечного цеха, увидел бы в дымном чаду согбенные фигуры фрикционных прессовщиков, исполняющих странный сидячий танец с одновременным движением рук и ног перед допотопными механическими махинами. Уходят в прошлое старые ремесла с тяжелейшим физическим трудом, исчезает и память о том, какой ценой доставался людям хлеб насущный...

Реорганизация производства начиналась медленно, трудно, в условиях нехватки средств и площадей. Ограниченный железнодорожной линией и улицей Чернышевского завод не имел возможности расширяться, а значит, планировать прирост продукции, достаточный, чтобы получить средства на генеральную реконструкцию.

Вскоре после войны ленинградский Гипрометиз совместно с заводскими специалистами разработал проект генеральной реконструкции завода. Проект предусматривал резкое улучшение условий труда, но при тогдашнем уровне оборудования не мог дать 200 000 тонн годового выпуска, которые потребовал Госплан. Напрасно проектанты доказывали, что это будет современное предприятие с высокой культурой труда, которое привлечет рабочие силы, и будет, наконец, решена хроническая проблема кадров. Их не поняли. Просторные корпуса с дорогостоящей вентиляцией, комфортабельные бытовки, зеленые зоны на территории? Пустая трата средств. И проект «зарубили». Потребовались многие годы, чтобы до сознания высокоответственных товарищей дошло, наконец, значение «человеческого фактора» и вопросами культуры и быта занялись всерьез. А тогда по инерции мышления, да и по бедности послевоенных лет больше полагались на сознание людей, их непритязательность и чувство долга. И надо сказать, что в основном люди не подводили. Примером тому может служить освоение на заводе технологического процесса горячего оцинкования в 1951 году.

Цех горячего оцинкования без малого тридцать лет тяжелым бременем лежал на совести заводских руководителей. По условиям труда это было вредное производство, а средств и площадей, чтобы как следует оборудовать его, завод не имел. Деваться, однако, было некуда. Страна остро нуждалась в проволоке со стойким антикоррозийным покрытием, и кому-то надо было ее изготовлять. И цех построили далеко не по самому лучшему проекту. Сейчас такой проект ни в коем случае не утвердили бы.

Воистину самого глубокого уважения заслуживают люди, работавшие в цехе горячего оцинкования, потому что никто их там насильно не держал. Могли бы и уйти – рабочие везде были нужны позарез. Многие, в самом деле, не выдерживали и уходили, но был в цехе и основной состав работавших, который не менялся годами.

Недостаточная вентиляция и малый объем помещения создавали специфическую, влажную атмосферу, содержавшую пары цинка и серной кислоты. Время от времени ванны прогорали, горячий цинк начинал капать в яму, и возникала авральная ситуация. Приходилось вручную металлическими ковшами вычерпывать горячий цинк – двадцать тонн! Цинк заливали в небольшие формы, чтобы потом легче было его расплавить. На эту работу выходили всем цехом. Иногда вызывали и тех, кто уже был дома, отработав смену. И люди шли... Цинк вычерпывали, не выключая газовых горелок, а застывший слой в яме разбивали секачами и зубилами. Бывали случаи, когда цинк в ванне схватывался, и тогда приходилось вызывать взрывников. «Осо-

бенно страшно было, когда прогорали ванны, – вспоминает бывший начальник оцинковального цеха А. И. Прокофьев. – Вытекая из ванны, цинк горит, все в цехе молочного цвета, а тушить горелки нельзя, иначе получится «козел», то есть цинк в ванне затвердеет, и расплавить такую массу будет потом невозможно. В таких случаях все, как один, оставались после смены, хоть и отработали и устали. Всем, как говорится, миром спасали положение – вычерпывали ковшами вручную. Тяжелейшая работа...».

Проблему цинковых ванн удалось решить совместно со специалистами украинского Научно-исследовательского института сварки имени академика Патона, которые разработали метод высокостойкой сварки под флюсом. Инициатива в этой работе принадлежала заместителю начальника цеха Роману Никифоровичу Кутузову, ныне пенсионеру. Он узнал о новом методе, познакомился с учеными и договорился о доставке железнодорожного вагона-лаборатории, принадлежавшего институту, на заводскую ветку...

После сварки по методу Патона стойкость ванн резко возросла, оцинковщики облегченно вздохнули.

Долгое время мучила цех проблема направляющих роликов, но которым проволока – 24 нитки – проходила через ванны. На четыре ванны всего приходилось 192 ролика, а держались они не больше смены. Кислота разъедала чугун, проволока соскальзывала, запутывалась, и агрегат останавливали. Было время, в инструментальном цехе высились горы этих роликов, потоком шли, чтобы вовремя обеспечить оцинковщиков. И эта проблема нашла решение, весьма оригинальное и неожиданное. Нашли в экспресс-информации сообщение о роликах из мрамора, применяемых в кислотных ваннах. Говорилось, что эти ролики вечные. Так оно и оказалось. После внедрения мраморных роликов о проблем, в самом деле, забыли.

Оцинкование относится к числу непрерывных технологических процессов, поэтому работа не останавливалась и в выходные дни. Двухдневный запас проволоки из-за отсутствия складских помещений хранили тут же в цехе. Высокие, не очень-то устойчивые штабеля из мотков проволоки загромождали и без того тесное помещение. А тяжелые транспортировочные операции? А подготовка ванн к пуску? А упаковка? Все, все делалось вручную. Хорошо хоть были в цехе две кран-балки, иначе работать было бы просто невозможно.

Тяжелые условия труда порождали текучку, а с ней и попадание в цех случайных людей, не дороживших местом, пьяниц, бывших уголовников и т.п. От начальника цеха требовалась немалая выдержка и даже мужество, чтобы управляться с таким народом. Прокофьев, например, вспоминает

своих сорвиголов-грузчиков, которым и сам директор был не указ. С нелегкой улыбкой вспоминает. Дело доходило до открытых конфликтов, до угроз. Раз чуть железкой по голове не ударили... А куда денешься? Где взять людей на такую черную работу?

Но вот что замечательно. При всех своих трудностях и проблемах оцинковальный цех был одним из передовых участков завода. План выполнялся и перевыполнялся регулярно, имена работников цеха заносились в заводские Книги почета, упоминались в отчетах. Цех неоднократно завоевывал звания и знамена...

В чем тут дело? Конечно же, в людях. Тяжелые условия работы оказались проверкой на качества души. С годами в цехе отстоялось ядро кадровых, добросовестных и честных работников, которые, собственно, и тянули на себе все производство. Вот их имена: В.И. Белоголовцев, И.А. Сычев, И.А. Завьялов, И.В. Кульгин, В.Г. Кривицкий, Л.И. Лысов, Г.И. Мантульков, В. Гудзенко, А. Чимаров, П. Ермолаев, Н. Крутков, Л. Киреева и другие. Хорошие оцинковщики, люди с чувством долга и привязанности к месту. И еще назовем самого первого начальника цеха, приложившего массу сил на освоение оцинковального производства, Ф. С. Ошерова. О нем и его работе до сих пор, хотя прошло уже много лет, с теплом вспоминают на заводе.

В 1980 году цех посетила комиссия Главметиза и нашла помещение непригодным для дальнейшей эксплуатации. От многолетнего воздействия агрессивных паров потеряли прочность несущие конструкции, и работать в цехе стало опасно. Железо и бетон не выдерживали...

Решением комиссии цех был закрыт, и можно было бы не вспоминать об этом технологическом реликте, принадлежащем скорее веку девятнадцатому, чем двадцатому. Но из песни слова не выкинешь – здесь тоже работали люди, и люди хорошие, стоящие того, чтобы помянуть добрым словом тяжкий их труд.

Ограниченность площадей и отсутствие средств для осуществления генеральной реконструкции с самого начала заставляли руководителей завода идти по пути интенсификации производства, то есть увеличивать удельный съем продукции с единицы производственной площади. Саратовский метизный завод являет собой в этом отношении интересный пример. Увеличение выпуска продукции достигалось здесь за счет следующих источников: модернизации и ремонта существующего оборудования, замены (долгое время очень незначительной) старого оборудования новым, повышения коэффициента использования оборудования, социалистического соревнования и освоения передовых методов труда, активной работы рационализаторов,

облегчения условий труда и многих других факторов. И вот итог: в 1945 году завод дал 11400 тонн метизов, в 1955 году – 73 871 тонну, а перед началом генеральной реконструкции в 1965 году – 100 038 тонн. И уже новая технология позволила в течение последующих двух десятков лет почти в два раза перекрыть и эту цифру без расширения завода. Интенсификация налицо.

Но продолжим далее наше обозрение...

С 1945 по 1965 годы на заводе велась кропотливая, настойчивая работа по совершенствованию производства. Начиналась она с элементарного – с устранения технических монстров, дальнейшее существование которых было просто оскорбительно для чести завода. Многим знакома иллюстрация из учебника истории – низкий полутемный цех, опутанный приводными ремнями, которые тянутся вниз к станкам от длинного вала под потолком. Эта архаичная система дожила на метизном заводе до 1945 года. У нее было много недостатков. От обилия ремней в цехе было темно, и в пасмурную погоду даже днем приходилось включать свет. Отключить станок от общего привода рабочий мог с помощью длинной рогатины, которой перебрасывал ремень с ведущего шкива наверху. Обслуживали трансмиссионную систему рабочие трех специальностей – моторист, масленщик и шорник. Моторист следил за работой супермощного (80 и более киловатт) электродвигателя, который располагался в отдельном помещении, масленщик периодически лазил под потолок смазывать подшипники, а шорник сшивал рвавшиеся ремни. Простои при трансмиссионной системе были обычным явлением. Вышел из строя приводной мотор – омертвляется целая группа станков.

Трансмиссионную систему ликвидировали в первые же послевоенные годы. Демонтировали валы, стойки, снимали ремни, вместо воздушных линий электропередач, проводили скрытые кабели, а на станках ставили небольшие индивидуальные электродвигатели. В цехах стало светлее и чище, сократились простои станков, улучшилось и настроение у рабочих. Инициатива в этой очень важной для завода работе принадлежала главному инженеру И. Е. Кобе и заведующему электрооборудованием завода Н. М. Рожкову.

...Коба был родом из Одессы. На заводе проработал всю войну и несколько лет после окончания войны и оставил о себе добрую память. О нем вспоминают как о человеке технически очень грамотном, инициативном и энергичном. Так же, как П. П. Дранищев, с которым он работал, Коба имел обыкновение ходить по цехам, вникать в конкретные технические вопросы, многие из которых решал тут же. Иногда сам становился за кульман, разрабатывал чертежи по собственным идеям.

Столь же инициативным работником показал себя и Н. М. Рожков, руководивший монтажом электрооборудования. Медленно, но неуклонно менялся внешний облик цехов, облегчался тяжелый труд. В цехах и на участках повсеместно начинают появляться кран-балки, монорельсы с тельферами для транспортировки материала к станкам. В горячих цехах монтируется приточно-вытяжная вентиляция. У горнов ставят водяные завесы, обдувные вентиляторы. В 1948 году устанавливают первые автоматы газированной воды...

Рост грузопотока, вызванный увеличением программы выпуска, заставил руководителей серьезно заняться проблемой внутризаводских перевозок. Вагонетки и тачки уже не удовлетворяли возросшим потребностям, и с 1950 года завод начинает осваивать новую транспортную технику – автопогрузчики и электрокары. Работа эта носила комплексный характер, так как была связана с другой серьезной проблемой – твердых покрытий.

Сейчас странно представить крупное промышленное предприятие без асфальтового покрытия, а ведь так было на многих старых заводах, в том числе и на метизном. Весной и в осеннюю распутицу грязь на территории стояла непролазная – только вагонетки и выручали, а во времена Гантке, когда вагонеток еще не было, грузчики переносили тяжеленные мотки на плечах, утопая подчас по колено в грязи.

И вот заводская территория стала покрываться асфальтом, кое-где проезды мостят булыжником, а с начала пятидесятых годов на завод стали завозить электрокары из ГДР. Новый вид транспорта прививался туго. Пришлось учить людей управлению электрокарами, случались трагикомические ситуации, когда растерявшийся водитель, забыв на какую педаль надо нажимать, с ходу влетал в груду ящиков или – еще хуже – в стену, едва успевая соскочить на ходу. Грузчикам, привыкшим к неторопливым вагонеткам, электрокары не понравились – больно суетный транспорт. Первое время упорно продолжали возить грузы на вагонетках, игнорируя новинку, и тогда решительный директор Дранищев дал приказ снять по всему заводу рельсовые пути. Психологические нюансы технического прогресса....

В течение второй и третьей послевоенных пятилеток продолжается совершенствование производства – повышается стойкость и улучшается конструкция инструментов, рационализаторы создают всевозможные усовершенствования к станкам, экономят материал и энергию, механизируется упаковка готовых изделий, растут скорости волочения за счет монтажа новых волочильных станов и применения высокостойких победитовых и алмазных волок.

С 1957 года начинается постепенное вытеснение горячей штамповки холодной. Внедряются новые холодно-высадочные автоматы, поточные линии. Постепенно исчезают из цехов горны и прессы для горячей штамповки, значительно облегчается труд рабочих.

Все эти преобразования проходили в крайне неблагоприятных для завода условиях. Директорские отчеты тех лет полны сетованиями на многочисленные внешние помехи, мешающие заводу работать нормально. Из года в год металлургические комбинаты недопоставляют необходимые виды сырья, что вызывает дезорганизацию производства. Много хлопот доставляют производственникам конструктивные несовершенства отечественных станков новых конструкций – приходится своими силами переделывать целые узлы, хронически не хватает деревянной тары, да всех неприятностей и не перечислить.

Надо сказать, особенно сердили заводчан новые станки, головотяпские подчас решения, принимаемые конструкторами-проектировщиками. То алмаатинцы пришлют волочильные станы, у которых загрузочная «фигурка» не соответствует стандартному диаметру мотка, и приходится на месяц задерживать пуск станов. То не выдерживают нагрузок узлы холодно-высадочных автоматов. Приходится вызывать проектировщиков или самим находить решения. В этой работе основная нагрузка лежала на заводском отделе автоматизации и механизации и главном исполнителе его разработок – ремонтно-механическом цехе. Выделим здесь несколько заметных фигур из этих двух подразделений завода.

Начальник ОМА Вениамин Иванович Кулаков – конструктор скорее по призванию, чем по образованию. На завод пришел подростком в годы войны, работал токарем. Почувствовал интерес к конструкторской профессии, закончил краткосрочные платные курсы конструкторов и не без сопротивления со стороны начальства оставил станок для конструкторской работы. Кулаков интересен тем, что он конструктор-практик, шедший «снизу», от производства к чертежной доске. Старым работникам заводов хорошо известен этот тип конструктора, характерный для сороковых, пятидесятых годов и совершенно исчезнувший ныне. Недостаток общетеоретической подготовки такие люди с лихвой возмещали конструкторской интуицией и хорошим знанием производства, его технологических возможностей. Они умели находить эффективные и простые конструкторские решения в отличие от многих дипломированных специалистов, не имеющих производственного опыта. Эти-то, последние, и допускали просчеты в конструкциях станков, которые потом выправляли заводчане. Перечень работ Кулакова,

его рационализаторских предложений и конструкторских плановых разработок столь обширен, что не имеет смысла даже частично приводить его. Достаточно сказать, что практически все его разработки воплощались в металл. Опытный конструктор не работал «на полку».

Очень высокие отзывы можно услышать о бывшем мастере ремонтного цеха, ныне покойном Петре Ивановиче Ахмыстове. Талантливый рационализатор, автор многих и многих оригинальных предложений, умный организатор производства, сумевший создать свой стиль в работе, душевный, бескорыстный человек. Что вы скажете об изобретателе, который придумывает и сам воплощает в металл новую конструкцию, забывая при этом подать даже рацпредложение? Все заказы на ремонт оборудования бригада, которой руководил Ахмыстов, выполняла в срок и с высоким качеством. Станки, побывавшие в руках Ахмыстова, долго и хорошо работали. Ахмыстов работал со Знаком качества задолго до его учреждения.

Пятьдесят лет жизни отдал заводу и продолжает трудиться на нем и после пенсии Сергей Гаврилович Богачев – опытнейший слесарь-ремонтник. Вроде бы неприметна внешне, не блещет эффектами жизнь этого скромного, тихого на вид человека, но ценность ее высока! Богачев – не только первоклассный слесарь, но и человек большой внутренней культуры, свойственной людям врожденно интеллигентным. Это человек, сдержанный в словах, но безудержный в деле, уважительный, чрезвычайно добросовестный и честный. Это единственный на заводе человек, который всю жизнь проработал в одном цехе и на одном рабочем месте. Впрочем, один раз ему пришлось на несколько лет остановить свой верстак, чтобы взять в руки оружие. Все четыре года войны с 1941 по 1945 год Сергей Гаврилович сражался на фронтах и с доблестью выполнил свой воинский долг, за что был многократно награжден орденами и медалями.

Как известно, чем выше находится человек по своему общественному положению, тем сложнее у него отношения с окружающими. Одно дело работать слесарем и совсем другое – директором. Положение обязывает – ведь всем не угодишь – подавлять чью-либо строптивую волю, наказывать провинившихся. Отсюда обиженные, недовольные. Тем более интересно отметить, что был в истории Саратовского метизного завода директор, буквально покоривший всех своим обаянием, замечательно сочетавшимся в нем с незаурядным талантом руководителя.

Федор Георгиевич Крошнев родился в 1908 году, умер в 1980 году, член КПСС с 1927 года. Блистателен и достоин уважения трудовой путь этого за-

мечательного человека хотя бы уже потому, что дела его и благодарная память о нем пережили его самого.

После окончания Ивановского энергетического института в 1948 году Крошнев работал инженером-энергетиком, затем главным энергетиком и парторгом ЦК ВКП(б) одного из крупных заводов. За успешное выполнение заказов для фронта Великой Отечественной войны Крошнев был награжден орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды. С 1948-го по 1958-й работал директором Саратовского завода тракторных деталей, а с 1958-го по 1962-й – начальником управления Приволжского Совнархоза. В 1962 году Крошнева назначают на должность директора завода имени Ленина, где он проработал до 1969 года. За семь лет работы на заводе Крошнев успел сделать многое. Обладая большими инженерскими познаниями и опытом руководителя высокого ранга, он быстро выявил слабые места производства и наметил пути его совершенствования. При Крошневе была произведена первая настоящая реконструкция завода, сыгравшая определяющую роль в его дальнейшей судьбе. Объединив два цеха – кузнечно-прессовый и болтовый, – он добился от Совнархоза средств и приступил к реконструкции, не останавливая производства. В 1966 году была пущена первая очередь холодноболтового цеха, а в последующие годы заложен фундамент под вторую и третью. Крошнев сразу и круто взял курс на механизацию и автоматизацию производства. При нем стали решительно избавляться от горячей штамповки, заменяя ее на холодную, внедрять поточные автоматические линии, получено разрешение на строительство нового корпуса для волочильного производства мощностью 200 000 тонн изделий в год. За семь лет пребывания на должности директора Крошнев сумел вывести завод имени Ленина в число передовых предприятий города и метизной промышленности.

...В личном плане это был очень спокойный, выдержанный человек, никогда не повышавший голоса, интеллигент в полном смысле слова. О нем вспоминают, как о честнейшем, принципиальном коммунисте, не способном на сделки с совестью, за что его и любили на заводе. Отмечают его заботливое отношение к рабочим, никогда, впрочем, не носившее показного характера, а выражавшееся в деле. Умел создавать обстановку доверия и доброжелательности в работе, так что люди уже не нуждались в понуканиях и выговорах, а действовали сами.

«Мог иногда пошутить, – вспоминает о Крошневе старый работник завода Ч. Д. Садыков. – Было у нас как-то туго с планом. Крошнев собирает совещание руководителей. Пришли... сидим, ждем, что он скажет. Крошнев

внимательно так посмотрел на нас, а потом спрашивает: «Все знаете, зачем я вас созвал?» «Знаем», – говорим. «Ну раз знаете, то давайте идите, работайте». Мы посмеялись и разошлись. И в самом деле, говорить-то особенно было нечего. И так каждый знал, что должен делать для выполнения плана. И выполнили, представьте себе...».

Когда Крошнев умер, хоронили его, как и Дранищева, рабочие того завода, которому он отдал лучшие годы своей жизни, – Саратовского завода тракторных деталей.

* * *

Если проследить за ростом технической вооруженности завода имени Ленина со дня основания, то получится длинная, постепенно поднимающаяся кривая, резко взмывающая вверх в конце – в семидесятые – восьмидесятые годы. За этот период на заводе происходят наиболее значительные изменения. Уходят в прошлое устаревшие технологические операции и оборудование, появляются новые. Недолго просуществовали на заводе и поточные линии, еще недавно казавшиеся вершиной технической мысли. На смену им приходят автоматы-комбайны, осуществляющие сразу все операции по изготовлению болта или гайки. Появляются высокопроизводительные волочильные станы. Скорости волочения достигают 2000 метров в минуту, осваиваются новые, непривычные виды изделий.

Металлическая сетка... Ценнейшее для народного хозяйства изделие. Ее освоение связано с именами бывшего, директора завода ныне покойного В. А. Осокина и нынешнего директора В. И. Пшенина.

Осокин, по образованию инженер-металлург, работал в свое время начальником Магнитогорского ткацкого завода металлических сит и отлично знал сеточное производство. Поэтому, когда заводу имени Ленина предложили освоить выпуск металлической сетки, он принял в этом деле горячее участие. В. И. Пшенин, работавший тогда начальником производственного отдела, был ведущим исполнителем. Были получены ткацкие станки, обучены люди. Скоробогатов, Т. Михеева, Ю. Ребнев и еще несколько человек ездили на длительный срок в Магнитогорск перенимать опыт. Там же обучали женщин на специальности проборщиц, ткачих. Освоили новое производство довольно быстро, несмотря на сложность и капризность в работе ткацких станков. Осокин после своего рабочего дня приходил в цех, помогал налаживать станки, делать пробы. Способным, смекалистым человеком показал себя наладчик Скоробогатов, находивший в затруднительных ситуациях, когда тот или иной узел «барахлил», удачные технические решения.

В 1979 году пошли первые метры металлической сетки. Стали поступать новые, более сложные автоматы, расширился ассортимент. Ныне завод выпускает несколько видов сетки с размером ячеи от нескольких миллиметров до десяти микрон. Выпускается даже сетка с нулевой ячеей. Используют сетки завода имени Ленина в самых разнообразных отраслях народного хозяйства. Идут они на драги для промывки золота, применяются в кондиционерах, компрессорах, фильтрах, цветных телевизорах.

Среди многочисленных работ по совершенствованию производства, сделанных на заводе за последние годы, нельзя не отметить освоение оригинальных кислотных ванн из полимербетона. На заводе историю внедрения ванн полушутя-полусерьезно называют эпопеей, указывая при этом на человека, чьей энергии завод обязан существованием этих ванн. Зовут его Владимир Ильич Бычкин. Он начальник строительного цеха завода.

Случай, скажем прямо, не типичный, но по-своему характерный для метизного завода, в истории которого, как мы убедились, бывало немало оригинальных личностей.

Проблема ванн уходит корнями в далекое прошлое. Травление проволоки – ответственнейший процесс в метизной технологии. Практически весь металл, получаемый заводом, проходит операцию травления, которая состоит в том, что мотки проволоки погружаются на некоторое время в кислотный раствор. Раствор со временем разъедает ванны, они начинают течь. Приходится останавливать производство на данном участке и монтировать новую ванну. Естественно, что такие остановки отрицательно сказывались на производстве, нарушали ритм работы. Сколько существовал завод, столько здесь мучились с ваннами. Долгое время ванны изготовляли из лиственницы – рубили «в ряж» бревна, скрепляли между собой тягами, обивали изнутри свинцовой оболочкой и снова обшивали деревом для защиты свинца от механических повреждений. Стальной хобот, на котором висели в ряд мотки – по тонне и больше, рано или поздно разбивал обшивку, нарушал свинцовое покрытие, кислота уходила в землю. И начиналась муторная работа по замене ванн.

Было время, освоили металлические каркасные ванны, облицованные плиткой из вулканического туфа – диабаза. Эти ванны держались по году-полтора, но были трудоемки в изготовлении. Работа по укладке плиток требовала высочайшей квалификации. Незначительные просчеты при укладке приводили к тому, что ванна текла. Пробовали обкладывать ванны кислотостойкой листовой резиной, графитом...

И вот в 1975 году В. И. Бычкин, тогда мастер строительного цеха, прочел листок экспресс-информации, в котором сообщалось о ваннах из полимер-

бетона, изготовленных Днепропетровским инженерно-строительным институтом и заводом метизов...

Но сначала немного о самом Бычкине. Призвание к профессии строителя Владимир Ильич, по собственному признанию, почувствовал еще в детстве. Любил мастерить деревянные безделушки, строить шалашики в лесу. По этой причине часто уединялся, предпочитая свое увлечение шумным играм со сверстниками. После окончания средней школы некоторое время работал прессовщиком на заводе имени Ленина, закончил Строительный техникум и перешел в строительный цех на должность мастера. Здесь он показал себя как добросовестный, увлеченный делом специалист с характером настойчивым и даже ершистым. Если видел, что делают не так, как его учили в техникуме, не докладывают материал или выигрывают время в ущерб качеству работ, вступал в спор, проявляя при этом завидную для молодого специалиста твердость. Люди с таким складом характера везде приживаются трудно, но в коллективе с хорошими трудовыми традициями рано или поздно завоевывают уважение. Бычкину это удалось, почему он и стал впоследствии начальником цеха.

Когда ныне заходит разговор о кислотных ваннах, на заводе с уважением называют Бычкина. Он действительно ведущий специалист на заводе по изготовлению кислотных ванн и, что называется, вложил в них свою душу. Занимался и деревянными, и каркасными ваннами, искал другие, лучшие решения...

«Это был для меня больной вопрос, – рассказывает Владимир Ильич, – футуровка ванн – дело очень тяжелое. Кровавые мозоли набивали себе футуровщики, а стойкость ванн была невысокой – до восьми месяцев. Я тогда все думал – когда же найдется человек, который изобретет способ отливки ванны, как корпуса аккумуляторов. Понимал, что это сложно. Ванны-то большие – по тридцать и более кубов. Отливать такие емкости во много раз сложнее, чем маленькие аккумуляторные. Но все же я почему-то верил, что рано или поздно кто-нибудь придумает. Положение с ваннами у нас на заводе к тому времени сложилось очень тяжелое. Пустили новый сталепроволочный цех, а из двадцати восьми ванн остались пригодными только шесть. Крепко подвели нас строители. Гарантировали стойкость шесть месяцев, а ванны продержались только три и одна за другой стали выходить из строя. Помню, вызвал меня главный инженер, говорит: «Положение кризисное. Сталепроволочный на грани остановки. Делай, что хочешь, но увеличивай стойкость ванн». Долго я голову ломал. Хотел даже с заводом техстекла связаться. Может, думаю, из стекла ванны отливать? И тут попалась мне эта экспресс-информация о ваннах, которые отливаются целиком...».

Как это обычно бывает в жизни, от слов до дел дистанция немалая. Дальнейшие события разворачивались отнюдь не стремительно. Предложение Бычкина послать его в Днепропетровск для изучения опыта отливки полимербетонных ванн всерьез не приняли, что, в общем-то, понятно. Завод не институт. Здесь мыслят конкретными категориями. Если бы ванны выпускались серийно, прошли бы производственную проверку, а тут научно-исследовательская работа, диссертации...

В командировке Бычкину отказали – не нашлось свободных денег. Предложили искать более простое и быстро исполнимое решение проблемы. Дело между тем выглядело многообещающим. В информационном листке сообщалось, что ванны практически вечны, нужно только достать дефицитные компоненты для составления смеси и освоить технологию отливки. Идея увлекла Бычкина, и он решил, во что бы то ни стало, осуществить ее. Еще раз поговорил с директором, отпросился на две недели и за свой счет улетел в Днепропетровск. Здесь его тепло принял один из ведущих «полимербетонщиков» кандидат технических наук А. Р. Зайченко. Оказалось, что способ изготовления ванн из полимербетона запатентован, и патент уже успели купить вездесущие японцы. «Днепропетровские ванны произвели на меня сильное впечатление, – рассказывает далее Бычкин. – Это были макеты, которые представляли собой монолиты длиной 18 метров, высотой 2 метра с бортовыми отсосами. Я, помню, сильно разволновался. Обнял Алексея Романовича, говорю: «Да вам за это золотой памятник у института надо поставить». Он даже прослезился: «А меня здесь ругают...».

Бычкин прожил в Днепропетровске полмесяца, изучил химию процесса полимеризации, приемы отливки, побывал на коксохимическом заводе, где, оказывается, осваивались новые ванны («громадные емкости, диаметром десять метров. Я ужаснулся...»).

Домой Владимир Ильич возвращался с твердым решением дать заводу полимербетонные ванны, чего бы это ему ни стоило. Он организовал у себя в цехе группу энтузиастов в составе Н. В. Тарасова, А. И. Синягина, А. В. Свиридова, В. А. Бикетова, В. Ф. Багаева и других.

Никаких исходных материалов у них в то время не было, и Бычкин летит в Фергану, где находится единственный в стране завод, производящий основной компонент полимербетона – фураноацетоновый мономер. С превеликим трудом договорился о поставке заводу имени Ленина двадцати тонн мономера. Потом полетел в Тулу за отвердителем – бензолсульфокислотой. Тоже раздобыл в обрез на первые опыты. Когда оба компонента были доставлены на завод, возник вопрос о наполнителе. Собирали на свалках

обломки кислотоупорного кирпича, отвозили молоть на шамотный завод. У себя все подъездные пути очистили. Намололи сто тонн.

А потом началось самое сложное и интересное – отливка ванн. Полимеризация – процесс особый. Он идет с большим выделением тепла, бывает, даже вспыхивает пламя.

...Ванну решили сделать большую – кубов на пятьдесят. Изготовили металлическую оснастку и начали...

Снова послушаем В. И. Бычкина:

«...Когда мы заложили нижний слой, то есть дно ванны, начало вдруг дымить, раздался треск. Никто ничего не мог понять. Люди разбежались, думали, сейчас взорвется. А я набрался смелости и прыгнул внутрь ванны. Ну, думаю, мне взорваться, а отступать нельзя. Был я в резиновых сапогах, а чувствую – дно горячее, кипит, как лава, дышать нечем. А мои-то убежали. Думаю, и вытащить-то меня, в случае чего, некому. Я по ребрам опалубки вылез наверх, кричу: «Давайте лом!» Ну, дали мне лом, лампочку-времянку спустили – дым же, ничего не видно. Чувствую – дно начинает твердеть. Стал я сгоряча ломом долбить по краям. Вижу, толку мало. Кричу: «Немедленно заливайте стенки!» Дело в том, что нельзя подливать смесь после того, как дно окончательно схватится. Получится слоеный пирог, ванна в этом месте будет негерметична. Мы-то собирались сначала дно залить, потом закрыть его щитами, чтобы не получилось при заливке стенок сообщающихся сосудов, а тут вон что вышло – полимер раньше времени стал схватываться, видно, отвердителя переложили по неопытности. Ну, стали быстро формовать стенки. И тут металлические стенки опалубки от нагрева сдеформировались. Ставим верхнюю половину, а она не стыкуется с нижней. Кое-как сцепили их проволокой, щели тряпками забили... Словом, первую, опытную ванну с грехом пополам сформовали. Получилась она неплохой, только вот эти щели... Все-таки мы ее отремонтировали...»

Освоение полимербетонных ванн действительно вылилось в своего рода эпопею, насыщенную поисками, трудом и даже риском. Один раз чуть в самом деле не подорвались – это когда делали бачок для разогрева отвердителя. По собственному разумению смастерили строители бачок, не проконсультировавшись со специалистами из котлонадзора, и допустили грубый инженерный просчет. Давлением перегретого пара при испытании вырвало крышку бачка и подбросило метров на пятнадцать. К счастью, никто не пострадал. Много хлопот доставил капризный полимер. Пришлось опытным путем отрабатывать технологию и режимы заливки, решать десятки непредвиденных проблем.

Позже, когда ванны уже работали во всю, подключились ученые из института. Были немало удивлены, узнав, что заводские практики обогнали их. «А мы только приступили к исследованиям...».

Зато подвинулось дело с обнародованием результатов работы. Спустя время институт послал образцы своих ванн на ВДНХ, на материале о полимербетоне была защищено две или три диссертации.

Простодушные заводчане и не помышляли о награде, а тут на завод пришла медаль ВДНХ и два диплома участника ВДНХ. Подумали, посовещались и постановили – медаль дать Тарасову, а дипломы Синягину и Бычкину. Позже Бычкин получил за эту работу еще и орден «Знак Почета».

Ванны из полимербетона произвели настоящую революцию в травильном деле. Уже десять лет работают они без износа, принося заводу каждый год 80000 рублей экономии. Скоро наберется миллион. Все хорошо, одно плохо: полимербетон – материал хотя и прочный, но не настолько, чтобы выдержать удар двухтонной садки о край ванны. А такие случаи бывают. По небрежности крановщиков, по недомыслию. «Вон одна ванна по шпильке лопнула от удара. «Не ценят чужой труд», – замечает по этому поводу Бычкин. И еще одна вроде бы мелочь. Из тех, о которых люди бескорыстные, творческие, обыкновенно стесняются говорить. Сэкономленные заводу сотни тысяч самим энтузиастам полимербетонных ванн особых доходов не принесли. Скромная премия за освоение новой техники, и только. Но это уже вопрос отдельный, выходящий за рамки метизного производства и касающийся самой системы экономических взаимоотношений, которая, увы, еще существует на наших предприятиях.

Преобразования, произошедшие на заводе имени Ленина, можно смело назвать революционными. Ушли в прошлое вредные технологические процессы, теснота в цехах и тяжелый физический труд, многие годы составлявшие неотъемлемые черты метизного производства. Станочный парк постоянно обновляется за счет поступления все более совершенного автоматизированного оборудования. Ни в какое сравнение с прошлым не идут условия труда нынешних рабочих. Одним словом, это совершенно новое предприятие, вполне отвечающее современным техническим и санитарным требованиям.

Рабочим стало гораздо легче по сравнению с их предшественниками. А вот руководителям? Убавилось ли у них хлопот? Этого, пожалуй, не скажешь. На место старых, решенных проблем явились новые, не менее сложные, порожденные ростом потребностей у людей и общим усложнением

хозяйственной жизни страны. Не будем спорить, к добру это или к худу. Ограничимся констатацией фактов. А факты таковы, что метизные заводы по сравнению с другими, тоже не стоящими на месте, по-прежнему относятся к числу нелегких по условиям труда. Приходится думать, как удержать людей от соблазна перейти на другое, более легкое производство. А экономические эксперименты, ставшие своего рода поветрием в министерствах последние годы? Иногда они оборачиваются головоломками для низовых руководителей. Скажем, спустили заводу годовые лимиты на сырье, а потом следует указание – сэкономить столько-то из этих самых лимитов. Вот и ломай директор голову – где взять экономию? Ведь продукция гостовская, лимиты научно обоснованны. Не делать же болты короче. Проблем и каверз не счесть. Как справляются с ними на заводе?

Тут необходимо сказать доброе слово о нынешних его руководителях. Да, завод сильно изменился за многие годы своего существования, но кое-что все-таки осталось неизменным. Традиция ли тому причиной, или сами условия тяжелого метизного производства, не терпящие белоручек, но руководители здесь были чаще всего люди очень дельные, хорошо знающие производство, демократичные, без чиновничьих замашек. Многие из них начинали свой трудовой путь с рабочих.

Владимир Иванович Пшенин, нынешний директор завода, как раз один из таких людей. Родом из села, на заводе начинал прессовщиком в кузнице ремонтного цеха. Окончил вечернее отделение Саратовского политехнического института и пошел на повышение. Работал мастером, начальником цеха, начальником производства. В качестве главного инженера руководил техническим перевооружением завода в семидесятые годы. Здесь в полную силу раскрылся организаторский и инженерский талант Пшенина, и спустя несколько лет его назначили директором завода.

Владимир Иванович – человек очень уравновешенный, с выдержкой. Те, кто знают его близко, отмечают в нем ценные деловые качества – хозяйскую струнку, умение работать на перспективу и высокое чувство ответственности за порученное дело.

На заводе имени Ленина всегда уделялось большое внимание быту рабочих. По обеспеченности своих работников жильем и организации их отдыха завод всегда занимал едва ли не первое место среди предприятий города. Пшенин продолжил эту традицию. Когда возникли трудности с жильем, он принял решение вести строительство за счет завода – хозспособом. По этому способу уже построены небольшие объекты на заводе – подстанция, сауны в цехах, бытовки, учебные комнаты. Решается вопрос о строи-

тельстве складских помещений, с которыми на заводе много лет из рук вон плохо обстоит дело. Конечно, проще снять с себя эдакую обузу и действовать по шаблону, то есть через строительные организации. Но это сильно замедлит темпы строительства, люди будут годами ждать жилья. Это и есть умение мыслить с перспективой...

Несколько неловко расточать публично комплименты в адрес людей, по характеру своему скромных, потому что ставишь их самих в неловкое положение. Но в данном случае этого требует тема. Ведь речь идет, прежде всего, о заводе, его трудовом коллективе, из которого они вышли и который в значительной степени определил их успехи. Это, в частности, подчеркивал главный инженер завода Александр Михайлович Краснов, рассказывая о своей работе. У него сходная с Пшениным биография. Работал слесарем, тоже окончил вечернее отделение политехнического института. Побывал на разных руководящих должностях на заводе. Обратил на себя внимание тем, что навел порядок в кузнечно-прессовом цехе – тяжелейшем на заводе по условиям труда и запущенном дисциплинарно. На должности начальника цеха Краснов показал себя как человек принципов, твердый и целеустремленный. С первых же дней очень решительно поставил вопрос о трудовой дисциплине.

Не остановился даже перед тем, чтобы уволить за пьянство кое-кого из высококвалифицированных рабочих, с которыми до этого нянчились. Нашел замену, вывернулся...

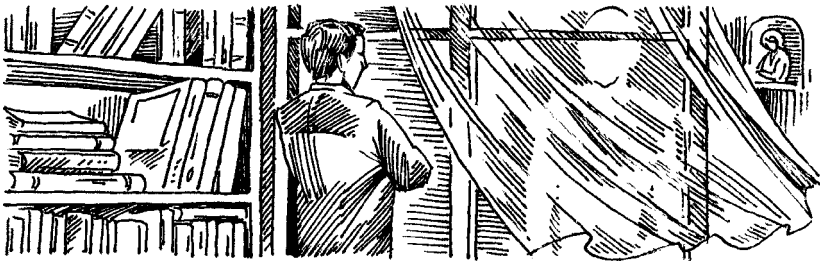
...Много хороших и разных людей работают сейчас в руководящем звене завода. Высокая принципиальность и глубокое знание заводских проблем отличают начальника отдела, члена парткома Петра Николаевича Пугачева. Таких людей сейчас, увы, не хватает. Отзывчивость, сердечность, какая-то удивительная благожелательность к людям сквозят во всем облике Чингиса Джамиловича Садыкова, старого работника завода, много лет занимавшегося вопросами планирования и организации труда.

Работник ОКСа В. А. Казанцев, старший инженер ПРБ Н. И. Ульяничева, начальник цеха пружинных шайб А. И. Прокофьев, два десятилетия тянувший на своих плечах тяжелое оцинковальное производство, начальник сталепроволочного А. А. Шурыгин, начальник цеха сетки ширпотреба С. С. Некрасов, инженер-инструментальщик Ф. Г. Богачев. Можно назвать еще много имен добросовестных, честных работников, любящих свое дело.

Конечно, заводская жизнь глубже и сложнее любой ее литературной интерпретации. Всякое бывает в коллективе – непонимание, обиды, неприязнь отдельных людей друг к другу. И все же, думается, не эти психологические нюансы определяют производственную атмосферу завода, а дух товарище-

ства и взаимопомощи, унаследованный от предыдущих поколений заводчан. Этот благодетельный дух помог коллективу избежать многих негативных явлений периода застоя в нашей общественной и экономической жизни, а те, что имели место, например, пьянство, во многом инспирировались внешними, не зависящими от завода факторами. Можно без всякой натяжки сказать, что основному ядру кадровых работников внутренне, психологически перестраиваться, в общем-то, и не пришлось. «Я и до перестройки честно работал», – заметил один из старых заводских специалистов, выразив настроение многих таких же добросовестных тружеников – рабочих и руководителей. Это действительно так. XXVII съезд партии обратил серьезное внимание на «человеческий фактор», и для многих руководителей хозяйств это была новая тема. А на заводе имени Ленина забота о людях всегда являлась составной частью производственной политики. Уже давно здесь ведется планомерная работа по соцкультбыту. В цехах строятся сауны, реконструируются бытовки, много лет существует на Волге комфортабельная база отдыха. В свое время впервые в Саратове на заводе имени Ленина был создан участок по выращиванию живой рыбы – в больших металлических чанах с проточной водой разводят карпов. Работа в этом направлении продолжается – во всех цехах созданы комнаты отдыха, комнаты психологической разгрузки, личной гигиены женщин. Улучшение условий труда помогло в свою очередь решить застарелую проблему текучести кадров. Текучесть резко пошла на убыль. Людям есть за что держаться, чем дорожить. Особенно заметны изменения, произошедшие за последние два года в производственной сфере. План поставок постоянно выполняется на сто процентов, значительно выросла трудовая активность людей, совершенствуется организация труда. Если раньше во имя спасения плана практиковались дополнительные смены, работа по выходным дням, авралы, то сейчас плановые задания завод выполняет в основное рабочее время. Несмотря на продолжающиеся еще трудности с получением качественного сырья, заводу удается неуклонно повышать процент изделий, выпускаемых со Знаком качества.

О нынешних делах и проблемах завода, связанных с перестройкой, можно было бы говорить еще много, но... пусть об этом скажут другие, а нам пора ставить точку, потому что главное, ради чего писался очерк, сказано. Мы попытались восстановить «связь времен» на примере одного небольшого завода, сделав далекое близким, соединив сумму разрозненных фактов в некое подобие картины. А что из этого вышло – судить читателю.

ЧЕРНАЯ МАГИЯ И ЕЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ

– Все-таки желательно, господин артист, чтобы вы незамедлительно разоблачили перед зрителями технику ваших фокусов, в особенности фокус с денежными бумажками.

– Пардон! – отозвался Фагот. – Я извиняюсь, здесь разоблачать нечего, все ясно.

– Нет, виноват! Разоблачение совершенно необходимо. Без этого ваши блестящие номера оставят тягостное впечатление. Зрительская масса требует объяснения.

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

Размышляя об НЛО, полтергейсте и других аномальных явлениях, я вспоминаю кажущийся сейчас таким далеким 1967 год, когда в сонное благополучие советской литературы с запозданием на тридцать лет подобно метеору ворвался роман Булгакова. Он явился для многих началом пробуждения от духовной спячки, растормошил окостеневшее от «измов» воображение. Но кто из тогдашних восторженных его читателей мог допустить, что булгаковский мир – это не просто плод веселой фантазии автора, но модель настоящего мира, что наступят времена, когда в нашу жизнь вторгнутся события, не уступающие по фантастичности проделкам воландовской компании? Правда, правильнее пока говорить о нашествии сообщений об этих событиях в наши средства массовой информации, так как сами события еще не стали повсеместными и очевидными. Большинство людей узнает о них из рассказов случайных свидетелей и исследователей-энтузиастов, публикуемых в периодической печати и передаваемых по телевидению.

За последние полтора-два года на нас обрушился целый водопад разнообразнейшей информации такого рода: об экзотических космических кораб-

лях и их экипажах, пугающих людей, о бесчинствах, творимых полтергейстом в домах и квартирах, о «снежном человеке», объявившемся в заволжских степях, таинственных «зонах» и других не менее удивительных вещах.

Зрительская масса, понятно, требует объяснения, но молчат, недружелюбно насупившись, наши академики. То ли готовятся к решительному бою, который раз и навсегда покончит со всеми этими глупостями, то ли растерялись и не знают, что говорить. Между тем события развиваются с присущим нашему времени динамизмом. Число публикаций об аномальных явлениях стремительно растет, все больше людей проявляет к ним интерес. За спиной у гордой академической Науки на наших глазах рождается, набирая силу, некая новая сциентистская субкультура, уже сделавшая для себя важные обобщения мировоззренческого характера.

Ее философским фундаментом стал уточненный (не чета диалектическому!) материализм буддийско-йогического толка, ее вершиной – вера в высшие расы, обитающие то ли в космосе, то ли тут, на Земле. Предполагается, в частности, что они посеяли жизнь на Земле и, следовательно, они же могут спасти нашу заблудшую цивилизацию.

Эта субкультура представлена не только «устным народным творчеством», но также специализированными печатными изданиями, публичными лекциями, клубами, конференциями, выставками и т. п. Это реальность, с которой уже невозможно не считаться. Ее можно либо отвергнуть, как очередное суеверие, либо принять всерьез, но в обоих случаях на достаточных на то основаниях.

За пять лет перестройки мы, слава Богу, уже сообразили, что гласность и правда далеко не одно и то же. Может быть, поэтому многие люди, особенно из числа творческой интеллигенции, до сих пор относятся иронически к любой информации об аномальных явлениях, не имея ни малейшего желания в ней разбираться. Так априори перечеркивается новое духовное направление в жизни общества. А ведь оно насчитывает уже сотни тысяч сторонников, среди которых немало серьезных ученых.

Мотив отрицания тут, в сущности, прост, какими бы внешне объективными доводами он ни прикрывался, – аномальные явления застали врасплох консервативную часть нашей интеллигенции. Многие увидели в них, прежде всего, угрозу своему личному благополучию, тому трудом тяжким наживаемому духовному гомеостазу, которым так дорожит творческая личность.

Что ж, позиция до поры до времени надежная, но недальновидная. Ведь по той же логике «не видел – ничего не знаю» следует отрицать, например, сообщения об угрожающем росте преступности в вашем городе. Однако вы

проявляете благоразумие и принимаете меры предосторожности, не дожидаясь, когда ограбят вас лично. Сравнение, как мы убедимся позже, приведено отнюдь не для красного словца...

Попробуем все же допустить, что вера в космических богов не является исключительным порождением наших развращенных свободой масс-медиа и человеческого невежества, но имеют какие-то объективные причины. Взглянем на дело шире. Проблема аномальных явлений давно уже носит интернациональный характер. Тот бум, который переживаем сейчас мы, благодаря освобождению средств массовой информации от цензурных оков, давно пережит западными странами, аномальные явления давно стали предметом обширных и разносторонних исследований, которыми занимаются ученые разных специальностей.

Одних только запротоколированных случаев встреч с НЛО к настоящему времени насчитывается в мире свыше ста тысяч, а общее их число, по мнению специалистов, достигает нескольких миллионов. Любому человеку, мало-мальски знающему, что такое статистическая обработка материалов, должно быть понятно, что тут становится возможным построение вполне научной картины явления.

Анализируя и обобщая различные сообщения, можно с достаточной точностью установить, являются ли они плодом чистой фантазии или имеют объективные причины. Так в свое время возникла уфология – наука отнюдь не о бабушкиных сказках, ибо в сообщениях разных людей из разных стран мира обнаруживаются удивительные совпадения деталей и сюжетов. При этом во многих случаях совершенно ясно, что они никак не могли быть откуда-то позаимствованы рассказчиком. Вот совсем свежий пример.

В феврале 1990 года в документальном телерепортаже об НЛО наша советская женщина рассказывала о контакте с двумя «энлонавтками», сообщив, в частности, что те дали ей ломтик хлеба, который она съела. По вкусу хлеб ничем не отличался от настоящего, земного. А в одной из зарубежных картотек имеется сообщение о фермере-птицеводе из штата Висконсин (США), которому «энлонавты» дали четыре хлебные лепешки. Одну из них подвергли анализу в лаборатории пищевых продуктов, и она оказалась вполне земного происхождения. Женщина из телерепортажа совсем не походила на «фанатку» НЛО, даже фамилию и адрес просила не сообщать, так что использование ею зарубежной информации исключено на 100 процентов. Да и специалисту не так-то просто достать такую информацию.

В западных странах исследованием аномальных явлений занимаются военные ведомства, университеты, общественные организации и частные лица.

Из наиболее известных нам специалистов можно на выбор назвать директора Центра астрономических исследований США доктора Д. Хайнека, астронома доктора Ж. Валле, Дж. Киля, Б. Стайгера. С 1969 года в США регулярно издается «Уфо-каталог» под редакцией Д. Саундерса. Он представляет собой собрание всех зарегистрированных в мире наблюдений НЛО с подробными описаниями контактов и сведениями о наблюдателях. Согласно выводам западных уфологов, около 90 процентов всех наблюдений НЛО можно объяснить как малоизученные явления природы (например, шаровые молнии, миражи и т. п.) или продукты технической цивилизации. Но свыше 10 процентов не укладывается в эту схему, требуя принципиально иных подходов. Самые ошеломляющие и редкие из этой группы (около 1 процента) – это встречи с экипажами НЛО и со всякого рода загадочными существами.

Основательное знакомство с материалами по АЯ убеждает, что проблема существует, но изучение ее сопряжено со многими трудностями. Вот некоторые из них:

1. Мощный «фон» из естественных явлений, на которые при большом желании можно списать и явления аномальные.

2. Обилие всякого рода шарлатанов и фокусников, ловко имитирующих некоторые АЯ.

3. Неблагоприятная моральная атмосфера в мировой науке в целом и в советской в особенности, когда истина сознательно замалчивается или подвергается обструкции, если угрожает какой-то научной школе. Как показывает отечественный опыт, АЯ встали, что называется, поперек горла нашей материалистической науке и, как ни парадоксально, некоторым писателям-фантастам (Е. Парнов, А. Стругацкий и др.).

4. Политика дискредитации проблемы, успешно проводившаяся США в годы «холодной войны», с тем, чтобы отвлечь от нее внимание Советского Союза как потенциального военного противника.

5. Эпизодичность и иррациональность АЯ, затрудняющие применение по отношению к ним традиционных научных методов исследования.

Стоит ли после этого удивляться разноречивости суждений об аномальных явлениях?

К настоящему времени сложилось несколько основных точек зрения на АЯ, отличающихся исходными мировоззренческими установками и глубиной вхождения в проблему. Попытаемся критически оценить некоторые из них.

Всякая точка зрения выражает, в конечном счете, умонастроение какой-то части общества, вследствие чего и получает распространение. Есть люди,

которым по разным причинам очень хотелось бы, чтобы аномальных явлений вовсе не существовало. Их желание отчасти удовлетворяет книга Д. Мензела «О летающих тарелках», вышедшая в США в конце 50-х годов и переведенная чуть позже на русский язык. Ее автор пытается объяснить все зарегистрированные к тому времени наблюдения НЛО особого рода психическим настроем, когда желаемое выдается за действительное – естественные явления за космические корабли. В свете новой информации аргументы Мензела выглядят крайне наивными, однако книгой его до сих пор козыряют в научных кругах.

Специального рассмотрения требует радикально-нигилистическая позиция в отношении аномальных явлений, занимаемая некоторыми советскими авторами, несмотря ни на какую самую убедительную о них информацию. Так, известный популяризатор науки Олег Мороз (равно как профессор Китайгородский, хирург Амосов и др.) уже много лет ведет бескомпромиссную борьбу с любыми явлениями, не укладывающимися в существующую научную картину мира.

Исходная мировоззренческая установка автора выглядит приблизительно так: этого не может быть уже потому, что это противоречит тому пониманию материи, которое я усвоил еще студентом, на занятиях по диамату. И разящее перо разоблачает все без разбору – НЛО, полтергейст, ясновидение, телепатию, телекинез, экстрасенсорное восприятие... Ни один сколько-нибудь известный необычный феномен не обойден Морозом в его разоблачительных трудах. Все это, по логике автора, – чепуха и шарлатанство. Человек – это всего лишь сложно управляемая автономная материальная система, а природа – физический процесс, подчиненный строгим формулам. Никаких аномальных явлений, нарушений законов классической физики формулы не допускают – значит, можно смело их отрицать, пользуясь при этом любыми приемами убеждения.

Излюбленный аргумент О. Мороза против аномальных явлений – апелляция к мастерам оригинального жанра. Согласно плутовской логике автора, рассчитанной, вероятно, на простофиль, всякое явление, воспроизводимое с помощью техники фокуса, есть фокус и ничто другое. Знаменитый иллюзионист продемонстрировал восхищенному автору и «телепатию», и «телекинез», и даже «полтергейст», а потом показал приемы и ниточки, с помощью которых все это делается. Читатель, ты все еще сомневаешься, что решительно все люди, якобы наделенные необычными способностями, включая маленьких детей, на самом деле ловкие трюкачи, а всякие россказни о тарелках и летающей мебели – чушь собачья?

Интересно бы в связи с этим узнать мнение О. Мороза о статье заслуженного штурмана СССР Валентина Аккуратова «Встреча с огненным шаром», опубликованной в «молодогвардейском» сборнике еще до «эпохи гласности». Думаю, читатель не посетует на меня за слишком длинную цитату:

«Один из них (случаев – *О. Л.*), особенно страшный и таинственный, произошел с нашими альпинистами 17 августа 1978 года в горах Западного Кавказа, когда группа из пяти человек спускалась с вершины горы Трапеция и остановилась на ночлег на высоте 3900 метров. Вот что я услышал от мастера спорта международного класса по альпинизму В. Кавуненко, когда посетил его в госпитале.

«Проснулся я от странного ощущения, что в палатку проник кто-то посторонний. Высунул голову из мешка и замер. На высоте около метра от пола плыл ярко-желтый шар величиной с теннисный мяч... Шар исчез в спальном мешке Коровина. Раздался дикий крик, «мяч» выскочил из его мешка и начал ходить над остальными, скрываясь по очереди то в одном, то в другом из них. Когда шар прожег и мой мешок, я почувствовал адскую боль, словно меня жгли несколько сварочных аппаратов, и потерял сознание.

Через какое-то время, придя в себя, я увидел все тот же желтый шар, который методически, соблюдая только ему известную очередность, проникал в мешки, и каждое такое посещение вызывало отчаянный, нечеловеческий вопль... Потом я опять потерял сознание... Куда исчез шар – никто не заметил.

В больнице, куда нас доставили вертолетом, у меня насчитали семь ран. То были не ожоги: просто куски мышц, оказались вырванными до костей. То же было с моими друзьями Шигиным, Капровым, Башкировым...»

Я спросил Кавуненко о признаках грозы, не видел ли он зарницы.

– Нет, было облачно, но признаков грозы и зарниц не было. То была вовсе не шаровая молния, – утверждал многоопытный альпинист.

– А что же?

– Не знаю. Что-то другое. Шаровую молнию я не раз наблюдал. Она появляется и быстро исчезает, а этот огненный зверь долго и упорно издевался над нами. Мы лежали и ничем не могли защититься, были как парализованные...»

Может быть, штурман все это выдумал или Кавуненко сам нанес себе страшные раны, чтобы его «пропечатали»? А может быть, выдумки все, что написал О. Мороз про фокусы иллюзиониста?

Займем в конце концов принципиальную позицию. В обоих случаях читатель лишен возможности быть очевидцем событий и вынужден доверять

авторам и редакциям, поместившим публикации. Думается, что «Молодая гвардия» заслуживает все же большего доверия. Ну хотя бы по тому простому рассуждению, что статья Аккуратова написана в «эпоху застоя», когда редакторы еще побаивались публиковать непроверенный материал.

Пожалуй, не стоило бы уделять столько внимания дешевым логическим трюкам О. Мороза, если бы подобная халтура не печаталась миллионными тиражами, внося дополнительный хаос в и без того взбаламученные читательские головы.

Гораздо большего внимания заслуживает версия, особенно популярная среди любителей фантастики, – о том, что НЛО, полтергейст и некоторые другие АЯ есть проявление деятельности высокоразвитых внеземных цивилизаций, которые почему-то не желают вступать с нами в открытый контакт. К такому выводу приводят внешний вид летательных аппаратов и их фантастические возможности, а также очевидное присутствие разумной воли в сложных случаях полтергейста. О том, что они существа с другой планеты, сообщают иногда сами «энлонавты» своим земным «контактерам», называя при этом то или иное созвездие, откуда они якобы прилетели.

Ввиду огромной потенциальной важности для человечества контактов с инопланетными цивилизациями необходимо иметь твердое убеждение, что таинственные существа действительно те, за кого себя выдают.

Между тем поводов для сомнений в этом более чем достаточно. Тут обнаруживается несколько парадоксов, вряд ли разрешимых в рамках мировоззрения, породившего инопланетную версию. Разберемся с ними по порядку.

Парадокс первый, назовем его мировоззренческим. Чтобы обнаружить его, необходим краткий экскурс в историю науки. Дело в том, что идея множественности обитаемых планет есть плод чистого умозрения и не более доказательна, чем идея уникальности земной жизни. Первым в Новое время о «братьях по разуму» громко заговорил Джордано Бруно, потрясенный зрелищем необъятного звездного мира, то есть под влиянием чисто эмоционального порыва без малейших на то объективных оснований. Немаловажным фактором в распространении этой идеи следует также считать дух противоречия библейскому учению о человеке, распространенный среди атеистической интеллигенции эпохи Просвещения. На правах сциентистской веры она успешно просуществовала до нашего времени, не найдя ни одного неопровержимого доказательства в свою пользу. Вместе с тем научные открытия XX века удивительным образом согласуются с прозрениями древних об уникальности земной жизни, одновременно обнаруживая большие натяжки в идее множественности. Поясним, в чем тут дело.

Эволюция живого вещества на Земле шла в направлении от низших форм к высшим и привела к появлению разумного существа – человека. Глубинная природа этого загадочного процесса не известна науке до сих пор, он противоречит второму началу термодинамики, запрещающему переход материальных систем от состояний большей вероятности к состояниям меньшей вероятности (а путь от первых бактерий до человека шел именно в этом, негэнтропийном направлении). Налицо творческий процесс, но поскольку материалистическая наука априори отвергла участие в эволюции каких-либо высших сил, то ей не оставалось ничего другого, как постулировать универсальную способность материи к самоорганизации. Это чисто философское обобщение, не подтвержденное, как положено, в эксперименте, а значит, не являющееся научной истиной. Тем не менее, оно породило веру в то, что жизнь с необходимостью самозарождается везде, где для этого возникают необходимые материальные предпосылки. Ну а поскольку звездных систем во Вселенной бесчисленное множество, то по этой логике жизнь просто обязана была возникнуть и на многих других планетах. В одной только нашей Галактике сторонники идеи множественности насчитывают чуть ли не миллион высокоразвитых цивилизаций, так что остается только удивляться, что Земля еще не стала местом массового паломничества высоколобых инопланетных туристов.

Фридмановская космология Большого Взрыва, молекулярная биология, учение Вернадского и Чижевского о биосфере как сложнейшем космическом объекте, теория направленной биологической эволюции Тейяра де Шардена и Л. С. Берга обнаружили всю наивность механистической идеи самозарождения. Жизнь в свете научных открытий предстала феноменом на много порядков более сложным, чем о ней думали Бруно или даже Дарвин, – некоей чарующей загадкой, явно не поддающейся окончательному рациональному решению. Оказалось, что живая молекула – это не только фантастически сложная конструкция из материальных частиц, но также информация, неизвестно откуда взявшаяся. Математиками было подсчитано, что вероятность самозарождения такого сложного объекта практически не отличается от нуля. «Скорее ураган, пронесшийся по кладбищу старых самолетов, соберет новехонький суперлайнер из кусков лома, –- пишет в связи с этим индийский ученый Чандра Викрамасингха, – чем в результате случайного процесса возникает из своих компонентов жизнь».

Если же считать истинной фридмановскую модель горячей Вселенной, то у материи просто не было времени для подобных игр. В условиях столь жестких временных границ предполагаемые сонмища очагов жизни могли

вспыхнуть только с помощью Волшебного Фонарщика, но тогда мы вынуждены обращаться к авторитету Библии, а она утверждает, что Фонарщик зажег только одну жизнь.

Обильную пищу для размышлений по поводу места Земли во Вселенной можно обнаружить в трудах А. Л. Чижевского. Оказалось, что биосфера подвергается воздействию множества электромагнитных и прочих излучений, как от ближних небесных тел, так и от самых отдаленных галактик, что это своего рода фокус, в котором сходятся творящие лучи Вселенной.

Но, пожалуй, самым поразительным из последних биологических открытий является экспериментальное подтверждение закона постоянства биомассы, сформулированного в виде гипотезы В. И. Вернадским. Оказалось, что общая масса живых существ на Земле в течение миллиардов лет действительно оставалась постоянной. Это означает, что первоначальная жизнь возникла не в каком-то одном месте, а сразу во всем объеме, по всей планете, в многообразии, необходимом для выживания.

Весь перечисленный комплекс научных открытий позволяет смело отбросить представления о ничтожестве земной жизни, рожденные в мятежной душе Джордано. На новом витке знаний, преодолевая силу психологической инерции, все больше ученых возвращается к древнему геоцентризму.

...И тут появляются космические гости. Да не с одной планеты, а со многих – чего не смогли предвидеть даже фантасты, – всех мыслимых и немыслимых рас, на самых разнообразных кораблях, коих насчитывают уже около сотни типов. Что за столпотворение на временном «пятачке» в сорок лет? Где они были раньше? Откуда и зачем налетели? Парадокс налицо...

Парадокс технологический. Пришельцы демонстрируют нам великолепные образцы технологического искусства – космические аппараты, способные летать чуть ли не со сверхсветовыми скоростями, мгновенно гасить силу инерции, управлять гравитационным полем и т. п. Сообщают, что найдены и подвергнуты лабораторным исследованиям обломки потерпевших крушение кораблей. Состоят-де они из каких-то совершенно немыслимых на Земле сплавов. Таким образом, техническое и научное могущество пришельцев безмерно. В то же время в сообщениях об НЛО время от времени мелькают сюжеты с авариями этих распрекрасных кораблей. Что за чушь! Совершеннейшие летательные аппараты, преодолевшие огромные пространства, терпят вдруг крушение в тихой гавани Земля, как какие-нибудь примитивные «этажерки» на заре авиации. А может быть, сторонникам инопланетной версии просто не хватает чувства юмора, чтобы узнать в этих подозрительных крушениях шутки кота Бегемота?

И, наконец, парадокс моральный. Суть его в том, что поведение предполагаемых инопланетян у нас на Земле в совокупности глубоко аморально и никак не вяжется с представлениями о высшей цивилизации. Аргументы тут, что называется, лежат на поверхности.

Наша планета переживает сейчас тяжелейший кризис. Если исходить из самых глубоких философских обобщений, то вызван он катастрофически увеличивающимся разрывом между растущим техническим могуществом человека и падающим моральным уровнем, вследствие чего знание становится в руках сильных мира сего разрушающей силой. Мыслящие люди ныне с тревогой следят за успехами науки, видя в ней вавилонскую башню, которая вот-вот рухнет, похоронив под собой род человеческий. Пессимистические суждения на этот счет высказал недавно даже такой панегирист науки, как Станислав Лем. Так вот, в сложившейся на Земле моральной атмосфере самый верный способ погубить людей – сделать новые фундаментальные открытия в физике, химии или биологии. А ведь именно на это подбивают наших простодушных технократов космические гости, демонстрируя исподтишка свои великолепные достижения. И добиваются успеха! Автору этой статьи недавно довелось прочесть одну вполне респектабельную работу по НЛО и НСП (необъяснимые самодвижения предметов) – в ней высказывалась оптимистическая надежда на открытие в скором времени законов, по которым летают аппараты инопланетян. А кому-то не терпится узнать, как они управляют человеческим сознанием, вызывают паралич. И может быть, уже узнали... Да, успех, приходится признать, полный.

Ничуть не лучшее впечатление производит поведение пришельцев на нашей планете. Встречи с ними часто имеют отрицательные последствия в виде психических срывов, известны случаи и нападения НЛО на военные объекты, самолеты, в том числе гражданской авиации. Они, как сообщают, иногда крадут людей, морочат им головы. О полтергейсте говорить уже не приходится. Он вводит людей в состояние сильнейшего стресса, совершает бессмысленные разрушения, причиняет иногда увечья, как в случае, описанном В. Аккуратовым.

Часто пытаются оправдать аморализм пришельцев тем, что у них какая-то своя мораль, до которой мы еще не доросли и с точки зрения которой их действия по отношению к нам вполне оправданы. Что тут можно возразить? В нашем несовершенном материальном мире существуют только две морали: мораль Бога и мораль Дьявола. Первая предписывает видеть в другом живом существе равное себе, вторая разрешает использовать его как средство и обращаться с ним как заблагорассудится.

В поведении «высшей расы» слишком часто обнаруживаются признаки дьявольской морали. В то же время они достигли невиданного научно-технического могущества. Тут-то и скрывается величайший парадокс! Мы, советские люди, в массе своей гуманитарно страшно невежественны из-за уродств нашей системы образования. Наши самодеятельные исследователи АЯ высказывают иногда наивнейшие суждения в духе дурных фантастических романов, вроде того, что во Вселенной существуют сверхцивилизации двух типов – гуманные и фашистские. Вторые-де и бедокурят у нас на Земле, а первые, напротив, помогают людям. Сказка, да и только! Мы знаем из своего скромного земного опыта, что аморальные системы взрывоопасны, они неспособны к длительному, устойчивому развитию, необходимому для обретения вселенского могущества. Они уничтожают культуру, природу и, в конечном счете, самих себя. Пример тому – историческая судьба двух «измов» – национал-социализма и интернационал-социализма. Внутренняя логика подобных систем ведет их в могилу, но никак не к светлым вершинам знаний. Поэтому можно уверенно утверждать, что для аморальных цивилизаций выход в Большой Космос закрыт и на Земле их представители никак не могли появиться. В лице «энлонавтов» мы, очевидно, имеем дело с явлением совершенно особой природы, для объяснения которого инопланетная версия неприемлема.

Многие исследователи НЛО и полтергейста на Западе, а потом и у нас это уже поняли, и мы имеем возможность познакомиться с их суждениями на сей счет.

Обратимся к широко известной на Западе книге православного иеромонаха Серафима (Роуза) «Православие и «религии будущего». Она ценна тем, что высокий моральный авторитет ее автора исключает какие бы то ни было подозрения в недобросовестном обращении с материалом. Одну из глав своего труда Роуз посвящает обстоятельному анализу проблемы НЛО со ссылками на работы серьезных ученых. Многие из них отмечают, что все сцены с инопланетянами глубоко абсурдны или в них столько же абсурдного, сколько рационального. В качестве примеров называют периодически повторяющиеся сюжеты с авариями, починкой кораблей, собиранием «пришельцами» камней, палок, проб грунта. Контакты, как правило, откровенно бессмысленны, без всяких целей и задач. Описан, например, случай, когда «пришельцы» были в комбинезонах с изображением крылатого змея на груди. Они сказали, что прилетели из соседней галактики, что с людьми контактируют случайно, хотят заинтриговать их. Явно абсурден эпизод с лепешками, о котором говорилось раньше. Всякого рода нелепиц при встречах с «пришельцами» – не счесть!

Роуз приводит мнения специалистов по проблеме АЯ, которые мы здесь дадим в цитатах или кратком пересказе.

Д. Хайнек: «Откровенно говоря, я был бы очень рад вообще обойти молчанием этот вопрос, если бы мог позволить себе это, не нарушая принципа научной добросовестности. Однако невозможно игнорировать хорошо задокументированные случаи этого странного феномена, сообщенные надежными свидетелями».

Жак Валле, автор книги «Невидимый колледж», отмечает, что идея внеземной жизни стала удивительно модной за последнее время, и это психологический результат великой жажды контакта с высшими формами разума, которые могут указать путь нашей несчастной, замученной, тяжело больной, планете. Мысль о гостях из космоса стала великим мифом или чудесной неправдой нашего времени. Доктор Валле считает, однако, эту веру слишком наивной. «Это миф для простодушных, – говорит он, – ибо он недостаточен для объяснения разнообразных форм поведения энлонавтов и их общения с людьми».

Доктор Хайнек: «Для объяснения всех воздействий НЛО нам придется допустить, что они представляют собой феномен, который производит физическое действие, но имеет также свойства психического мира».

Жак Валле, «Невидимый колледж»: «Они сконструированы одновременно и как физические экипажи и как психические устройства, точные свойства которых еще предстоит определить».

Жак Валле, «Пропуск в Магонию», Чикаго; 1969 год: «Мы имеем дело не с идущими одна за одной волнами нашествий из космоса, а с системой контроля. То, что происходит при контактах с НЛО, можно назвать контролированием человеческих верований. С каждой новой волной НЛО их влияние на общество становится все значительнее. Все больше молодых людей увлекается космосом, психическими феноменами, новыми областями сознания. Вполне можно заставить большую часть общества поверить в существование сверхъестественных рас, в реальность летающих машин, в многочисленность обитаемых миров, разыграв перед ними несколько тщательно разработанных сцен, отдельные детали которых приноровлены к культуре и суевериям данного времени и места».

Один психиатр из Пенсильвании предположил, что абсурдность, характерная почти для всех близких контактов, является, по сути, гипнотизирующим приемом. Когда человек выведен из равновесия нелепицами и противоречиями происходящего перед ним и напрягает ум в поисках их смысла, он исключительно широко открыт для психического целительства.

Жак Валле сравнивает эти приемы с иррациональными коанами учителей дзен-буддизма и отмечает сходство между контактами с НЛО и оккультными обрядами инициации (посвящения), которые, как выражаются дзен-буддисты, «раскрывают сознание для новой системы символов». Следовательно, контакты с НЛО есть не что иное, как современная форма оккультных феноменов, существующих уже многие века. Люди отвернулись от христианства, считает доктор Валле, и ждут спасителей из космоса. Именно поэтому феномен дает образы межпланетных кораблей.

Брэд Стайгер: «Перед нами парафизическое явление, которое в значительной степени принадлежит планете Земля».

Джон Киль «Операция «Троянский конь»: «Настоящая история НЛО – это история о духах и привидениях, о невидимом мире, который окружает нас и врывается временами в наш мир. Это мир иллюзорности, где сама реальность искажена неведомыми силами, которые, очевидно, могут управлять пространством, временем, физической материей – силами, почти недоступными нашему пониманию. В общем и целом, их свойства и характеристики представляют собой мелкие вариации известных многие века феноменов демонологии».

Доктор Валле признается, что совершенно озадачен и не знает, происходят ли НЛО от морально нейтральных «самоуправляющихся механизмов», от благосклонного торжественного собрания мудрецов или от ужасных сверхчеловеческих чудищ, одна мысль о которых может свести человека с ума.

Жак Валле «Невидимый колледж»: «Наблюдения необычайных происшествий внезапно нахлынули на нас тысячами, вызвав всеобщее смещение привычных основ убеждений, всего отношения людей к восприятию невидимого. Что-то происходит в сознании человека. Та же самая сила, которая влияла на род человеческий в прошлом, влияет на него и в наши дни».

Большинство западных специалистов по НЛО обращается теперь к сфере оккультных наук и демонологии, чтобы лучше разобраться в изучаемом явлении. Протестанты-евангелисты пришли к заключению, что НЛО являются недвусмысленно демоническими по своей природе. Многие из публикуемых в популярной прессе достоверных рассказов об НЛО поразительно схожи с одержимостью демонами и психическими явлениями, давно знакомыми богословам и парапсихологам. Люди, близко контактировавшие с энлонавтамн, пережили худшее: эти существа иногда буквально овладевали ими и пытались убить в случае сопротивления.

Все это напоминает нам независимо от значения феномена НЛО в целом, заключает Роуз, что каждый близкий контакт с НЛО имеет специальной

целью ввести человека в заблуждение и привести его либо к распространению культа НЛО, либо к помрачению души. Многие исследователи НЛО считают своим долгом предостеречь людей от контактов с ними.

Джон Киль: «Шутки с НЛО так же плохи, как шутки с черной магией. Это явление делает своими жертвами невротиков, легковерных и незрелых людей. Параноидальная шизофрения, демономания и даже самоубийство могут постигнуть их. Легкое любопытство НЛО может превратиться в разрушительную одержимость. По этой причине я настоятельно советую родителям удерживать детей от интереса к НЛО».

Думается, что приведенных выше высказываний достаточно, чтобы понять, что инопланетная интерпретация НЛО и других аномальных явлений наивна и является результатом поверхностного знакомства с фактами. При более глубоком изучении проблемы становится ясно, что перед нами феномен откровенно парадоксальный, даже иррациональный и объяснить его, оставаясь в рамках привычных мировоззренческих стереотипов, невозможно. Именно поэтому поведение реальных пришельцев не было предсказано ни одним из писателей-фантастов. Ждали могущественных космических агрессоров, которые обрушат на Землю всю мощь своего оружия, или, напротив, мудрых наставников, добрых и разумных космических богов, но фигляров, клоунов, какими показали себя нынешние гости, не ждал никто.

Известный в науке принцип Оккама предписывает не привлекать для объяснения явления сущностей сверх необходимых. Но парадокс отменяет действие принципа, требуя расширения и усложнения существующей мировоззренческой модели. В свое время на этом пути физика счастливо избавилась сразу от нескольких парадоксов, перейдя от классической картины мира к квантовой. НЛО заставили некоторых ученых переоценить самый принцип материального единства мира, о чем свидетельствует вспыхнувший на Земле интерес к оккультным наукам.

Попытки выйти за пределы трехмерного пространства предпринимают уже и наши ученые, например А. С. Кузовкин и А. Е. Семенов, много лет занимающиеся проблемой аномальных явлений, авторы брошюры «Неопознанные объекты: досужие вымыслы или реальность?».

Остановимся на этой работе, интересной тем, что в ней предлагается единая модель для широкого круга аномальных явлений. В этот круг, кроме НЛО и полтергейста, входят также «снежный человек», лохнесское чудище, всякого рода странные летающие создания, фантастические видения, голоса, загадочные исчезновения больших групп людей и многие другие явле-

ния, о существовании которых широкая публика даже не подозревает, но которые хорошо известны специалистам.

Свою гипотезу Кузовкин и Семенов основывают на обобщениях крупных советских и западных ученых, суть которых сводится к тому, что «параллельно» с нашим миром (в ином) пространстве-времени существует мир-невидимка, тоже материальный, но обладающий совершенно отличными от нашего свойствами и не имеющий с ним жестких системных связей.

По этому поводу авторы приводят мнения различных ученых:

Джон Киль: «...летающие тарелки не прилетают к нам с какой-либо далекой планеты и не являются представителями некоей таинственной цивилизации. Они наши непосредственные соседи, часть другого пространственно-временного континуума нашего мира, где жизнь, материя, энергия радикально отличаются от наших».

Фред Хойл: «Люди – всего лишь пешки в огромной игре, проводимой чуждым нам разумом, контролирующим каждый шаг человечества. Этот чуждый нам разум происходит из другой Вселенной с пятью измерениями, его законы физики и химии полностью отличаются от наших. Он научился раздвигать барьеры времени и пространства, ограничивающие нас. Эти сверхразумные сущности настолько отличаются от нас, что представляется совершенно невозможным понять или описать их человеческими понятиями. Похоже, что эти сущности полностью лишены таких физических ограничений, как тела, и больше похожи на чистый разум. Они достигают любой точки Вселенной в считанные мгновения. Эти сущности находятся повсюду – на небе, на море, на земле. Они находятся здесь несчетное количество сезонов и, возможно, контролируют эволюцию Хомо Сапиенс...».

В. А. Барашенков, доктор физико-математических наук: «Расчеты теоретиков говорят о том, что Вселенная, возможно, состоит из двух наложенных один на другой, очень слабо связанных, почти прозрачных друг для друга миров. Два мира материи: обычная и очень слабо с ней взаимодействующая – «теневая»...».

Чрезвычайно интересен и вывод самих авторов брошюры, делающий гипотезу завершенной: «...вполне логично можно представить себе, чего следует ожидать от такого соседства. Если быть честным до конца перед самим собой – всего, что угодно. Логика добра и зла в иных мирах может отличаться от нашей – тому свидетельствами, если хотите, могут послужить порезы и ушибы, а также прочие неприятности, проявляющиеся во время полтергейста, встреч с йети и другими зубастыми представителями иного мира...»

Выстраивается, таким образом, грандиозная материалистическая фантасмагория, в которой человек явлен как одно из заурядднейших, ничтожнейших творений всемогущего бога – Материи. Пессимистическая философская идея Нового времени, инспирированная астрономическими открытиями Бруно, Коперника, Галилея, приобретает в гипотезах их современных последователей откровенно зловещий характер. В удвоенном мире человек уже не просто ничтожное, но безнадежно пропащее существо – «пешка в огромной игре», как жестко выразился знаменитейший астрофизик. Приговор суров, но справедлив ли? Не кроется ли в остроумной, очень похожей на истину гипотезе, какой-то органический порок?

Поскольку «параллельный мир» освящен теперь авторитетом высокой науки (что было совершенно немыслимо еще в начале этого века), то мы получаем возможность, не боясь обвинений в религиозном мракобесии, обратиться к системе взглядов, располагающей практическим опытом общения с этим миром. Речь идет о православном духовном опыте, как видно, совершенно неизвестном цитированным выше ученым.

Согласно Библии человек есть единственное материальное творение Бога, наделенное разумом и свободной волей. Всякие иные разумные и свободные существа суть духи. Будучи также творениями Бога, они нематериальны и принадлежат к невидимому, духовному миру, который существует, как точно угадали ученые, параллельно с миром физическим.

Вот что пишет о взаимодействии этих двух миров в связи с проблемой АЯ один из современных православных авторов:

«В отличие от физического мира, духовный мир морально не нейтрален. Если физический огонь можно использовать как в добрых целях, так и во зло, то существа духовного мира сами по себе имеют добрую или злую волю. Первых в 'церковной традиции именуют ангелами, вторых – демонами, бесами... Спрашивают, почему бесы злы? Так вот, они злы как раз потому, что извратили свою естественную природу, как извратил свою естественную человеческую природу садист, которому доставляет удовольствие мучить и губить все живое. Как ангелы, так и бесы могут воздействовать на мысли человека, вдохновлять его поступки. Явления духовных существ в нашем материальном мире известны давно. Много о них говорится в Священном Писании. Не связанные конкретной физической оболочкой (тут Фред Хойл оказался на высоте!), духовные существа могут принимать самый различный вид, но всегда тот, который люди в меру их развития готовы воспринять. Так, в 40-е годы нашего века, когда человечество уже психологически было подготовлено к межзвездным полетам и встречам с «марсианами», появи-

лись первые НЛО. Как ни захватывающи рассказы об их появлении, как ни головокружительны перспективы «контактов», но сами НЛО и их «пилоты» – все те же древние лукавые существа, которые морочили головы нашим предкам в виде уродцев с рожками и копытцами, а теперь являются их просвещенным потомкам во всеоружии «последних достижений межпланетной и космической техники». Многие западные исследователи давно уже оставили гипотезы о внеземном происхождении НЛО. Они решили заняться не самими бесконечно ускользающими объектами, а последствиями, которые оказывают на человека контакты с ними. Постепенно от трудов по космической технике они добрались до творений святых отцов Православной Церкви о духовном мире, о взаимодействии этих двух миров.

Другого рода мистические явления и демонстрации являет собой и «полтергейст», когда на глазах милиции, ученых и общественности бесы разводят такое хулиганство, что просто совестно становится за растерянных «исследователей» с высокими учеными степенями, которые до сих пор не могут понять, что над ними просто издеваются!» (Шевкунов Г. Не участвуйте в делах тьмы.//ЖМП, 1989, № 12).

Мы подошли, наконец, к кульминационному моменту нашего анализа аномальных явлений. Представлены две авторитетные точки зрения на проблему, и пора переходить к обобщениям.

На первый взгляд православная онтология и научная гипотеза о параллельных мирах весьма схожи и отличаются только присутствием в первой мифических персонажей, которыми по привычке хочется пренебречь – не в них, мол, дело. Но не будем торопиться с выводами. После всего, что стало известно об НЛО и полтергейсте, снисходительное отношение к «мифологическому мышлению» становится, по меньшей мере, неразумным, а если мы внимательнее присмотримся к обеим точкам зрения, то обнаружим, что разница между ними носит принципиальный характер. Попробуем разобраться.

Любая физическая модель Вселенной, как бы сложна она ни была, сколько бы миров в себя ни включала, основана на философском принципе материалистического монизма. Этот принцип, восходящий в демокритовскому «мир есть только атомы и пустота», можно свести к следующим двум пунктам:

1. Все существующее есть материя и только материя, то есть исчисляемая, измеряемая, рационально постигаемая субстанция, подчиняющаяся действию определенных законов.

2. Материя и законы, ею управляющие, извечны, то есть, не сотворены, а существуют вечно, как некая данность.

Эти две установки, являясь не научными истинами, но чисто умозрительными, произвольными постулатами, положены, тем не менее, в основу современной научной картины мира, которая дает ответы на принципиально важные вопросы о происхождении человека, его месте, задачах и целях в системе природы. Ответы эти, как мы убедились, глубоко пессимистичны: человек, разумное, чувствующее существо, есть «продукт» неразумной, нечувствующей материи, его место во Вселенной ничтожно, цели прозаичны – выжить в разрушительном потоке слепых материальных сил. В перспективе же гипотезы о параллельных мирах, населенных сверхразумными аморальными творениями все той же неразумной материи, положение человека становится вообще ужасным.

Поскольку эта концепция человека с необходимостью вытекает из научной картины мира, то для тех, кто не может с ней согласиться, остается один выход – подвергнуть сомнению истинность научной картины мира, и тогда совсем в ином свете может предстать и проблема аномальных явлений...

До недавнего времени сама постановка такого вопроса казалась кощунственной и нелепой для любого ученого, но вот появилась работа советского математика и философа, действительного члена Американского научного общества В. Тростникова, в которой убедительно доказывается, что современная научная картина мира есть не что иное, как грандиозный миф, созданный несколькими поколениями идеологов науки.

Прежде всего, автор обращает внимание на принципиальную разницу, которая существует между наукой-исследованием и наукой-мировоззрением, что очень важно. Первая открывает новые явления и закономерности материального мира, вторая конструирует мировоззренческие модели, опираясь при этом на ложные философские презумпции. К числу таковых Тростников относит: 1) редукционизм, 2) эволюционизм, 3) рационализм – и показывает далее, что они полностью опровергнуты наукой-исследованием. Квантовая физика доказала, что созданный классической физикой образ мира как здания, собранного из первичных «строительных элементов» – элементарных частиц (редукционизм), ложен в самой своей основе.

Биология обнаружила ошибочность представлений, согласно которым сложные формы образуются из простых под действием неких незыблемых автоматически действующих законов природы (эволюционизм). В действительности эволюция живого идет под воздействием творческих импульсов, поступающих из таинственных глубин Бытия, и весьма напоминает редактирование и распечатку готовых текстов.

Математики (Курт Гёдель, Тарский, Манин и др.) полностью опровергли убеждение во всемогуществе логического мышления как способа познания мира (рационализм). Оказалось, что великие истины (даже в математике) постигаются интуитивно, приходят как озарение.

Действительный мир оказался неизмеримо богаче, сложнее умозрительной схемы. В таком мире, показывает автор, идеальное оказывается реальнее материального. Это звучит дико для уха материалиста, но кто знает, что такое материя? Квантовая физика доказала ложность прежнего представления о материи как субстанции, обладающей универсальными признаками наблюдаемости и измеряемости («существует только то, что наблюдается и измеряется»). Эти признаки оказались не универсальными. «Материя исчезла!» – этим широко известным афоризмом квантовая физика поведала миру о новой тайне, название которой – Материя; прорываясь сквозь редеющую ткань микромира, щупальца приборов провалились в... ничто. Создается впечатление, что материя есть нечто вроде одежды на уэллсовском человеке-невидимке, благодаря которой он может обнаружить себя.

Мы столкнулись с величайшим парадоксом: нынешняя научная картина мира, в сущности, упростила мир, совершенно безосновательно сведя его к одним только материально-энергетическим взаимодействиям. Такие древние онтологические понятия, как Бог, Добро, Зло, Дух, явленные разным народам как откровение, «знание ниоткуда», в ней отсутствуют. В результате научная картина мира оказалась морально нейтральной, и в этом ее органический порок, достойный специального рассмотрения.

Одно только допущение, что мир произведен некоей высшей моральной силой, кардинально меняет наши представления о месте человека в системе природы, о целях, которые он имеет право ставить, о самом его образе действий на планете. Выбрасывая Бога из картины мира, наука идет на огромный риск, предлагая человеку модель поведения, которая может оказаться для него губительной. Не здесь ли завязка трагедии, разыгравшейся в России в XX веке? Об опасности этой операции предупреждали Достоевский и «веховцы», но их не послушали...

Но, даже отказавшись от Бога, не следовало пренебрегать духовным опытом народов, который свидетельствует об иррациональных, онтологических источниках добра и зла. Их вполне можно было закодировать в научной картине мира, как весьма вероятные, пока не открытые особые нематериальные энергии, способные оказывать воздействие непосредственно на человеческую душу. Но для этого нужно было умерить гордыню и признать существование этой «terra incognita» – души, не тождественной

физиологическим процессам, не переводимой на язык физических понятий. Признание, однако, не состоялось, драгоценнейшее из зерен религиозного опыта было выброшено «на свалку истории».

Люди «эпохи НТР» знают о смертельной опасности невидимой атомной радиации и умеют от нее защищаться, но в массе своей они равнодушны к предупреждениям Церкви о существовании куда более опасных «радиаций», и только потому, что они не регистрируются никакими счетчиками. Но эта опасность страшнее всякого атома...

Великих злодеев XX века, уничтоживших миллионы людей, мы по справедливости называем демонами, бесами, говорим об их одержимости злом, вкладывая в эти определения чисто метафорический смысл. Опираясь на среднестатистические наблюдения, мы считаем, что решительно все проявления зла, в том числе и самые чудовищные, откровенно иррациональные, можно объяснить вполне рационально – проявлением животных инстинктов, плохим воспитанием, дурным влиянием среды, вспышками на Солнце и т.д. Отсюда самая навязчивая из сциентистских утопий – исправить человеческую природу «научными средствами». Но наука безнадежно проиграла на этом поприще исторический спор с религией. Специфические духовные средства последней оказались куда эффективнее в борьбе со злом, нежели все экономические, политические, социальные и прочие рецепты, изложенные в томах диссертаций.

Справедливости ради необходимо сказать, что наука не заметила второго мира из-за отождествления ею понятий «наблюдаемость» и «повторяемость». Никому из идеологов науки не пришло в голову, что в материальной Вселенной этот мир может присутствовать инкогнито, проявляясь крайне редко перед случайными свидетелями. Он не пожелал входить в распахнутые двери лабораторий и ложиться под окуляры микроскопов и на этом основании был отвергнут. Потребовался самый настоящий разгул потусторонних сил в виде НЛО, полтергейста и других АЯ, прежде чем самые смелые из ученых заговорили о нем как о некоей гипотетической возможности. Однако их смелости хватило только на то, чтобы причислить его все к тому же строгому ведомству материи. В результате идеология материалистического монизма осталась непоколебленной и новая усложненная модель мира не стала моральнее.

Можно подумать, что обсуждаемые проблемы носят чисто теоретический характер и имеют мало отношения к живой действительности. Это серьезное заблуждение.

В одном из своих недавних выступлений академик Б. В. Раушенбах назвал основной причиной социальных потрясений XX века преобладание

людей рационалистического, «левополушарного» мышления. Это самое глубокое практическое обобщение, какое можно сделать о переживаемой нами эпохе, и самое серьезное обвинение, какое можно предъявить идеологии философского рационализма, славно поработавшей последние два века. Это ее усилиями были сформированы целые поколения людей «левополушарного», однобокого мышления, беззащитных перед духовно-разрушающими силами. У нас в России, в ее советский период, рационализм принял извращенно-религиозную форму атеистической веры, «воинствующего атеизма», который насаждался в головы людей насилием и кровью. По своим кошмарным последствиям эта варварская акция может быть сравнима разве что с разрушением озонового слоя или массовым заражением вирусом СПИД. Гражданская война, «архипелаг ГУЛаг», истребление крестьянства, безумное расхищение природных богатств, Арал и Чернобыль – все эти и другие апокалиптические чудища вышли из «левополушарных» голов и, может быть, под воздействием губительных духовных радиаций.

Масштабы бедствий столь огромны, что теряют уже смысл мстительные разбирательства и установление вины отдельных личностей, вовлеченных в общий безумный поток. Гораздо важнее сейчас обнаружить и перекрыть его источник, если мы не хотим появления в XXI веке новых, еще более ужасных монстров (не следует, однако, думать, что автор считает всех поголовно атеистов исчадиями ада, а всех верующих – ангелами. Церковь сама по себе не источник благодати, а проводник ее, ибо благодать по своей природе трансцендентна и может иногда сходить и на атеистов. Но если духовное беспризорничество приобретает массовый характер, сатанизация неизбежна).

Этот источник, повторим, – идеология рационализма, иссушающая человеческие души. Имея ныне в различных сферах культуры армии убежденных своих проповедников, обилие научных, популярных и литературно-художественных журналов, теле- и радиопрограммы, дегуманизированную, безрелигиозную систему воспитания, она тысячекратно превосходит по силе воздействия на массовое сознание оплеванные ею религии и магии древности. Рационалистическая идеология – феномен планетарного сознания, тяжкая духовная болезнь XX века. Поэтому вовсе не удивительна и даже закономерна нынешняя активизация демонических сил, почуявших легкую поживу. Так слетаются мухи на пораженное язвами тело.

И что же мы наблюдаем в высшей жреческой касте, способной, как и в былые времена, формировать массовое сознание? Пробуждение от рационалистического гипноза? Частично – да, но, как правило, на личностном уровне, без апостольского служения народу. Такие ученые, как Б. В. Раушен-

бах, пока редкость. В основном гипноз продолжается, и вот, нечто новое – переходит в парадоксальную фазу, можно сказать, в бред наяву. Временный испуг от встречи с потусторонними силами постепенно проходит, начинается период адаптации – компания мистера Воланда получает в ученых трудах прописку в материальном мире.

Об этих иррациональных существах говорят как о высшей космической касте, порожденной океаном слепой материи. При этом «высшее» разумеется как более могущественное, но не как более нравственное. Страшный моральный изъян материализма не позволяет видеть то, что очевидно для религиозного сознания, – что могущественные пришельцы ниже человека уже потому, что безнравственнее. Но – нет! Доверчивые люди видят в них старших «братьев по разуму» и идут на безрассудные эксперименты и контакты. На территории СССР сейчас обнаружено несколько аномальных зон, где происходят странные вещи. Туда совершают паломничество самодеятельные исследовательские группы. Судя по репортажам и статьям, дело это далеко не безопасное. Люди слышат какие-то голоса, им являются видения. Многие испытывают сильные головные боли, тошноту, получают от «высших существ» разноречивую, подчас нелепую информацию. Известны случаи загадочного исчезновения и смертей участников экспедиций.

Следует отдать должное отваге наших «сталкеров», начитавшихся братьев Стругацких, но в той же мере следует устыдить их за легковерие и невежество.

Человечеству XX века с невиданной доселе откровенностью открылся издревле известный таинственный мир, в котором наша человеческая логика и наши моральные категории оказываются недействительными. Смешно думать, что это тот самый мир, который изобразили научные фантасты в космических романах. Научная фантастика в основе своей рационалистична. Она – прекрасный инструмент для художественного моделирования социальных прогнозов, но ее философское осмысление Мира в целом наивно. Руководствоваться ее сюжетами и образами, исследуя явно мистические реальности, все равно что вести судно в бурном море по нарисованной ребенком карте. Несравненно больше полезного в этом смысле можно почерпнуть из православной духовной литературы, оккультных наук, книг по черной и белой магии. Как пишет Серафим Роуз, на этот путь давно уже ступили многие западные ученые, исследующие аномальные явления. Но он требует специальной духовной подготовки, отчетливого понимания, с чем имеешь дело и ради чего им занимаешься.

То, что происходит в этой области у нас, – опасное дилетантство. Уже сейчас в стране есть немало «контактеров», находящихся в сильнейшей психо-

логической зависимости от неведомых существ. Они-то и становятся самыми рьяными проповедниками нового культа.

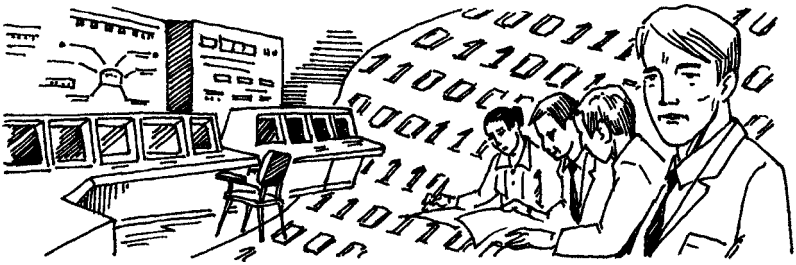
Если этот культ возымеет массовый успех, то вполне можно ожидать открытого сошествия с небес «космических богов», загримированных, надо полагать, под инопланетян. Об этом как о вполне вероятном событии пишет Серафим Роуз, предупреждают некоторые современные ясновидцы. И тогда правительству придется значительно расширять сеть психушек и моргов...

Если слепой поведет слепого, то оба упадут в яму, гласит библейская мудрость. Что можно противопоставить этому новому надвигающемуся безумию?

Духовное бесстрашие и оптимизм.

Пора уже перестать нам шарахаться от великих религиозных истин, добытых духовным трудом гениев разных времен. Пора понять, что религиофобия внушена нам, жителям одной шестой части суши, особого рода магией, спровоцированной, возможно, консультантами из «параллельных миров». Эти истины глаголят всем векам и народам, что человек – высшее и, скорее всего, единственное разумное существо в материальной Вселенной, сотворенное благой трансцендентной силой, а значит, имеет абсолютную ценность; главным ориентиром всей его деятельности на Земле, а теперь и в Космосе, должен быть поиск путей к бессмертию и вечной жизни. Что за спиной живых стоят мириады мертвых, которые не есть абстракция, но входят во Вселенский собор, именуемый «человечеством». Им, а не проблематичным «братьям по разуму» должны быть отданы сердца и помыслы живых, которые тоже когда-нибудь станут мертвыми.

Если эти великие истины проникнут в научное сознание, то образуется крепчайший духовный сплав, который воистину не одолеют врата ада. Возникнет, наконец, то самое – оптимистичное, душеполезное, культуротворческое мировоззрение, в котором так нуждается наша глубоко больная цивилизация, которое только одно способно исцелить ее.

КАК ПРИЧЁСЫВАЮТ ЕЖА

Невозможно причесать свернувшегося в клубок ежа, покрытого мягкими иголками, так, чтобы не осталась торчащей хотя бы одна игла.

Теорема о еже

1

Среди многих великих открытий пытливого человеческого ума особое место занимает Число. «Раз, два, три... тьма» – эта маленькая счетная операция, освоенная первобытными народами и вызывающая улыбку у современного человека, отнюдь не так забавна, как кажется. Дальнейшее развитие логического мышления привело к рождению математики – науки, которой суждено было сыграть исключительную роль в человеческом познании.

Прошли века, и люди заметили, что природные явления и процессы существуют не просто так, сами по себе, а подчинены числовым закономерностям и связаны определенными отношениями. Арифметика, геометрия, чуть позже алгебра стали первыми практическими науками, приоткрывшими перед человеком одну из чарующих тайн бытия: мир – не хаос из материальных частиц, в основе человеческого разнообразия вещей лежат число, геометрическая форма и отношение. Один из древнейших народов на земле – майя – обладал высокими познаниями в математике. За тысячу лет до европейцев майя открыли нуль, их астрономический календарь по точности практически не уступает современному, григорианскому.

Изучение числовых отношений, царящих в природе, было основой пифагорейской школы, создавшей мистико-рационалистическое учение о мире. Ставя задачей гармонизацию человеческих отношений, Пифагор и его ученики опирались на свое главное открытие – во внечеловеческом мире царят

порядок и гармония, в силу которых совокупность вещей слита в прекрасное целое – космос. Следовательно, и мир человеческий может быть приведен в состояние гармонии, которой он лишен. Пифагорейцы даже пытались применить математические методы к области этики (спустя много веков такую же попытку предпринял Спиноза в своей «Этике»).

Совершенствование операций над числами составило целую эпоху в развитии математики. Число сопровождает человека на всем его историческом пути. Люди считали, вычисляли, измеряли, пользуясь правилами, открытыми математиками.

Вычисления составляют основу современной науки и экономики. Число поистине властвует над делами людей, поэтому часто думают, что математика – это наука о числах или величинах. Это не совсем так. Операции над числами составляют лишь часть математики, именуемой прикладной. Явившись в мир как сугубо практическая наука, вызванная потребностями мореплавания, земледелия, торговли, математика способствовала развитию у человека абстрактного логического мышления. Совершенствуясь, математика все больше уходила от практики, образуя свой собственный мир, подчиненный своим законам и развивающийся за счет собственных ресурсов.

Основной метод математики – дедукция, то есть процесс вывода частного из общего. Взяв за основу какое-либо допущение или аксиому, иногда самоочевидную, а иногда противоречащую здравому смыслу («параллельные линии сходятся»), математик путем последовательных четких выводов создавал изящное здание математической теории. Аксиоматика – самая загадочная часть математики. Добытые чисто интуитивным путем, аксиомы, тем не менее, играют роль живых зерен, из которых вырастает ветвистое древо математического доказательства, древо отнюдь не бесполезное, потому что рано или поздно математические закономерности, открытые чисто умозрительно, находят неожиданное применение в практике. Уже «Начала» Евклида – грандиозный пятнадцатитомный труд – представляют собой гениальную попытку чисто умозрительно, на основании нескольких самоочевидных аксиом построить обширную математическую систему, состоящую из нескольких сот теорем. Евклид работал на будущее, уйдя далеко от практических потребностей своего времени. Теоремы Евклида нашли практическое применение позже, широко пользуются ими и в наше время. Исследования Лейбница в области бесконечно малых величин (совершенно бесполезный для его времени труд) легли в основу математического анализа, без которого немыслима современная инженерия. Опережающее действие математи-

ческих абстракций, первичность умозрения по отношению к практике – одна из поразительных особенностей математики, показывающая, что человеческий ум обладает способностью, минуя наблюдение и опыт, открывать объективные, закономерности материального мира. Спектральная теория линейных операторов нашла применение в квантовой механике, родившейся позже. Теория групп оказалась применимой к теории элементарных частиц. Геометрия Лобачевского, построенная на абсурдных с точки зрения здравого смысла посылках, была блестяще реализована общей теорией относительности, составляющей основу современной физики и космологии. Примеров можно привести, вероятно, столько же, сколько существует разделов математики.

Вторая замечательная особенность математики состоит в том, что, отвлекаясь от не всегда точных, эмпирических знаний, используя только логические выводы, математика тем самым развивается по принципу живого организма, то есть органично, «клетка за клеткой», без инородных искусственных включений. И, наконец, третья особенность математики, роднящая ее с искусством, заключается в той стихии творчества, которая ею движет и которая превратила ее в подобие необозримого разлива.

«Среди наших современников, – пишет известный польский математик Гуго Штейнгауз, – есть люди, чьи познания в математике относятся к эпохе египетских пирамид, и они составляют большинство. Математические познания незначительной части людей дошли до эпохи средних веков, а уровня математики XIX века не достигает и один человек па тысячу. Если бы мы пожелали превратить первобытного человека в современного математика, нам бы пришлось провести его тернистым путем, который нигде нельзя сократить. В математике нет царской дороги, как говорили древние».

Таков результат многовекового развития этой области знания, причудливым образом соединившей в себе науку, игру и искусство. Можно было бы счесть нерациональной столь щедрую трату сил, приводившую иногда к диспропорции между теоретической и прикладной частями математики, если бы не один замечательный процесс, происходящий весьма бурно в наши дни и являющийся результатом многовекового развития математики. Процесс этот, именуемый математизацией, заключается в активном внедрении математических методов в самые разнообразные области знания. Прикладная математика стала в наше время активной силой.

О месте, которое математика занимает в жизни современного общества, ее возможностях и перспективах и пойдет речь в нашем очерке.

2

Саратовский государственный университет, одно из старейших учебных заведений страны, выпускает специалистов самых разных профилей, в том числе и математиков-прикладников. Однако деятельность университета не ограничивается только учебным: процессом. Располагая исследовательской техникой и высококвалифицированными научными кадрами, университет ведет различные хоздоговорные работы, требующие специальных научных знаний. Значительную долю таких работ выполняет вычислительный центр, организованный в 1956 году.

Что такое современный вычислительный центр? Это кабинеты, в которых за столами работают люди, вооруженные пером, бумагой и специальной литературой. Это просторные машинные залы, где шумят, не переставая, электронные громады. Они решают задачи, заложенные в них программистами. Один час работы современной ЭВМ стоит 100 – 150 рублей, поэтому простой машины – явление крайне нежелательное, да и редко они бывают, эти простои, если только машина исправна, – слишком много математических задач приходится решать в наше время, А еще вычислительный центр – это напряженная, захватывающая работа ума, ищущего истину. Машина без человека – ничто.

Небольшая справка: научно-исследовательская лаборатория вычислительного центра СГУ располагает тремя электронно-вычислительными машинами, две из которых: ЭВМ ЕС-1022 и Минск-32 – работают в две смены. Объем научно-исследовательских работ в денежном выражении за 1981 год составил 437 тысяч рублей. Результаты исследований публикуются в журналах и сборниках. Алгоритмы и программы, которые могут быть использованы другими организациями, переданы в Госфонд алгоритмов и программ. А теперь немного о людях, чья исследовательская деятельность определяет направление и характер работ, выполняемых центром.

Рождение центра и первые годы его существования тесно связаны с именем Анатолия Михайловича Богомолова, нынешнего ректора СГУ, а в те времена аспиранта, выпускника физического факультета. Это были годы, когда вычислительную технику только начинали осваивать в нашей стране, в основном крупные научные центры. Ей пока не доверяли отчасти в силу несовершенства первых моделей ЭВМ, отчасти из-за отсутствия острой потребности в механизации вычислительных работ. Организация периферийных вычислительных центров была поэтому делом нелегким и в значительной мере зависела от энергии и способностей отдельных людей, видевших большие перспективы применения вычислительной техники.

Таким человеком в Саратове оказался А. М. Богомолов. Имея университетский диплом, он окончил специальные курсы в Москве и в 1956 году по приказу Минвуза РСФСР приступил к организации центра. Опуская перечисление обычных в таких случаях трудностей, вызываемых новизной дела, дефицитом оборудования и другими причинами, скажем, что, в конце концов, трудности были преодолены. Богомолов, назначенный научным руководителем нового учреждения, начал активно заниматься прикладной математикой и кибернетикой, одновременно налаживая работу центра. Поскольку «эра» кибернетики у нас тогда только начиналась (в томе БСЭ за 1954 год нет даже слова «кибернетика»), то избирать ее предметом научной работы рисковали немногие. Скоро Богомолов почувствовал, что в Саратове ему становится тесновато, поскольку учиться не у кого. К этому времени ему предложили должность заведующего отделом программирования во вновь образованном в городе Донецке вычислительном центре АН УССР (позже переименованном в НИИ прикладной математики и механики). Здесь он вплотную начинает заниматься научной работой в новом направлении, публикуется, защищает сначала кандидатскую, потом докторскую диссертации и становится известен как специалист в области кибернетики и прикладной математики. В 1974 году Богомолова назначают директором института, а в 1977 он становится ректором СГУ. Здесь он проявляет себя не только как ученый, но и как организатор науки – готовит молодых ученых, разрабатывает научную стратегию, подсказывает научные темы и, конечно, принимает участие в работе ВЦ – руководит кафедрой математической кибернетики, в состав которой он входит.

За 25 лет научной деятельности А. М. Богомолов опубликовал 70 научных работ, в том числе 6 монографий, подготовил 9 диссертантов, неоднократно выступал с докладами на научных съездах и конференциях как в СССР, так и за рубежом – в Польше, США, Англии, Венгрии, Чехословакии, Югославии.

Вырос за прошедшие годы и вычислительный центр. Сейчас здесь работает 110 математиков с университетским образованием – и ведущих специалистов, и руководителей тем, и исполнителей. Из самостоятельных исследователей, сумевших сказать свое слово в науке, можно выделить трех человек: В. М. Гурьянова, Н. П. Купцова и В. А. Твердохлебова.

Доктор физико-математических наук доцент В. М. Гурьянов работает в вычислительном центре со дня его основания. По специальности он механик, по занимаемой должности заведующий научно-исследовательской лабораторией ВЦ. Его основная научная тема – математические методы в гео-

логии (об одной из работ, сделанной под его руководством, будет рассказано дальше). Он один из ведущих кибернетиков СГУ.

Н. П. Купцов, доктор физико-математических наук, профессор, также старейший работник ВЦ. Специалист по математической дисциплине – функциональному анализу, он был самым первым его научным руководителем. Ныне заведует кафедрой вычислительной математики.

Кандидат физико-математических наук В. А. Твердохлебов, доцент, кибернетик, занимается сложными разделами математической кибернетики – технической диагностикой (то есть автоматическим поиском неисправностей в сложных системах), проблемой распознавания образов, теорией автоматизации. Он ученик А. М. Богомолова, работает на кафедре математической кибернетики.

Интересные научно-исследовательские работы ведут руководители группы Н. А. Осенькина и В. Б. Родниковский. Последний работает на стыке математики и медицины. Опытным практиком считают в ВЦ В. Г. Стрижова, заместителя Гурьянова. Он занимается проблемами автоматизации управления учебным процессом в СГУ.

3

Кто-то из известных ученых сказал, что во всяком исследовании тем больше науки, чем больше в нем математики. Мысль, может быть, слишком категоричная, но для наук естественных совершенно верная. В наше время специалисты начинают это все больше понимать, и теперь математический аппарат проникает даже в такие науки, которые еще недавно обходились четырьмя правилами арифметики. И вот результат: там, где раньше господствовали догадки, «метод тыка» и приближенные решения, теперь все чаще используются математическая модель, алгоритм (алгоритм – последовательность вычислений или приемов, которая после определенного числа шагов заведомо приводит к решению поставленной задачи, причем не обязательно математической) и программа, позволяющие получить более точный ответ на интересующий исследователя вопрос.

...Первое впечатление, которое остается от знакомства с научными работами вычислительного центра, – это их необыкновенное тематическое разнообразие, красноречиво свидетельствующее об универсализме математики. Каждая область знания имеет свой объект исследования, свою терминологию и проблематику. Попав в среду врачей, вы можете быть уверены, что не услышите от них рассуждений о способах плавки легированных сталей, а на производственном совещании металлургов никогда не будет поднят

вопрос о методах лечения бронхиальной астмы. И только вычислительный центр не знает никаких ограничений. Здесь под одной крышей могут встретиться специалисты-заказчики из столь разных областей знания, что вторая подобная встреча может больше никогда не случиться. Вот какие сочетания можно встретить в отчетах и услышать в кабинетах ВЦ: зубчатые колеса, водные беспозвоночные, листовая прокатка, почечная недостаточность, электрическое сопротивление, солнечная радиация, туберкулезная палочка, сейсмическая разведка...

Все чаще ученые нематематических специальностей употребляют термин «математическая модель», что означает нематериальную, собранную только из математических символов схему явления, которая отражает его сущность и позволяет, не прибегая к дорогостоящим экспериментам, рассчитать наилучший вариант: формы самолетного крыла, профилактики легочных заболеваний, конструкции плотины, режима реанимации тяжелого больного и так далее.

Но обратимся к практике конкретного учреждения – научно-исследовательской лаборатории вычислительного центра СГУ. Чем здесь занимаются? Какие решают задачи?

...Уже давно и прочно вошла в нашу медицинскую практику флюорография, то есть фотосъемка грудной клетки в рентгеновских лучах. В целях профилактики легочных заболеваний делают массовые съемки не только больных, но и здоровых людей. Флюорографические осмотры производятся на заводах, в учреждениях, в районных поликлиниках. На каждого прошедшего осмотр человека заводится медицинская карта, в которой указывается его имя, пол, возраст, место жительства, составляется краткое описание снимка и т. д. Количество людей, охватываемых осмотрами, исчисляется по стране миллионами. Накапливается громадный материал, который используется далеко не полностью. Между тем у фтизиатров (специалистов по туберкулезу) давно уже накопились вопросы, ответы на которые объективно содержатся в собранной информации, но извлечь их практически невозможно. И вот врачи обратились к математикам. Несколько лет назад НИИ «Туберкулез» (Москва) заключил с научно-исследовательской лабораторией ВЦ долгосрочный договор на разработку системы программ для ЭВМ, которая позволила бы фтизиатрам быстро получать ответы на интересующие их вопросы. Работа проводилась группой математиков под руководством старшего научного сотрудника В. Б. Родниковского.

Информация с нескольких сот тысяч флюорографических карточек наносится на перфоленты. Таким образом, вся мозаичная информация оказы-

вается собранной в «памяти» машины, как в кладовой. Человек может что-то забыть, упустить. Машина ничего не забывает. Более того, может из этой мозаики скомпоновать любую комбинацию данных. Искусство математиков заключается в том, чтобы составить серию программ для машины, заложив которые можно было бы получить ответ на интересующий врача вопрос. Группа Родниковского успешно справилась с этой задачей, используя методы теории вероятностей и математической статистики. Вот примерные вопросы, на которые может отвечать машина: «Прошу выделить группы населения по возрасту, полу, профессии, наиболее подверженные заболеванию туберкулезом»; «В каком медицинском учреждении и на каких предприятиях региона наиболее полно проходят осмотр?»; «В каких группах населения и какого рода легочные заболевания проявляются наиболее часто?» и т. д.

Не нужно быть специалистом, чтобы понять, какую ценность для профилактики легочных заболеваний имеет эта работа. С помощью обученной ЭВМ врачи получают возможность не только увидеть общую картину явления, но в любой момент подробно рассмотреть частности.

Не менее важна и другая работа, биологического профиля, выполняемая в настоящее время группой В. Б. Родниковского. Она касается проблемы чумных эпидемий (эпизоотии) среди грызунов. Зараженные чумой особи могут передать болезнь домашним животным, например, верблюдам или собакам, а это значит – опасность грозит и человеку. Вспомним, что жуткие чумные эпидемии средневековья, на три четверти опустошившие Европу, имели своей причиной чумные эпизоотии среди крыс, в великом множестве обитавших в городах. (Любопытно, что людей от полного истребления спасли тогда... кошки. На крысиное изобилие они ответили «демографическим взрывом» и стали уничтожать крыс, причем в первую очередь их жертвой становились заболевшие, как более легкая добыча. Хроники сообщают, что кошки рождались крупные – настоящие крысоловы, видимо, не чета нынешним. И здесь, надо полагать, сработали неизвестные математические закономерности биосферы, ответственные за восстановление в ней нарушенного равновесия).

Учитывая печальный опыт прошлого, в наше время ведется наблюдение за эпидемическими болезнями среди животных, осуществляемое Всесоюзным научно-исследовательским институтом микробиологии («Микроб»). Грызуны находятся под особым контролем. Огромная территория от Черного моря до Байкала разбита на участки, а последние на сектора размером 10 х 10 километров. Каждый участок имеет станцию наблюдения, укомплектованную штатом специалистов. Они производят отлов грызунов по опреде-

ленной программе и заносят результаты обследования в таблицы. Указывается число отловленных особей, наличие больных, время и место отлова и т.д. Методика, как видим, напоминает флюорографическую, проблема приблизительно та же. Зоологам нужно видеть картину в целом, то есть уловить динамику эпизоотии: время и интенсивность вспышек, их периодичность, зависимость от климатических условий, биогенных факторов.

И снова за работу берутся математики, снова используется аппарат теории вероятностей и математической статистики. Память машины начиняется информацией, собранной с десятков тысяч карточек, составляются программы. Кропотливый, нелегкий труд. 2 процента вдохновения и 98 пота, как говорил Эдисон...

Работа рассчитана на десять лет и находится сейчас в полном разгаре. По ее окончании зоологи смогут увидеть общую картину распространения болезни за несколько лет, выраженную в числах.

Что она может дать? Очень много. Во-первых, зоологи смогут правильно планировать дальнейшее обследование территории, которое сейчас производится во многом наугад, вслепую. Например, можно будет усилить наблюдение на более опасных участках, сняв часть научных кадров с участков менее опасных. Система программ, разработанных математиками, поможет также зоологам в поисках закономерностей распространения эпизоотии, значительно повысит оперативность наблюдения за состоянием территории.

...Вспоминается в связи с этой работой имя замечательного советского ученого-энциклопедиста, основателя гелиобиологии, А. Л. Чижевского. В начале века, в полном одиночестве, без всяких ЭВМ он произвел поистине титанический труд – собрал и обработал информацию о холерных, чумных и других эпидемиях за несколько столетий и связал их с солнечной активностью. Для этого ему пришлось пересмотреть громадное количество старых книг, летописей, хроник, чтобы по крупицам собрать интересные данные, изучить астрономические хроники восточных и европейских астрономов, из которых некоторые вели наблюдения за формой пятен на Солнце (свидетельствующих об изменении активности солнечной радиации). Результаты этого многолетнего труда изложены в знаменитой книге А. Л. Чижевского, получившей мировое признание, – «Земное эхо солнечных бурь». В ней неопровержимо, с помощью аппарата математической статистики доказывается функциональная зависимость, эпидемий от колебаний солнечной активности. Результаты этой работы используются ныне мировой эпидемиологией, позволяя прогнозировать опасные ситуации. Вот что значит

математическая обработка материала! Математический метод помог сделать тайное явным, доказать истину, которую научный мир ни в каком другом случае не принял бы. В самом деле – какие-то пятна на Солнце и эпидемии чумы, какая тут может быть связь...

Учесть множество разных факторов, обобщить их, дать им верную интерпретацию – задача очень трудная, тем более в такой науке, как биология, имеющая дело с открытой «системой» – биосферой, объектом бесконечной сложности. В биосфере все явления взаимосвязаны и могут рассматриваться изолированно с большой осторожностью. Математика с ее точными методами может оказать биологам неоценимую помощь. Сотрудничество, по сути, еще только начинается, так что все еще впереди.

Совсем в другой области, не имеющей ничего общего с биологией, работают Н. А. Осенькина и ее сотрудники. Они заняты технологической проблемой сборки плат для транзисторной аппаратуры.

Некоторое представление об электронной аппаратуре имеет в наше время любой человек. Всякое такое устройство, будь то радиостанция, аппарат УВЧ или телевизор, представляет собой в самом общем определении коробку, начиненную множеством ламп, сопротивлений, конденсаторов, емкостей. Все их между собой нужно определенным образом соединить.

В первых, ламповых, конструкциях соединение производилось с помощью изолированных проводов путем пайки. Называлась эта операция проводной монтаж. Проводной монтаж широко применяется и ныне в электротехнике. Но вот в микроэлектронике он стал в свое время серьезным препятствием для уменьшения габаритов изделий. Поэтому были изобретены так называемые печатные схемы. Вся разводка осуществляется на плоской плате в виде каналов, заполненных токопроводящим веществом. Печатная плата – это целый лабиринт, в котором ни один канал не должен пересекать другой, поскольку монтаж ведется в двух измерениях, а не в трех, как при проводном. В этом заключается один из недостатков печатных плат, усложняющий задачу размещения аппаратуры.

Кроме того, печатные схемы неремонтоспособны в отличие от объемных, проводных.

Конструкторы микроэлектронной аппаратуры нашли оригинальное решение, соединяющее в себе достоинства проводного монтажа и печатной схемы. С виду их изобретение – обычная плата размером с ладонь, по которой рассыпаны металлические точки – контакты. Они соединяются между собой не впечатанными в плату каналами, а тонкими прямыми проволочками по верху платы. Такая плата ремонтоспособна, поврежденный проводок

можно заменить. Удешевляется проектирование и изготовление схемы. Собрать такую плату можно только с помощью» специально изобретенного автомата, который рубит проволочки, укладывает их и припаивает, причем отрезки нужно припаивать в определенном порядке.

Н. А. Осенькиной и была поручена работа по математическому обеспечению монтажа плат на прямых отрезках. Какие же задачи пришлось решать группе? Сразу несколько, причем в комплексе. Нужно было найти наивыгоднейший способ расположения аппаратуры, чтобы при этом общая длина проводников была минимальной. Это типичная для прикладной математики задача ОПТИМИЗАЦИИ, в общем виде решенная разделом математики, именуемом «теория оптимизации». Там она фигурирует под названием «задача о коммивояжере» (коммивояжеру нужно объехать ряд городов так, чтобы общая длина пути оказалась минимальной). Затем были составлены программы на трассировку, то есть порядок пайки проводников. Не углубляясь в сложности, скажем, что без помощи математиков новый способ просто невозможно было бы осуществить.

Мы упомянули о теории оптимизации – разделе прикладной математики, имеющем большое практическое значение. Проблема, связанная с оптимизацией, неизбежно возникает в любом индустриальном обществе на определенном уровне его развития. Суть ее в простейшем варианте сводится к ответу на вопрос: как минимальными средствами достичь максимального эффекта? Из куска кожи выкроить максимальное число заготовок для обуви, из листа железа наштамповать наибольшее число деталей, по телефонному кабелю передать предельно плотный поток информации.

Вот пример еще одной задачи, связанной с оптимизацией, которую пришлось много лет назад решать работникам вычислительного центра СГУ.

В зуборезных станках, этих сложных высокоточных машинах, имеются так называемые гитары сменных шестерен. Эти гитары, как правило, состоят из двух пар зубчатых колес, которые можно менять. Ставятся они в кинематических цепях станков и выполняют приблизительно ту же роль, что коробки скоростей в автомобилях. Только коробка скоростей имеет 3 – 4 передачи, а гитара – сотню ступеней и больше. Обеспечивается столь обширный диапазон за счет установки наборов сменных шестерен разных диаметров. Обычно рядом со станком стоит целый ящик с комплектом сменных шестерен. Рассчитать комплект всегда было мучением для конструкторов. Многое зависело от интуиции, опыта и терпения. Человек торопливый мог насчитать уйму лишних шестерен. Между тем для каждого случая требуемый диапазон можно обеспечить минимальным вполне конкретным числом шесте-

рен. Для этого только надо решить задачу оптимизации, и разумеется с помощью ЭВМ, потому что человеку она не под силу из-за большого объема формальных операций.

Подобную задачу решил вычислительный центр СГУ для Специального конструкторского бюро зуборезных станков (Саратова). В результате было сэкономлено немало металла, который при кустарном методе расчета ушел бы на изготовление лишних шестерен. Вроде бы мелочь на фоне громадного хозяйства нашей страны, но мелочь показательная. Можно привести десятки, сотни примеров неразумного использования природных ресурсов, потерь энергии, транспортных потерь, перерасхода ценного сырья, и все по одной только причине: неумению или нежеланию решать задачи оптимизации.

Выше в числе ведущих ученых вычислительного центра мы назвали доктора физико-математических наук доцента В. М. Гурьянова, занимающегося проблемой применения математических методов в геологии. Одна из крупных работ, выполненных под его руководством, носит название «Обратная кинематическая задача для многослойной среды». Математики привыкли к строгим определениям, поэтому по названию их работ редко можно угадать, о чем идет речь. В данном случае таинственная «многослойная среда» – это наша земная кора, в самом деле, очень неоднородная, состоящая из многих слоев, в том числе полезных ископаемых, например нефти. А «обратная кинематическая задача» – это новый способ расшифровки информации, получаемой сейсморазведкой, который позволяет более точно определять форму и местоположение нефтегазоносных слоев.

Сейсморазведку можно без преувеличения назвать наукой о том, как видеть сквозь землю. Она отпочковалась от геофизики и разработала оригинальные методы «прощупывания» подземных недр, не прибегая к бурению пробных скважин, делу, как известно, чрезвычайно дорогому. Суть ее основного приема состоит в том, что неглубоко под поверхностью земли в специальных отверстиях – шурфах – производят серию взрывов. От сотрясения в глубины земной коры в разных направлениях уходят упругие (сейсмические) волны. Это особые волны, не похожие ни на звуковые, ни на радиоволны (распространяющиеся во всех направлениях). Сейсмическую волну можно уподобить расширяющемуся лучу. Характеризуется она направлением, скоростью, мощностью и фронтом, то есть шириной захвата луча. Это очень капризная штука, сейсмическая волна. Она частично проходит сквозь твердые слои, частично отражается, теряет мощность, дробится на поперечные волны и выходит на поверхность в виде эха. Тут ее ловят чуткие сейсмодатчики и «передают» сейсмографу – прибору, который производит запись

отражений. По этим записям ученые-практики могут в принципе воссоздать картину недр – угадать форму и глубину залегания полезных ископаемых.

Уже давно разработаны методы расшифровки данных сейсморазведки, тем не менее, работа эта очень сложная, требующая не только математической подготовки, но также интуиции и опыта.

Гурьянов и его сотрудники разработали новую систему алгоритмов, позволяющую с помощью ЭВМ воссоздать более точную, чем удавалось до сих пор, математическую картину волнового поля в момент взрыва. Новизна работы состоит в том, что алгоритмы учитывают не только кинематику поля, то есть направления распространения луча и фронт волны, но также динамику, под которой понимаются количественные характеристики – амплитуда, фаза волны, возмущения среды. С помощью новой методики геологи смогут более точно определять местоположение нефтеносных пластов в районах со сложным строением коры.

4

Как уже говорилось, чистая математика развивалась и развивается часто независимо от практики. Это неоднократно давало повод для нападок на нее со стороны недальновидных ученых, считавших ее бесполезным умствованием. В XI веке математиков даже выводили из состава Французской академии (после чего стали «хиреть» некоторые прикладные науки, например механика). К настоящему времени математика, кажется, полностью реабилитировалась, доказав, что является неиссякаемым источником идей для прикладных наук, породив множество новых математических и математизированных наук. Теория относительности, квантовая механика, математическая физика, математическая биология, теория автоматов... Число математических наук ныне так велико, что слово «математик» означает не принадлежность к определенной профессиональной группе, связанной общностью интересов, а скорее участие в вавилонском столпотворении, в котором люди с трудом понимают друг друга.

Но выделяется среди этого научного изобилия одна необычная наука, настолько необычная, что даже трезвые ученые умы, не склонные к восторженным оценкам, называют ее иногда «наукой наук». Наука эта, как, вероятно, догадался читатель, кибернетика. Причина возведения ее в столь высокий ранг объясняется громадным разнообразием изучаемых ею явлений, универсализмом ее математического аппарата и мощным влиянием, которое она оказывает на современный мир. В наше время ее можно увидеть везде: в цехе, в шахте, в конторе, в поле, в космосе, в море, в океанских глу-

бинах, в вашей квартире, даже в детском саду в виде какой-нибудь самоходной черепашки.

Интересы и возможности кибернетики так обширны, что даже специалисты затрудняются определить, что она такое. Приведем здесь высказывания некоторых ученых-кибернетиков по поводу своей науки.

«Кибернетика – одно из ответвлений науки XX века. С помощью своих специфических методов исследования и моделирования процессов окружающего мира она дает возможность понять их сущность».

«Однозначно ответить на вопрос, что такое кибернетика, – трудное дело. Коротко же можно сформулировать так: это наука о законах получения, хранения, передачи и преобразования информации в сложных управляющих системах».

«Информация – это совокупность сведений, которые циркулируют в природе и обществе... мерой информации является степень неоднородности в распределении энергии и вещества в пространстве и во времени».

«Кибернетика – наука, изучающая общие законы процессов и управляющих систем».

«Одна из основных идей кибернетики состоит в том, что понятие информации следующим образом связано с понятием энтропии – образование информации должно препятствовать возрастанию энтропии».

«Кибернетика внесла в наше мировоззрение новый взгляд на окружающий мир. По классическим представлениям, мир состоял из материи и энергии. Теперь они уступают новым представлениям, что мир состоит из трех компонентов – материи, энергии и информации».

«Жизнь представляет собой во Вселенной сравнительно редкое, если не уникальное явление. Она проявляется там, где имеют место отступления от закона возрастания энтропии, и степень организованности материи возрастает. Имея в виду открыть общие законы, по которым в некоторых местах Вселенной происходит временное убывание энтропии, и возникла кибернетика».

«Кибернетика возникла как попытка подняться над рядом наук, чтобы увидеть общее».

«Кибернетика – это наука о самоорганизующихся системах».

Информация, энтропия, самоорганизация... Жизнь как антитеза второму началу термодинамики...

А что, если жизнь и в самом деле уникальное явление в Мироздании, как думают некоторые современные ученые? Тогда какие же общие законы, ответственные за ее появление, ищут кибернетики? Почему эти законы вос-

стали против второго начала термодинамики, которому безропотно подчиняется вся видимая мертвая материя? Да и можно ли уникальное оценивать категорией закона? Разные возникают вопросы, когда читаешь книги о кибернетике. На многие из них она уже ответила, на другие ищет ответа, на иные, возможно, не ответит никогда...

Но отвлечемся от абстракций и проиллюстрируем мысли ученых о кибернетике несколькими примерами из жизни.

...Быстрой тенью скользит над дном морским подводная лодка – сигарообразная громадина в четверть километра длиной. Масса отсеков, десятки километров коммуникаций – воздуховоды, теплотрассы, электрические кабели, силовые, телефонные – целый организм. А внутри люди – живые человеческие души, которым нужно обеспечить максимальную безопасность, причем не только в нормальных условиях, но и в экстремальных ситуациях. Лодки старых систем были плохо защищены от аварий. Но предположим, современный суперсложный левиафан получил повреждение одного из отсеков. Вы думаете, он ляжет на дно? Вовсе не обязательно. Датчики немедленно сообщат судовой ЭВМ о повреждении, машина быстро просчитает варианты, оценит ситуацию и даст команды. Тут же сработают соответствующие механизмы – перекроют отсек, переключат воздуховоды, коммутационные линии, включат дублирующие системы и т. д. Жизнеспособность лодки останется на прежнем уровне, она будет продолжать двигаться дальше, уходя от преследования. И все это произойдет в доли секунды, пока вода еще не ворвалась в отсек и не затопила соседние.

Современная подводная лодка – пример сложного кибернетического устройства, сделанного по типу живого организма с системами автоматической регуляции и передвижения. Будем верить, что подводные лодки никогда не будут использованы для массового уничтожения людей, а кибернетические принципы, в них заложенные, пригодятся когда-нибудь для более мирных целей, например, для защиты лунных станций от метеорной опасности...

Трактор в поле – это тоже кибернетика. Его дизель имеет регулятор подачи топлива – довольно сложное гидравлическое устройство, предназначенное для рационального расхода топлива. В основе его конструкции лежит кибернетический принцип обратной связи. Несколько типов регуляторов выпускает наше саратовское производственное объединение Сардизельаппарат. Регуляторы, установленные на больших судах, позволяют экономить огромные количества топлива. Кибернетические устройства используются и в медицине: аппарат искусственного дыхания, аппарат «искусственная

почка»... Последний представляет собой очень сложное кибернетическое устройство, работающее, как и регулятор, по принципу обратной связи. Есть также и аппарат «искусственное сердце», на очереди изготовление портативных искусственных органов – рук, ног, легких. Некоторые из них уже существуют, но стоят пока очень дорого и не вполне совершенны...

Примеров мирного использования кибернетики можно привести множество. Значительная доля работ, выполняемых вычислительными центрами страны, относится к этой области. Показателен тот факт, что ВЦ СГУ существует не как самостоятельная организация, а входит в состав кафедры математической кибернетики, осуществляющей общее научное руководство центром.

Из научно-исследовательских тем, здесь разрабатываемых и имеющих чисто кибернетический характер, можно назвать ТЕХНИЧЕСКУЮ ДИАГНОСТИКУ (ведущие специалисты А. М. Богомолов и В. А. Твердохлебов). Эта дисциплина – явление второго порядка, возникшее в результате необыкновенного усложнения мира машин и аппаратов. Ее главная задача- – разработка методов обнаружения и локализации неисправностей в сложных технических системах.

Неисправность – неизбежный спутник любой неживой системы, выполняющей определенную работу. Абсолютно надежной, вечной машины создать нельзя. Этому противится закон энтропии, согласно которому любая замкнутая конечная система имеет тенденцию к распаду, упрощению. Только биосфера, как планетное явление, обладает способностью противостоять этому закону, автоматически устраняя внешние удары – саморегулируясь. Мир машин пока не может без помощи человека сопротивляться закону энтропии. Оставленный без присмотра, он рано или поздно остановится, как будильник, в котором кончился завод.

И до настоящего времени техническая диагностика большинства машин и аппаратов осуществляется специально обученными людьми. Дело это сложное, граничащее с искусством. Починить какую-нибудь швейную или пишущую машинку может далеко не каждый технический специалист. А ведь есть техника еще более сложная, неимоверно сложная, фантастически сложная, В свое время возникла весьма острая ситуация, когда возможность усложнения технических систем тормозилась возрастающими трудностями их ремонта и наладки. Проблема надежности и поныне одна из острейших. Вот пример. Далеко не самая сложная ЭВМ состоит приблизительно из 200 000 элементов. Если вышел из строя один элемент (простейший вариант повреждения), то по максимуму придется совершить

2 000 000 контрольных операций, чтобы обнаружить неисправность. Если вышло из строя два, то задача резко усложняется. Тогда количество возможных операций будет равно числу сочетаний по два из 200 000, то есть приблизительно 2 000200 000! Нужны какие-то специальные методы поиска неисправностей. В этом пришлось на собственном опыте убедиться наладчикам первых ЭВМ. Бывало, что машину из-за невозможности обнаружить неполадки не могли запустить по полтора-два года! Если каждый час простоя машины стоит 150 рублей, то легко подсчитать, сколько недодала одна машина государству за это время – свыше миллиона рублей.

Да что там деньги! В современной технике бывают ситуации, когда нужно в считанные секунды обнаружить неисправность и устранить ее, например, включив дублирующую систему, иначе могут погибнуть люди. Вспомним хотя бы подводную лодку или космическую ракету.

Так и возникла техническая диагностика – отрасль кибернетики, которая решает общие и частные задачи обнаружения неисправностей в сложных технических системах.

Что сделано университетскими математиками в этой области?

Под руководством В. Г. Твердохлебова и А. М. Богомолова разрабатываются математические тестовые методы, с помощью которых можно диагностировать характер неисправности в таких сложных аппаратах, как автопилот, телевизор, ЭВМ. Суть тестового метода состоит в том, что механизму дают определенным образом составленные задачи, потом исследуют ответы и по ним судят о неисправности. В отношении к ЭВМ эта методика чем-то напоминает методику, принятую в психиатрии, когда по ответам больного врач судит о характере заболевания. Тут нет ничего удивительного. Ведь современные ЭВМ создают по «образу и подобию» человеческого мозга, следовательно, хотя и очень грубо, но копируют принципы человеческого мышления, по крайней мере, логического. А психические болезни, если не все, то многие, связаны как раз с нарушением логического мышления.

Если когда-нибудь, как пророчат пессимисты, на земле и наступит эра распоясавшихся роботов, то не без участия технической диагностики. Ведь лишенные «врачебной помощи» роботы будут неизбежно погублены законом энтропии. Будем, однако, надеяться, что такая эра никогда не наступит, несмотря на успехи технической диагностики. Пессимисты на то и существуют, чтобы заставлять людей думать, как избежать возможных крайностей.

Техническая диагностика, как видим, направление вторичное, это своего рода кибернетическая служба «здоровья» машин, имеющая своей конечной целью навести идеальный порядок в их царстве. Если же говорить о маги-

стральном пути кибернетики, то это, скорее всего, путь оптимизации сложных динамических систем и процессов – производственных, транспортных, экономических, социальных.

В качестве примера подобных задач можно привести: межотраслевой баланс страны, расчет оптимальной загрузки оборудования, управление технологическими процессами, автоматизация управления промышленными предприятиями и учебными заведениями. Одна из таких работ была в свое время выполнена А. М. Богомоловым для Донецкого металлургического комбината.

Прокатное производство, как известно, принадлежит к одной из ведущих отраслей тяжелой индустрии. Задача оптимизации приобретает здесь особенную остроту ввиду массовости выпускаемой продукции. Нерациональный расход металла, перерасход электроэнергии, воздуха, газа ведет к убыткам, исчисляемым миллионами рублей.

Листопрокатный стан – одна из сложнейших машин. Впрочем, это не просто машина, а скорее технологическая линия, процесс, включающий в себя массу компонентов. Лист получают из разогретой стальной болванки путем многоступенчатой продольной и поперечной прокатки. При этом одновременно возникает много разных проблем. Нужно, например, правильно выбрать режим нагрева заготовки, чтобы и не появилось окалины, и была бы достаточной вязкость металла. Нужно рассчитать и режим прокатки: слишком медленная прокатка ведет к остыванию металла, слишком быстрая – к перенапряжениям в металле, а следовательно, к ухудшению качества, рассчитать режим охлаждения прокатных валиков, которые сильно нагреваются во время работы. Чисто инженерными методами такую задачу можно решить только очень приближенно. Нужно увидеть картину процесса в комплексе, во взаимодействии факторов. Для этого надо построить математическую модель процесса, то есть решить кибернетическую задачу. Эту работу и взял на себя А. М. Богомолов. В результате была разработана обширная система управления листопрокатным производством, включающая в себя не только решение технологических проблем, но также экономику и планирование. Сейчас система применяется Донецким металлургическим комбинатом, а научным результатом этой работы стала книга А. М. Богомолова «Автоматизация прокатного производства».

Убедительный пример того, как, минуя инженерию с ее дорогостоящим экспериментальным методом, обходясь только математическими средствами, удалось решить чисто производственную задачу. Поразительный факт, если вдуматься. И лучше всех это поймут инженеры.

Общее усложнение современного общества, непрерывный рост информации все больше затрудняют и процесс обучения его членов. В самом общем виде проблема обучения сводится к решению нескольких вопросов: чему и как учить человека? Как кратчайшим путем без лишних временных затрат подготовить специалиста? Как из безбрежного моря информации выбрать самое необходимое, чтобы человек получил и достаточную сумму профессиональных знаний, и достаточно широкий кругозор? И узкий специалист, и поверхностный всезнайка – это две крайности. Есть еще и третья – незнайка, или недознайка, то есть студент, вынужденный переучиваться на производстве.

Уже давно высказываются сетования на несовершенства школьных и вузовских программ, перегруженность преподавателей, неудобство расписаний, искусственную сложность учебных пособий и методик и т. д. Кибернетику диагноз вполне ясен – из-за катастрофически растущей сложности система находится в перевозбужденном состоянии. Методы управления не соответствуют этому уровню сложности. В результате растет уровень шума, выражающийся в болезненно переживаемом людьми общем симптоме – бессмысленной затрате времени и сил на вещи, совершенно не нужные, лишенные и практической, и этической ценности.

В целях оптимизации учебного процесса, разумного использования времени студентов и преподавателей кибернетиками разработана автоматическая система управления учебными процессами в высших учебных заведениях. Универсализм кибернетического подхода проявился и тут. Вуз, если мыслить обобщенно, это, по сути, то же производство, например, завод. Здесь тоже есть свои службы, «технологические процессы» (обучение), «мастера» и «рабочие» (преподавательский состав), исходный «материал», который надо обработать (абитуриент), и готовое «изделие» (молодой специалист).

Последовательность главных этапов все та же: сбор информации, кодирование, передача на ЭВМ, составление алгоритмов; и программ «на все случаи жизни», с помощью которых можно будет легко и просто управлять учебным процессом. Но организации всякого дела должна предшествовать постановка цели, ради которой она производится. Цель – это своего рода ось, вокруг которой вертится, не рассыпаясь, сложный механизм организации. С заводом все ясно. Там цель – выпустить изделие высокого качества в соответствии с чертежом. По аналогии, цель вуза – выпустить отличного специалиста. Вывод? Нужен «чертеж» специалиста с полным указанием предъявляемых к нему требований – и профессиональных и моральных, раз

уж он человек, а не изделие. Нужен, одним словом, идеал, к которому можно было бы стремиться. Такой идеал в АСУ ВУЗ носит название «модель специалиста». Нет, это не в буквальном смысле модель, не скульптурный красавец с ясным взором и справочником в руке. Это определенным образом закодированный и заложенный в машину перечень требований к идеальному специалисту. Когда модель есть, можно спокойно доверять АСУ высшее учебное заведение – от этого выиграют все: и студенты, и преподаватели, и администрация.

Какие задачи можно решать, внедрив АСУ ВУЗ? Например, такие:

1. Осуществлять текущий контроль успеваемости и посещаемости, создать рациональный план сдачи зачетов, проведения коллоквиумов, семинаров.

2. В любую минуту получить информацию о любом студенте: как посещает занятия, как учится, каковы способности, интересы, в какой аудитории должен находиться в текущий момент?

3. Устанавливать оптимальную последовательность изложения учебных дисциплин и разделов внутри самих дисциплин, которая обеспечила бы наилучшее и наибыстрейшее усвоение материала.

4. Составить оптимальное расписание занятий, удовлетворяющее сразу нескольким условиям: чтобы оно было удобно для преподавателей (не разбивался бы на куски рабочий день), для студентов (чтобы трудные дисциплины не приходились на один день и желательно были бы в первые, утренние часы, когда голова хорошо работает), чтобы рационально использовались аудитории (не пустовали бы и не были перегружены).

5. Правильно распределять нагрузки между преподавателями и между кафедрами.

6. Во время приемных экзаменов получать в любую минуту полную информацию о любом из абитуриентов.

Одним словом, АСУ ВУЗ – это действенное средство борьбы с хаосом в учебном процессе, это экономия времени, нервов и сил и студентов, и преподавателей. И это не застывшая раз и навсегда система, а динамичная, расширяющаяся, способная учитывать новые факторы, которых раньше не было. АСУ ВУЗ уже нашла применение полностью или частично во многих вузах страны, таких, например, как МГУ, МФТИ, Киевский государственный университет. Делают попытки применять ее и у нас в СГУ, но пока именно попытки. Собираются разработки, сделанные другими вузами, проводятся эксперименты. Любая, даже самая хорошая система, освоенная в одном месте, не сразу прививается в другом – везде своя специфика, свои сложности.

Высшие учебные заведения, даже одного профиля, как и люди, не похожи друг на друга. И конечно, сказывается сопротивление среды в самом широком смысле этого слова. Нужны усилия и воля, чтобы преодолевать ее. Надо думать, что кибернетики СГУ под руководством А. М. Богомолова справятся со всеми этими задачами, как справлялись до сих пор с другими.

Техническая диагностика, оптимизация технологических процессов, автоматизированная система управления высшими учебными заведениями...

На опыте ученых СГУ мы познакомились с практическими возможностями кибернетики – но только в самых общих чертах, потому что ее действительные возможности выходят далеко за круг приведенных примеров. Наш рассказ о прикладной математике и ее вершине – кибернетике – был бы, однако, неполон, если бы ограничился лишь конкретным, практическим.

В работах ученых-кибернетиков рассматриваются иной раз проблемы, раньше относившиеся к сфере научной фантастики: искусственный разум, искусственная жизнь, взаимоотношения человека и машины. Зная потенциальные возможности своей науки, кибернетики с надеждой или, наоборот, с тревогой заглядывают в будущее, облик которого, по их мнению, в решающей степени определит кибернетика. Пишутся труды, делаются доклады, авторы которых пытаются философски обобщить полувековой опыт развития кибернетики.

К числу таких работ относятся и учебные пособия А. М. Богомолова по прикладной математике и проблемам искусственного интеллекта. В них сжато, но с достаточной полнотой раскрывается суть кибернетического подхода к изучению сложных явлений и процессов, изложены основные идеи кибернетики, предпринимаются попытки рассчитать социально-философские последствия от внедрения высокоорганизованных машин. Подобные работы есть и у других кибернетиков: и наших, и зарубежных. Принадлежат они обыкновенно ученым со стажем и свидетельствуют о пробуждении самосознания у «науки наук».

В XX веке, в эпоху бурного брожения научной мысли, произошла романтическая встреча одной из древнейших наук – математики со сравнительно юной биологией. Взаимообогатившись, они произвели на свет новую науку – кибернетику.

Да, именно биология стала матерью-кормилицей кибернетики, хотя часто говорят, что она без роду без племени, родилась «на стыке многих наук». Наблюдения над поведением живых существ привели математика Норберта Винера к идее САМООРГАНИЗАЦИИ материи и заставили искать условия, при которых она происходит. С тех пор прошло полстолетия, была создана

целая наука, на основе ее достижений возник мир невиданно сложных машин, а главная тайна живого, его загадочная способность противостоять хаосу энтропии, так и осталась неразгаданной.

Более того, чем глубже ученые погружаются в недра живого, тем дальше уходит от них эта тайна. Однако работа оказалась не напрасной. Уверенность в том, что феномен живого может быть воспроизведен искусственно, явилась прекрасным стимулом к действию, заставила кибернетиков решать не только технологические и теоретические проблемы, но и проблемы философского характера.

Кибернетика внесла замечательный вклад в философию, установив, что в мире, кроме вещества и энергии, должна быть также информация – открытие, предвосхищенное еще Платоном, никак не желавшим признавать бытие феноменов без бытия сущностей (лошади без идеи «лошадности»).

Появившись вовремя, кибернетика помогла многим наукам, в том числе и медицине, создала много полезных машин и приборов. Но кибернетика также послужила и богу войны Марсу, выносив в чреве своем электронных демонов разрушения, вездесущих, всепроникающих, для которых на земле давно не осталось недоступных мест. У кибернетики два лика – светлый и темный. Отсюда два полярных к ней отношения. Оптимисты видят в ней спасительницу человечества, способную решить чуть ли не все острые проблемы современности, пессимисты считают бездушной силой, ускорившей рост раковой опухоли биосферы, под которой ими разумеется технологическая цивилизация.

Ведутся бесконечные споры между защитниками и противниками кибернетики, споры, в которых истина не рождается, а умирает.

Какова же действительная роль кибернетики в современном мире? Вопрос непростой, и прежде чем ответить на него, следует в самом общем виде оценить ситуацию, возникшую на планете в результате преобразующей деятельности человека.

В настоящее время существуют две почти равноправные природы – естественная и искусственная – и соответственно два ландшафта – биогенный и антропогенный. Первый создан биологической, второй – эволюцией социальной. Первый формировался миллиарды лет, второй так быстро, что процесс его возникновения в масштабах эволюционного времени можно уподобить взрыву. Глубинные причины этого процесса до сих пор не ясны науке. Возможно, она просто не выросла еще до уровня, необходимого, чтобы в них разобраться. Но кое-какие важные выводы уже сделаны. Стало, например, ясно, что живая природа неизмеримо сложнее и многообразнее

искусственной, как бы ни хорохорились урбанисты и машинопоклонники. От каменного топора до ЭВМ дистанция на несколько порядков меньшего размера, чем от ЭВМ до живой клетки. Стало также ясно, что человек – не случайное явление в биосфере, а является результатом всего эволюционного процесса и занимает какое-то особое место в биосфере. Однако это не помешало юному и несовершенному миру машин наделать шуму на планете, и, скажем прямо, не без помощи кибернетики. Как это получилось?

Обе природы, несмотря на качественное различие, имеют нечто общее в своих основах. Обе для своего существования нуждаются в притоке энергии и информации. Если погаснет Солнце, несущее, как утверждает гелиобиология, не только энергию, но и информацию, то жизнь на Земле погибнет. Если оборвать энергетические источники второй природы, то она распадется. Но причиной ее распада может быть также избыток информации, вызванный ее переусложнением.

Кибернетика возникла как организующее дополнение к гипертрофированному машинному миру. Получилась грубая копия живой природы, сумевшая, однако, приобрести автономию. Если до этого машины походили на разбредшееся стадо, то теперь они организовались для систематической эксплуатации живой природы в полном соответствии с задачами, которые поручили им их творцы.

Вот тут-то и забеспокоились пессимисты. Все чаще стали высказываться пророчества о грядущем электронном антихристе, о полном истощении природы, которое скоро наступит, о вытеснении человека машинами. Особенно в этом деле постарались ученые и писатели-фантасты. В виде романов-антиутопий, предупреждений, прогнозов, по сути дела, пропагандируется парализующая волю идея о приходе цивилизации машин, которая окончательно погубит человека. Вот что, например, пишет американский кибернетик Норман Сатерленд в своей статье «Человекоподобные машины»:

«Имеются вполне реальные возможности для создания машины более разумной, чем мы сами... Кроме того, если мы сумеем построить машину разумнее нас самих, то она, в свою очередь, будет способна спроектировать машину еще более разумную... Мы окажемся творцами превосходящих нас по разуму созданий, которые заменят нас в роли хозяев земли. Эти создания могут иметь более высокий уровень, чем их творцы, ибо нет никаких оснований встраивать в них столь свойственный человеку эгоизм, который, хотя и необходим нам для обеспечения выживания, но служит также причиной иррациональности в поведении человека».

Очень показательное высказывание. Каким холодным равнодушием к человеку и, главное, какой философской наивностью веет от него! «Более разумная машина», «превосходящие нас по разуму», «более высокий уровень», «свойственный человеку эгоизм»... Что автор понимает под словом «разум»? В каком смысле «более высокий»? Кто эти «мы» и о чьем эгоизме идет речь? Совершенно недопустимые обобщения, символы без расшифровки...

Примерно в том же духе высказываются и некоторые наши ученые, и что особенно печально, в произведениях, рассчитанных на массовую аудиторию (см., например, книгу: Шкловский И. Вселенная, жизнь, разум. Наука, 1976, с. 313 – 321).

Чрезвычайно важно в связи с таким положением дел на земле постараться трезво определить место кибернетики и ее возможности.

В нашем очерке уже говорилось, что магистральный путь кибернетики – оптимизация процессов. Это, видимо, главное, для чего она появилась. К такому выводу подталкивает наблюдаемое ныне нарушение кибернетического закона «информация контрэнтропия» (назовем его так). В самом деле, количество информации в мире быстро растет, значит, соответственно должна убывать энтропия, увеличиваться организация. В действительности этого не происходит – растет уровень шума, увеличиваются неразбериха и хаос на планете, нарушается экологическое равновесие.

Причину всего этого кибернетик объяснит так: несоответствие уровня управления уровню сложности.

Но совершенное управление предполагает, как известно, максимальное укрупнение структуры и оптимизацию процессов.

В масштабах страны этого добиться можно, но в глобальном масштабе пока нереально: слишком много всяких проблем и сложностей, слишком кипят страсти...

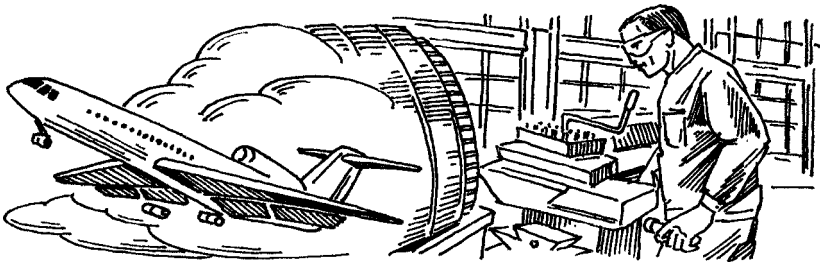
Горячие поклонники кибернетики убеждены, что, если бы этой науке дали полную власть над земным шаром, она быстро навела бы на нем порядок. В самом деле?

Ну что ж, допустим, что такая возможность осуществилась, и кибернетики стали властителями мира. В принципе задача оптимизации управления биосферой решается на нынешнем уровне развития кибернетики. Имеется превосходный математический аппарат, есть опыт управления системами меньшей сложности. Но возникает важный вопрос: каким критерием руководствоваться при решении задачи оптимизации управления биосферой? Ответить на него нетрудно, используя опыт той же АСУ ВУЗ. Для оптимиза-

ции управления биосферой требуется, очевидно, «модель Человека». Она должна показывать, каким должен быть Настоящий Человек – венец кибернетического творения. Но человек – существо целеполагающее. Категория цели неразрывно связана с представлением о человеке. Следовательно, модель должна отвечать на вопрос: какова цель человека? А вот на этот-то вопрос математика ответить не может. Сформулировать идеал с помощью ЭВМ невозможно. Это задача совсем из иной сферы – духовной, где не действуют законы математики.

Эпиграфом к нашему очерку мы взяли теорему о еже Штейнгауза. Как и многие теоремы чистой математики, она, возможно, отражает какое-то явление объективной реальности. Может быть, судьбу кибернетики?

Вот он, современный мир, как еж, ощетинился иголками проблем. Кибернетики верят во всемогущество точных методов. Ждет ли их удача? Может быть, но только в том случае, если они будут помнить о человеке. Только он обладает бесценным качеством ставить перед собой высокие цели.

СВЕТ ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Давно известно, что легче всего писать о людях романтических и героических профессий, там сам материал просится в руки – только расположи его в соответствующем порядке. Но как рассказать о человеке, который 40 лет простоял за станком в одном цехе, тем более, если он не очень-то любит и не умеет о себе рассказывать?

А он именно таков, герой нашего очерка. Зовут его Сергей Иванович Сухоруков. Он – токарь Саратовского авиационного завода, специалист высокой квалификации. Первое, что он сказал, узнав, что о нем собираются писать большой очерк: «Вы бы лучше о Шевцове написали. Вот у кого биография! А у меня что?» Очень искренно, без всякой рисовки сказал, потому что действительно так думает.

Павел Савельевич Шевцов – старый товарищ Сухорукова, с юношеских лет работают бок о бок, тоже токарь, о нем еще будет сказано. А пока речь пойдет о Сухорукове, потому что тут есть о чем поговорить.

Не будем разбирать, что тому причиной – это тема для особого разговора, но многие нынче лезут вон из кожи, чтобы выделиться среди окружающих, чем-нибудь да блеснуть. Существует даже расхожий термин – яркая личность, то есть человек, проявивший себя какими-нибудь необычными, бьющими в глаза доблестями. О «ярких личностях» говорят с уважением и завистью, им подражают. И что-то не часто приходится слышать, чтобы о ком-нибудь с уважением сказали: «Какой замечательный человек! Мастер своего дела, труженик и скромница». Между тем в этих трех определениях – высшая аттестация личности, предел, которого может достигнуть человек в своем духовном развитии, будь он академик, писатель или токарь. Высшая, потому что скрывает за собой массу других внутренних достоинств – ум, доброту, волю, чувство собственного достоинства... Такими людьми всег-

да была богата Россия. Это они во все века делали трудное дело Жизни, сплошь да рядом оставаясь в безвестности.

Сергей Иванович родился в другое время и в другую эпоху. Его главный талант – быть Человеком – заметили...

Кавалер двух орденов Ленина, Герой Социалистического Труда, депутат областного Совета... Впрочем, не будем допускать распространенной ошибки, когда из лучших побуждений начинают с перечня «титулов» и наград человека, так что они заслоняют собой живую человеческую личность. Суть Сухорукова не в его званиях, хотя и в них тоже. Звания лишь подтвердили, удостоверили подлинную человеческую сущность, которая в нем была изначально.

Родом он с Тамбовщины, из села Ядровка Уметского района.

Равнинный край, залегший в самом сердце России, – леса, степи, обилие рек и речушек. Здесь с давних времен выращивали картофель, сеяли рожь, овес, пшеницу. Тамбовская земля не знала разрушительных социальных смерчей, и в последнюю войну здесь было относительно спокойно. «Мы даже взрывов не слыхали, – вспоминает о военных годах Сергей Иванович. – Тихо было в войну в деревне».

Может быть, эта обстановка мирного крестьянского труда, сама природа, неяркая, умиротворяющая, сформировали характер – обстоятельный, неторопливый, не склонный к внешним эффектам. Многое получил Сергей Иванович и от родителей. Спустя годы редактор заводской многотиражки старый друг Сухоруковых Л. А. Белова напишет в своем очерке:

«Хорошо знали в деревне семью Сухоруковых. Главу семейства Ивана Максимовича и мать Екатерину Максимовну называли коммунистами, хотя никто из них не был членом партии. Сухоруковы были активистами. Когда в годы коллективизации объявили об общественной посадке картофеля, то первыми вышли в поле Сухоруковы. «Смотрите-ка, – переговаривались женщины у ворот, – Иван и Екатерина с ведрами пошли, семенную картошку понесли. Наверное, последнюю. Что сами-то есть будут? Право, коммунисты...»

Иван Максимович был человеком беспокойной души – не только крестьянином-тружеником, но и гражданином своего Отечества. Отец четырех детей, он ушел добровольцем на финскую войну. Это о чем-то говорит, если учесть, что брать тогда старались бессемейных – комсомольскую молодежь и коммунистов. Получив ранение, Иван Максимович вернулся в родное село, а через полтора года, когда на страну обрушились фашистские орды, снова ушел на фронт. Досталась ему самая тяжелая солдатская служба – пе-

хота, которую он нес с привычной крестьянской добросовестностью и чувством долга. Писал с передовой письма домой, в которых учил сына жить честно, по справедливости. Бережно хранит Сергей Иванович эти пожелтевшие от времени листки, исписанные не привыкшей к перу отцовской рукой...

Каждый видел в кинофильмах о войне сжимающую сердце сцену форсирования реки. Ночь. Черная вода освещается мертвенно-бледным светом ракет. С противоположного берега хлещет свинцовый ураган. Тонут лодки, уходят под воду люди.

В одной из таких рек под Смоленском в ледяной осенней воде нашел свое последнее пристанище пехотинец Иван Максимович Сухоруков.

Тяжело пришлось вдове Сухоруковой. Четверо детей на руках – всех нужно обуть, одеть, накормить, да еще успевать на полевые работы. Недосыпала, недоедала, но терпеливо несла свою ношу простая русская женщина. Сергей был старшим в семье. Рос он тихим, работящим парнем. С десяти лет стал помогать матери, ухаживал за своими младшими сестренками. Как мог, старался заменить им отца.

Но кончилась война, Сергей подрос, окончил школу-семилетку и всерьез задумался о своем будущем. Шел 1949 год...

Как получилось, что уехал в город? Причин много, человек и сам иной раз не может разобраться в мотивах своих поступков. Но немалую роль играет тут и случай. Сохранился в памяти Сергея Ивановича эпизод, о котором он вспоминает сейчас с улыбкой. Приехал на каникулы в деревню из Москвы односельчанин, учившийся в ремесленном. На нем была новенькая форма училища – синяя рубаха навыпуск, опоясанная кожаным ремнем с бляхой, фуражка с эмблемой трудовых резервов, ботинки со шнурками. Дрогнули доброй завистью сердца ребят – такой красивой показалась им форма на фоне деревенской бедности. Односельчанин посоветовал Сергею учиться на токаря. Интересная профессия, и платят хорошо. Токари сейчас во как нужны! Мать напугалась было, по-своему поняв незнакомое слово. «Не ходил бы ты на токаря, сынок! Еще током убьет...» Посмеялся ремесленник, объяснил, чем занимаются токари.

Было у Сергея два неразлучных друга – Николай Шароватов и Владимир Видяпин. Владимир был старше своих товарищей. Ему шел восемнадцатый год. Он и предложил друзьям не соблазняться Москвой, а ехать в большой волжский город Саратов, где тоже есть ремесленные училища.

Не обошлось, конечно, без сомнений. Жалко было мать, сестер. Как они будут тут одни, без него? В то же время велико было и желание учиться, овладеть рабочей профессией. Так или иначе, но выбор был сделан. Мать

подштопала старенькую одежонку, собрала сыну в дорогу холщовую сумку с домашними гостинцами, дала новые лапти. Так с сумкой за плечами, в лаптях и прибыл шестнадцатилетний Сергей Сухоруков в Саратов.

Все трое подали заявление в ремесленное училище авиационного завода, успешно прошли комиссию. Сергей и Николай были зачислены в группу токарей, а Владимир – в группу фрезеровщиков.

Профессию токаря Сергей Сухоруков полюбил сразу и на всю жизнь. Доставляло радость видеть, как повинуется твоим рукам громадина-станок: бешено вращается шпиндель, с тихим шелестом вьется стружка, обнажая блестящую гладкую поверхность. Легкое движение рукоятки суппорта – и на детали появляется канавка. Еще движение – и снята фаска. А вот и готовая деталь – блестящая, чуточку теплая, шероховатая на ощупь. И пусть это пока всего лишь обыкновенный болт, но ты сделал его сам, он будет применен в машине. А ведь это самая большая радость для человека – знать, что твой труд нужен людям.

О своей учебе в ремесленном Сергей Иванович вспоминает совсем немного. Учился, осваивал профессию токаря, очень старался. Что тут еще скажешь? Ни сном, ни духом не ведал тогда простой деревенский паренек, что станет когда-нибудь токарем высшей квалификации, получит звание Героя Социалистического Труда, будет уважаемым в коллективе человеком. Однако основы будущих трудовых успехов закладывались уже здесь, в училище. С благодарностью вспоминает Сухоруков мастера производственного обучения Льва Яковлевича Замского, который обучал его токарному делу, привил любовь к профессии токаря. И на заводе после окончания училища попал в хорошие руки. В цехе оснастки, куда его направили работать, мастером токарного участка был Иван Федорович Глазов – человек по характеру строгий, требовательный, но в то же время справедливый. Все объяснит, растолкует, сам, если нужно, встанет к станку, покажет новичку, как выполнять ту или иную операцию. Терпеть не мог лени и равнодушия в работе. Если уж взялся за дело, то работай добросовестно, в полную силу – так считал мастер. С Глазовым у Сергея Ивановича связано воспоминание об одном эпизоде, который сейчас кажется ему забавным, а тогда подействовал сильно. После окончания училища приехал Сергей в родную деревню на каникулы. Было много радости в семье: старший сын и брат встал на ноги, научился серьезному делу. Перед отъездом назад, в Саратов, мать Екатерина Максимовна по простоте душевной посоветовала сыну: «Ты с первой-то получки угости мастера, поднеси ему, а то обидится. Такой, говорят, порядок у городских».

Послушал... Подошел после получки к Глазову и, робея, протянул ему денежную бумажку: «Вот... возьмите... – Помолчал и добавил: – На бутылку»...

Мастер повертел в руках новенькую двадцатипятирублевку, нахмурился и сунул ее обратно в ладонь молодому рабочему. У того сердце в пятки ушло.

– Чтобы это было в последний раз! – услышал он суровый голос. – Понял? – мастер повернулся и ушел, а Сергей стоял, сгорая от стыда за свою глупость. Да и потом долго не смел смотреть мастеру в глаза. Это был урок на всю жизнь. Никогда после этого – ни в большом, ни в малом Сергей Иванович не нарушал главного завета своего отца – вести себя так, чтобы не было потом стыдно за свои поступки, слушать свою совесть.

Что же было дальше? Как удалось мальчишке из ремесленного училища вырасти в токаря высокой квалификации и успешно совмещать основную работу с активнейшей общественной деятельностью?

Передо мной на столе россыпь газетных вырезок: фотографии, очерки, заметки, рассказывающие о токаре авиационного завода С. И. Сухорукове, есть статьи и самого Сухорукова. Цифры, факты...

1963 год. За отличное качество работы Сухоруков получает личное клеймо с правом сдавать продукцию без предъявления ОТК. Ни единого случая брака в работе – ни до, ни после! В скупых газетных заметках о нем говорится, как о токаре-универсале, который берется за любую, самую сложную работу и выполняет ее блестяще, подчас виртуозно.

В 1967 году Сухоруков вступает в Коммунистическую партию, принимая тем самым на себя еще большую ответственность за результаты своего труда. В 1971 году по итогам пятилетки его награждают орденом Ленина, а в 1977-м – вторым. Чуть позже по представлению парткома и администрации завода Сухорукову присваивается звание Героя Социалистического Труда. Сухорукова избирают депутатом городского Совета, а потом и областного. Он – член бюро обкома партии, активно работает в депутатской группе. Он – также председатель совета наставников в цехе, член партбюро цеха. При этом полностью отрабатывает свою рабочую неделю, выполняя месячное задание на 140 – 150 процентов.

О делах этого замечательного человека можно говорить много, но... будем последовательны и начнем с главного.

Как известно, человек, его личность формируется под влиянием двух одинаково важных факторов – задатков, заложенных в нем природой, и среды, в которой он живет и трудится. Самый блестящий талант, попав в негод-

ную, враждебную ему микросоциальную среду, может зачахнуть, и, наоборот, самая благоприятная среда не способна воспитать личность из равнодушного, душевно тупого человека.

То, что у Сухорукова изначально был природный талант, «умные руки», как еще говорят, это бесспорно. Без этого глубинного, доставшегося от предков дара – придавать формы косной материи, мастерить – он так и остался бы одним из многих – неплохим, но заурядным работником, а не мастером, искусником, каков он есть.

Нужно увидеть хотя бы один раз, как он работает, чтобы сразу понять это.

...Громадная с полтонны весом пресс-форма закреплена на план-шайбе токарного станка ДИП-500. Внутри ее нужно обработать с высокой точностью и чистотой сложную криволинейную полость. Отработанных приемов для таких деталей не существует, точить приходится вручную, проверяя профиль шаблоном. Движения токаря неторопливы и точны. Оперируя рукоятками суппортов, он ведет резец по кривой, мало-помалу снимая припуск. Время от времени останавливает станок и промеряет профиль шаблоном. Многие часы, иногда и дни занимает работа. Ошибиться никак нельзя: деталь стоит очень дорого, в нее уже вложен большой труд рабочими других профессий. Сергей Иванович напряженно внимателен. Он с головой уходит в работу. В эти часы он не Герой Социалистического Труда, не депутат, а мастер, поглощенный делом. Это его, Сухорукова, «ловил» несколько дней на проходной известный хирург, которому нужно было выточить сложную деталь – искусственный сустав для человеческой ноги.

Рассказывают о нем и такую историю. Как-то Сухоруков задумал съездить на уборочную в подшефный колхоз. Захотелось человеку немного отвлечься от своей токарной работы, посидеть за штурвалом комбайна. Загодя прошел курсы комбайнеров, получил диплом и, отпросившись с превеликим трудом у начальства, поехал в колхоз с группой других рабочих. Встретил приезжих сам председатель колхоза и сразу огорошил вопросом: «Токарь среди вас найдется? А то наш заболел. Детали нужно сделать срочно для комбайна». Были токари, кроме Сухорукова, но становиться за станок никому не хотелось – тянуло в поле, на свежий воздух. Стоят, молчат... И тут кто-то решил пошутить, показывает на Сухорукова:

– Вот он немного умеет.

А Сухоруков к тому времени уже был Героем Социалистического Труда.

– Болты можешь точить? – спросил его ничего не подозревавший председатель.

Стоящие заулыбались. Предложить Сухорукову точить болты – все равно, что засадить академика за арифметические задачи. Но Сухоруков не стал возражать, объяснять, кто он такой, только коротко спросил:

– Сколько штук?

Элементарная деталь болт, любой ученик выточит. Однако даже в элементарном мастер остается мастером. Сухоруков вставил в патрон пруток, нажал кнопку «пуск» и приступил к работе. Уже с первых секунд по уверенным, экономным движениям, особой легкости обращения со станком, доведенной до изящества, председатель понял, что перед ним не простой токарь, а мастер высокой квалификации, ас. Может быть, где-то внутренне и раззадорился Сергей Иванович, как мальчишка, а, скорее всего, хотел побыстрее сделать партию и освободиться. Болты полетели один за другим, как с конвейера. За короткий срок Сухоруков выточил все детали, в несколько раз перекрыв нормы. С других станков подошли люди посмотреть, как работает удивительный токарь с Саратовского авиационного... Узнав, с кем имеет дело, председатель перешел на уважительное «вы», горячо поблагодарил за работу.

И ведь не удалось Сухорукову посидеть за штурвалом комбайна! Нашлась еще работа посложнее, потом еще. Так и простоял он за станком всю уборочную, позже всех вернулся на завод.

Повторим одну азбучную истину: мастерство – это вдохновение, помноженное на труд. Два процента вдохновения и девяносто восемь пота, как шутил Эдисон. Американский изобретатель жил в стране, проникнутой духом индивидуализма, отсюда такой перекос в пропорциях. Герою-одиночке, в самом деле, нужно трудиться до кровавого пота, чтобы искру вдохновения раздуть в костёр. Никто не поможет...

Тут мы переходим к разговору о втором, может быть, самом главном факторе формирования личности – среде. Не будем упрощать действительности общими фразами о том, что у нас в этом отношении все благополучно.

Далеко не все и не везде. Есть и у нас завистники, индивидуалисты и равнодушные, бывает и у нас, что талант бьется как рыба об лед, не встречая поддержки окружающих. Если бы этого не было, не стоило бы заводить разговор о Сухорукове, о той замечательной среде, которая его вырастила.

Прежде всего, о самом заводе, где работает наш герой. Это завод особенный. Он выпускает самолеты, на которых летают люди. Качество работы здесь – вопрос номер один. Разгильдяи, лодыри, пьяницы долго тут не задерживаются. Это коробку для конфет можно склеить кое-как. В авиастроении «кое-как» граничит с преступлением. Здесь на производственных сове-

щаниях у директора можно услышать вещи непонятные, например, автомобилистам или станкостроителям – что партию деталей забраковали только потому, что на контроль по оплошности не предъявлена первая деталь. Попробуй ее потом найти, первую, среди сотен одинаковых... Это на Саратовском авиационном заводе была впервые внедрена система бездефектной сдачи продукции, здесь многие рабочие имеют личное клеймо, сдают продукцию с первого предъявления.

Десятый цех, в котором работает Сухоруков, заметно выделяется среди других цехов, и, прежде всего, тем, что наиболее полно выражает коллективистский дух, столь свойственный этому заводу. Начнем с конкретного, далеко не типичного пока для жизни примера. Как говорит пословица, два медведя не уживаются в одной берлоге. И на практике она, увы, слишком часто еще подтверждается. А вот в десятом цехе есть, по крайней мере, два таких «медведя», которые прекрасно не только уживаются, но и сотрудничают друг с другом. Это Сергей Иванович Сухоруков и Павел Савельевич Шевцов. Все, что делает Сухоруков, умеет и Шевцов. Оба виртуозы в своем деле, настоящие мастера в высоком смысле этого слова. Вместе учились в ремесленном, вместе начинали работать в одном цехе и работают здесь до сих пор. И вот что замечательно – мастерства достигли оба благодаря тому, что были одновременно и друзьями, и соперниками. Дух соперничества очень органично соединился у них с духом товарищества, и появился качественно новый тип взаимоотношений, резко ускоривший рост мастерства обоих. А ведь характеры и судьбы у них разные. Сергей Иванович с большим уважением относится к Шевцову, в чем-то считает его выше себя. Не случайно, не из ложной скромности он предложил писать очерк о Шевцове. «Вот у кого биография!..» Восьмилетним мальчишкой вместе с другими жителями маленькой белорусской деревни Шевцов стоял на краю рва перед автоматами фашистских карателей. Уцелел чудом: прежде чем раздались выстрелы, кто-то из взрослых незаметно столкнул его в яму...

Глядя на этого живого, разговорчивого человека, трудно поверить, что ему пришлось пережить такое.

С не меньшим уважением относится к Сухорукову и Шевцов. Может быть, это взаимное уважение и не дало переродиться чувству соперничества, сохранив его в разумных, полезных для общего дела рамках.

Во время работы они часто ходят друг к другу советоваться, как лучше выполнить ту или иную операцию. Начальник цеха Валериан Вильгельмович Шпилевский в конце концов приказал поставить рядом их станки, чтобы не теряли зря время на хождения. Самую сложную работу обыкновенно по-

ручают Шевцову и Сухорукову, а бывало, что и одну работу делали вместе, поочередно, чтобы побыстрее изготовить деталь. Один начинает в первую смену, другой заканчивает во вторую. О них говорят, что сошлись они не характерами, а мастерством, то есть имеют много общих приемов, а если придумывают что-то новое, то делятся выдумкой друг с другом. Одинаково творчески относятся к работе. Цехи подготовки производства на всех заводах наиболее интересные с точки зрения технологической, а на авиационном тем более. Здесь сплошь да рядом приходится ломать голову над проблемой: как изготовить деталь? Штампы, пресс-формы, кокили, сложные приспособления – все это так называемое нестандартное оборудование требует при изготовлении немалой сообразительности, приходится иногда самому изобретать новые технологические приемы. Как-то еще в 1979 году цех получил задание изготовить партию пресс-форм. Детали сложные, точные и больших размеров, чистота поверхности – девятый класс, достигаемая обычно шлифовкой. Работу поручили Сухорукову и Шевцову – лучшим токарям цеха. Начали, было, точить вручную по шаблону, но получалась низкая чистота, много времени уходило на доводку поверхности. Прикинули – если так работать и дальше, то на всю партию уйдет не меньше года. Такая перспектива не устраивала токарей, и они приспособили к станку ДИП-200 механический копир. Сняли винт подачи поперечного суппорта и соединили суппорт мощным кронштейном через ролик с копиром, расположенным вдоль станины. Получился токарно-копировальный станок. Продольная подача осуществлялась, как обычно, автоматически, а поперечными перемещениями суппорта управлял копир. Эффект получился отличный: значительно повысилась чистота проточки, снизилось соответственно время на доводку поверхности. Всю партию рационализаторы сделали быстро и в допусках. После этого и другие большие криволинейные поверхности точили с помощью копира.

Позже оба придумали еще одно новшество – шлифовать криволинейные поверхности на токарном станке. Разработали и изготовили своими силами шлифовальную головку с индивидуальным приводом и установили ее па суппорте. Приспособление работало в сочетании с копиром. Смело, оригинально и эффективно! До такого решения еще никто не додумывался на заводе.

...Так и работают вместе оба токаря, учась друг у друга и в то же время оставаясь соперниками. Именно так – соперниками. Социалистическое соревнование для них не пустой звук, а живая психологическая реальность. «Есть у нас такое внутреннее соперничество друг перед другом», – объясня-

ет Сергей Иванович суть своих производственных взаимоотношений с Шевцовым. Интересное признание, свидетельствующее о благородном бескорыстии обоих. Есть тут что-то от молодеческого дружеского поединка, когда для человека гораздо важнее почувствовать себя первым, нежели показать это перед окружающими. Как далеко такое отношение к делу от зловредной язвы – показухи, разъедающей иные души!

...Мы сидим пьем чай в небольшой скромно обставленной гостиной трехкомнатной квартиры Сергея Ивановича. Стандартный сервант, стол, стулья, черно-белый телевизор, на стенах простенькие обои – вот и весь, так сказать, интерьер, никакой импортной экзотики. Простота истинно деревенская, показывающая, что живут тут нестяжатели, люди, не падкие до материальных благ. Чистота, уют...

– Сергей Иванович, какие, по-вашему, качества нужно иметь, чтобы стать хорошим токарем?

Сухоруков секунду-другую думает. Лицо его освещается короткой улыбкой и снова становится серьезным. Он неторопливо отвечает, взвешивая каждое слово:

– Смелость... сообразительность, ну, и... внимание.

– Не могли бы вы объяснить подробнее почему?

– Могу... Смелость нужна, чтобы браться за любую, самую непривычную и сложную работу, сообразительность, чтобы придумать, как ее сделать, а внимание, чтобы не допускать ошибок во время работы.

Умно сказано! Заметим, что Сухоруков назвал универсальные черты, необходимые любому человеку, желающему достичь высот в своем деле. Они нужны и ученому, и политику, и альпинисту, и пилоту. Вон он, оказывается, какой, этот скромный на вид человек!

...Мы разговариваем уже два часа, Сергей Иванович терпеливо отвечает на вопросы – коротко, немногословно, а в сторонке сидит в кресле с вязаньем в руках Мария Ивановна, его жена. В разговор она не вмешивается, только изредка помогает мужу отдельными пояснениями. Скажет два-три слова и тут же умолкает. У нее простое, неприметное лицо, и в то же время есть в нем что-то такое, что останавливает внимание. Что?..

О Марье Ивановне разговор особый. Сейчас, кажется, как никогда, начинают понимать, что семья – это живая клетка громадного организма – государства. Болезнь клеток приводит к болезни всего организма. Из склочной, раздираемой раздорами семьи никогда не выйдет подлинный сын Отечества, и исключения лишь подтверждают правило.

По мнению людей, хорошо знающих семью Сухоруковых, своими успехами Сергей Иванович во многом обязан жене – той атмосфере доброжелательности и уюта, которую она создала в доме. Мария Ивановна тоже много лет работает на авиационном заводе. Здесь ее очень уважают и как работника, и как человека. Вот что рассказывает о ней Лидия Анатольевна Белова:

«...Мария Ивановна сейчас хозяйка инструментальной кладовой, а до этого много лет клепала агрегаты самолетов. Я работала с ней в паре долгое время и могу засвидетельствовать, что работник она отличный. Есть в клепальном деле такая особенность: ручную клепку обязательно делают двое – ведущая и подручная. Одна бьет снаружи пневматическим молотком, а другая изнутри поджимает заклепку. При работе на крупногабаритных агрегатах они не видят друг друга, и поэтому ведущая должна иметь особое чутье, иначе не получится качественной клепки. Говорят, что клепальщики должны сойтись характерами. Мы с Машей характерами не сходились, но проработали вместе долго. Дело в том, что она умела создавать во время работы атмосферу, благоприятствующую совместимости характеров. Эту атмосферу, как мне кажется, постоянно, терпеливо создает Мария Ивановна и в своей семье. В их квартире всегда пахнет домом, хлебом».

Много хорошего можно услышать о Марии Ивановне Сухоруковой – что она великая труженица, минуты не может просидеть без дела, что в кладовой у нее образцовый порядок, если какого-нибудь инструмента не хватает, она заранее побеспокоится, пополнит ячейку, что с людьми она доброжелательна, приветлива, но и принципиальна тоже. А еще говорят, что есть у нее редкий ныне дар. По природе своей ненастойчивая, ненавязчивая, Мария Ивановна, если чувствует, что человек действует неправильно или что ему лучше бы поступить вот так, сумеет постепенно, так что он сам того не заметит, подтолкнуть его на правильный путь.

...Подытоживая позже общее впечатление о Марии Ивановне и суммируя его с тем, что было о ней сказано другими, я понял, что привлекло мое внимание в ее лице. В нем светилась природная, житейская мудрость, та самая, что испокон веку была характерной чертой русских женщин.

И еще немного хотелось бы сказать о душевных качествах Марии Ивановны и Сергея Ивановича. Оба – люди высокой внутренней культуры, если понимать под этим самоуважение, переносимое и на других. Хам, даже образованный, потому-то и хам, что не уважает, прежде всего, самого себя. В Сухоруковых культура чувствуется сразу, с первых минут знакомства, по многим мелочам в поведении – манере говорить и слушать, тактичности,

сдержанности... У Сергея Ивановича было много учеников. Разные ученики попадались – и способные и не очень, и трудолюбивые и с ленцой. Но никогда и никто не слыхал, чтобы Сухоруков сказал младшему по положению резкое слово, высмеял его, унизил. Если человек старается, но не умеет, то Сергей Иванович встанет к станку и покажет, как нужно сделать. О Марии Ивановне уже говорилось. Когда люди годами живут вместе, они поневоле влияют друг на друга, образуя свою специфическую атмосферу в доме, называемую обыкновенно духом семьи. У Сухоруковых этот дух добрый. У них двое детей, на которых они не жалуются. Старший работает инспектором ГАИ, младший, Юрий, недавно окончил Саратовский политехнический, институт, факультет дорожно-строительных машин. Он мастер спорта по пятиборью. Есть у Сухоруковых и внуки... Хорошая, дружная семья...

Но вернемся к производственным делам нашего героя, к месту, где он работает уже много лет.. В одном из своих выступлений Сергей Иванович как бы между прочим заметил, что ходит на работу с радостью. Поскольку пустословие и краснобайство органически чужды его натуре, то сказанному можно верить. Не будем кривить душой – пока что такое можно услышать не часто… Вряд ли будешь с радостью ходить даже на самую интересную работу, если начальник у тебя формалист, а сотрудники подсиживают друг друга.

С годами в десятом цехе образовался благоприятный психологический климат, свой стиль взаимоотношений. Здесь работают люди, не привыкшие бегать с места на место в поисках лишней двадцатки к зарплате. В цехе кроме Сухорукова и Шевцова есть немало классных специалистов, которых, как говорится, с руками оторвет любой завод. Однако работают много лет на своих местах, потому что есть в их глазах вещи подороже денег. Возьмем, например, отношения между руководителями цеха и рабочими. Валериан Вильгельмович Шпилевский работает начальником десятого цеха с 1968 года, фронтовик... Работал технологом, мастером, хорошо знает авиационный завод. Вот краткая характеристика, которую дал ему один из его подчиненных: «Технически очень грамотен, может решить любой вопрос. Требователен к себе и подчиненным, коллектив уважает его. Член партии, хороший семьянин, постоянно заботится о рабочих, об улучшении условий их труда...» Можно добавить к сказанному, что по характеру Валериан Вильгельмович человек добродушный и открытый. Если и бывает строг, то в меру. Умеет и спросить с человека, и поддержать, помочь, когда нужно. Столь же положительный отзыв можно услышать и о заместителе Шпилевского – Анатолии Прокофьевиче Федулове. Он моложе Шпилевского, но ра-

ботает в цехе дольше. Тоже грамотный специалист и хороший руководитель, заслуживший уважение коллектива.

Второй ряд взаимоотношений – между самими рабочими. Отметим сразу одну из особенностей цеха – молодежи здесь мало, работают в основном кадровые рабочие. Понятно почему. В цехе, как уже замечалось, обрабатывают очень сложные, требующие высокого профессионального мастерства детали. Это очень важный момент, кое-что проясняющий. По книжкам такие детали изготовлять не выучишься, самостоятельно, в одиночку – слишком долго, да и работа требует универсализма, умения быстро перестраиваться на новое. Вот и повелось издавна в цехе учиться «друг по дружке», как здесь говорят. Коллективным-то опытом легче. Так, Шевцов выучил Владимира Пустотина, Сухоруков – Бориса Гитермана – более молодых своих товарищей. За несколько лет оба выросли в опытных специалистов, уже имеют своих учеников.

Пустотин, бригадир комплексной бригады, по собственному выражению, до сих пор «пасется у Шевцова», а Шевцов и Сухоруков учатся друг у друга. Впрочем, об этом уже говорилось.

Секретов здесь друг от друга не таят. С умом, с приглядкой подбирают молодые кадры. Ребята из заводского технического училища, проходящие в цехе производственную практику, с первого года знают, что будут здесь работать, постепенно вживаются в коллектив. Отношение к молодым самое внимательное. Если нужно, помогут, объяснят, а то и подстегнут острой шуткой, если увидят, что ученик ленится. В бригаде, где работает Сухоруков, сложился свой стиль взаимоотношений. При самом серьезном отношении к работе здесь любят и пошутить, а иногда и побалагурить. То вывернется, этакое хлесткое словцо, то дадут кому-нибудь по случаю остроумное, но не унижающее достоинства прозвище, которое, впрочем, долго не держится...

С полгода назад образовалась в цехе комплексная бригада. В нее вошли рабочие разных профессий: токари Сухоруков, Шевцов, Пустотин, фрезеровщик Белоголовцев, слесари Тихонов и Черноусов – всего 15 человек. Бригадира выбирали сами, «тайным голосованием». Каждый написал на клочке бумаги кандидатуру и положил в общую стопку. Когда стали подытоживать результаты этого анархического голосования, то кандидатур оказалось раз-два и обчелся. Подавляющее большинство, не сговариваясь, предложили Пустотина. Пустотин – человек сравнительно молодой, есть в бригаде люди старше и опытнее. Однако выбрали именно его, потому что почувствовали в нем талант руководителя. Такое единодушие возможно лишь среди людей, которые, во-первых, хорошо знают друг друга, а во-

вторых, болеют за дело. В самом деле, Пустотин оказался очень на месте, товарищи не ошиблись в выборе. Человек он уравновешенный, приветливый, умеет создать хорошее настроение во время работы. «Не ищет легких путей в работе и умеет ладить с людьми, люди идут за ним», – как сказал о Пустотине заместитель начальника цеха Федулов.

Теперь бригада сообща выполняет заказы от начала и до конца, а заработок делится на собрании бригады в зависимости от степени трудового участия каждого и других факторов. И никто не увиливает от «невыгодной» работы, не хватается за более денежную, а в результате выигрывают все.

Обратимся теперь еще к одной очень важной сфере деятельности нашего героя – общественной. Здесь тоже обнаруживаются интересные вещи, проливающие свет на процесс формирования его личности. Сергей Иванович – член партии с 1967 года. Парторганизация цеха считается одной из лучших на заводе. Цеховые коммунисты не просто числятся в членах, как это иногда бывает, а занимают активную жизненную позицию. Партийные собрания в цехе проходят, как правило, насыщенно, без пустых слов, остро ставятся вопросы дисциплины и порядка. Вот пример, будем откровенны, пока далеко не типичный для партийной жизни. Не так давно партком завода разбирал персональное дело одного из коммунистов десятого цеха, которого товарищи предложили исключить из партии. Оказалось, что он опаздывал на партийные собрания, а иногда просто не ходил. Когда на очередном собрании его стали критиковать, и весьма резко, за недисциплинированность, он отнесся пренебрежительно к замечаниям. Товарищи возмутились и проголосовали за исключение его из партии. Партком завода, рассмотрев дело, счел возможным на первый случай ограничиться строгим выговором, признав при этом, что коммунисты проявили принципиальность.

Еще пример. Обсуждается вопрос о выполнении плана. Все вроде бы благополучно, производственный план за месяц цехом выполнен, можно ставить птичку. И вдруг с места поднимается один из кузнецов и задает собранию такой вопрос: «А почему никто не спросит меня, как коммуниста, выполнил ли я повышенные обязательства?»

Оказалось, что не выполнил... Стали разбираться почему и обнаружили причины, от рабочего не зависящие. Постановили принять соответствующие меры.

Может быть, кто-то увидит в таком поступке позерство, но в том-то и дело, что никаким позерством тут и не пахнет, как и в случае с исключением. Такая принципиальность – норма для цеховых коммунистов. С годами здесь выработался свой стиль поведения, отмеченный заинтересованным

отношением рядовых рабочих к общему делу. Немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что тон в цехе задает основной контингент кадровых рабочих, много лет работающих на одном месте. Они привыкли к цеху, любят его, им есть, чем дорожить. Неудивительно поэтому, что в десятом цехе много орденоносцев. Представим читателю некоторых из них: фрезеровщик Николай Петрович Гузлаев – награжден двумя орденами Трудовой Славы; фрезеровщик Иван Семенович Милешин – награжден орденом «Знак Почета»; токарь-расточник Анатолий Михайлович Иночкин – награжден орденом Ленина и орденом Трудового Красного Знамени, он также автор книги о рабочем классе; токарь Виктор Петрович Епифанов – награжден орденом Октябрьской Революции. Прибавим сюда Сухорукова с Шевцовым, и получится впечатляющий результат. Думается, не только в Саратове, но и на других предприятиях страны не скоро сыщешь цех с таким числом орденоносцев.

...Итак, картина окончательно прояснилась, и стало понятно, что Герой Социалистического Труда Сухоруков вырос не на пустом месте. На формирование его личности повлияли многие факторы и среди них сама атмосфера вдумчивого, творческого отношения к труду, созданная в цехе. А появиться она могла благодаря таким взаимоотношениям, когда доброжелательность к другим сочетается в человеке с требовательностью к себе. Старый, в сущности, рецепт гармонизации человеческих отношений...

Кстати, многие ли знают, что высокое звание Героя Социалистического Труда дают не только за трудовые заслуги. Одних заслуг мало. Так во всяком случае думают на авиационном. Вот, например, что говорит по этому поводу заместитель начальника десятого цеха А. П. Федулов: «Когда выдвигают кандидатуру на звание Героя Социалистического Труда, то учитывают не только профессиональные качества человека, его участие в общественной жизни, дисциплинированность и так далее, но, сверх того, обязательно и качества душевные. Человеку несимпатичному, расчетливому, сухому, даже если он очень хороший работник, у нас Героя не дадут».

Душевная широта Сергея Ивановича, его обаяние, совестливость известны в цехе всем. Когда получал свой первый орден Ленина в 1971 году, испытывал чувство неловкости перед старым товарищем Шевцовым, с которым работали на равных столько лет. Сказал ему потом с благодарностью и словно бы извиняясь: «Это твой орден, Павел». И, конечно, очень радовался, когда позже Шевцов тоже был награжден орденом Ленина.

Особенно заметно проявились душевные качества Сергея Ивановича, когда его стали выдвигать на большую партийную и общественную работу. Первое, что замечали люди, входящие с ним в контакт, – неформальное, за-

интересованное отношение Сухорукова к порученному ему делу. Как депутат городского Совета, он руководил депутатским постом на строительстве заводского Дома быта.

Первоначально дело шло медленно, туго было со средствами (дом строился в основном за счет промышленных предприятий Заводского района). Сергей Иванович добросовестнейшим образом занимался строительством – контролировал выполнение постановлений, слушал отчеты руководителей, помогал в организации работ и т. д. Трудно вычленить вклад депутата в общее дело, но в данном случае, по мщению многих, он был очень и очень заметным.

Позже по предложению Сухорукова был создан депутатский пост и на строительстве профилактория для работников авиационного завода.

Избиратели охотно идут к нему на прием, потому что Сухоруков доброжелателен к людям, близко к сердцу принимает их просьбы и, главное, действует. Он использует все права и возможности депутата, готов пройти все необходимые инстанции, только чтобы помочь человеку, не вызвать у него разочарования в представителе Советской власти.

Большое внимание Сухоруков уделяет молодежи. Он – председатель совета наставников в своем цехе, постоянно имеет учеников, которым передает свой профессиональный опыт, и подготовил таким образом уже несколько десятков квалифицированных специалистов.

Иногда Сухорукова приглашают в его родное училище авиационного завода выступить перед очередным выпуском учащихся, сказать им напутственное слово. К этим выступлениям он относится с не меньшей серьезностью, чем к своим рабочим заданиям и депутатским обязанностям. Сам становится за станок и изготовляет в присутствии молодых рабочих какую-нибудь деталь. Одну из таких встреч в свое время показало саратовское телевидение. Телезрители вместе с учениками на экране получили возможность увидеть мастерство токаря с авиационного завода, убедиться, что не зря он носит звание Героя Социалистического Труда...

Нередки, к сожалению, случаи, когда человек, оказавшийся «на виду», о котором много говорят и пишут, начинает портиться характером, становится заносчивым, чванливым.

Не зря говорит древняя мудрость, что испытание славой – самое трудное для смертного. Человек может пройти сквозь любые невзгоды, выдержать тяжелые испытания, проявить героизм и... не выдержать испытания славой.

Нужно иметь очень прочное духовное ядро, серьезно и вдумчиво относиться к жизни, чтобы, выделившись среди себе подобных, своих же товари-

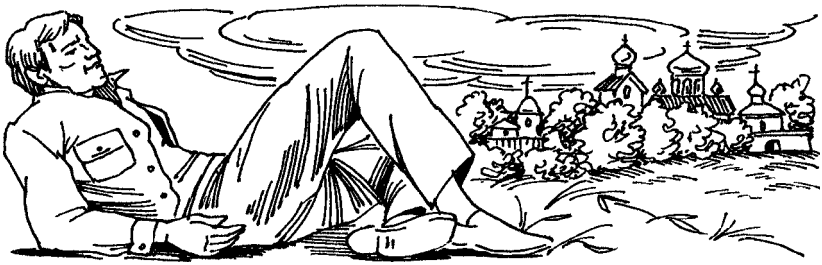
щей, сохранить внутреннее чувство равенства с ними, никак, ни малейшим штрихом не подчеркивать своего превосходства. Вот эта черта характера, пожалуй, самая замечательная и приятная в Сергее Ивановиче Сухорукове. Высокое общественное положение, как уже говорилось, лишь удостоверило и еще больше выявило его человеческую сущность, но вряд ли в чем-нибудь изменило, разве что увеличило в нем чувство личной ответственности. Внутренне, по душевному своему существу, он так и остался рабочим человеком – простым в обращении, отзывчивым и внимательным к людям.

«Моих рабочих обязанностей никто с меня не снимал», – отвечает он на вопрос, как ему удается совмещать основную работу с большой общественной нагрузкой. На практике это выглядит так, что в любое время его могут отвлечь на какую-нибудь общественную или партийную работу: то нужно съездить в обком, то выступить перед школьниками, то разобраться с письмом избирателей. Дел много, и каждое требует внимания, энергии, времени. Он ходит, разбирается в вопросах, выступает. Не отказывает никому. И снова яркая черта личности – своего свободного времени на все эти дела Сухоруков не жалеет, а вот рабочее жалеет. Все, что не успел сделать из-за отлучек в рабочее время, доделывает после работы, а иногда и до. На проходной не удивляются, увидев Сухорукова, идущего на завод часов, скажем, в пять утра. Это значит, что на станке стоит срочная деталь, которую нужно доделать сегодня. Ведь мог бы опытный токарь за счет мастерства наверстать упущенное, выполнить план, взяв работу попроще. И начальник цех, и товарищи поймут. Но он так не может, потому что не привык перекладывать ответственность на плечи других, и еще потому, что просто выполнить план ему мало. Положение обязывает. Он депутат, избранник народа и должен оправдывать свое высокое звание и как рабочий. Вот что он сказал по этому поводу в одной из своих статей: «Полностью согласен с депутатом Московского городского Совета В. Ф. Легковым, который видит высокий долг народного избранника прежде всего в том, чтобы отлично работать самому...» На деле это означает регулярное выполнение месячных планов на 130 – 140 процентов, при этом следует учесть, что Сухоруков делает, в основном, сложные детали и с высоким качеством. А вот и последний, весьма показательный итог – на XXVII съезд партии Сергей Иванович уехал, выполнив свою личную пятилетку за три с половиной года.

Но не только в хорошей работе проявляется у Сухорукова чувство долга. Проявляется оно и в его активной жизненной позиции. Всегда доброжелательный и отзывчивый в обращении с людьми, Сергей Иванович становится тверд, когда дело касается принципов. Ныне авиационный завод находится

в трудном положении: не выполняются плановые задания по ряду технико-экономических показателей, что вызывает серьезное беспокойство у коммунистов завода. Обеспокоен этим и Сухоруков. 19 марта 1985 года газета «Социалистическая индустрия» опубликовала его статью «Рваные ритмы второй смены», посвященную этой проблеме. В ней Сухоруков остро, с указанием конкретных фактов и фамилий ставит вопрос о причинах простоев дорогостоящего оборудования на заводе, что, по его мнению, совершенно недопустимо. Статья оказала положительное воздействие. Позже на заводе состоялось расширенное заседание заводских руководителей и коммунистов с участием представителя от министерства авиационной промышленности, на котором обсуждалась эта статья, рассматривались конкретные решения проблемы, предложенные Сухоруковым.

...Человеческая душа – это вселенная, утверждает восточная мудрость. Полностью понять, а тем более описать ее невозможно. Да и надо ли? Не очень-то приятно человеку видеть себя со стороны, препарированным до атомов. Здесь дан лишь абрис, приближенный образ глубокой и интересной личности, какой в действительности является Сергей Иванович Сухоруков. Хотелось бы подчеркнуть главное. Есть люди, которые живут только для себя, отнимая физическую и нервную энергию у других, а есть люди, которые излучают свет. Они творят жизнь. От них тепло на этой земле. Об одном из таких людей и написан этот очерк.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФЁДОРОВСКОГО ИДЕАЛА

Бывают в человеческой судьбе пороговые моменты, когда у человека появляется тревожное ощущение неистинности образа жизни, который он ведет. В силу определенной психологической инерции он еще продолжает оправдывать себя тем, что многие так живут, что есть ошибки и просчеты, которые можно устранить, не меняя образа жизни в целом. Но нет, чуткий индикатор – совесть, или у тех, кто попроще, инстинкт самосохранения, не дают покоя, исподволь размывая доводы ума, подталкивая к выводу, что неверен именно образ жизни и, если не изменить его, то рано или поздно произойдет катастрофа. Возникает мучительная ситуация выбора – либо закрыть на все глаза и плыть по течению, надеясь на авось, либо произвести переоценку ценностей, поставить какие-то новые цели и начать жить по-новому.

В единичном находят отражение законы всеобщего. Пороговые ситуации со сходными симптомами случаются не только в жизни отдельных людей, но и в жизни человеческих сообществ. На языке чувств такие ситуации описываются шекспировским «какая-то в державе датской гниль», на языке науки – понятием «энтропия». Разрываются традиционные положительные связи между людьми, размываются границы между добром и злом, растет хаос в материальной и духовной сферах.

Согласно одному из положений кибернетики, поглощение информации системой приводит к росту в ней энтропии, если при этом не производится упорядочение информации внутри системы. Любое человеческое сообщество с этой точки зрения можно интерпретировать как эволюционирующую систему, которая поглощает и упорядочивает информацию. Но упорядочение возможно лишь при наличии у системы некоторого главного руководящего принципа, который есть не что иное, как цель, ради которой она суще-

ствует. Цель же тождественна понятию идеала, то есть не существующего пока в наличности совершенного состояния, к которому стремится эволюционирующая система. Отсюда следует, что рост энтропии в системе, если его не удается остановить испытанными, привычными средствами и он начинает носить прогрессирующий характер, свидетельствует о несоответствии ее главной целевой установки новому, более сложному состоянию, то есть говорит о девальвации идеала.

Можно привести сколько угодно примеров из истории, когда в период смут и брожений появлялась яркая личность, ставила новые цели, сплачивая вокруг себя единомышленников, и, спустя некоторое время, на месте старой, разложившейся системы возникала новая, способная к успешному саморазвитию.

Так две тысячи лет назад на окраине раздираемой жестокими противоречиями Римской империи зародилось христианство – учение о воскресении мертвых, явленное миру одной из самых мощных и загадочных личностей человеческой истории – Иисусом Христом. Языческому идеалу смертоносного и тленного царства земного был противопоставлен идеал Царствия Небесного, идеал любви и вечной жизни. Этот новый идеал оказался настолько притягателен, а его проповедники настолько деятельны и самоотверженны, что в течение четырех последующих веков христианская вера сумела охватить собой множество разных, не похожих друг на друга народов. Успех христианского вероучения современная историческая наука чаще всего объясняет уныло-прагматично, причинами социальными, политическими и пр., оставляя при этом без должного внимания его психологическую, душевную основу. Между тем, она-то и имеет решающее значение в данном случае.

Человек – существо смертное, причем не только смертное, но и остро сознающее свою смертность, видящее жизнь как конечность. Никому из наших братьев меньших знание смертности не дано с такой беспощадной ясностью. Это – доминанта огромной силы в человеческой душе, с ранних лет травмирующая ее, определяющая ее дальнейшее формирование, поведение человека в жизни. Никогда, ни на одну минуту, человек не забывает о том, что он смертен, атеист он или верующий. Можно сказать, что и религиозное и атеистическое сознание в равной степени ориентированы на смерть, только одно сознательно, второе – бессознательно, выражаясь в соответствующем образе жизни. Евангелие поставило целью спасение целостной человеческой личности в ее полном телесно-духовном составе, а не только души или безличного духа. Это был огромный шаг в развитии рели-

гиозного идеала, позволивший значительно приглушить мучительную доминанту. Он отвечал сокровеннейшим личностным чаяниям души и потому-то обеспечил не только внешнюю, но, что гораздо важнее, внутреннюю победу христианства над языческими и мистическими верованиями.

Однако в процесс дальнейшего идеологического наступления церкви действие христианского идеала стало постепенно ослабляться и имело своим результатом эпоху Возрождения, которая, в свою очередь, положила начало гуманистической цивилизации. Христианство и гуманизм, эти две великие противоборствующие системы взглядов, оказали огромное воздействие на европейскую, а через нее и на мировую историю, фактически определили нынешнее состояние мира. Чрезвычайно важно поэтому разобраться в глубинной природе их конфликта и выявить сильные и слабые стороны обеих систем.

Как известно, эпоха Возрождения явилась переломным моментом в христианской истории. В недрах католичества с его суровой идеологией противопоставления небесного земному, духовного плотскому стал зарождаться новый круг идей, связанный с именами первых итальянских гуманистов – Петрарки, Манетти, Поджо, Салютати и других мыслителей раннего Возрождения.

Смысл их творчества состоял в том, что они обратились к человеку, этому червю земному, по католическим понятиям, воспевая красоту его тела и души. То было лишь начало, нашедшее мощное продолжение в творениях Микельанджело, Рафаэля, Леонардо да Винчи, целого созвездия блистательных апостолов гуманизма. Новое движение захватило многие европейские страны и дало импульс для более крутого поворота в ходе истории – эпохе Просвещения. Просветители сделали главной целью своего творчества резкую переориентацию сознания с небес на землю. Философия, художественная литература, театр, музыка, живопись вовлекались в создание идеала человека прометеевского типа, активно познающего и подчиняющего себе мир. Гуманистический идеал оказался не менее притягателен, чем в свое время христианский. Он призывал к созданию рая на земле, противопоставляя его статичному и бесплотному идеалу христианского рая.

Гуманистическое мировоззрение во всем его охвате и многомерной сложности решительным образом повлияло на ход истории. Великие географические открытия, социальные революции, приведшие к образованию правовых государств, расцвет наук, искусства, литературы, становление капитала, а с ним и промышленного производства и, наконец, научно-техниче-

ская революция XX века – все эти и другие подобные события были вдохновлены идеалом самоутверждающегося человека, активного созидателя царства земного.

Мы, наследники гуманистических идей, переживаем сейчас уникальный исторический момент, не имеющий аналога в прошлом, когда человечество вследствие небывалого развития технологии и средств массовой информации превращается в единую систему, отдельные части которой уже не могут существовать автономно. На наших глазах формируется системная целостность – человечество. Ведущая роль в ней принадлежит странам, чей нынешний образ жизни сформировался под влиянием гуманистических идей, и теперь им заражаются народы Азии, Африки, Востока. Казалось бы, сбылись вдохновенные мечты гуманистических мыслителей, их идеал победил, и должна наступить «эра света». Увы, то, что творится сейчас на планете, никак не подходит под это определение. Цивилизация наша находится в крайне возбужденном, неуравновешенном состоянии, близком к опасному пределу. Можно назвать два самых общих глобальных процесса, которые, если их не остановить, приведут уже в недалеком будущем род человеческий либо к гибели, либо к вырождению. Это – разрушение культуры и разрушение природной среды. Они взаимосвязаны и в равной степени подрывают материальную и духовную основы человеческого существования. Девальвируются создававшиеся веками моральные ценности, такие, как порядочность, честь, милосердие, любовь к родине, культивируется потребительское, хищническое отношение к природе и в результате природа деградирует вместе с человеком. Причины кризиса западной культуры еще до войны анализировал Альберт Швейцер. А теперь оба процесса стали грозной реальностью и для нашей страны.

Особый разговор об угрозе войны. За несколько лет второй мировой войны было уничтожено на фронтах и замучено в концлагерях несколько десятков миллионов людей. Это, может быть, и не означает, что люди стали более жестокими, чем раньше. Просто в их руках оказалась гораздо более мощная военная техника, а в головах соответствующие этические установки, не признающие во враге человека. И то и другое могло возникнуть только на путях гуманистической цивилизации. Когда-то одной из папских булл был запрещен арбалет, как антихристианское (теперь сказали бы «антигуманное») оружие; великий завоеватель Тимур Тамерлан приказал казнить изобретателя способа борьбы с боевыми слонами противника – доски, утыканной гвоздями. Ныне нравственным прогрессом считается запрещение оружия, способного уничтожить жизнь на целой планете. Этим гордятся, как

большим достижением. Между тем, подобное оружие в условиях христианской цивилизации, видимо, не могло бы появиться...

Все эти события и факты заставляют думать, что наступила пороговая ситуация, но уже не просто в жизни отдельных народов, а в жизни человечества в целом.

Как же оценивают ее лидеры современного мира – философы, деятели культуры, ученые, политики, на которых с надеждой взирают народы? События последних лет, многочисленные выступления и статьи на эту тему, к сожалению, убеждают в том, что многие из них и на Западе, и у нас находятся во власти той самой психологической инерции, о которой говорилось выше. Считается, что образ жизни в принципе верен, что человечество идет по пути прогресса, что будущее за гуманистической цивилизацией, способной преодолеть кризис, возродиться и превратить землю в цветущий сад. Сам же кризис чаще всего объясняют системными, так сказать, неполадками, вызванными переходом человечества на качественно более высокий уровень – несовершенством экономических систем, идеологическими разногласиями, заставляющими вооружаться, недостаточной эффективностью прикладной науки, наконец, действием неких изначально злых сил – всякого рода врагов рода человеческого. Те, от кого зависит спасение планеты, в чьих руках власть, и, что еще важнее, творческая элита, способная управлять человеческими душами, еще не поняли, что время гуманистической цивилизации истекло на часах истории и наступила историческая ситуация фундаментального выбора наподобие той, что привела в свое время к переходу от язычества к монотеизму и появлению христианства. Что человечество, по крайней мере, в числе стран гуманистической ориентации, оказалось перед необходимостью переоценки ценностей и поиска нового пути.

Между тем существует точка зрения, позволяющая обнаружить корень всех нынешних бедствий и предложить этот новый путь.

Это точка зрения тех, кто достаточно глубоко проникся федоровским видением мира. Мысли, которые будут высказаны далее, непосредственно Н. Федорову в такой форме не принадлежат, но они вытекают из самой сущности его мировоззрения.

Одним из основных в федоровской системе взглядов является понятие о природном порядке существования, основанном на вытеснении, борьбе, смерти. Любое живое существо в системе природы является одновременно и едоком и чьей-нибудь едой. Это биологический факт, являющийся основой биогеоценоза, факт сугубо частный, относящийся к ведомству специальной науки и лишенный, как будто, общенаучного значения. Но почему

Федоров отводит ему такое исключительное место в своей философии, чего до него не делал ни один философ? А потому что Федоров, прежде всего, натуралист, эволюционист, а не метафизик, как иногда о нем ошибочно думают. Классические понятия философии Нового Времени – Бог, природа, человек – для него в раздельности не существуют. Коль скоро человек вышел из природы в процессе биологической эволюции, то природный порядок становится одним из ключей к пониманию его сущности. Ход рассуждений тут, в сущности, достаточно прост. Природный порядок сопряжен с телесными страданиями и страхами живых существ, ибо все живое обладает уникальной в материальном мире способностью чувствовать. Если ты не убьешь, то тебя убьют – такова доминанта природного закона. Поэтому естественно, что за миллионы лет эволюции этот закон выработал у животных необходимые для выживания инстинкты и эмоции, среди которых ведущее место принадлежит эгоизму, безжалостности, злобе, воле к господству и прочим подобным вещам. Животным неизвестно чувство сострадания к слабому, а элементы внутривидовой «этики», наблюдаемой даже у хищников, носят бессознательный характер и порождены, надо полагать, естественным отбором в интересах сохранения вида. Это всего лишь формы проявления прочно закрепленного отбором инстинкта сохранения вида – не более того.

Человек как последнее звено в цепочке высших животных несет в себе тяжкий груз этих эмоций и инстинктов и других, более древних, более ужасных, идущих от эволюционно низших «предков» и проявляющихся в виде всякого рода физиологических или психических патологий, хорошо известных специалистам.

Человек воистину дитя природы, но дитя очень странное, ибо свет, горящий в нем, никак не объяснить, оставаясь в рамках одной только биологии. Биосфере человек был... не нужен. К такому вполне парадоксальному выводу подталкивает наше время невиданного покушения на природу. Поставлен как бы глобальный эксперимент, в ходе которого методом исключения определилась положительная ценность всех животных, вообще всех компонентов биосферы, кроме венца ее творения – человека. Ведь исчезновение любого вида животных или растений или сложившихся ландшафтов, так или иначе, отрицательно сказывается на состоянии Земли в целом. Но исчезни вдруг с ее лица человек – планета облегченно вздохнет. Жестокий вывод вытекает из системной логики: человек для биосферы бесполезнее птицы, пчелы, червя, любой живой твари, выполняющей свою маленькую функцию в биогеоценозе. Не потому ли идеальным для природы был патриархаль-

ный человек, сливавшийся с ней, ничего ей не дававший, но хотя бы бравший в меру?

Трудно, однако, после драматических тысячелетий исторического процесса, величайших взлетов человеческого духа и ужасных падений согласиться с таким выводом, сочтя человека тупиковой ветвью эволюции, как думают некоторые пессимисты – последователи дарвиновской концепции тахогенеза, то есть развития путем случайных мутаций. Скорее всего, в тупик зашла научная мысль, руководимая ложной идеей, и самое время сейчас вооружиться истинной. Видимо, неслучайно в современном научном сознании все больше утверждается незаслуженно забытая в свое время ровесница и антипод дарвинизма – теория направленной биологической эволюции, разработанная последовательно в трудах Дана, Тейяра, Л. Берга, Вернадского, Любищева и других ученых. Согласно этой оптимистичной, подтверждаемой многими научными фактами теории, человек представляет собой качественный скачок в эволюционном процессе цефализации, то есть направленного, идущего миллионы лет усложнения мозга и нервной системы живых существ. Отрицательное отношение к этой научной идее объясняется, видимо, тем, что она имеет заметно выраженную телеологическую окраску, что роднит её с религиозной концепцией творения, чуждой духу гуманистической науки. И в самом деле, достаточно встать на позиции теории цефализации, как сам собой напрашивается вывод, что сознание, воля и творческий дар, которыми наделен человек, явились не как текущие потребители эволюции вроде крыльев, клыков или когтей, а по какой-то иной, гораздо более сложной причине. А это, в свою очередь, может означать, что человек не есть результат слепой эволюционной игры, а возник с какой-то далекой целью, которую невозможно обнаружить, исследуя природу лишь как данность, что его необычные и явно опасные для природы качества принесены издалека и носят только по видимости противоприродный, а по сути сверхприродный характер.

Но почему бы не допустить подобный сюжет в бытии великого Неизвестного, именуемого универсумом, тем более что он косвенно подтверждается, по крайней мере, двумя удивительнейшими способностями человека, которым, сколько ни ищи, не найти аналогов в животном царстве? Это способность к идеалотворчеству, к восприятию идеального и способность к нравственному переживанию насилия и смерти, вообще всего, что на человеческих языках определяется понятием «зла». Тем, кто хотел бы считать человека всего лишь высокоразвитым говорящим животным, следует поразмышлять над таким вопросом: почему упомянутые способности были бы

не только бесполезны, но вредны и губительны для животного стада, в то время как утрата их в человеческом сообществе неизбежно приводит его к деградации и последующей гибели?

... Так или иначе, но наличие в человеке природной, животной основы и новых сверхприродных качеств сделало его существом дуалистическим и оттого особенно трагичным. Мы знаем, в чем состоит трагизм человека – в конфликте природного со сверхприродным. В процессе социальной эволюции сверхприродные качества породили особый уклад отношений между людьми – культуру. Очень точное функциональное определение этому, немыслимому в животном царстве феномену дал упомянутый выше Альберт Швейцер.

«Культура, – говорит он в своем труде «Культура и этика», – это материальный и духовный прогресс как индивидов, так и сообществ, состоящий в смягчении борьбы за существование. Понятно, что задача эта, выполняемая культурой, противоречит природному порядку, основанному как раз на борьбе за существование».

Таким образом, уже на ранних ступенях исторического процесса возникло противоборство двух разных сил – сил культуры, духа и сил природных. Силы природного порядка стремились сделать из человека зверя, силы культуры в идеале – ангела. Противоборство этих двух сил лежит в основе социальной эволюции, порождая бесчисленное разнообразие исторических картин. Возьмите любую эпоху, исследуйте любой исторический эпизод, и вы обязательно обнаружите в них причудливое переплетение сил звериных и сил ангельских. Более того, и это еще важнее, заглянув в человеческие души, вы и там обнаружите борьбу разных групп сил. В тончайших нюансах она отображена в произведениях великих писателей от Гомера и греческих трагиков до Толстого и Достоевского.

Человек, таким образом, по изначальному устройству своей души есть звероангел, как собственно и понимали его наиболее глубокие мыслители. Разница между отдельными людьми, независимо от их расовой, национальной или религиозной принадлежности, состоит в том, что в одних больше звериного, животного, в других – духовного, ангельского, и нет такой теории, которая могла бы точно объяснить, чем определяется в каждом конкретном случае это соотношение. Есть калигулы и гитлеры, и есть серафимы саровские; есть жесточайшие эгоисты, и есть благороднейшие альтруисты, а есть еще великое множество промежуточных психологических типов. Приведенный взгляд на человека не составляет открытия для гуманитария, но им до сих пор пренебрегают ученые-естественники. Открытый гумани-

тарным опытом дуализм души они понимают всего лишь как метафору, удобное упрощение, а в своей исследовательской практике, о чем будет сказано дальше, используют монистическую модель человека, глубоко ошибочную в самой своей основе.

Говоря о дуализме человеческой души, нельзя, разумеется, понимать его буквально, то есть как арифметическую сумму двух начал. Звериное и ангельское в человеке скорее подобны полюсам земного шара. Они далеко разнесены друг от друга и в то же время образуют некую сложнейшую цельность, именуемую душой. Именно арифметическое понимание человека как суммы земного и небесного, из которой можно и должно вырвать земное, определило жесткий характер католической идеологии и подготовило тем самым пришествие гуманистического мировоззрения. Идеалом европейского средневековья долгое время был монах, подвижник, победивший в себе греховную плоть. Но акт, который могли произвести над собой отдельные исключительные личности, возможно, эволюционно более совершенные, оказался неосуществим в отношении всего широкого спектра личностей. Невозможно представить себе всех людей на земле подвижниками или монахами, отрекшимися от всех чувственных радостей и целиком посвятивших себя Богу. Заметим, что в Евангелиях Христос нигде не проявляет в личном поведении такого радикализма. Он не гнушается простых, естественных чувств – радуется, плачет, негодует, ест, пьет вино на празднике в Галилее.

Гуманистическое мировоззрение, как это принято понимать, явилось реакцией на католическое насилие над человеком. Не случайно Возрождение началось в Италии – родине апостольской церкви. Но гуманизм в результате внесенных в него искажений впал в другую крайность. Особенно хорошо это видно, если сравнить начало и финал процесса. Первоначально в виде идей раннего Возрождения он как бы пророс сквозь христианство, оба идеала долгое время сосуществовали на равных в европейской культуре. Живое, деятельное отношение к жизни, умножение ее красоты и комфорта, развитие наук и искусств успешно совмещалось с верой в спасение души. XV–XIX века дают нам образы философов, художников, ученых, достаточно гармонично сочетавших в себе оба идеала.

Но в процессе эволюции гуманизма, уже в эпоху Просвещения, стало набирать силу радикальное направление, связанное с именами Гельвеция, Макиавелли, Ламетри, Дидро, Гольбаха, Спинозы, Вольтера и других мыслителей, вошедших в историю под названием вольнодумцев. Если католичество противопоставляло небесное земному, они впали в другую крайность – про-

тивопоставили земное небесному. Первые гуманисты прославляли благородство человека как творения Божия, освобождая его от католического унижения. В трудах радикально настроенных просветителей звучат совсем иные, резкие ноты, делаются недопустимо широкие обобщения, по сути своей снова принижающие человека. Дидро, например, считал себялюбие важнейшим мотивом поведения людей, Гельвеций сводил все чувства к эгоистическому началу, а Ламетри утверждал, что человека отличает от животного лишь большее количество потребностей и большее количество ума. О развращающей социальной философии Макиавелли говорить уже не приходится: ее яды отравили не одно поколение политических и общественных деятелей.

Трудно просчитать влияние идей на ход реальной жизни, в которой действует множество взаимосвязанных процессов, но, видимо, оно все-таки велико. Так или иначе, но деформация первоначального гуманистического идеала есть факт, непреложный в европейской истории. В сфере социальной она породила фигуру безжалостного капиталиста-эксплуататора, хищного банкира, неразборчивого в средствах политика, в сфере науки – ученого, для которого природа, выражаясь базаровским определением, не храм, а мастерская, а, точнее, бездушная машина, в которой он имеет право копаться, удовлетворяя свое тщеславие. Персонажами подобного рода полна европейская литература XIX века. Наиболее опасным этот человеческий тип оказался для науки, ибо ей суждено было стать силой, не только преобразующей планету, но и формирующей сознание. Вот, например, красочное его описание, данное Гофманом в его «Маленьком Цахесе»:

«Перестань, – воскликнул Валтазар, – прошу тебя, перестань! Манера этого профессора говорить о природе разрывает мне душу... Вернее, речи его наводят на меня такой ужас, словно передо мной сумасшедший, который в своем фатовском безумии вообразил себя королем-властелином... Его так называемые эксперименты кажутся мне гнусной насмешкой над божеством, чье дыхание, ощущаемое нами в природе, будит самые глубокие и самые священные порывы в сокровеннейших глубинах нашей души. Меня часто так и подмывает разбить его склянки и колбы, раскидать все его причиндалы, но я понимаю, что эта обезьяна все равно не перестанет играть с огнем, пока не обожжет себе лапы...».

В работах многих современных ученых настойчиво внушается мысль, что человек не имеет ничего такого, чего хотя бы в зачатке были лишены животные. Сознание, ум, совесть, язык, этика – все это есть и у животных, а способность человека к идеалотворчеству, на которую, как на аномалию, обращали внимание еще мудрецы древности, как будто и не замечается.

А ведь именно она является основой формирования любой культуры, красноречиво свидетельствуя о дуализме человеческой природы. Любопытно, что такой яркий представитель монистического понимания человека, как Фрейд, автор инстинктивистской социальной теории, не сумел объяснить глубинных причин, заставляющих людей образовывать объединения, именуемые культурами. «Процесс культуры, – пишет он, – является делом эроса, который стремится объединить отдельных индивидов, затем семьи, затем племена, расы и нации в один большой союз – в человечество. Почему это должно быть так, мы не знаем (курсив мой – О. Л.). .. Сама по себе одна необходимость и преимущества совместного труда не могут удержать людей вместе. Природный инстинкт агрессивности, заложенный в человеке, враждебность каждого против всех и всех против каждого противоречат программе цивилизации...» (З. Фрейд).

Новое усекновение человека неизбежно должно было привести мировоззрение гуманизма к новому кризису, который достиг апогея в нашем XX веке.

Картина получается приблизительно такая. Появившийся отнюдь не случайно, не в результате слепой игры природных сил, а имея какое-то высшее назначение в мироздании, человек вместе с сознанием и волей получил колоссальные, скорее всего, потенциально беспредельные творческие способности. Религиозные эпохи не давали им широко выплеснуться во внешний мир, ограничивая сферой творчества идеала, то есть религиозным творчеством. Гуманистическая цивилизация высвободила их для активного преобразования мира, но не поставила при этом перед человеком высшего идеала, который мог бы явиться тем принципом упорядочения, который необходим для плавного развития любой самоорганизующейся системы. А человеческое общество в значительной степени, хотя и не полностью, именно такая система. Человека обоготворили, объявили самоцелью. Принцип служения высшему долгу был заменен принципом самовыражения, а раз так, то право на выражение получила и низшая его природа. Творчество расплескалось вширь, во все стороны, порождая в науке опасные, как бы не ко времени пришедшие открытия, а в сфере культуры – духовный ширпотреб: массовую культуру, не облагораживающую, а опошляющую человеческую душу. В среде ученых и деятелей культуры широко распространилась мелочная, торгашеская мораль, освобождающая автора от ответственности за отрицательные духовные и материальные последствия своей деятельности. Возникла ситуация, когда, по определению Маркса, культура, вышедшая из берегов, становится разрушительной силой. Так были изобретены жуткие

средства убиения людей, появилась порнографическая литература, философские системы, пропагандирующие отчуждение людей друг от друга, культ сильной личности и прочие формы воспитания звериных качеств, – всей этой духовной отравы в избытке дала западная цивилизация XIX–XX веков. В итоге – две разрушительнейшие мировые войны и угроза третьей. Явилась миру воистину сатанинская фигура человекобога, обуянного жаждой самоутверждения. Самое же главное – у людей стала чахнуть способность к идеалотворчеству, к восприятию идеального. В умах восторжествовал мещанский идеал будущего механизированного мира комфорта и наслаждений.

Под воздействием извращенной гуманистической доминанты находится пока меньшая часть человечества, но именно она своей безудержной деятельностью во имя этого идеала породила экологический кризис, привела к разрушению извечных духовных ценностей. Что же произойдет, если и остальные три четверти населения планеты проявят такого же рода активность? Ответ ясен – будет катастрофа. Биосфера, при всем огромном запасе ее прочности, не в состоянии выдержать деятельности шести миллиардов разбушевавшихся человекобогов. Многие ныне надеются на спасительную силу науки: закончится, де, всемирная компьютеризация, и проблемы начнут решаться автоматически. Сомнительны эти надежды. Как мы уже знаем, в силу утраты многими современными учеными нравственных целевых установок на каждую бочку научного меда приходится такая же бочка с дегтем. Да, может быть, и удастся с помощью сверхумных машин найти способ восстановить озоновую броню вокруг Земли или создать универсальную безотходную технологию. Создать, а потом погибнуть от какого-нибудь смертоносного вируса, нечаянно вырвавшегося из секретной лаборатории.

Таким образом, само течение событий подталкивает нас к выводу, что настало время фундаментального социального выбора – по крайней мере, для тех стран, чьи исторические судьбы связаны с европейской гуманистической цивилизацией. Либо продолжать жить дальше под знаком гордого, самоутверждающегося человека и, в конце концов, погибнуть или, в лучшем случае, уйти с арены истории, либо поискать какой-либо другой идеал.

Пока эта мысль маячит лишь в отдельных головах и еще не стала достоянием общественного сознания. Пока еще ищутся способы спасения на прежних, уже проверенных и не выдержавших испытания временем путях. Можно, например, создать всемирное общество унифицированных человекоединиц, послушных централизованной руководящей воле, наподобие изображенного в фантастическом романе Е. Замятина «Мы», или превратить

человечество в стадо «добродушных идиотов, греющихся на солнце», каким его изобразил в своих мрачных пророчествах о будущем Эрнест Ренан. Оба варианта по видимости совсем разные, внутренне одинаковы и являют собой антитезу апостольскому «духа не угашайте!» Устранить драму человека погашением в нем Духа, превратить в домашнее животное – вот их суть. Убогие и, в конечном счете, неосуществимые решения, ибо противоречат главному вектору эволюции!

Необходимо все-таки понять, что биологическая эволюция имеет направленность от низших форм к высшим, и не случайно на определенном ее этапе появилось дуалистическое существо – человек, корнями своими связанное с природой, землей, а духом рвущееся к небесам. Религиозное сознание чутко уловило этот дуализм, но поняло его метафизически, то есть, как извечную, от Бога данную разорванность, устраняемую только со смертью. Гуманистическая же наука, отрекшаяся от религиозного опыта, не дала развития идее. Даже такой проницательный ум, как В. И. Вернадский, высоко ценивший опыт религиозных эпох, оставил без внимания его главное открытие.

Между тем возможно вполне научное объяснение человека, как существа временно дуалистического, своего рода амфибии, появившейся в результате эволюционного скачка и принадлежащей сразу двум средам – видимой и невидимой (но чувствуемой). Отсюда и трагизм человеческого существования, и жажда благороднейших душ преодолеть его. Ведь скачок в развитии всегда вызывает нарушение равновесия, дисгармонию, на устранение которой требуется время.

В соответствии со своей двойной сущностью человек имеет и две несводимых друг к другу группы потребностей – низшие, биологические потребности, унаследованные от природы и необходимые для выживания, и высшие – потребности Цели. Конфликт между ними просто неизбежен, как неизбежен он между двумя людьми – животного и духовного типа, вынужденных волей обстоятельств жить вместе. Как неоднократно уже показывала история и индивидуальный опыт, этот конфликт нельзя разрешить путем насильственного подавления одного из начал.

Необходимо, следовательно, создать идеал, который бы соответствовал дуалистической сущности человека. Этот идеал должен быть страшно далеким, вынесенным за все мыслимые исторические эпохи, чтобы он мог создавать постоянную, неослабевающую тягу движения. А для этого он должен быть чрезвычайно трудно осуществимым. Он должен быть эмоционально притягательным, значит обещать не просто человеку, а каждому человеку разреше-

ние мучительной антиномии в далеком будущем. Он должен быть при этом не отчетливо ясным, как скульптура, но окутанным ореолом тайны. Средства и пути его достижения должны содержать момент неопределенности, чтобы исключить возможность появления в будущем всякого рода спрямителей – дуче и вождей с их тупыми и жестокими методами муштры и маршировки. Путь к нему будет тогда напоминать течение реки с излучинами, порогами, плесами и прочими неожиданностями, то есть предоставит простор для социального творчества. Он должен умиротворить обезумевшую ныне человеческую душу и в то же время наполнить ее энергией действия. Он должен покончить с нынешним моральным релятивизмом, определив, хотя бы в самых общих чертах, что есть добро и что есть зло, иначе будет невозможно построение этики, а с ней и культуры. Он должен, наконец, иметь хорошую родословную, а не быть безродным выскочкой, продуктом какого-нибудь самонадеянного ума.

Сколько бы мы ни искали в сокровищнице человеческого духа, мы не найдем в ней этого идеала в готовом виде, а обнаружим лишь отдельные его части. Такой идеал мог появиться только в поздний час истории после многих ошибок, неудач, кровавых социальных потрясений. Остается сказать, что нашел его наш великий соотечественник Николай Федорович Федоров. Это монистический идеал Богочеловечества Воскрешающего, то есть человечества, которое через познание и труд преодолеет трагический разрыв и в награду обретет божественный статус Воскресителей.

Нетрудно заметить принципиальную разницу между гуманистическим идеалом человекобога и Богочеловечеством (на нее впервые указала русская религиозная философия конца XIX – начала XX веков). Первый носит сугубо декларативный, утопический характер, объявляя богом эволюционно несовершенное существо. Второй предполагает трудный и долгий путь восхождения к божественной полноте. Первый толкает человека на все новые опасные авантюры и в пределе приводит к величайшему восстанию на природу с неизбежным погублением восставшего. Второй призывает к преображению природы, то есть к более полному и совершенному раскрытию идеи Жизни. Сейчас психологически очень трудное время для принятия федоровского идеала. Угасание способности к чувствованию идеального, роботизация мышления атрофировали фантазию у многих людей, не говоря уже о сугубо метафизическом чувстве Цели. Последнее, в лучшем случае, ограничивается рамками современных религиозных ортодоксий, но не служит делу объединения верующих, а порождает бесконечные разногласия и споры. Основной массе «цивилизованных» людей надо сейчас скрупулез-

но и нудно доказывать то, что должно бы сразу схватываться сердцем. Между тем, строго научно доказать федоровский идеал невозможно в силу самого условия его неопределенности.

Ну, как, в самом деле, можно доказать, что через многие тысячелетия человечество, обретшее к тому времени божественный статус, сумеет вернуть к новой, преображенной жизни тех, от кого к тому времени не останется даже частицы праха? В это пока можно только верить, но верить не слепо, а в союзе с разумом. И есть на то достаточные основания. История явила уже бессчетное число доказательств огромных творческих способностей человека и фантастичности мира, породившего его. Мир – это не равнодушная машина из материальных частиц, подчиненных неизвестно кем учрежденному реестру законов. Это не бессмысленная игротека и, тем более, не свиток, который уныло разворачивает перед своими очами Всевышний. Мир – это Тайна, а там, где есть Тайна, есть и надежда.

Трудно, почти невозможно для многих принять федоровский идеал, не прибегая к вере, но даже сейчас, в наш атеистический век, после всех чудовищных социальных потрясений, бессмысленной гибели миллионов людей, растлевающего действия пессимистических учений, разве вера истреблена окончательно из человеческих душ? Разве не верят люди в спасение от бедствий? Если продолжают рожать детей, значит, верят, несмотря ни на что.

Да, строго научно доказать федоровский идеал невозможно, но зато вполне можно доказать, что ориентация на него избавит род человеческий от состояния хаоса, в котором он сейчас находится, и откроет путь в достойное будущее. Будущее, где будет свобода без разгула гнусных страстей, дисциплина без полицейского насилия, интернационал без утраты народами национальной самобытности, экономика без бездушного расчета. Будущее, в котором нет, не скоро, исчезнут страдания и смерть, но исчезнут бессмысленные страдания и бессмысленная смерть, в котором люди будут верить в жизнь после смерти, как в чудесную возможность, осуществление которой зависит от них самих.

ЛЕДЯНЫЕ ИГРЫ РАЗУМА

> Есть такая игра – складывание фигурок из деревянных дощечек, которая называется «китайскою головоломкою». Кай тоже складывал разные затейливые фигуры из льдин, и это называлось «ледяные игры разума». В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их занятием первостепенной важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного зеркала!
>
> *Ганс Христиан Андерсен «Снежная королева»*

«Идея без обряда есть интеллигентская фикция»,– говорил М. Бахтин. В этом глубокомысленном замечании известного советского литературоведа точно схвачена самая суть человека, как существа двойственного, несущего в себе два начала: эволюционно высшее – духовное и эволюционно низшее – животное. Высшее заставляет человека строить свою жизнь в соответствии с определенными идеями, чего мы не наблюдаем у животных. Низшее же облекает эти идеи в форму обряда, ритуала, а в более широком смысле – игры, являющейся фундаментальным признаком поведения животных. Этот факт хорошо известен специалистам. Таким образом, уникальная потребность человека руководствоваться в своей деятельности идеями тесно сплетена в нем с более древней и широкой потребностью в игре, ритуале. Они образуют диалектическое единство, разрушение которого приводит к уродливым деформациям в обществе. Все жесткие идеологии скроены с этой точки зрения по одной схеме. Игровое начало устраняется из жизни, идейно-целевое – напротив, гипертрофируется. Тогда вооруженные бичами «духовные отцы», вожди, дуче гонят покорные массы к единственно истинному, по их мнению, идеалу. Парадокс – но подавление игрового начала в

этом случае не уничтожает игру, а переводит ее в иную плоскость. Очень скоро идеология сама становится игрой для властвующей элиты. Благая цель, преследуемая негодными средствами, не только не достигается, но и не желательна для достижения, ибо по логике игры лишает элиту ее привилегированного положения в обществе.

Не намного, однако, лучше и второй вариант, когда из обихода культуры устраняются представления о высших целях человека. Тогда рушится привычный лад и начинаются бездуховные, лишенные каких-либо нравственных и эстетических ограничений игры. Волей исторической судьбы нашему народу в XX веке выпала тяжелая доля «проиграть» одну из самых страшных форм безыгрового общества – тоталитарный режим, погасивший культуротворческую энергию в массах людей, превративший их в безынициативных «винтиков» системы. Поэтому психологически закономерно, что освобождение от этого режима сопряжено у нас с риском впасть в другую крайность. Распространение игр, не управляемых высшими или даже просто разумными целями, есть угрожающая, быстро растущая тенденция нашей нынешней жизни.

Игры бывают разные: умные, глупые, добрые, жестокие. А бывают игры социально опасные, игры с переворачиванием с ног на голову неискушенных их участников. Они постепенно деформируют человеческое сознание, эксплуатируя его способность привыкать ко всему новому, каким бы неожиданным и даже противоестественным оно ни было.

Новизна, возведенная в абсолют. «Верно, потому что ново» – вот тезисы подобных игр. Заглушите в себе эстетическое и нравственное чувства, если завтра плохое будет признано хорошим, а безобразное – красивым. Не удивляйтесь, например, если на наших улицах начнут мелькать девушки с лысыми головами, если пробившаяся на экраны эротика будет потеснена откровенной «порнухой» – ничему не удивляйтесь!

Впрочем, бритоголовые амазонки это, в сущности, шалость. Есть игры и поумнее, и поинтереснее. Года два назад одна наша уважаемая газета ознакомила своих читателей со сногсшибательной идеей западных ученых научить мужчин рожать с помощью специальной хирургической операции. Высказывались авторитетные мнения о теоретической осуществимости такой операции, говорилось о «транссексистах», то есть мужчинах, желающих стать женщинами. Известный зарубежный актер заявил, что мужчинам давно пора начать рожать, а некая специалистка по нравам женщин популярно объяснила, что способность рожать формирует особое отношение к жизни, делает человека менее агрессивным.

Не знаю, выражают ли подобные «изобретения» дух современной западной науки или это порождение чьих-то сильно искривленных мозгов, но ясно, кажется, что у всякого нравственно и физиологически полноценного человека ничего, кроме чувства омерзения, вызвать оно не может. О нем-то, об этом чувстве, и следовало бы сказать прежде всего, разоблачая сию гнусную выдумку. Но нет... ученый оппонент с нашей стороны, как говорится, даже не поперхнулся. Обстоятельно, с академической серьезностью он объясняет темному отечественному читателю, что научить мужчин рожать – задача пока не осуществимая для науки, да, пожалуй, и недолжная, так как мужчина при этом перерождается в женщину, что противоречит природе. А вот вырастить в инкубаторе дитя человеческое, говорит далее ученый муж, – не противоречит, как считали раньше. Ведутся уже, оказывается, смелые эксперименты по созданию искусственной матки. И, как кобылу, осеменять женщину, милую Джульетту, вытяжками от неизвестного Ромео-донора, – не противоречит тоже.

Лично меня в этой дискуссии заинтересовала чисто человеческая реакция советского ученого на зарубежные новинки в области эмбриологии с точки зрения разбираемого предмета, то есть игры. То, что женщина вынужденно уравнивается с телкой, есть несчастье и стыд нашего времени, признак каких-то жестоких извращений в развитии цивилизации, которых на иных путях быть просто не должно. Здоровое, не испорченное сознание интуитивно понимает это и хотя бы внутренне противится ложному пути. Именно по этой причине, а не из-за невежества, в Италии в свое время разразился большой скандал в связи с экспериментами Петруччо, вырастившего в пробирке человеческий эмбрион. Эксперимент показался миллионам итальянцев мерзко-кощунственным. Но прошло время, и то, о чем еще не так давно как об исключении говорили лишь специалисты в лабораториях, уже обсуждается вслух на страницах газет, как нечто вполне естественное и насущное. Лев Толстой считал, что Истина, Добро и Красота составляют неразрушимую триаду. Нет подлинной красоты там, где нет истины и добра. Не может быть добра и истины в том, что лишено красоты. Изобретение, сделанное как будто для блага людей, но оскорбляющее эстетическое и нравственное чувства, рано или поздно перейдет на службу злу. Заработают принципы игры, и из явления исключительного, вынужденного обстоятельствами конкретного случая оно постепенно станет нормой. Что и произошло с идеей итальянского первооткрывателя. За какие-нибудь два с половиной десятилетия новая игра обернулась во всем мире широкомасштабной, воистину невыразимой пошлостью, которая привела бы в ужас наших де-

дов, а нами не замечается только из-за атрофии нравственного и эстетического чувства. В США, например, уже освоен специальный вид услуг для бездетных женщин – «банки эмбрионов», в которых хранятся на продажу гаметы анонимных «доноров». Во многих странах повсеместно входит в практику так называемое «наемное материнство», то есть выращивание своего младенца в чужой утробе, порождающее воистину фантастические коллизии юридического и нравственного характера. Пишут о перспективах создания в будущем «эмбриональной промышленности». И вот еще новый монстр – рожающий мужчина...

При нынешних темпах «эмбриональных игр», если учесть прогрессирующий рост гедонистической, потребительской психологии, разжигаемой массовой культурой, можно прогнозировать появление уже в начале XXI века промышленных хоминкубаторов с перспективой полного освобождения женщин от тягот деторождения. И можете не сомневаться – найдутся «теоретики», которые авторитетом науки благословят это уродство. Только вот вопрос: какими будут эти маленькие граждане грядущего века, выращенные как цыплята? Лишившись материнской утробы, не получат ли изначальной непоправимой травмы, которую не предвидеть и не просчитать на ЭВМ? Уж мы-то, советские люди, имеем богатый опыт разрушения традиций, массовых экспериментов над людьми. Искусственное питание грудничков, детские ясли, сады, интернаты, школы-гиганты с переполненными классами и прочие культурные новации больно хлестнули по многим поколениям.

Предвижу возмущение многочисленных ныне бездетных женщин, ради которых, казалось бы, и ведутся опыты. Бодрые газетные репортажи с «переднего края науки», конечно, убеждают их в том, что именно на путях искусственного деторождения лежит окончательное решение проблемы бесплодия. Милые женщины! Если мыслить системно, охватывая проблему в целом, то вас сознательно или бессознательно обманывают. Обманывают и вас, и тех, кто займет вашу социальную ячейку в будущем,– еще не родившихся, но уже обреченных статистикой на бесплодие женщин. Главный же обман состоит в том, что всякого рода рекламные статьи о таких играх, написанные подчас с неподдельным пафосом и сочувствием к человеческой беде, по сути дезориентируют общество, подменяя сомнительными суррогатами настоящий, эффективный, хотя и трудный путь решения проблемы. Не берусь судить о положении дел в других странах, но у нас основными причинами бесплодия являются ранние аборты, туберкулез, воспалительные заболевания, венерические болезни, а теперь, из-за несовершенства атомной энергетики, еще и радиоактивное облучение. Все эти причины так

или иначе имеют социальные корни, без устранения которых проблема не решается. Это наша общая неустроенность, бесхозяйственность, безответственность, низкое материальное обеспечение молодых семей, заставляющее прибегать к абортам, серьезные нарушения в работе системы здравоохранения, пьянство и многое другое.

А вот еще одна разновидность социально опасных игр, успешно осваиваемая некоторыми нашими газетчиками. Это когда под видом объективной информации в неискушенные умы внедряется духовная отрава, иногда откровенная, иногда подслащенная сиропом дешевенького морализаторства.

Так, в газете «Аргументы и факты» (1988, № 8, с. 6) опубликованы две любопытные статьи. Одна, под названием «Я избираю шоковую тактику», знакомит нас с выдержками из автобиографической книги английской рок-звезды Дэвида Боуи. Во второй психолог и психиатр профессор А. Амбрумова отвечает на вопросы корреспондента газеты по поводу неформальных объединений молодежи.

В редакционном предисловии к выдержкам из книги англичанина почти с удовлетворением сообщается, как велико нынче увлечение нашей молодежи рок-музыкой, как боготворят подростки своих кумиров, «стараются перенять привычки, взгляды, вкусы и т. д.». А далее идет текст, выдержанный в коровьевском духе, но без тени юмора, свойственного этому булгаковскому персонажу:

«Артист же, тем более западный, да еще с мировым именем – личность крайне противоречивая, неоднозначная. Биография «звезд» полна работающих на саморекламу сенсаций, скандалов и крайностей». Так и слышится дребезжащий, самодовольный тенорок регента в треснутом пенсне: «Говорю вам, капризен, как черт знает что! Вот они где у меня сидят, эти интуристы!» Засим следуют высказывания рок-метра, среди которых мелькают, например, такие:

«Я пришел в рок потому, что это было довольно приятным способом зарабатывать деньги».

«...Помню, что в свое время стал даже приворовывать для того, чтобы выглядеть модным. Каждый из нас щеголял друг перед другом, стараясь стать новым Элвисом Пресли, переходя из одной гремящей, как лист железа, группы в другую».

«...Я избираю шоковую тактику. Я хочу притягивать людей и достигаю определенного результата. Но когда мне говорят, что я имею аморальное воздействие на молодежь, я только улыбаюсь».

«...Я пользовался многими наркотиками, увлекся ими с 1968 года, но никогда не наслаждался всем этим. Вы можете многое сделать под влиянием наркотиков, но затем все приходит в упадок. Так я сделался просто скелетом... Лично я не смог вынести унижения, и с наркотиками было покончено» (как просто – взял и покончил! – О. Л.).

«...Рок – всегда дьявольская музыка. И вы не сможете переубедить меня, что это не так».

«...Люди, как известно, не очень сообразительны. Они говорят, что любят правду, свободу, но когда получают этот шанс, то проходят мимо Ницше и выбирают Гитлера».

Хватит! Сил больше нет цитировать. Думаю, у читателя сложилось представление о нравственном и интеллектуальном уровне «звезды», которую редакция эдак ненавязчиво подает в качестве незаурядной личности. Обратим внимание на нехитрую технологию сотворения кумира. Всего несколько цитат, а какой славный парняга получился! Куда там до него нашим расейским простофилям – разевай, Ваня, шире рот! Он честно сообщает, что музыка для него – это, прежде всего, деньги, не стесняясь, признается, что воровал и кололся, может, еще какой-нибудь «клубнички» попробовал. Авторитетно утверждает, что любой рок – дьявольская музыка, и одновременно смеется, когда его упрекают в аморальном воздействии на молодежь. Он презирает Гитлера за грубость, но высоко ценит его духовного отца Фридриха Ницше за утонченность. Он вполне ницшеанский человек, стоящий по ту сторону добра и зла, и в то же время свой в доску. Вот, собирается в Москву, как сказано в заключение, на международный концерт «Рок против наркотиков». Что, кстати, означает сей девиз? Дьявольская музыка против дьявольского зелья, что ли? Или, может быть, дьявольский дуэт?

Кумир получился действительно что надо – с хвостом и рогами, а чтобы кто-нибудь не придрался, что редакция в свою очередь «оказывает аморальное воздействие на молодежь», она, редакция, изящно открещивается от возможного обвинения таким вполне сумбурным заключительным пассажем: «Многое из того, что пишет Дэвид Боуи в своей автобиографической книге, может показаться слишком откровенным, вызывающим, непонятным. И все-таки мы решили опубликовать это, чтобы наши читатели могли получить информацию, как говорится, из первых рук».

Последний оборот особенно умиляет. Тут редакция, всучив потребителю гнилой товарец, полученный ею «из первых рук», сама умывает руки.

Впрочем, косвенная оценка этому явлению дается здесь же, в статье «Неформалы глазами психолога», в которой оно КАК БЫ осуждается. Это уже

вторая партия игры. Размышляя о пороках современной молодежи – «самонаправленной жестокости», пьянстве, токсикомании, наркомании, разрыве с культурой прошлого, профессор А. Амбрумова делает следующее обобщение:

«Есть такая поговорка: разложите молодежь, и вы победите нацию. Мы тратим средства на борьбу с загрязнением воздуха и воды, борьбу с шумом, но, видимо, не менее важно противостоять нравственному и духовному загрязнению молодежи...»

Святые слова! Только я на месте их автора, увидев свое интервью на одной странице с разрушительными откровениями западной рок-звезды, выразил бы печатное возмущение лицемерной позицией газеты, а заодно объяснил бы читателям, что допустил одну семантическую оплошность. Поговорки, рекомендующей в целях завоевания нации разлагать молодежь, нет ни у одного народа – переройте хоть все словари. Это главная тактическая установка антинациональных политических сил, которые безумствуют в современном мире, захватывая и нашу культуру. К поговоркам, то есть народной мудрости, она имеет приблизительно такое же отношение, как знаменитое геббельсовское: «Когда я слышу слово «культура», я хватаюсь за пистолет».

А теперь обратимся к искусству – сфере, где нечистые игровые манипуляции особенно опасны, потому что произведения искусства, воздействуя непосредственно на воображение и чувства человека, изменяют его святая святых – душевный мир. Ладно там статьи – дискуссии на щекотливые темы. Публицистическое слово быстро стирается в эмоциональной памяти, но художественный образ оседает в ней надолго и крепко, и, когда образов одного заряда накапливается достаточно, они начинают исподволь формировать вкус человека, определяя его поведение.

...Осколки кривого зеркала попали в сердце и глаза ребенка, героя андерсеновской сказки, и он утратил способность любить. То было воистину дьявольское зеркало. Доброе и красивое казалось в нем глупым и мелким, а безобразное и злое – значительным и привлекательным. Злой тролль, смастеривший зеркало, был, несомненно, крупным знатоком в области игры и прекрасно знал человеческую душу.

Чего она ищет, человеческая душа? Ясности и понимания. Потому-то мудрые учителя человечества – пророки, философы, поэты – создавали, как умели, для своих народов пусть иногда далекое от научного, но, как правило, эстетически и нравственно совершенное отображение реального мира, в котором человек мог увидеть свое место и понять свои цели.

Если же смешать в сознании людей все части, исказить формы, переставить знаки, то люди растеряются. Мир предстанет перед ними в виде бессмысленной мозаики, лишенной не только эстетической и нравственной, но и практической ценности.

Если следовать расхожей метафоре, что искусство есть зеркало жизни, то зеркало, изобретенное троллем, есть антиискусство. Это, однако, не означает, что зеркало искусства обязательно должно быть плоским, а зеркало антиискусства – только кривым. Царство плоских зеркал – унылое царство. Кроме того, плоское зеркало может с успехом служить и антиискусству. Например, натуралистически, с патологическим сладострастием изображая отвратительное в человеке. Разница между искусством и антиискусством не в форме и даже не в мастерстве исполнения, а в системе ценностей, которую можно представить в виде пирамиды. Только у искусства она стоит вершиной вверх, а у антиискусства – вершиной вниз. Внедряя свою пирамиду в сознание людей, лукавый тролль тем самым лишает их способности различать добро и зло, красоту и уродство, искусство и антиискусство. Но разницу между ними легко увидит тот, кто будет судить произведение не по структуре или технике исполнения, а по результату, под которым подразумевается эстетическое и нравственное воздействие произведения на человеческую душу. Суть разлагающего действия антиискусства состоит в том, что оно покушается на незыблемые истины, выработанные народным опытом и настоящим искусством, на те самые истины, которые во имя спасения души человеческой не подлежат изменению в нашем меняющемся мире. Ты наполовину зверь, человек, но если можешь – не убий! Тебе присущ животный эгоизм, но постарайся преодолеть его – помоги ближнему. В тебе бушуют нечистые страсти, но стыдись их, не заражай ими малых сих!

Таков голос настоящего искусства. Антиискусство потому-то и «анти», что утверждает нечто прямо противоположное. То, чего принято стыдиться, оно выставляет напоказ. То, что всегда считалось уродливым, некрасивым, восхваляет, что вызывает отвращение – смакует. Его апологеты – самые обыкновенные духовные импотенты, обуянные сатанинской жаждой самоутверждения любой ценой. Неспособные к творчеству, которое в самом широком смысле есть жизнестроительство и требует концентрации воображения, интеллекта и воли, они занимаются самым простым делом – разрушением жизни. Они совершают эту варварскую акцию, либо маскируясь под искусство, либо нагло, в открытую.

«П. Михельсон. А почему начал заниматься кино?

Юфа. Сам не знаю.

П. Михельсон. Ты занимаешься только кино?

Юфа. Нет, еще рисую собак, котов... Люблю трупаков в состоянии позднего распада – жировоск, гнилостная эмфизема, торфяное дубление. Интересуюсь странгуляционной асфиксией.

<...> Труп есть труп. Простолюдин или политик – меня не интересует. Меня интересуют метаморфозы.

П. Михельсон. Метаморфозы чего?

Юфа. Формы, цвета. Своего рода некроэстетика. В первый, второй месяц наступают страшные изменения. Труп становится пятнистый, как ягуар, налитой, как бегемот. Но это тоже при определенных условиях. Что особенно и интересно».

Это не репортаж из сумасшедшего дома, это отрывок из интервью, взятого голландской журналисткой П. Михельсон у одного из «основоположников» так называемого «параллельного кино» ленинградца Евгения Юфита (псевдоним Юфа). Оппозиционный кинорежиссер излагает в нем основы изобретенного им нового «художественного направления» – некроэстетики. Интервью опубликовано без всяких комментариев в советском журнале «Искусство кино» (1989, № 6), из чего остается заключить, что перед нами, очевидно, заявка на новую игру, затеваемую редакцией. О времена, о нравы!..

Приношу читателю извинения за тошнотворную цитату, которую привел, как яркий пример саморазоблачения антиискусства. Надеюсь, что охотников употреблять его в чистом виде найдется все же немного. Гораздо опаснее, когда яды антиискусства проникают в художественный, игровой кинематограф и подтравленные ими фильмы получают едва ли не восторженные оценки кинокритиков. Из продукции подобного рода, прошедшей последние годы на наших экранах, можно выделить в качества примера популярный среди детей фильм-сказку «Бесконечная история» (США). Поставлен он эффектно, красочно, с применением достижений современной роботехники, поэтому кассовый успех полный. Таких правдоподобно живых драконов в отечественных кинофильмах не увидишь, да и привкус у сказки какой-то незнакомый, острый...

Но что происходит на экране? Какие мысли и чувства несет фильм детям? Попробуем разобраться...

В сказочном творчестве разных народов можно обнаружить некоторые общие, ненарушаемые каноны, традиции, очерчивающие границы жанра. Сказке чужд грубый реализм, а тем более натурализм. Основной темой сказочного эпоса является борьба добрых сил со злыми. При этом добрые персонажи, как правило, красивы и обаятельны, а злые безобразны. Если же кра-

сивый персонаж зол, как, например, в пушкинской сказке о мертвой царевне и семи богатырях, то это холодная, бездушная красота, личина, а не лицо.

Иногда не понимают, чем вызваны эти жанровые ограничения, как будто мешающие свободе творчества и тем обедняющие жанр. Между тем все просто. В народной сказке, этом высоком достижении духовной культуры, гармонично слиты игровое и целевое начала. Если устранить первое, то сказка погаснет, превратится в скучную нотацию. Если устранить второе, то игра выйдет из берегов, утратит свой духовный смысл. В том-то и состоит глубокая мудрость жанра сказки, что, используя игровые средства, она, в конечном счете, преследует благую цель облагораживания детской души. Наделяя, например, отрицательного персонажа безобразной внешностью, она ставит барьер эстетизации зла. Зло безобразно, оно не может быть красивым, как бы внушает сказка. Если же добрый персонаж (обыкновенно по несчастью или злому колдовству) некрасив, то в нем есть внутренняя, духовная красота, сглаживающая физическое уродство, да и временно оно, как правило, – силой любви страшное чудище снова становится прекрасным юношей.

И не надо говорить, что сказочный мир от этих ограничений обеднел. Он лишь избавился от извращений и благодаря этому стал могучим средством нравственного и эстетического воспитания детей. Думаю, что миллионы и миллиарды добрых людей, когда-либо живших на планете Земля, в детстве слушали народные сказки. Верно замечено, что не бывает плохих народов, бывают только плохие люди. Свято соблюдали сказочную традицию классики жанра – Пушкин, Бажов, Андерсен, братья Гримм и Гауф, соблюдают и хорошие современные сказочники – Волков, Милн, Линдгрен, Шварц... Жить бы и развиваться жанру сказки в соответствии со своими законами. Но нет! И здесь поработал вездесущий тролль...

В мире современной сказки все чаще появляются произведения откровенно эклектичные, авторы которых либо не понимают смысла и назначения жанра, либо питают к нему скрытую неприязнь и сознательно нарушают принятые в нем правила игры. К числу таких произведений можно отнести и фильм «Бесконечная история».

Начинается он с вполне реалистического эпизода. У мальчика умерла мать, и он остался с отцом – еще молодым, материально обеспеченным мужчиной. Мать не показана, отец появляется только в первой сцене, больше мы не встречаем его на протяжении всего фильма. Ничего не говорится и об отношениях между членами семьи. Любит ли герой отца, любил ли мать – неизвестно. Зато известно, что мальчик духовно одинок. У него нет друзей, но есть враги. Трое одноклассников за что-то преследуют его, бьют

и даже заталкивают в мусорный ящик, из чего зрителю предлагается сделать заключение, что это, так сказать, будни американской действительности – сценка показана мимоходом, без объяснений, как нечто вполне типичное.

Художественный смысл первых кадров пока неясен. Может быть, далее авторы намерены дать моральную оценку отвратительному акту? Однако дальнейшее развитие событий показывает, что нравственные проблемы не волнуют авторов фильма, как следовало бы ожидать от сказочников. Напротив, главный герой сам совершает вполне безнравственный поступок – крадет из букинистического магазина старинную книгу сказок. Эта книга обладает волшебным свойством: тот, кто ее читает, не только видит происходящие события, но и может воздействовать на них по принципу обратной связи. Герой погружается в чтение, и перед зрителями открывается Страна Фантазия...

Дремучий, но отнюдь не сказочный лес – плод фантазии художника-сюрреалиста. По поляне мечутся странные существа – некий господин в цилиндре, фрачном пиджаке и клетчатых штанах, похожий на буржуа наполеоновских времен, и человек-нетопырь с длинным носом и большими ушами, который все время скачет и кривляется. Проползает гигантских размеров и оттого особенно отвратительная улитка, используемая персонажами в качестве лошади. А вот раздается страшный грохот, и появляется совсем уже мерзопакостное чудище ростом с пятиэтажный дом. У него безобразная трупного цвета башка, вся в буграх и бородавках (дивный образчик «некроэстетики»!), а вместо нижних конечностей асфальтовый каток, которым чудище крушит и давит все, что ни попадается на его пути. Это скалоед. Он жрет громадные камни, словно сухари, и осколки с грохотом падают с башенной высоты, едва не убивая прочих персонажей.

Лично меня, консерватора, воспитанного на доброй сказочной традиции, эта сцена оттолкнула своим нарочитым, натуралистическим антиэстетизмом. Я подумал, что создатели фильма хватили лишку, изображая злодеев. Тем более удивительным было узнать, что это вовсе не злодеи, а вполне добродушные существа, занятые проблемой – как спасти страну и ее принцессу от какой-то там грозящей ей опасности. Вся компания во главе со скалоедом едет во дворец принцессы. Грохот и светопреставление!

Во дворце, слегка похожем на средневековый, мы встречаем целое собрание двуликих и трехликих тщедушных уродцев, которые слушают царственного вида старца, похожего на фотонегатив. Лицо у старца черное, волосы белые, однако форма черепа образцово арийская. Уродцы опять-таки орут и кривляются. Выясняется, что это жители волшебной страны, тоже добрые существа.

А вот является и герой-освободитель, слава богу, нормальный, симпатичный мальчуган. Он садится на белого коня и отправляется в опасное путешествие. Мы получаем, таким образом, возможность поближе познакомиться со сказочной страной.

...Мрачной, отталкивающе некрасивой предстает перед нами эта страна. Грязь, болота, хмурое небо, бури... Авторы фильма задались, кажется, специальной целью – показать нам как можно больше безобразного. Даже добрые колдуны, старик со старухой, живущие в пещере, как-то карикатурно некрасивы. И голоса-то у них визгливые, и движения судорожные. С натуралистическими подробностями показывается, как медленно, медленно тонет в болоте прекрасный конь. Жалобные, плачущие глаза животного... Молодой герой, не проронив и слезинки, следует дальше, продираясь сквозь топи и заросли.

Каменные изваяния во дворце оракула, убивающие молниями смельчака предшественника... Крупным планом показан труп, который заносится песком, – как в приличном детективе...

Естественно, возникает вопрос – зачем авторам понадобилось кругом менять знаки? Почему добрые персонажи все поголовно столь отталкивающе безобразны? Может быть, как бывает в сказках, герой-освободитель снимет с них злые чары, и мы увидим прекрасный, светлый мир, населенный красивыми существами? Ничего подобного! Мрачным аккордом к кошмарной фантасмагории звучит последняя сцена сказочного плана. Изображается космическая катастрофа. В черном, лишенном звезд пространстве разлетается на куски фантастическая планета. С мрачной торжественностью, словно гробы, плывут осколки. Почему она погибла? Кто с кем и за что боролся? Какой нравственный смысл вложили авторы фильма в произошедшие события? Вопросы остаются без ответа, и приходится делать единственно возможный вывод – ради этих сюрреалистических картин и создан был фильм, потому что нравственная идея его, словно пульс у умирающего, едва прощупывается.

Но самой удивительной оказывается все же заключительная сцена фильма. Добрый белый дракон силой фантазии героя-читателя переносится в реальный план, в современный урбанистический пейзаж. Он всемогущ, как и положено сказочному существу, и он предлагает мальчику исполнить любое его желание. Что попросил бы в классической народной сказке ребенок, у которого только что умерла мать? Живой воды хотя бы. Но нет, нашему маленькому робинзону такая просьба и в голову не приходит. Он полон мстительных чувств. Верхом на сказочном чудище он летит по улицам горо-

да за своими врагами (очень эффектная сцена) и загоняет их в мусорный ящик. Вот так! Око за око, зуб за зуб! На этом фильм и заканчивается.

Известные чешские журналисты Зигмунд и Ганзелка, путешествуя по Южной Америке, познакомились с туземным племенем, которое употребляло яйца в пищу только протухшими. От свежих их тошнило. Думается, дети, насмотревшиеся подобной кинопродукции, ни Пушкина, ни Андерсена, ни братьев Гримм читать уже не будут, потому что они и в самом деле покажутся им «примитивными». Зато будут вполне подготовлены для сошествия в духовный ад какой-нибудь «некроэстетики».

Необходимы, однако, обобщения, без которых изложенная выше идейная позиция выглядит весьма уязвимой. Читатель вправе задать вопрос: а существуют ли объективные, не зависящие от вкусов и настроений отдельных людей критерии, позволяющие дать однозначную оценку тем или иным игровым тенденциям в культуре? Ведь именно из узких личных пристрастий вырастали жестокие идеологии, в железных тисках которых задыхались и чахли культуры.

Вопрос принципиальный. Мы живем в эпоху систем и обязаны мыслить системно, то есть видеть в культуре сложную системную целостность, отдельные элементы которой связаны друг с другом и влияют друг на друга, обеспечивая благополучное существование целого. Такие крайние оценки, как «полезный» – «вредный», «хороший» – «плохой» в отношении элементов сложных системных целостностей должны употребляться с большой осторожностью. Мы уже знаем, к каким плачевным последствиям привели они в применении к окружающей среде. Нет худа без добра. Эту народную мудрость можно расценивать как проявление системного мышления. Так, может быть, правы защитники свободы самовыражения, считающие, что из-за отсутствия объективных критериев право на существование имеет все, что ни выйдет из способной человеческой головы: любая философия, любое художественное или музыкальное произведение, любая этическая концепция?

Этот взгляд именуется у нас сейчас плюрализмом и лежит в основе творческой политики многих нынешних печатных изданий, телепрограмм, театров и т. п.

Что ж, можно было бы принять его, если бы культура, подобно живому организму, обладала способностью к самоочищению, удалению из себя шлаков и ядов. Исторический опыт, однако, показывает, что такой способности у культуры нет. Все культуры, начиная с самых древних, никогда не были предоставлены сами себе, как животные или растения, а подвергались вполне сознательному управлению. Эту функцию осуществлял высший ее

духовный слой в лице жрецов, священнослужителей, пророков, а позже – философов, писателей, вообще духовной элиты. Они являлись носителями неких важных регулятивных принципов, имевших статус культурной традиции и позволявших, не жертвуя разнообразием, сохранять культуру тождественной самой себе во времени. Утрата этих принципов, например, в результате революций, войн, нашествий иных вер приводила либо к глубокому перерождению культуры, либо просто к гибели. Следует категорически отвергнуть мнение, что управление культурой есть насилие над ней, что это изобретение идеологий. Управление есть обязательная функция всех без исключения динамических систем, без которой они не могут нормально существовать. Идеологии просто-напросто злоупотребляют этой функцией и тем компрометируют ее. Принцип управления лежит в основе всей живой природы, которая, согласно одному из положений эволюционной биологии, развивается от низших форм к высшим. Так возник венец ее творения – человек, так он совершил восхождение от полудикого состояния к высотам духовного и материального совершенства.

Развивая далее эту мысль, обратим внимание, что в досознательной биологической эволюции творческие процессы шли через преодоление противостоящих, встречных им, энтропийных, разрушительных процессов. В основе развития живого, и об этом знали еще в глубокой древности, лежит борьба двух групп сил – созидательных и разрушительных. Это наблюдение нашло отражение в различных религиях в виде мифических образов: например, Аримана и Ахурамазды (зороастризм), Сатаны и Бога (христианство), Шивы и Вишну (индуизм).

На первый взгляд, этот простенький дуализм противоречит современному системному видению мира. На самом деле никакого противоречия нет. Биосфера есть бесконечно богатая в своих проявлениях системная целостность. Это множество, но особое, несущее в себе одновременно дуалистический принцип биополярности. Вполне естественно, что этот принцип проявился и в социальной эволюции человека. Здесь он обнаруживается в виде культуротворческих сил и сил, разрушающих культуру. К последним можно отнести обширный спектр явлений, начиная с мелких нарушений принятых обществом норм, кончая такими страшными катастрофами, как войны или революции.

И опять все не так просто, как может показаться на первый взгляд. Поскольку биполярность есть одно из фундаментальных свойств живого, то приходится считать его явлением нормальным и в культуре. Можно нравственно или религиозно осуждать культуроразрушающие тенденции, бо-

роться с ними, но представить без них культуру, увы, невозможно, ибо корень их в человеческой природе, которую церковь отнюдь не без оснований считает греховной. В самой человеческой душе, особенно молодой, неустойчивой, гнездится сладостная тяга к разрушению. Фрейд обозначил ее в своей философской системе термином «танатос» (зов смерти), а еще раньше Фрейда блистательно выразил в «Пире во время чумы» Пушкин: «Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю, и в разъяренном океане, средь грозных волн и бурной тьмы, и в аравийском урагане, и в дуновении чумы».

Но культуры и возникали-то как средство обуздания этого страшного начала в человеке – со своими запретами и табу, высшими идеалами, религиозными установками, аппаратом закона – всем тем, что необходимо для того, чтобы процессы созидания преобладали над процессами разрушения.

Громадная положительная роль культуры состоит в том, что она учит людей сознавать в себе грех и бороться с ним самостоятельно, без внешнего принуждения. В жизни народов бывали периоды, и объяснить их далеко не просто, когда в обществе начинали множиться люди деструктивного склада души, то есть эволюционно низшие типы. Среди них попадались и талантливые личности, наделенные творческим даром, способные своим духом заражать других людей, но неспособные или не желающие обуздывать в самих себе дурные инстинкты.

Эти-то люди, если их появляется слишком много, и становятся источником духовных токсинов, отравляющих культуру. Свои темные инстинкты они переливают в негативные художественные образы, мироотрицающие или аморальные философские учения, этически порочные политические доктрины и т. п. Тут-то и идут в ход игровые приемы, основанные на постепенном привыкании культурного сознания ко все новым и большим дозам ядов. Шаг за шагом, переступая запреты и табу, эксплуатируя стихию темных инстинктов в человеке, они постепенно деформируют его сознание. Впрочем, об этом уже говорилось.

Однако яд остается ядом, какими бы красочными псевдонимами его ни называли. Нормальная жизнь в отравленном обществе становится невозможной. Тогда-то и обнаруживаются те самые – объективные – критерии или, лучше сказать, симптомы, которые позволяют говорить о преобладании в обществе нечистых игр. Это хаос, энтропия, резкое ухудшение материальных и духовных основ человеческого существования, это разрушение этических норм, развал экономики, рост преступности, это фарисейство и ложь, возведенные в принцип жизни. Развращенные души порождают развращенную социальную среду, а среда развращает новые поколения,

вступающие в жизнь. Общество начинает походить на двигатель со всевозрастающими оборотами, который работает вразнос.

Думаю, не намного сгущу краски, если скажу, что весь комплекс этих симптомов переживает сейчас наша страна. Как же оценивают сложившуюся ситуацию нынешние духовные лидеры: ученые, философы, писатели?

Не слишком-то много найдется среди них людей, которые с самого начала знали правильный диагноз, то есть увидели корень всех нынешних бедствий в разрушении духовных основ народного существования. Единственный в Союзе журнал, который твердо и последовательно в своей публицистике раскрывает эту тему, – «Наш современник». Гораздо обширнее числом те, что валят все на культ личности Сталина, административно-командную систему, порочную экономику, пьянство и даже на якобы извечную лень русского народа. Последнее просто постыдная ложь, а остальное не причина, а следствие страшного падения культуры.

Но вот вопрос: можно ли надеяться вылечить государственный организм, установить разумное правление, экономику, не остановив разрушительных процессов в сфере культуры?

Так называемая «левая» пресса, гневно обличающая глупые и жестокие игры прошлого, которые, по ее совокупному мнению, привели страну на грань катастрофы, кажется, в упор не видит не менее опасных новоизобретенных игр. Более того, прямо или косвенно она иногда потакает им! Оторопь берет, когда видишь масштабы и дерзость этих, не побоюсь сказать, бесовских игрищ, которые под прикрытием «плюрализма» беспрепятственно ведутся нашими перестроившимися «масс-медиа» – журналами, кино, телевидением. Вот некоторые из уже разоблаченных, но отнюдь не прекращенных игр такого рода:

1. Частное и временное явление популярной музыки, именуемое «роком», органически чуждое национальным культурам, искусственно раздувается до планетарных масштабов, до размеров некоей субкультуры. В таком качестве оно несет в себе сильно выраженную доминанту хаоса, нарушающую естественные, природные ритмы, на которых строится любая народная, натуральная культура, и становится, таким образом, мощной культуроразрушающей силой.

2. Та же тема, только в красках, разыгрывается на десятках тысяч полотен современных художников-авангардистов. Проблема мастерства и духовности подменяется в большинстве случаев составлением «китайских головоломок» по примеру андерсеновского героя, подчас очень красочных и эффектных, но не способных сделать человека хоть чуточку лучше. Живопись,

как одна из форм постижения Творения, пройдя через авангардистскую мясорубку, становится способом самообнаружения запутавшейся, эгоистичной души автора.

3. Крайне грязная игра с вбиванием клиньев между поколениями детей и отцов, осуществляемая с помощью обширного спектра средств в литературе, кино, театре, музыке, с помощью отождествления преступлений прошлого с целым поколением, а не с отдельными конкретными личностями, с помощью грубой лести молодежи, как якобы самой развитой, передовой, умной и честной части общества, хотя хорошо известно, что эти качества определяются не возрастом, а уровнем культуры человека. Так прививается враждебное отношение молодежи ко всему без разбора опыту старших поколений, ко всем их ценностям. Молодой человек, лишенный положительной части этого опыта, становится марионеткой в руках всякого рода авантюристов.

4. Пропаганда насилия, наркомании, половой распущенности с помощью кино, литературы, всякого рода шоу. Уже не раз замечалось, что некоторые статьи в наших журналах, посвященные борьбе с наркоманией, подозрительно напоминают пособия, как стать наркоманом, занижают степень этой опасности. А такие сочинения, как весьма серенькая в художественном отношении повесть «Интердевочка», способны подтолкнуть на порочный путь тех юных ее читательниц, которые до этого удерживались от пагубного шага. Что же касается насилия, то по насыщенности бессмысленно жестокими сценами, не несущими никакой художественной нагрузки, советский кинематограф прямо на глазах обгоняет знаменитый американский.

Да... приходится признать, что из многих игр, изобретенных хитроумными головами, самые опасные – игры с человеческими душами. Ведь душа есть средоточие потенций добра и зла, а не только добра, как думают прекраснодушные утописты, или только зла, как думают крайние пессимисты. Здесь поле битвы Дьявола с Богом, по известному выражению Достоевского. Какая из этих двух сил завладеет людьми, а значит, и обществом, в огромной степени зависит от игр, которые в нем преобладают. Там, где в играх руководствуются традиционными ценностями культуры, организация и порядок возрастают. Там же, где в погоне за новизной или с умыслом отвергают их, усиливаются хаотические процессы, общество хиреет. Как отмечает И. Шафаревич и своей статье «Две дороги к одному обрыву», японское социально-экономическое чудо объясняется тем, что свою экономику и социальную жизнь в новых исторических условиях японцы построили на крепком фундаменте национальной традиции, отказавшись от чисто американского, казалось бы,

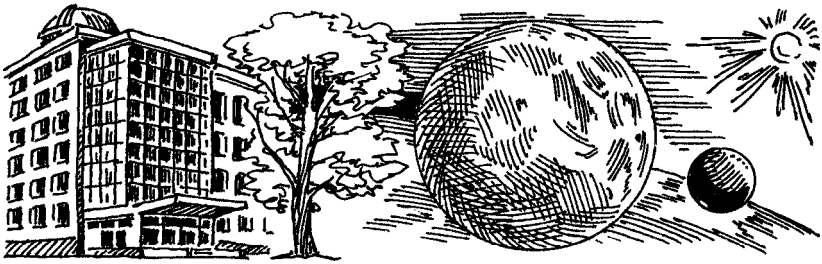
универсального варианта. Можно сказать, что Япония дала блестящий пример умной игры, органически сочетающей традицию с новизной, культуру с цивилизацией. Тот же принцип можно обнаружить в социальном механизме Финляндии, Швеции, Великобритании, Швейцарии, Норвегии.

Наша страна переживает сейчас крайне неустойчивый период, когда благодаря гласности старое тоталитарное сознание основательно разрушено, а новое, демократическое, еще не создано. Возникла благоприятная ситуация для всякого рода игровых спекуляций, и в первую очередь, с молодежью, что особенно возмутительно. Если быть откровенным до конца, то их общий смысл в том, что они формируют образ мыслей и стереотип поведения некоего типового «гражданина мира» – человека без почвы, без сердечной привязанности, сластолюбивого, расчетливого – героя осуществленной техницистской утопии XX века, о которой так точно сказано в упомянутой выше статье И. Шафаревича. Современные национальные культуры инстинктивно сопротивляются вторжению этого человека, видимо, предчувствуя в нем свою погибель. И вот теперь в качестве альтернативы разоблаченному и осмеянному «тоталитарному человеку» он предлагается советской молодежи.

Хотелось бы в связи с этим опросить нашу играющую в опасные игры творческую элиту – писателей, журналистов, режиссеров, телевизионщиков, музыкантов и прочих вполне безответственных личностей: неужели, вы, претендующие на тонкость вкуса и глубину мышления, не видите, что этот «гражданин мира», усердно создаваемый вами в критический момент отечественной истории, – фигура кричаще пошлая, нелепая в великой драме человеческого существования, что он не может быть альтернативой «тоталитарному человеку» и не ему, немощному духом, найти выход из кризиса?

Человечество, как и природа, частью которой оно является, сильно своим многообразием – теми «национальными космосами», каждый из которых имеет абсолютную ценность в истории. Наше будущее не в бесконечных, бессмысленных играх унифицированных людей, а в поисках единой для всего человечества метаисторической Истины – Цели, найти которую можно только совокупными усилиями многих, непохожих друг на друга народов.

Сентябрь, 1989 год

НЕБО И ЛЮДИ

Зачем человеку звезды?

Нет зрелища, более привычного для человека и в то же время более волнующего, чем вид безмолвного ночного неба, усыпанного звездами. Любой горожанин, оказавшийся в ясную безлунную ночь где-нибудь «на природе» – в лесу, в степи или на реке, не откажет себе в удовольствии полюбоваться звездами, хотя видел их много раз.

«Две вещи поражают наше воображение – звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас», – говорил И. Кант. В этих словах немецкого философа с изящной недосказанностью выражена мысль о существовании некоей глубокой связи между макрокосмосом Вселенной и микрокосмосом человеческой души. С давних времен человек догадывался об этой связи – в преданиях, мифах и религиях самых разных народов мы в той или иной форме обнаруживаем следы космической устремленности человека. Шумеры, Вавилон, Древний Египет и Древний Восток, легендарные племена ацтеков и майя – все культурные народы проявляли интерес к звездному небу. Даже в вертикальной позе человека – ногами к земле, головой к небу – можно усмотреть проявление его космической устремленности, которой лишено животное, самой своей телесной конструкцией навеки обращенное к земле, к однообразным заботам о пропитании. В течение тысячелетий интерес к небу был густо окрашен чувством благоговения, наука переплеталась с магией, первыми астрономами были астрологи. И пусть нам кажутся сейчас наивными их рассуждения и выводы, принципиальная догадка о существовании связей между земным и космическим заслуживает всяческого внимания. К сожалению, ценная эта идея прошлого была в свое время отброшена вместе с суевериями. В науке долгое время господствовало пред-

ставление, что жизнь – есть частное дело планеты Земля и ее Солнца, никак не связанное с остальным космосом. Подавленный грандиозностью бесконечного, философствующий ученый ум выработал взгляд на жизнь, как на искру, которая вспыхивает то здесь, то там по странной прихоти природы, разгорается и гаснет, навсегда исчезая в бесстрастных волнах бытия. И это жизнь биосферы, как совокупности всего живого. Что тогда жизнь отдельного существа, человеческой личности. Почти ничто, величина практически неотличимая от нуля! И вот это «ничто», эта малая точка носит в себе неугасимый интерес к звездам, передавая его, как эстафету, от поколения к поколению. Странно, если вдуматься. Ну, можно еще понять древних мореходов, которые по звездам ориентировались в плавании, можно понять народы, согласно верованиям которых небо было обителью умерших. Но почему современный астроном направляет рефлектор своего радиотелескопа на объект, отстоящий от Земли на миллиарды световых лет, в космические области, до которых, по его убеждению, «человечеству смертному» никогда не добраться? Почему ломают голову космологи, пытаясь объять необъятное? Почему таким огромным спросом пользуется у современного человека литература о Вселенной, особенно о сверхдальних объектах – квазарах, пульсарах, радиогалактиках? Инстинкт познания? Но откуда у него такие «аппетиты»? Волей-неволей задумаешься над догадками древних, над их прозрениями и надеждами.

Может быть, в нынешней ярко выраженной космической устремленности разума и состоит лучшее доказательство его неслучайности, необходимости в мире? Видно, не на временное жительство, не скромным гостем явился человек в мир, если с таким упорством простирает свою мысль все дальше и дальше в глубины Вселенной.

Так же как работа отдельной клетки не может быть понята вне организма, а организм вне окружающей биологической среды – биосферы, так и последняя не может рассматриваться изолированно от космических процессов. Сложнейшие причинно-следственные цепочки уходят от живого в космос – к Солнцу, звездам, туманностям, черным дырам... Биосфера, словно нервный узел Вселенной, чутко реагирует на движения ее глубинных материальных сил. Физические и психические состояния отдельных людей, болезни, эпидемии, мутации – все это в ТОЙ или иной степени связано с процессами, происходящими в космосе, и, прежде всего, на Солнце.

Две вещи поражают наше воображение – криптограмма над нами и ключ к ней внутри нас... Человечество хочет знать, зачем оно живет, зачем действует, куда направлен или, вернее, должен быть направлен вектор его

творческой активности. Так мы приходим к пониманию той выдающейся роли, которую сыграла в эволюции человеческих взглядов древнейшая и увлекательнейшая из наук – астрономия.

Наука, снявшая шоры с глаз человека.

Наука, больше всех других давшая философии пищи для размышлений. Наука, которая подвела человека к окну в большой мир и сказала: вот он каков на самом деле. Думай, зачем ты и зачем он.

Как стать астрономом?

Учебный комплекс по проспекту Ленина, между Астраханской и Университетской, знает, вероятно, каждый саратовец. На краю его, со стороны улицы 20 лет ВЛКСМ, размещается пятиэтажный корпус физического факультета СГУ. Обычное современное здание, ничего примечательного, только на крыше его возвышается большая кирпичная надстройка с обширной балюстрадой, а над ней круглая астрономическая башня с серым пластинчатым куполом.

Здесь, на самом верху, выше всех учебных комнат, кафедр и аудиторий, обосновались «отшельниками» университетские астрономы. С пятого этажа в пристройку ведет неширокая каменная лестница, поднявшись по которой попадаешь в коридор. Вдоль него во всю стену висит цветное панно с изображением планет Солнечной системы, а в углу, отгороженная от лестничного проема перильцами, ухитрилась разместиться крохотная механическая мастерская, состоящая из верстачка и двух настольных станков. Станция наблюдения за искусственными спутниками Земли, или лаборатория № 6, – так называется учреждение, куда мы попали. Само помещение станции по планировке чем-то напоминает жилую квартиру. К небольшой, без окон прихожей с двух сторон примыкают комнаты, довольно плотно уставленные столами, шкафами и аппаратурой. Если выйти через проходную узкую комнату на крышу корпуса, то здесь на обширном ее пространстве можно увидеть разные интересные вещи: радиотелескоп с двухметровым рефлектором, спиральную антенну для приема информации со спутников, две астрономические башни, в которых стоят скрытые от глаз телескопы, большие морские трубы на треножниках, разместившиеся на крыше пристройки. Целое астрономическое хозяйство! Сюда частенько ходят на экскурсии, особенно осенью, когда рано темнеет, студенты, школьники и группы трудящихся. Сотрудники станции показывают им оборудование, знакомят со звездным небом, рассказывают о достижениях современной астрономии.

Экскурсанты воспринимают все как должное, вряд ли догадываясь, что и своими успехами, и оборудованием, и в большей мере самим своим существованием станция обязана инициативе и настойчивости двух-трех людей, положивших немало сил для создания в Саратове астрономической школы.

В кабинете начальника станции Ю. А. Склярова, над его рабочим столом висят два портрета, выполненных тушью. На одном изображен худощавый седой человек с пушистыми белыми усами и задумчивыми глазами, на втором тоже пожилой человек в очках, со впалыми щеками и тяжелыми морщинами на лице. Это И. Ф. Полак и П. В. Вьюшков – основатели старейшей в университете кафедры астрономии, созданной в 1920 году. Вьюшков последние годы жизни был тяжело болен, но работы не бросал почти до самой смерти. Среди других пионеров кафедры можно также назвать Г. И. Свешникова, П. И. Яшнова, А. А. Белопольского. Все эти люди сделали немало доброго для пропаганды и организации астрономического дела в СГУ – занимались научными работами, читали лекции, публиковали статьи. Но главная заслуга здесь принадлежит, по мнению людей, знакомых с историей кафедры, замечательному ученому и чудесному человеку Павлу Васильевичу Вьюшкову, отдавшему все без остатка силы на развитие астрономии в Саратове – почти 50 лет жизни!

Когда узнаешь о научной деятельности бывшего начальника станции, слышишь отзывы о нем сотрудников, то на ум невольно приходит известное сравнение. Человека давно нет в живых, а свет от него, как от погасшей звезды, все идет и долго еще будет идти. Примечательно: когда заходит разговор о Вьюшкове, прежде всего, говорят о нем как о человеке, а потом уже как об ученом – столь велика сила обаяния личности. Каков же он был, первый саратовский астроном, чьей неутомимой деятельности станция обязана своим существованием?

Рассказывает Ю. А. Скляров, много лет проработавший вместе с Вьюшковым:

– Павел Васильевич был человеком совершенно удивительным, пожалуй, таких людей я больше не встречал, хотя на свете немало добрых и умных людей. Все, кто с ним близко имел дело, обязательно попадали под влияние его личности. Достоинств у него было много: доброта, бескорыстие, какая-то врожденная деликатность, трудолюбие, организованность, необычайная душевная чуткость и научная одаренность. Ум он имел глубокий и тонкий, образование обширное. Остроумен был, но тоже очень по-своему. Этого передать нельзя. Скажет словцо, и всегда так кстати, что, если у тебя и плохое настроение, поневоле улыбнешься, и легче становится. Научные

интересы Павла Васильевича были широки, и, за что бы он ни брался, во всем умел сказать что-то новое...

Много интересного мог бы рассказать Скляров о своем бывшем учителе и друге – на целую книгу хватит. Павел Васильевич по своей основной специальности был классическим астрометристом – занимался определением точных координат и составлением звездных каталогов и в этом качестве зарекомендовал себя как один из лучших специалистов в нашей стране. Много ездил: Калмыкия, Сибирь, Дальний Восток, Север – всю страну исколесил.

У читателя, незнакомого со спецификой некоторых астрономических специальностей, такая непоседливость может вызвать недоумение. Астрономов принято считать людьми «сидячей» профессии – смотри себе в окуляр телескопа, Земля ведь вертится. Однако приходится путешествовать и астрономам, особенно астрометристам. Существуют в разных точках Земли так называемые астро-пункты первого класса, то есть точки на местности, географические координаты которых должны быть известны с высочайшей точностью. Они совершенно необходимы для привязки при составлении карт. Подсчитать с требуемой точностью координаты таких пунктов по звездам могут только опытные наблюдатели, отлично владеющие математическим аппаратом. К числу таких редких в мире специалистов относился и П.В. Вьюшков. Большую сложность в этой работе представляет точное определение широты пункта. Составляются так называемые эфемериды, то есть специальные таблицы, содержащие сведения о наблюдаемых звездах. Павел Васильевич лично составил том эфемерид для 500 пар звезд – огромнейший труд, оценить по достоинству который может только тот, кто сам им занимался.

Или еще одна интересная область, не имеющая прямого отношения к астрономии, – гравиметрия. Эта наука занимается точным измерением силы тяжести в разных точках земного шара. Сила тяжести, как знают многие из школьного курса физики, – величина не постоянная, а меняется с широтой. Оказывают влияние на нее и местные неоднородности в структуре земной поверхности. Отклонения ничтожны, какие-то тысячные, но по ним можно судить о составе земной коры. Можно, например, обнаружить залежи полезных ископаемых. Вьюшков разработал новый метод высокоточного измерения силы тяжести – тоже серьезный вклад в науку.

Во время войны Вьюшков вел активную преподавательскую работу. Сразу в двух университетах, саратовском и эвакуированном ленинградском. Читал курсы лекций по самым разнообразным дисциплинам: математике, физике, астрономическим наукам. Все на высоком уровне, с большим знанием дела.

– Поражало трудолюбие Павла Васильевича, – рассказывает дальше Ю.А. Скляров, – все время в движении, все время в действии. Кажется, его жизненной программой было не потерять впустую ни одной минуты. Те, кто не знал его близко, вряд ли догадывались, что этот человек болен туберкулезом легких. С годами, когда болезнь начала серьезно мешать работе, стал активно бороться с ней. Занимался спортивной ходьбой, теннисом, бадминтоном. Здоровье для него было не самоцелью, а необходимым условием для плодотворной работы.

...А работы хватало всякой, не только научной, но и организационной, особенно после создания станции в 1957 году. Раздобыть оборудование, найти помещение, кого- то убедить, с кем-то и поспорить, преодолеть естественную инерцию мышления. Сейчас, спустя годы, становится особенно ясно, что энергия и энтузиазм Вьюшкова сыграли решающую роль в судьбе саратовской астрономической школы. Окажись на его месте человек менее деятельный, ученый-индивидуалист (есть ведь и такие) или просто любитель спокойной жизни, вряд ли астрономические исследования в СГУ достигли бы того высокого уровня, на котором они находятся сейчас. Но, может быть, главной удачей Вьюшкова были люди, которых он сумел собрать вокруг себя, подействовать на них личным примером, привить горячую любовь и преданность астрономии. С одним из таких людей мы познакомимся поближе.

Ю. А. Скляров известен в СГУ одновременно как ученый и изобретатель, автор оригинального прибора – пиргелиометра, и как руководитель партийной организации физического факультета. Кроме того, он – член Головного совета по астрономии при Министерстве высшего и среднего специального образования РСФСР, заместитель председателя областного правления общества «Знание», опытный педагог, лектор-пропагандист астрономических знаний.

Научная и жизненная судьба Склярова столь органично связаны между собой, что трудно отделить одну от другой. Это тот случай, когда школа жизни, закаляя характер и волю, подготовляет отличную основу для научной деятельности, в которой без этих качеств трудно рассчитывать на успех.

Юрий Андреевич Скляров принадлежит к тому поколению, которое, хотя и не участвовало по молодости лет в войне, но хорошо, слишком хорошо помнит ее, к тем, чьи золотые мальчишеские годы угодили как раз между сорок первым и сорок пятым.

...У каждого поколения есть свои духовные черты, нечто неуловимо общее, чего нет у следующего, более молодого.

Увлеченность Ю. Склярова общественной работой, серьезное отношение к учебе и потом верность на всю жизнь избранному делу, эта крепкая крестьянская привычка к труду и высокоразвитое чувство долга – не той ли они закваски – военных лет, когда не было и в помине слова «акселерация», но зато дети были взрослее иных нынешних взрослых?

Родился в Прималкинском совхозе Кабардино-Балкарской АССР в крестьянской семье. Отец будущего ученого Андрей Николаевич Скляров, талантливый радиолюбитель, сумел рано привить сыну интерес к науке и технике. В доме из книг была кое-какая литература по радиотехнике и прекрасный учебник астрономии известного советского ученого Воронцова-Вельяминова, который мальчик стал читать с семи лет и с которым не расставался долгие годы.

С четырнадцати лет начал работать – сначала на водокачке, потом водовозом, комбайнером. Перед поступлением в университет заведовал током, да и, учась в университете, каждое лето ездил на сезонные работы в родное село. Семья нуждалась в помощи, приходилось чередовать умственный труд с физическим.

...На левой руке у Юрия Андреевича оторваны кончики трех пальцев – недобрая память о войне, отметившей всех: и взрослых, и детей. После освобождения Кабардино-Балкарии от фашистов на территории оставалось много неразорвавшихся мин и гранат. Наиболее смелые подростки из тех, кто постарше, помогали бойцам очищать территорию. Выворачивали запалы и бросали их подальше. Бывали случаи, когда запал взрывался в руках...

– Я еще дешево отделался, – говорит Юрий Андреевич, – только грудь ранило и повредило пальцы. Хорошо, глаза целы остались. Без пальцев астроному еще можно обойтись, а вот без глаз – никак.

Есть такая ценнейшая черта характера – целеустремленность. Словно стрелка компаса, выводит она человека к желанной цели, отвращая от соблазна легкого успеха, помогая преодолевать препятствия. В университете Скляров учился с увлечением, занимался комсомольской работой. Научные интересы будущего астронома определились рано и в значительной мере под благотворным влиянием П. В. Вьюшкова, который сразу обратил внимание на способного студента и предложил ему заняться проблемой измерения солнечной радиации. Существовавшие в те времена зарубежные пиргелиометры – приборы для измерения абсолютной величины солнечной радиации – не удовлетворяли возросшим требованиям к точности. Наиболее совершенный пиргелиометр Ангстрема имел два чувствительных элемента, что усложняло расчет шкалы и приводило к значительным погрешностям.

Павел Васильевич по широте своих интересов занялся в свое время и этой проблемой. Ему пришла в голову идея оригинального болометрического приемника тепла, сулившая немалые перспективы. Но идея эта требовала основательной теоретической разработки, постановки экспериментом, а у загруженного по горло другими делами ученого времени на это не было. Вот он и предложил сырую, неоформленную идею толковому студенту. И не ошибся в выборе, видимо, поняв чутьем опытного педагога, что передает дело в надежные руки. Юрий Скляров энергично взялся за работу. К лету 1951 года были сделаны основные расчеты, проведены лабораторные эксперименты и готов макет прибора. Во время летней учебной практики макет был опробован и показал обнадеживающие результаты.

...Дипломную работу Скляров защищал по материалам экспедиции. Работа оказалась написана на столь высоком уровне, что была опубликована в научном ежегоднике СГУ и затем упомянута во всесоюзном астрономическом журнале СССР для сведения специалистов. Редчайшая удача для выпускника, в которой, впрочем, все закономерно. Ранняя научная ориентация плюс способности плюс характер – вот простая и в то же время сложная формула этой удачи. П. В. Вьюшков имел все основания быть довольным своим учеником. При такой настойчивости и способностях от него можно было ждать новых успехов. Скляров был оставлен в университете для продолжения работы над пиргелиометром. Однако научная деятельность молодого ученого была неожиданным образом прервана. В 1955 году в числе знаменитых тридцатитысячников секретарь комсомольской организации физфака Юрий Скляров был послан в отстающий колхоз на должность председателя.

Что общего между астрономией и сельским хозяйством? В сложное послевоенное десятилетие такой вопрос вряд ли кому-нибудь приходил в голову. Сельскому хозяйству позарез нужны были энергичные, способные люди, хотя бы для того, чтобы в стране появился достаток и те же астрономы могли спокойно заниматься своим делом. «Я – единственный за всю историю науки председатель колхоза – астроном», – будет шутить позднее Скляров, а пока ему не до шуток. Хозяйство развалившееся, техники никакой. Начинать приходилось почти с нуля. Но, как верно заметил кто-то из великих, талантливый человек талантлив во всем. Председательская деятельность молодого астронома Ю. Склярова – хорошее подтверждение этой мысли. За пять лет работы в колхозе имени Кирова Энгельсского района он успел сделать немало. Поднял отстающее хозяйство, получил орден «Знак Почета»... От тех лет у Юрия Андреевича сохранился пожелтевший номер

областной газеты «Коммунист» с фотоснимком на первой полосе, сделанным в момент, когда он с группой колхозников осматривал отремонтированный инвентарь.

Тогда его знали только как крепкого председателя, а в астрономическом образовании видели лишь любопытную деталь биографии, которая хоть и не мешает работе, но и не помогает тоже. Хороший председатель, у начальства на виду – чего еще надо человеку? А человеку надо было гораздо больше того, что он имел. Просторы полей были ему тесноваты, ему нужна была Вселенная: звезды, Солнце. В ясные ночи председательский взор нетнет да и обращался к звездному небу. Взор не простого созерцателя, а человека знающего. Одной думой к зерновым, другой – к звездам. Днем – хозяйственные дела, а по вечерам – чтение специальной литературы, занятия математикой, астрономией, английским языком. В конце концов, Скляров решил принять участие в конкурсе на вакантное место преподавателя астрономии Саратовского педагогического института. К немалому удивлению членов ученого совета, председатель колхоза представляет на конкурс четыре научные работы и отдельную брошюру, которые он сумел подготовить за короткий отрезок времени до назначения на председательскую должность. Багаж более чем солидный даже для освобожденного от других забот человека. Скляров успешно проходит конкурс.

В 1963 году бывший председатель избирается деканом физико-математического факультета, а в 1966 году утверждается проректором по учебной работе. Параллельно занимается пиргелиометром: публикует несколько теоретических статей, проводит эксперименты. Идея Вьюшкова оказалась на редкость плодотворной, и чем больше углублялся в нее Скляров, тем больше открывалось перспектив. Становилось ясно, что одному ее во всей полноте не раскрыть, нужны люди.

Познакомимся поближе с этой интересной идеей и вообще с принципами измерения солнечной радиации.

Значение Солнца для земной жизни понимает в наше время каждый. Поток солнечной энергии, идущий днем, согревает нашу планету, а ночью тепло частично удерживается атмосферой, а частично излучается в мировое пространство. Соотношение приходящей и уходящей энергий – энергетический баланс – играет решающую роль в земной жизни. Если бы, к нашему несчастью, Солнце вдруг погасло, то меньше чем за год все живое на Земле погибло бы, и никакое могущество современной науки не могло бы предотвратить фатальный конец. Даже незначительные колебания энергетического баланса, зависящие от многих причин, и, прежде всего, от состояния ат-

мосферы, сразу становятся заметны. Давно, например, известно, что в ясную погоду при прочих равных условиях утро холоднее, чем в пасмурную. Тучи, подобно покрывалу, удерживают тепло. Загрязнение атмосферы промышленными отходами, климатические изменения, вызванные деятельностью нашей технологической цивилизации, и другие проявления человека как «геологического фактора» (выражение академика Вернадского) так или иначе отражаются на энергетическом балансе. Отсюда становится понятен повышенный интерес ученых к этой проблеме, особенно в наше время. Изучением энергетического баланса «Земля – атмосфера» занимается специальная отрасль науки – актинометрия, располагающая различными видами приборов для измерения солнечной радиации, среди которых важное место занимают актинометры и пиргелиометры. В чем различие между ними? Актинометры просто регистрируют радиацию по принципу «больше – меньше», не давая точной ее величины. Пиргелиометр – прибор абсолютный и поэтому более сложный. Он позволяет определять конкретную величину радиации в калориях или ваттах на единицу поверхности. Пиргелиометрия поставляет ценнейшие данные для очень многих наук, таких, как метеорология, геофизика, космонавтика, медицина и др. Так, зная мощность теплового потока в космосе, можно рассчитать тепловой режим космического корабля, определить количество энергии, поступающей на другие планеты Солнечной системы.

Пиргелиометр – прибор совершенно особый по сравнению со многими другими измерительными приборами. Шкала для него получается не прямым измерением, а рассчитывается по формулам, в которые входят параметры прибора, присущие только данной конструкции. У разных конструкций – разные параметры, следовательно, разные расчетные формулы, поэтому неизбежны несовпадения в показаниях. Для солнечной радиации – этого капризного, подверженного постоянным колебаниям потока энергии, к сожалению, невозможно завести единый международный эталон, наподобие, скажем, парижского эталонного метра. Поэтому пиргелиометристам не остается ничего другого, как время от времени съезжаться в какое-нибудь солнечное место на земном шаре и производить одновременно замеры солнечной радиации – каждый своим прибором. После сравнения результатов вводятся соответствующие поправки в шкалы. Такие международные съезды, позволяющие добиться единообразия показания, называются сравнениями и являются очень важным событием для пиргелиометристов. Необходимость в них стала отчетливо ясной на Первом Международном Сравнении в 1959 году. Расхождение в показаниях приборов составило

тогда почти пять процентов. Ясно, что от простоты и совершенства схемы пиргелиометра прямо зависит точность измерения. Именно это обстоятельство и заставило в свое время Вьюшкова искать более простую и надежную схему, погрешность которой была бы наименьшей. Так родилась идея болометрического приемника.

...Я держу в руках маленький картонный квадратик, на котором наклеен черный кружок величиной с копейку. Если присмотреться повнимательнее, то окажется, что это плоская, плотная спираль из тонкой проволоки. Из периферии торчат два волоска – контакты. Ювелирная работа! Это и есть болометрический приемник, изобретенный Вьюшковым.

Работу прибора объясняет ближайший помощник и ученик Склярова Ю. И. Бричков:

– Принцип действия нашего пиргелиометра основан на том, что при нагревании проводника тока изменяется его электрическое сопротивление. Болометрический приемник, вот эта спиралька, подключается к одному из плеч обычного электрического мостика. Для лучшего поглощения тепла спираль зачерняется специальным лаком. Солнечный поток, падая на приемник, нагревает его, меняя электрическое сопротивление, это приводит к разбалансировке моста. Настраивая соответствующие элементы схемы, мосту возвращают равновесие, а затем величины поправок вводят в соответствующую формулу и получают абсолютное значение радиации. Так первый раз рассчитывается шкала прибора. Дальнейшие измерения производятся уже по этой шкале.

Юрий Иванович рисует на листке бумаги схему прибора, пишет несложные формулы. Сопротивления плеч, сила тока, коэффициент поглощения... Все как будто просто и понятно. Но простота эта лишь кажущаяся. За ней – годы упорного труда, нелегкие проблемы, которые на готовой схеме не увидишь. Вот, например, одна из них, чисто теоретическая – расчет погрешностей. Ей Скляров посвятил целый ряд статей. Не углубляясь в тонкости, скажем главное – без точнейшего расчета погрешностей нельзя быть уверенным в шкале, а следовательно, и в самом приборе. А изготовить болометрический приемник? Навить и наклеить спираль, подобрать лак, собрать схему? Это проблемы конструкторские и технологические. Небрежность изготовления, любая ошибка в элементах схемы неизбежно отражаются на чувствительном приборе, увеличивают погрешность. Много пришлось преодолеть трудностей создателю болометрического пиргелиометра, тем более, что работать приходилось практически в одиночку. Но вот первый большой и заслуженный успех. В 1964 году прибор демонстрирует-

ся на ВДНХ и сразу привлекает внимание специалистов из самых разных областей науки и техники, а еще через год Скляров успешно защищает кандидатскую диссертацию по нему в крупнейшем научном заведении страны – Главной геофизической обсерватории.

...Это были годы активного утверждения идеи. Скляров демонстрирует свой пиргелиометр на всесоюзных научных конференциях, публикует новые статьи, проводит серию экспериментов по исследованию светопоглощающих покрытий для приемника. Прибором начинают всерьез интересоваться институты и университеты страны, международные организации геофизиков. Привлекает в болометрическом пиргелиометре его главное достоинство – универсальность, возможность измерять излучения в очень широком диапазоне длин волн. Так пиргелиометр Склярова оказался удобен для измерения выходной мощности лазеров. В дальнейшем были созданы модификации для измерения лазерных излучений.

Работа над пиргелиометром отнимала немало времени, но, кроме того, приходилось заниматься и другими делами – вести курсы по астрономии и истории физики, читать лекции в планетарии, заниматься с юными астрономами во Дворце пионеров. В трудах и заботах формировалась личность ученого, вырабатывался свой стиль в науке.

К этому времени дела на станции наблюдения из-за болезни ее руководителя П. В. Вьюшкова основательно пошатнулись. Остались всего два сотрудника – Бердников и Сахаров, которые занимались, в основном, наблюдениями за искусственными спутниками. Вьюшков не мог больше уделять работе столько времени, сколько раньше, – возраст не тот, силы не те. В конце концов, болезнь взяла свое, и весной 1969 года один из старейших астрономов нашего города, неутомимый труженик и замечательный человек Павел Васильевич Вьюшков скончался. Неизвестно, как пошли бы дальше дела станции, если бы место покойного не занял его лучший ученик Ю. А. Скляров. Скорее всего, ее расформировали бы в последующие годы, как многие другие станции, когда потребность в них стала уменьшаться.

В человеческом коллективе, особенно в научном, огромную, подчас решающую роль играет человек, который, подобно генератору, возбуждает остальных своей энергией и волей, порождая многократно усиленный творческий импульс. Следуя своему характеру и внутренним установкам, новый руководитель двинул дело дальше. С 1969 года начинает неуклонно увеличиваться количество перспективных научных разработок, а вместе с ним и число сотрудников. Подборкой кадров Скляров занимается самым серьезным образом, учитывая и способности, и характер, и, главное, отношение

к делу. Люди случайные, которым все равно, чем заниматься, сразу исключаются из рассмотрения. Главная цель – подобрать талантливых, инициативных и преданных науке людей, которых не надо подгонять в работе. Постепенно на станции формируется весьма сильная и спаянная группа научных сотрудников, таких, как Богданов, Бердников, Зинченко, Хохлов, Ильченко. Им помогают инженеры и лаборанты. Каждый ведет свою научную или хоздоговорную тему. Еще при Вьюшкове станция выделялась среди других качеством наблюдений за искусственными спутниками Земли, своевременно и отлично выполняя задания Астросовета. Но тогда велись лишь визуальные наблюдения за спутниками. С 1972 года по договору с Астросоветом коллектив станции приступает к обработке так называемых спутникограмм, то есть, фотографий спутников в полете, получаемых через Астросовет из различных обсерваторий и наблюдательных пунктов мира. Рассчитываются координаты, расстояния, применяется специальная аппаратура, широко используются ЭВМ. Дело по тем временам совершенно новое, учиться не у кого. Саратовские астрономы первыми в стране осваивают оригинальный метод полной астрометрической обработки спутникограмм и публикуют результаты в сборниках Астросовета.

Группой сотрудников, работающих на станции Астросовета в Симеизе, внедрено машинное управление наблюдениями за спутниками; освоена лазерная дальнометрия с помощью лазерной пушки, приобретена метеорологическая установка «Уран» для приема информации с метеорологических спутников; собран и установлен единственный в Саратовской области радиотелескоп и начаты регулярные занятия радиоастрономией. С редкой настойчивостью и энергией Скляров расширяет сферу деятельности своей станции, стремясь превратить ее в разностороннее научное учреждение. Любая ценная идея сотрудников находит у него отклик, подбираются с тщательностью темы исследований, привлекаются к работе студенты.

Одним из главных, да пожалуй, самым главным направлением научных исследований остается комплексное изучение Солнца. С 1970 года к этой работе подключается недавний выпускник Ю. И. Бричков, который становится с годами одним из основных помощников Склярова. На основе болометрического пиргелиометра возникает целое научное направление. У первых моделей имелся один существенный недостаток – трудно было с требуемой точностью подсчитать площадь приемника, подвергаемую радиации. Как точно ни измеряй спиральный «пятачок», все равно получается какая-то ошибка. Совместными усилиями было найдено простое и оригинальное решение. Вместо того чтобы измерять весь «пятачок», лучше подвергать облу-

чению часть его, ограниченную с высокой точностью. На входном отверстии пиргелиометра появляется новая деталь – прецизионная диафрагма, представляющая собой отверстие с остро заточенными краями, диаметром чуть меньше «пятачка». Освещаемая площадь, таким образом, задается с очень высокой точностью, что повышает и точность шкалы. Но и это усовершенствование не удовлетворяет авторов. Настройка прибора и управление им производятся вручную, что приводит к появлению случайных ошибок, затрудняет обращение с ним. Старший инженер А. В. Предтеченский подсказывает интересную идею автоматического уравновешивания моста, которая после соответствующей разработки реализуется в очередной модели.

Лето 1975 года. Небольшой курортный городок в Швейцарии – Давос. Сюда на Четвертые Международные Сравнения пиргелиометров в составе советской делегации, состоящей из трех человек, приезжает Ю. А. Скляров с последней, наиболее совершенной моделью болометрического пиргелиометра.

– Сравнения проводились на крыше Давосского госпиталя в течение нескольких дней, – вспоминает Юрий Андреевич. – Выглядело это все так: пиргелиометристы разных стран, всего около пятидесяти человек, расположились весьма плотной группой на террасе, открытой со всех сторон для солнца. По сигналу оргкомитета производились замеры радиации в один и тот же отрезок времени и полученные значения обрабатывались на ЭВМ. С погодой нам, правда, не совсем повезло. В Давосе в это время года обычно бывает солнечно, а на этот раз, как нарочно, была облачность несколько дней, так что основные измерения делались буквально в последние дни. Но, несмотря на метеорологические сложности, главная цель сравнений была достигнута. Болометрический пиргелиометр показал себя не хуже, а в некоторых отношениях и лучше зарубежных моделей. Это не было для нас новостью, так как все существующие конструкции мы хорошо знали, знали их достоинства и недостатки. А вот для зарубежных специалистов наш пиргелиометр, пожалуй, был новостью...

Да что там говорить, результаты поездки оказались просто отличными. Пиргелиометр Склярова продемонстрировал высокие качества. Прибором заинтересовались представители иностранных фирм, увидевшие его широкие возможности. Среди участников сравнений были распространены переведенные на английский язык статьи Склярова, опубликованные в свое время в трудах Главной геофизической обсерватории.

Были установлены личные контакты с зарубежными коллегами, получены более подробные сведения о других приборах. Главное же – сравнения

показали, что годы, ушедшие на разработку собственной конструкции, были затрачены не зря.

Первый выход саратовской астрономической школы на международную арену оказался отличным стимулом для дальнейшей работы. Вскоре была создана автоматическая система для радиационных измерений на высотах порядка 30 километров. Такой пиргелиометр поднимается на аэростате и производит все необходимые операции: аппаратура слежения автоматически находит Солнце и перемещает за ним прибор в процессе измерения, компьютер рассчитывает величину радиации, а записывающее устройство фиксирует результаты. Это был принципиально важный шаг в работе над пиргелиометром. Возникнув как сугубо наземный прибор, он поднимается в небо. Но и это не все. Пройдет время, и станция получит от Главной геофизической обсерватории почетный и ответственный заказ – разработать на основе болометрического пиргелиометра автоматическую систему. Задача чрезвычайно сложная, требующая оригинальных конструкторских решений. Коллектив станции успешно решает ее, делая тем самым новый шаг в развитии идеи пиргелиометра.

Болометрический пиргелиометр зарекомендовал себя как прибор, нужный народному хозяйству, науке. На идее болометрического пиргелиометра защищено уже четыре диссертации, получено авторское свидетельство, готовится несколько новых заявок. И везде, на всех этапах работы решающую роль играют люди, их отношение к делу.

С вдохновенной страстью, не жалея ни времени, ни сил, работает главный специалист станции по электронной аппаратуре А. В. Предтеченский, осуществивший четыре запуска на высоту 32 километра. Важные теоретические разработки ведет Ю. И. Бричков, высокое профессиональное мастерство проявляет инженер по приборам физик В. К. Сахаров.

При всей своей заинтересованности как руководителя в увеличении числа научных работ, выполняемых станцией, в одном вопросе Скляров чрезвычайно щепетилен. Главный принцип непреложен – диссертация не самоцель, а закономерный итог добросовестной научной работы. Этот хороший принцип завещал ему Павел Васильевич, известный кроме всего прочего тем, что ученая степень была присуждена ему без защиты, по совокупности работ.

...У него по-крестьянски тяжелые, привыкшие к работе руки и мягкие, спокойные черты лица, с неуловимой ноткой твердости. Странно представить себе Склярова за таким, например, невинным занятием, как сидеть и смотреть перед собой ни о чем не думая – естественная потребность,

свойственная многим. Устаешь от работы, внимание рассеивается, нужны паузы. У Склярова их не бывает. С годами выработалась стойкая привычка жить на полном накале. Даже если ноют старые шрамы в непогоду, даже если все чаще с приближением отпуска напоминают о себе почки.

Есть люди, у которых мысль всегда превращается в полезное дело. Они рано осознают свое призвание и не ломают в молодые годы голову над вопросом: кем быть, чем заниматься? Профессия сама находит человека. Может быть, в раннем детстве увидел мальчик первую звездочку на вечернем небосклоне, и ее свет так поразил его, что остался в душе на всю жизнь. И мальчик стал астрономом...

Саратовские звездочёты

На просторной плоской крыше корпуса физического факультета довольно светло, хотя время приближается к полуночи. Город утоплен в электрических огнях. Горят ближние фонари, светятся окна домов, сверкают на тёмном фоне Лысой горы красные огоньки привокзальной вышки. У горизонта, почти по всему его кругу, небо отсвечивает мутноватой желтизной, там пробиваются лишь отдельные звездочки, но над самой головой и в направлении северо-запада небо темнее и прозрачнее. Отчетливо видны Арктур и Вега – одни из самых ярких звезд весеннего неба, чуть поодаль спокойной немерцающей точкой светится Сатурн, а на западе, словно маленькая лампочка, горит Юпитер.

– Отраженный свет мешает, – говорит старший научный сотрудник Л. Н. Бердников, с которым мы в этот поздний час стоим на самой верхней площадке станции около астрономической башни, – свет от города рассеивается в атмосфере, и видимость от этого ухудшается.

Хозяйство у Бердникова небольшое, но необычное – два стационарных телескопа и три бинокулярные морские трубы на треножниках для наблюдений за искусственными спутниками. Трубы стоят на верхней площадке, укрытые брезентовыми чехлами, телескопы ниже, на крыше в астрономических башнях.

...Гулко погромыхивает железный купол, поворачиваясь на роликах. Вверху открывается вертикальный прямоугольный просвет, в котором сияет яркая голубая точка. В окуляре телескопа удивительно симпатичный, странно близкий Сатурн, опоясанный золотым плоским колечком. Когда вот так видишь его впервые, трудно сдержать улыбку: кажется что это искусно сделанная елочная игрушка, которую кто-то подвесил перед самым твоим носом, а не

огромное небесное тело, удаленное от Земли на многие миллионы километров. И сразу вспоминаются наши космонавты. Если холодная, безжизненная планета так трогает, то какое непередаваемо сильное чувство испытали они, когда впервые увидели из космоса нашу живую Землю! Кто-то из них, помнится, сказал, что более сильного потрясения он не переживал за всю свою жизнь.

А вот и Юпитер, тоже рельефно круглый, словно яблочко. По одну сторону от этого гигантского «яблочка» вытянулись в линию четыре светлые точки – спутники. Тихо стрекочет электродвигатель привода, незаметно для глаза поворачивая трубу телескопа вслед за движением небесного свода. Изображение чуть колышется от испарений нагретого за день солнцем города.

Леонид Николаевич выключает двигатель, и Юпитер прямо на глазах уплывает из поля зрения. Уникальная возможность увидеть зримо, как вращается наша планета. Оказывается, Земля вращается довольно быстро!

Впрочем, ближние наблюдения не входят в обязанности Бердникова. Это так, для студентов, экскурсантов и случайных посетителей вроде меня.

Его научная работа – изучение переменных звезд, или цефеид (о них мы уже упоминали). Период пульсации таких звезд составляет от 55 минут до 55 дней. За это время звезда многократно увеличивает свой блеск и постепенно угасает. Наблюдения за переменными звездами дают ценнейшую информацию для астрофизики. По результатам наблюдений составляются кривые изменения светимости во времени. Всякого рода отклонения от предсказанных значений светимости (эфемерид) позволяют специалистам судить о процессах, происходящих в недрах звезд.

Бердников – профессиональный наблюдатель переменных и пульсирующих звезд. Материалы его наблюдений неоднократно публиковались в специальных выпусках АН СССР, а теперь легли в основу диссертационной работы, посвященной исследованию механизмов пульсации и теории звездной эволюции.

Кроме того, Бердников руководит визуальными наблюдениями за искусственными спутниками Земли. Он – один из ветеранов станции, и его работы в этой области давно заслужили высокую оценку специалистов.

– Спутников сейчас много, – рассказывает Бердников. – Иногда по пять-шесть за ночь приходится видеть. Но я веду наблюдения только за низколетящими, высота которых не превышает четырехсот километров. Работа эта координируется Астросоветом СССР и является частью международной программы «Атмосфера».

Он кратко излагает суть дела. С 1957 года разными странами запущено на орбиты ни много, ни мало около 2000 спутников. Если прибавить сюда

последние ступени и их защитные колпаки, то окажется, что в космосе побывало около 9000 искусственных тел! И хотя часть из них сгорела в атмосфере, все равно остается внушительное число. Поэтому увидеть в наше время ночью спутник – дело обычное. Значительный процент этого небесного сонмища составляют отслужившие свой срок аппараты, постепенно теряющие высоту, – своего рода космические мертвецы, ожидающие огненного погребения в атмосфере. По они тоже кое на что еще годятся. По изменению их орбиты можно судить о состоянии верхних слоев атмосферы – температуре, плотности и других параметрах. Периодически на станцию приходят телеграммы из Астросовета с указанием координат и времени прохождения спутника над Саратовом. Наблюдатель направляет большую морскую трубу – бинокуляр – на заданный участок неба и поджидает спутник.

Нужно уловить момент, когда он появится в поле зрения, поймать в перекрестье окуляра и сразу же нажать вот эту кнопку. Хронограф внизу, в помещении, точно зарегистрирует время, а координаты потом отсчитываются по шкалам...

Леонид Николаевич прерывает объяснение и, вскинув голову, секунду или две смотрит в небо. Вон как раз один летит...

Он берет прибор с двух сторон за ручки и, прильнув к окулярам, начинает поворачивать трубу, ловя спутник. Вот, смотрите, пока не ушел.

Я перехватываю ручки и поворачиваю трубу вслед за спутником. После нескольких неловких движений мне удается поймать его в окуляр.

Вижу спутник! В одну секунду светящаяся точка пересекает темное поле прибора и исчезает. Ого, вот так скорость! Попробуй поймай... Но для Бердникова охота за спутниками – дело привычное. Все задания Астросовета он выполняет успешно. Именно благодаря таким, как он, наблюдателям станция неоднократно получала благодарности Астросовета за отличную работу и сейчас входит в число восьми станций ИСЗ нашей страны, наблюдающих за полетами.

Другой, пожалуй, самой обширной ныне, разновидностью орбитальных искусственных тел являются метеорологические спутники. Это спутники-работяги, которые трудятся день и ночь, передавая на Землю самую разнообразную информацию: о состоянии облачного слоя, о зарождении ураганов и штормов и т. д. Земля, словно бабушкин клубок, опутана их орбитами, так что вся ее поверхность находится под неусыпным наблюдением. Экваториальные спутники опоясывают планету по экватору, следя за беспокойными ревущими широтами, квазиполярные (то есть двигающиеся в направлении, близком к меридиональному) спиралью наматывают свои орбиты на враща-

ющийся под ними земной шар, захватывая все широты, в том числе и приполярные. Телевизионные системы, установленные на борту, непрерывно передают информацию на Землю, где на ее основе получают фотоизображения Земли из космоса.

Небольшая комнатка наполовину заставлена специальной аппаратурой, среди которой выделяется большая, размером с крупногабаритный телевизор, установка «Уран». Работает она в паре с антенной направленного действия, установленной на крыше. Вид у этой антенны прямо скажем необычный – обращенный в небо длинный, стержень, вокруг которого узкой лентой поднимается спираль.

Внимание, приближается спутник! Впрочем, команда относится только к нам с вами, читатель. Сотруднику станции она не нужна, как не нужно ему смотреть в небо, тем более что днем спутники все равно не видны. Необходимые операции выполняются в помещении. Оператор манипулирует рукояткой на пульте, и спиральная антенна за стеной оживает. Включается электродвигатель, антенна начинает совершать широкие, постепенно сужающиеся движения, ловя спутник. Зеленые лепестки индикатора сходятся, показывая, что космический объект «взят на мушку». Поворачиваются рукоятки, переключаются тумблеры... Приемник настраивается синхронно с передатчиком спутника. Начинается запись. От ходового винта медленно движется фотокаретка, из объектива которой выстреливает световой луч, незаметно для глаза меняющий яркость. Несутся из космоса сигналы. Со строго определенной скоростью вращается длинный валик, механически связанный с кареткой. На нем в один оборот намотана фотобумага. Операция записи изображения напоминает проточку резьбы на токарном станке. Луч, подобно резцу, скользит вдоль оси барабана, виток за витком засвечивая бумагу. Само собой разумеется, что происходит это в темноте, в наглухо закрытой коробке.

После проявления получается вполне разборчивый фотоснимок, состоящий, если приглядеться, из плотно прилегающих друг к другу строчек – каждая в свою очередь состоит из крохотных прямоугольничков (растров) разной яркости. Качество фотоснимка целиком зависит от искусства оператора. Нужно добиться полной синхронности в работе фотокаретки приемника и передающего устройства на борту спутника. Малейший разнобой – и получится такая каша, что ничего не разберешь.

Вот они, снимки нашей планеты. Волосы облаков над Западной Сибирью, темная извилина Кавказского хребта, треугольничек дельты Волги с частью Каспийского моря. Удивительное дело – сидит человек в центре Евразий-

ского континента, далеко от всех морей, к тому же в закрытом помещении, и фотографирует, скажем, берега Северной Африки!

Наблюдения за спутниками не являются ныне главным делом станции и составляют лишь 30 процентов от общего объема работ. Стараниями ее руководителя станция постепенно превратилась из специализированного наблюдательного пункта в серьезное научное учреждение, ведущее целый ряд астрономических исследований, в том числе и в области астрометрии, этой старейшей отрасли астрономии. Астрометристов можно с полным правом назвать современными звездочетами. В их задачу входит расчет точных координат звезд и составление звездных карт.

– Как, – удивится читатель, – неужели астрономы до сих пор не имеют точных карт звездного неба?

Иметь-то имеют, но не такие точные, как хотелось бы, – ведь методы измерения постепенно совершенствуются вместе с аппаратурой для наблюдений, прежние значения уже не удовлетворяют астрономов. Главное же – из-за сложных движений, совершаемых земной осью, координаты звезд нарушаются, и приблизительно один раз в 30–40 лет приходится делать пересчет, составлять новые каталоги. В этой работе принимают участие многие обсерватории и наблюдательные пункты мира, в том числе и саратовская станция. Саратовская станция уже несколько лет занимается составлением звездного каталога приполярной зоны.

Работа выполняется совместно с МГУ, откуда присылаются необходимые материалы. Современная астрономия – наука коллективная. Расчет координат с требуемой точностью одному человеку в наше время не под силу – для этого необходима уникальная наблюдательная аппаратура, которой располагают единичные научные учреждения. Наивысшую точность можно получить только с помощью фотосъемки, с последующим расчетом координат по фотоснимку. Съемки производятся в крупных обсерваториях на астрографах. Это, пожалуй, самый точный из всех оптических приборов, которыми располагает современная оптическая техника. Он представляет собой сочетание телескопа с длиннофокусным фотоаппаратом и устанавливается на хорошем фундаменте в условиях, исключающих колебания температуры и малейшие сотрясения, – такая мощная оптическая пушка с двумя стволами, один над другим.

На негативе размером с тетрадный лист – еле заметные для глаза точки, обведенные колечком или скобочкой, всего десятка три точек. Это и есть снимок участка неба. Такие снимки приходят из Москвы и затем подвергаются математической расшифровке. Первая часть работы выполняется на

КИМе – координатно-измерительной машине, которая представляет собой большой круглый стол, оборудованный пантографом для перемещения снимка и оптической системой с точными шкалами.

...Сидит за столом лаборантка и, склонившись над окуляром, поворачивает разные шкивы и рукоятки. Рядом с ней таблица, в которую она заносит координаты звезд. Поймала очередную точку – звездочку – в перекрестье и записала показания шкал. Работа не очень сложная, но требующая предельной аккуратности: ошибешься в сотой доле, и улетит звезда на миллионы километров в сторону от своего истинного положения.

Прямым измерением получаются плоские координаты, которые нужно перевести в сферические, истинные. Это гораздо более сложная работа. Подставляются данные в сложные формулы, подсчитываются на ЭВМ, проверяются, снова подсчитываются. Ни единой ошибки не должно быть в результатах! Между тем пропустить ошибку ничего не стоит – настоящей звезде в принципе все равно, где ее поставит астроном на карте, претензий она не предъявит. Чтобы избежать погрешностей измерений, астрометристы разных стран иногда дублируют друг друга и потом сравнивают результаты.

Сотрудник станции М. Б. Богданов получает ценную информацию от самих звезд, используя услуги весьма необычного помощника – Луны. Наш естественный спутник в своем относительном движении по звездному небу перекрывает некоторые звезды. Процесс покрытия Луной звезды оказывается очень важным для астрономов. Ее яркость при этом уменьшается от максимума в самом начале до нуля в конце. Наблюдатели разных стран составляют кривые изменения яркости тех или иных звезд в процессе покрытия. Кривые получаются самые разные у разных звезд и зависят от многих причин: углового диаметра звезды, ее яркости, состава атмосферы. Это обстоятельство и используется астрономами-теоретиками, такими, как Богданов, для получения различной информации о звездах. Так, зарубежные наблюдатели, работающие при Гамбургской (ФРГ), Мак-Дональдской (США) и других обсерваториях, рассчитывают с высокой точностью угловые диаметры звезд. Заметим здесь, что величина эта составляет меньше одной сотой угловой секунды, поэтому даже самые сильные телескопы не увеличивают видимых размеров звезды – она остается практически все той же точкой, только более яркой. Метод покрытия позволяет определять угловые диаметры с точностью до одной десятитысячной угловой секунды!

– Чтобы дать наглядное представление, – объясняет Богданов, – достаточно сказать: если бы телескопы обладали такой разрешающей способностью, то можно было бы видеть космонавтов на Луне.

Сам Богданов пошел дальше своих зарубежных коллег. Он разработал новую, более совершенную методику, позволяющую определять распределение яркости по дискам звезд.

Первая звезда Вселенной

Представление об астрономах как о людях, главное занятие которых – сидеть по ночам у телескопа, как видим, не соответствует действительности. Ночная наблюдательная практика составляет лишь часть рабочего времени астронома, да и то не каждого. Есть немало специалистов, занимающихся обработкой данных, полученных другими, есть и такие, которым по характеру работы ночное небо вообще не нужно.

Есть астрономы, работающие только днем, в ясную погоду, когда небо свободно от туч. Это и понятно: из всех сокровищ звездного неба их интересует одна весьма скромная и по размерам и по светимости звездочка, отличающаяся от других тем, что видеть ее можно только днем. Звезда эта, как догадался читатель, – наше Солнце. В астрономических каталогах Солнце слывет этакой космической посредственностью, входя в разряд так называемых желтых карликов. Название хотя формально и верное, но, прямо скажем, обидное. Если жизнь действительно редкое, а тем более уникальное явление, как предполагают сейчас некоторые ученые, то наше Солнце следует без всякого колебания назвать первой звездой Вселенной. Кроме того, это самая близкая к нам звезда. Нас разделяет ничтожное в космических масштабах расстояние – всего 106 солнечных диаметров, а воздействие Солнца на Землю столь огромно, что можно смело сказать: мы живем в атмосфере Солнца. Наша планета находится под постоянным гипнозом желтого глаза, и, может быть, когда-нибудь выяснится, что и жизнь-то на Земле возникла не просто при участии, а по прямому сигналу нашего драгоценного светила.

Солнце для современных астрономов – это не просто гигантская топка, а источник самых разнообразных, иногда загадочных, излучений, каждое из которых влияет на те или иные факторы земной жизни. Именно поэтому изучение Солнца является одной из обширнейших областей современной астрономии. На саратовской станции, например, комплексные исследования солнечной радиации составляют порядка 60 процентов от общего объема работ. Основной инструмент – все тот же болометрический пиргелиометр. На его базе группе удалось разработать оригинальную конструкцию ореольного актинометра для измерения околосолнечной радиации. О су-

ществовании этого рода излучений было известно еще в 30-е годы нашего века. Тогда было замечено, что кроме радиации, исходящей от видимого диска Солнца, есть еще радиация от солнечного ореола, создаваемого атмосферой. Актинометры старых конструкций не воспринимали ее, а между тем она составляет до 10 процентов всей энергии, поступающей от Солнца. Цифра внушительная. Ясно, что ее необходимо учитывать при расчете энергетического баланса «земля – атмосфера».

Прибор, разработанный сотрудниками станции, отличается одной особенностью: он имеет переменный угол зрения, регулируемый ступенчато, по принципу веера. Достигается это с помощью пакета двустворчатых диафрагм, установленных на объективе. По мере откидывания створок угол обзора увеличивается, захватывая и значительную часть солнечного ореола.

Интересны разработки саратовцами полостных пиргелиометров, в преимуществах которых Скляров воочию убедился во время Четвертых Международных Сравнений. У обычных моделей часть радиационного потока неизбежно рассеивается в окружающем пространстве за счет отражения его от поверхности приемника. Добиться стопроцентного поглощения никак не удается. Даже лучшие светопоглощающие лаки хоть незначительную часть лучей, но отражают. Определить же процент отраженных лучей тоже не удается с нужной точностью, а между тем коэффициент поглощения входит в формулу расчета шкалы. Абсолютный пиргелиометр оказывается не таким уж абсолютным. Какой-то процент энергии ускользает, оставаясь неучтенным. С целью повышения точности приборов применяют своеобразные ловушки света – замкнутые полости, имеющие с одной стороны вход для лучей.

Представим себе шарик для настольного тенниса, у которого в поверхности высверлено отверстие диаметром с копейку. Если всю внутреннюю его сферу плотно, один к одному, выложить витками зачерченной проволоки, то получится идеальный полостной болометрический приемник. Луч света, попадая в такой шарик, многократно отразится от стенок и будет практически полностью, поглощен. Сферический приемник, безусловно, самый сложный технологически, поэтому группой разрабатываются и более простые – цилиндрический, конический и другие. В 1989 году на ореольный актинометр было получено групповое авторское свидетельство.

А вот еще одно интереснейшее направление в области комплексных исследований Солнца, которое возглавляет радиоастроном А. В. Хохлов. Наше светило по богатству и разнообразию электромагнитных излучений вполне можно сравнить с симфоническим оркестром, в котором весьма заметную партию ведут радиоволны. Информация, которую они несут, очень интерес-

на для астрономов. Как известно, любое тело, нагретое выше определенной температуры, излучает радиоволны, при этом чем выше температура тела, тем короче длина волн. Эта закономерность позволяет получать самую разнообразную информацию о далеких космических объектах. Даже атмосферы планет Солнечной системы излучают радиоволны, что позволяет добывать сведения об их состоянии. Необычайно мощным источником радиоволновых излучений является наше Солнце. Оно излучает радиоволны в чрезвычайно широком спектре длин – чем ближе к центру диска, тем короче волны, причем излучает не только сам диск, но и значительная часть солнечной атмосферы. Существует у специалистов такое понятие – радиодиаметр Солнца, который превышает диаметр видимого диска почти в шесть раз. Если бы человеческий глаз обладал способностью воспринимать радиоволны, то Солнце предстало бы на небе в виде огромного светящегося шара с размазанными, постепенно теряющимися контурами. Многие процессы, происходящие на Солнце, сопровождаются радиоволновыми излучениями, и в первую очередь это относится к солнечным вспышкам. И вот что удивительно: радиоволны приходят на Землю раньше, иногда задолго до возникновения вспышки. Солнце, словно зная, что на Земле живут разумные существа, способные понять его язык, предупреждает их заранее: будьте внимательны! Готовится извержение! Изучением радиоязыка Солнца и занимается А. В. Хохлов.

...На краю крыши у невысокого бордюра стоит аппарат, по виду слегка напоминающий бытовой электрический рефлектор, только раз в десять больше размерами. Это единственный в нашем городе радиотелескоп, прибор, который большинство людей видело лишь в кино да в книгах. Его почти двухметровое параболическое зеркало из тонколистового алюминия обращено к небу, и кажется, что застывший в неподвижности прибор внимательно слушает что-то, понятное лишь ему одному. Самую сложную в техническом отношении часть – зеркало – саратовцам подарили их коллеги, горьковские астрономы, а приемную аппаратуру собрали на месте.

Радиотелескоп – прибор необычайно чувствительный, требующий особых условий эксплуатации. Проедет поблизости автомобиль, и приемник регистрирует радиоволновое излучение от искрящейся свечи двигателя. Серьезной помехой для наблюдений является работающая поблизости радио- и электроаппаратура. Есть такие чувствительные радиотелескопы, что реагируют даже на зажженную спичку, пламя которой тоже излучает радиоволны, хотя и совершенно ничтожной мощности. Во время приема рядом с таким прибором нельзя даже закурить.

Радиоастрономия – дело сравнительно новое для СГУ. До 1967 года ею здесь вообще не занимались, не было такой учебной дисциплины. Потом Хохлову, как радиофизику, было предложено разработать курс лекций по радиоастрономии для студентов физического факультета.

Радиоастрономия – наука блистательная и разнообразная, у нее колоссальные возможности и, следовательно, перспективы. Наиболее неожиданные и новые сведения об отдаленных космических объектах добыты именно радиоастрономами.

Планы на будущее у Хохлова большие. Вот одна, например, идея – попробовать наблюдать за развитием вспышек на Солнце. Чтобы поймать радиотелескопом крохотное зарождающееся пятнышко на Солнце, нужна высокая разрешающая способность, исчисляемая угловыми секундами. Одиночные радиотелескопы такой зоркостью не обладают. Для этой цели применяют системы из двух телескопов, называемые интерферометрами. Есть, например, у Солнца одна волнующая ученых тайна. Приблизительно раз в 11 лет активность излучений достигает максимума. Но почему именно в такой срок, какими причинами определяется цикличность, пока неизвестно. Имея интерферометр, можно попытаться решить и эту задачу.

Но это все в будущем, а сейчас идет работа над темой: «Эффект поляризации в радиодиапазоне». Известно, что свет, проходя через некоторые вещества, подвергается поляризации, что позволяет астрономам судить о физико-химическом составе различных космических тел, например комет. Аналогичный эффект, только в диапазоне радиоизлучений, исследует Хохлов, его работа открывает новый канал информации о космических объектах, в частности, о нашем Солнце, и представляет несомненную научную ценность.

На этом мы, пожалуй, и закончим наше краткое знакомство с университетскими астрономами, чтобы рассказать в заключение о людях совсем другой профессии, всегда считавшейся далекой от астрономии, – о врачах.

Солнце – друг, солнце – враг

Астрономия и медицина... Не так уж давно сама попытка искать точки соприкосновения между этими двумя областями знания воспринималась в лучшем случае иронически. Вспоминали недобрым словом астрологическую медицину, утверждавшую, что болезненные процессы, протекающие в организме, находятся под влиянием таинственных космических сил. Считалось, что это грубое заблуждение, если не прямой обман, и что причины

болезней не выходят за рамки «взаимоотношений» данного организма и болезнетворных микробов.

«Эпидемиологи отворачивались от изучения этих явлений, как будто это не могло их интересовать, – писал по этому поводу выдающийся советский гелиобиолог А. Л. Чижевский. – Космическое и солярное излучения, корпускулярное и коротковолновое, электрическое и магнитное явления в земной атмосфере и ее коре, влияющие на жизнь биосферы, стоят вне поля зрения медицины. Как отстала она от современной астрономии, астрофизики, геофизики и т. д. Древние врачи отличались большей широтой и терпимостью».

Сам Чижевский, являя пример научной самоотверженности, в условиях полного непонимания занимался исследованием связей между солнечной активностью и эпидемическими болезнями. Теперь эти связи являются научным фактом, отрицать огромную значимость которого, как это было десятилетия назад, невозможно. Утверждение в научном сознании взгляда на мир как единое целое явилось в свое время благотворным стимулом для развития многих наук, а теперь коснулось и медицины. В астрономических учреждениях страны все чаще стала появляться невиданная ранее фигура – врач.

Как всегда в новом деле, первыми за рамки устоявшихся представлений выходят единицы. Нашлись такие люди и в Саратове.

...Гузеев Владимир Владимирович. Заведующий кафедрой педиатрии факультета усовершенствования врачей Саратовского медицинского института, один из первых в нашем городе врачей, по достоинству оценивший творческое наследие Чижевского и ставший верным его последователем.

Есть что-то общее в научной судьбе Гузеева и Склярова. Родился в семье агронома-биолога. Благодаря отцу получил раннюю ориентацию на занятия медициной и биологией. Врачебную специальность выбрал по призванию, пополнив собой небогатый в наших детских лечебных учреждениях процент мужчин-педиатров. Медицинский институт закончил с отличием, прошел подготовку в ординатуре, аспирантуре и успешно защитил кандидатскую диссертацию. 17 лет проработал в детских клиниках 3-го клинического городка СМИ, где зарекомендовал себя как хороший специалист по заболеваниям органов дыхания у детей и другим болезням.

Именно клиническая практика привела Гузеева к выводу о недостаточности существующего подхода к этой группе заболеваний, основанного на взгляде на больной организм как практически автономную систему, вышедшую из равновесия. Влияние окружающей среды хоть и принималось во внимание, но было ограничено лишь исследованием метеорологических

и связанных с ними климатических факторов. Между тем в ряде случаев характер протекания болезни не исчерпывался этим подходом, порождая вопросы, на которые не было ответа. И врач думал. И чем больше думал, тем больше убеждался: нужны какие-то новые идеи, но какие?

Как часто бывает в жизни, когда человек долго и напряженно ищет, в конце концов, срабатывают какие-то неизвестные законы и желаемое, часто приняв форму случая, является к нему само.

– Такое у меня получилось совпадение, – рассказывает Владимир Владимирович. Несколько лет назад, будучи в Ленинграде, я познакомился с одним врачом, близко знавшим вдову А. Л. Чижевского Нину Вадимовну. Он дал мне почитать взятые у нее труды покойного Александра Леонидовича, которые чрезвычайно меня заинтересовали неожиданностью и новизной идей. Я стал размышлять, где бы достать в личное пользование какую-нибудь из основных его книг, и представьте себе, дня через два захожу в букинистический магазин и обнаруживаю единственный экземпляр книги Чижевского «Земное эхо солнечных бурь». Повезло. Такие книги долго на полке не лежат. Прочтя ее, я окончательно убедился, что нашел то, что искал.

Свою ориентацию в науке, сложившуюся в результате долгих исканий и нашедшую прочную опору в идеях Чижевского, Гузеев характеризует как медико-биологическую.

– Эволюцию европейской лечебной медицины последних десятилетий можно, пожалуй, разбить на три этапа соответственно акцентам, которые ставились в подходе к заболеванию, – объясняет он свою позицию. – Первый – микробиологический, прошедший под лозунгом: убей микроба – и больной будет здоров. Потом врачи поднялись до понимания роли внутренних сил организма. Прибавилась установка – укреплять организм. И вот теперь происходит, уже на третьем этапе, осознание большого значения среды в самом широком смысле этого слова: тут и метеорологические явления, и геомагнетизм, и гемотронные влияния – все, что охватывается емким понятием «экологический фон» и теснейшим образом связано с процессами, происходящими на Солнце. Схема возникновения заболевания при таком расширенном подходе выглядит приблизительно так. Патогенные экологические факторы воздействуют одновременно на два «этажа» биосферы: микромир (микробы) и макромир (организмы). Микробы, как более простые системы, быстро перестраиваются с возрастающей болезнетворной активностью, приспосабливаясь к изменившейся экологической ситуации. В случаях прямого электромагнитного воздействия Солнца им в этом помогает невероятно высокая чувствительность к изменениям солнечной актив-

ности, намного превосходящая существующие приборы. Организм же, особенно человеческий, – система на много порядков более сложная, а следовательно, обладающая значительной инерцией. Так быстро он перестроиться не успевает. В результате на каком-то временном интервале наступает так называемая ДЕСИНХРОНИЗАЦИЯ биохимических и физиологических процессов, то есть перевес активности микробов над защитными силами организма, который, словно тяжеловесный бегун, поздно взявший старт, вынужден догонять противника. У ослабленных организмов «гонка» затягивается и, как следствие, наступает заболевание...

Меня иногда упрекают в том, что я слишком далеко ухожу от лечебной медицины в биологию и другие области, прямо с ней не связанные. Но что поделаешь, если к этому толкает само развитие естествознания. Тот, кто проникся диалектической идеей взаимосвязи явлений природы, не может более оставаться в рамках своей узкой специальности. Нужно представлять общую картину, иначе неизбежны упрощения, а с ними и ошибки. Организм, биосфера, Солнце – глубокая связь между ними научно доказана и безусловно должна учитываться врачом, тем более в случаях хронических заболеваний, плохо поддающихся существующим методам лечения.

Ценная черта характера Владимира Владимировича – душевная неуспокоенность, не дающая удовлетворяться пресловутым процентом выздоровлений. Нужно излечивать всех больных, тем более детей. Именно эта черта привела его осенью 1975 года к университетским астрономам – накопленные идеи требовали реализации. Ю А. Скляров с большим вниманием отнесся к редкому посетителю. Не только не принял его за чудака-оригинала, но самым серьезным образом выслушал и в дальнейшем оказал немалую помощь в систематизации и математической обработке клинического материала, помог со сбором данных о солнечной активности.

Задача, которую поставил перед собой Гузеев, очень непроста и рассчитана на многолетний труд, включающий и экспериментальную, и теоретическую работу. «Патология органов дыхания у детей в связи с солнечной активностью и метеорологическими факторами» – так называется тема его исследований. Конечная цель работы – создать своеобразную шкалу ценностей для различных экологических факторов, так или иначе связанных с солнечной активностью. Уже проведен обширный ретроспективный анализ за несколько лет, убедительно показавший связь между активностью Солнца и течением таких заболеваний, как пневмония, грипп, бронхиальная астма, и других, составлены экологические карты. Владимир Владимирович убежден, что если бы удалось вовлечь в эту работу побольше исследовате-

лей, то сообща можно было бы добиться результатов, недостижимых для существующего, локального подхода к этим болезням. Например, прогнозировать ситуации, неблагоприятные для детей, склонных к пневмонии, с целью проведения массовой профилактики этой болезни. Сейчас работа в самом разгаре. Основную часть информации Гузеев рассчитывает получить из опытов над морскими свинками. Уже подготовлена методика экспериментов, создана испытательная камера и генераторы электромагнитных волн, моделирующие солнечные излучения. С помощью этой аппаратуры появляется возможность проанализировать влияние на организм отдельных составляющих всего спектра электромагнитных излучений. Например, экранировать животных от внешних воздействий, а потом подвергать воздействию радиоизлучений разных диапазонов.

Дел непочатый край, на много лет хватит. А мысль ученого движется дальше, к новым обобщениям.

– Сейчас многим становится ясно, что биологический подход в медицине исчерпывает себя. Выросшее на его основе медикаментозное лечение не в состоянии решить всех клинических проблем. На смену лекарственной терапии идет терапия регулирующая и стимулирующая, впитавшая в себя идеи практической восточной медицины. Будущее, по-видимому, за биофизическим подходом, рассматривающим организм как единое целое, связанное со средой. Болевая электростимуляция, частным случаем которой является иглоукалывание, лечение лазером, звуковое воздействие уже успешно применяются многими врачами. Это новое для европейской медицины сангенетическое направление – прямой результат все больше утверждающего себя экологического мышления.

Большое понимание и поддержку встретил Гузеев у ректора Саратовского медицинского института члена-корреспондента АМН СССР, профессора П. Р. Иванова, проректора профессора С. А. Степанова, сотрудников кафедры метеорологии и климатологии СГУ профессора В. Л. Архангельского и доцента С. Н. Лапиной.

Интереснейшие семинары по магнитобиологии ведет С. Н. Иванова, заведующая кафедрой биологии и физики Саратовского зооветеринарного института.

Особый интерес представляют, по мнению Гузеева, исследования основателя Саратовского областного аллергологического центра заслуженного врача РСФСР Льва Григорьевича Горчакова. Аллергические заболевания, порождаемые нарушением нормальной реакции организма на микробы и различные болезнетворные белки, – бич нашего времени. Большое коли-

чество болезней, особенно детских, в основе своей имеют аллергию. Здесь и кожные заболевания, и болезни органов дыхания и почек, других внутренних органов. Отсюда ясно, как важно знать механизмы, вызывающие аллергию, какую огромную ценность имеет каждый шаг, сделанный в этом направлении. Одна из глав докторской диссертации Горчакова посвящена исследованию влияния солнечной активности на частоту возникновения и течение бронхиальной астмы и представляет большую теоретическую и практическую ценность.

...Солнце, наше чудесное, дарующее жизнь светило, при упрощенном понимании его влияния на организмы, оказывается, может быть врагом человека, провоцирующим различные заболевания. Дело тут в том, что многие излучения действуют не прямо, а косвенно, через магнитосферу Земли. Они вызывают магнитные бури, которые, в свою очередь, выводят из неустойчивого равновесия ослабленные болезнью организмы, порождая различные, иногда очень опасные для жизни, нарушения.

Установлению влияния геомагнитных факторов на легочные кровотечения больных туберкулезом посвящена глава докторской диссертации Л. Б. Худзик, доцента СМИ. У людей, тяжело больных туберкулезом, иногда возникают внезапные легочные кровотечения, часто с печальным исходом, предвидеть которые очень трудно. Несколько лет назад Худзик занялась этой проблемой. Связалась со Скляровым, получила от него обширную информацию по колебаниям солнечной активности за несколько лет и приступила к работе. Пользуясь данными, получаемыми от астрономов, она провела с 1975 по 1977 год серию опытов. Больным перед началом очередного цикла вводили в кровь гемостатические средства, предотвращающие кровотечения. Результаты оказались весьма красноречивыми: за этот период количество кровотечений значительно снизилось по сравнению со среднестатистическим. И здесь была экспериментально установлена связь между солнечной активностью и течением болезни.

Исследования саратовских медиков, убедительно показывающие роль Солнца в возникновении и протекании болезней, приводят к мысли, что в Саратове необходимо создать медико-физическую «Службу Солнца», которая бы следила за солнечной «погодой» и прогнозировала неблагоприятные ситуации. Об этой службе говорят Ю.А.Скляров, В. В. Гузеев, Л. Б. Худзик и другие врачи и астрономы, понимающие значение Солнца для земной жизни.

Небо и люди... В начале нашего рассказа мы обратили внимание на космическую устремленность, как важную, может быть, фундаментальную по-

требность человеческой души, которая прямо или косвенно проявлялась еще с древнейших времен. Пусть она не носит пока массового характера – за ней будущее. И лучше всех это понимают те, чья деятельность так или иначе связана с космосом. То, что мы узнали о работе героев нашего очерка, составляет хотя и главную, но все же часть их научных интересов. Есть и вторая, не менее для них важная.

Уже 12 лет ведет увлекательную телевизионную программу «Под знаком зодиака» А. В. Предтеченский. Юношеским клубом любителей астрономии руководит М. Б. Богданов. Читает лекции по астрономии для учителей А. В. Хохлов. Об интересах Ю. А. Склярова мы уже упоминали. Те, кому приходилось бывать на его выступлениях, знают Склярова не только как ученого, но и как талантливого докладчика, обладающего даром емко и образно доносить знания до любой аудитории.

Современный человек с удивлением и радостью обнаруживает множество невидимых ранее нитей, соединяющих бесконечность Вселенной с бесконечностью в нем самом. Не жалкий клочок мыслящей материи, затерянный в космическом океане среди чуждых ему стихий, а дитя мира, возможно, его центр и смысл – к такому выводу нас подводят достижения самых разных наук: от астрофизики и космологии до биологии и медицины. И хочется верить, что самоотверженный труд ученых принесет нам в будущем новые удивительные открытия.

Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МОЙ СТАРЫЙ ПАРК…

Парк культуры имени Горького – самый, быть может, оригинальный уголок Саратова, райское местечко в центре индустриального пейзажа. Входишь в него по короткому проулку с шумной и пыльной улицы Чернышевского и словно попадаешь в параллельный мир, совсем не похожий на тот, что остался за спиной. Огромные корявые дубы, тенистые аллеи, сверкающие на солнце зеркала прудов, аттракционы, деревянные резные скульптуры. Прохлада, свежесть, тишина… Особенно очаровывают пруды – причудливая гирлянда живописных водоёмов с овражистыми берегами, на которых тянутся высоко, вверх к небесам, причудливо изогнутые мощные стволы. Пруды в каменных джунглях современного города – явление, согласимся, достаточно неожиданное и в высшей степени трогательное.

Многие ли из посетителей парка, коренных саратовцев, знают его историю, имена людей и события, так или иначе с ним связанные? Остановите любого прохожего и задайте вопрос – что здесь было сто лет назад? Наверняка он ничего не сможет вам ответить. Современный горожанин живёт как бы в двухмерном мире, именуемом «настоящим», имея весьма смутное представление о третьем измерении – прошлом, без которого это самое «настоящее» становится довольно бессмысленной картинкой, И саратовцы тут не исключение.

Вряд ли молодые люди, распивающие пиво на лавочке, знают, что дубам, под которыми они сидят, 185 лет. Эти дубы выросли из желудей, посаженных во времена войны России с Наполеоном, когда А.С.Грибоедов был семнадцатилетним юношей и ещё не написал свою знаменитую комедию, «прославившую» в веках имя нашего города.

А что знает о прудах парочка, проплывающая на лодке под горбатым чугунным мостиком?

Своим появлением на свет, как, впрочем, и весь парк, пруды обязаны двум оригинальным персонам, жившим в Саратове в начале прошлого века. Это обрусевший потомок грузинских дворян губернатор Алексей Давыдович Панчулидзев и пленный французский офицер, инженер фортификационных сооружений Жан-Виктор Понселе. Оба – личности замечательные. По заданию губернатора Понселе разработал проект искусственных прудов, под который были использованы два проходивших здесь оврага. Его соплеменники, тоже военнопленные, перегородили овраги в шести местах дамбами-перемычками, а потом образовавшиеся углубления постепенно заполнились водой из бивших на дне родников. Так родился парк с проточными родниковыми прудами и дубравой, ставшей спустя годы истинным украшением нашего города. Такой дубравы в условиях города нет больше нигде в европейской части России.

Понселе оставил о себе память ещё и тем, что занимался на досуге наукой и написал книгу «Основы проективной геометрии». Говорят также, что в Саратове он познакомился с восхитившей его технической новинкой – деревянными счётами, которых Европа тогда не знала, и потом привёз домой во Францию. От него якобы в европейских странах и вошёл в употребление сей надёжнейший инструмент. Если это лишь легенда, то, следует признать, остроумная. Древнее восточное изобретение, привезённое из провинциального волжского городка, ставшего символом русской глуши, в блестящую Францию – такое запоминается…

Саратов в начале XIX века и вправду был типичной провинциальной глушью. Это кромешная мгла по ночам, отсутствие канализации и водопровода, козы, бродящие по заросшим травой улицам; это непролазная грязь осенью, в которой горожане оставляли порой сапоги и добирались домой босиком; это амбре, исходившее от помоев и трупов животных, валявшихся в канавах, и другие «язвы прошлого». Однако уже тогда существовали в городе губернская гимназия и богадельня, открытые при Панчулидзеве, построено несколько соборов. А сейчас я назову цифру народонаселения Саратова первой половины прошлого века, неизменно повергавшую в весёлое изумление моих знакомых – 15000-25000 человек. Неудивительно, что многие жители города знали тогда друг друга в лицо, а Панчулидзев, славившийся своим хлебосольством и, как сказали бы сейчас, демократизмом, имел обыкновение в праздничные дни разъезжать по городу в карете, запряжённой шестёркой лошадей, с визитами вежливости к чиновникам и дворянам.

О Панчулидзеве остались от его современников самые лучшие отзывы, как об истинном «отце города», сделавшем много для него хорошего, чело-

веке, сочетавшем в себе энергию, доброту, твёрдость, щедрость, справедливость. Вот и «Парк Горького» родился на свет отнюдь не стараниями Алексея Максимовича, а благодаря инициативе губернатора Панчулидзева. В начале XIX столетия он стал владельцем рощи и находившейся в ней усадьбе с садом, а после войны 1812 года воспользовался трудом пленных французских солдат для обустройства парка – посадки дубков, перепланировки аллей, создания системы сообщающихся между собой прудов.

Будучи человеком гостеприимным, Алексей Давыдович сделал парк открытым для всех горожан. Вот как описывает его в своих воспоминаниях чиновник К. Попов:

«По саду были разбросаны хорошо устроенные беседки. Три аллеи от дома тянулись сажен на 60 и примыкали к пруду, рассекающему рощу на две половины; через пруд проведены мосты лучшего устройства; около пруда и в самой роще были сделаны разных форматов и архитектуры беседки, скамейки, столики; всюду прочищены дорожки… В пруду были лодочки, плавали лебеди, гуси, разных пород утки… Сюда в весеннее и летнее время в праздники и торжественные дни саратовцы всех сословий сходились гулять… без всякой оплаты. Запрещения не было никому, только бы были прилично одеты и держали себя пристойно. Тут гуляющие находили продавцов мороженого и разного рода сластей и закусок. Посетителей сходилось весьма много, особенно в царские дни, когда дача иллюминовывалась».

О широте и бескорыстии натуры губернатора красноречиво свидетельствует сама нынешняя дубрава, которой вполне могло не быть. Не личный же интерес заставил Панчулидзева разводить молодые дубки на смену старым, заглядывать далеко за временные пределы собственной жизни – в двадцатый век!

По причинам, не слишком хорошо известным, Панчулидзев попал в опалу вышестоящим властям и в 1826 году был отстранён от должности губернатора. Но жители губернии продолжали любить его. Дворяне, купцы, чиновники наносили ему визиты и охотно принимали у себя.

В 1834 году Панчулидзев умер. Содержать дорогостоящую усадьбу родственники не смогли, и она была продана купцу Мещанинову. А спустя десять лет перешла в собственность Мариинского института благородных девиц. В 1855 году по проекту архитектора П.С. Павлова было выстроено новое здание института. Сейчас в нём находится 95-я школа и клуб им. Карла Либкнехта. А здание институтского лазарета занимает сейчас городская музыкальная школа № 6.

На протяжении последующих лет вплоть до революции земля и строения бывшей губернаторской усадьбы переходили из рук в руки. Владельцами разных участков рощи попеременно были Парусинов, Артамонов, Уфимцев, Шмидт, Очкин, Кайсаров, Вакуров. Отсюда старые их названия: «Парусиновая роща», «Вакуровский парк», «Очкино место»… Вакуровский парк занимал участок, примыкавший к Царицыской улице (ныне улица Чернышевского). Здесь находились летний театр «Фантазия», ресторан и увеселительные заведения. А «Парусиновая роща» вошла в историю края, как место, где в 1903–1905 годах устраивали маёвки рабочие заводов Гантке, Беринга и других промышленных предприятий города…

А потом произошла революция, и долгое время новой власти было не до парка. Она занималась проблемой самоутверждения, отнимавшей, как теперь знает каждый, не только силы, но и жизни отдельных граждан. О том, что граждане нуждаются в культурном отдыхе, заговорили только в тридцатые годы. Вопрос этот, как говорится, поставил на попа Алексей Максимович Горький, ставший инициатором всесоюзного паркового движения. В 1935 году один из таких парков сменил свои прежние исторически сложившиеся названия на «сладкозвучное» буквосочетание ГЭПЭКЭИО, заслуженно украшенное именем великого пролетарского писателя.

С именем Горького связан крутой поворот в судьбе описываемого нами зелёного уголка города. Из патриархального местечка, существовавшего доселе по закону случая и естества, оно превратилось в учреждение, призванное внедрять новую культуру в сознание трудящихся и ублажать отдыхом их утомлённые работой тела. Оно стало «парком культуры и отдыха».

Метаморфоза свершилась в мгновение исторического ока – за каких-нибудь три-четыре месяца и нашла широкое освещение в местной печати. Областная газета «Коммунист» тех легендарных лет рисует картину вдохновенного труда 20 000 тысяч саратовских рабочих и студентов на строительстве парка. В очерках и репортажах подробно рассказывается, как эта трудовая армия с большим энтузиазмом копала, убирала мусор, сажала растения, возводила различные деревянные постройки, например, читальню, физплощадку, кафе, аттракционы, танцплощадку. Торжественное открытие ЦПКиО состоялось в августе 1935 года.

От тридцатых до девяностых

Все последующие годы, вплоть до войны, парк работал с полной отдачей, исправно отмечая советские праздники и всевозможные Дни: физкуль-

турника, лётчика, учителя, железнодорожника и других почётных профессий. В честь особенно знаменательных дат устраивались пышные представления, отличительной особенностью которых было принципиальное дистанцирование от прошлого. Тогдашнему партийному руководству разве что в страшном сне могло присниться, празднование, например, масленицы. с большим скрипом разрешённое спустя десятилетия чиновниками брежневской эпохи под кодовым названием «проводы русской зимы». Фантазия устроителей праздников искала тогда вдохновения в коммунистических идеях или даже в иных временах и у иных народов – где угодно, только подальше от крамольных национальных обычаев и обрядов. Читаем в одной из заметок занятные строки:

«В 12 часов ночи начинается большое карнавальное шествие, парк будет освещён фейерверочным огнём; зажгутся вращающиеся огненные звёзды, взлетят вверх десятки фейерверков и ракет, лодки на пруду оформляются под венецианские гондолы. При свете фейерверков и бенгальских огней на пруду будет инсценировка «Ночь в Венеции»; шесть оркестров будут обслуживать карнавал».

Венецианский карнавал в полутатарском волжском городе – идея, согласимся, не менее оригинальная, чем праздник рамазан в Венеции. Но таково было время – эклектичное, смешное и трагическое одновременно. И чем-то похожее на наше, не правда ли? Люди тогда не понимали истинного смысла происходивших в стране событий и фактов. Вот, например, как грибы после дождя, стали вдруг плодиться везде парашютные вышки и стрелковые тиры. Появились они и в нашем ГПКиО им. Горького. Любители этих чудных развлечений вряд ли увидели в них мрачных предвестников надвигавшегося великого народного бедствия. Между тем возникли они именно тогда, когда пришёл срок в соответствии с хорошо продуманным планом. Государство стремительно милитаризировалось, и его мудрый вождь не жалел средств на военную подготовку молодого поколения.

А потом карнавалы и празднества закончились, потому что пришёл день 22 июня 1941 года…

В военные годы парк посерьёзнел и потускнел. Его павильоны и скамейки не сверкали по весне свежей краской, и не плавали лодки по подёрнутой ряской поверхности прудов. Над главным входом и вдоль аллей висели сурового содержания плакаты: «Всё для фронта!», «Смерть фашистским оккупантам!», «Родина-мать зовёт!». Часть территории (где сейчас железнодорожная больница) занял военный госпиталь. Перевязанные бинтами, худые, бледные люди ковыляли на костылях среди деревьев, играли в шахматы на

лавочках или сидели на берегу с удочкой в руках. По ночам на город с истязающим душу воем налетали эскадрильи немецких бомбардировщиков. Они бомбили подшипниковый завод, крекинг и железнодорожный мост через Волгу, но разбомбить их так и не смогли. Иногда бомбы попадали в дома и другие гражданские объекты. Парк от бомбёжек не пострадал…

В послевоенные годы парк довольно долго пребывал в состоянии сонной неподвижности. Перед большими революционными праздниками здесь устраивались субботники, медленно, со скрипом что-то такое подстраивалось и подкрашивалось. Потом началось некоторое оживление. В шестидесятые годы из зелёного массива вырос горб «колеса обозрения», появились карусель и комната смеха – немалое событие для жителей провинциального города, видавших до сих пор такие дивности только в столице! Теперь в этом углу парка и в будние, и в выходные дни толпился жаждущий необычных впечатлений народ. Из комнаты смеха неслись волны разнокалиберного хохота, посетители выходили оттуда, досмеиваясь и вытирая кулаком слёзы. Резво бежали по кругу раскрашенные лошадки со счастливыми малолетними седоками на глянцевитых спинах. А на краю площадки медленно-медленно вращалось гигантское колесо, поднимая под небеса людей, сидевших в люльках, похожих на железные клетки. Притихшие после карусели дети, тараща глаза, разглядывали с высоты огромный, подёрнутый сизой дымкой город. Мамы, тыча пальцами, показывали им маленький, словно игрушечный, железнодорожный вокзал, Волгу и такой же игрушечный речной вокзал, стоявший тогда на понтонах. А тем временем чужие папы в соседних люльках в недосягаемости для милиции распивали «Вермут» местного розлива, не обращая никакого внимания на раскинувшийся внизу городской пейзаж. И некому было рассказать пассажирам колеса о находившихся поблизости достопримечательных местах старого Саратова: о древнем Ильинском кладбище (где некогда был похоронен Панчулидзев), исчезнувшем в начале двадцатого века под складами, и при советской власти ставшего площадью Фрунзе; о холерном кладбище у Волги, над которым возвышался громадный опознавательный крест красного цвета, видный за несколько вёрст; о Печальном переезде, через который в холерную эпидемию 1830-1831 года тянулись бесконечные подводы с гробами, – позже он был переименован в проезд какого-то Серова. И о многом другом…

Вспоминается одно колоритное местечко парка, привлекавшее к себе толпы мужчин со всего города. На берегу пруда, в тени деревьев помещалась облупленная деревянная будка с верандой, где летом продавали пиво в дубовых бочках. Полуторачасовые гомонящие очереди, пожилая толстая

буфетчица в грязном фартуке, хронически не доливающая подразбавленное водой пиво, липкие, замусоренные ошмётками воблы столики, по которым ползали большие зелёные мухи, и потные, небритые мужички, блаженно поглощающие жёлтый напиток. И страшный звук чихающего крана, означающий, что пиво кончилось и маленький земной раёк закрывается… Ах, не нашлось тогда в нашем городе смелого художника, который запечатлел бы для потомков этот экзотический сюжет!

А ещё вспоминается освещённая в ночи танцплошадка и разносящиеся над тихой водой бравурные звуки «Рио-Риты» или лирические песенки Клавдии Шульженко о старом парке, и качающиеся под фонарями пары, и подозрительное шуршание в прибрежных кустах, где юные рыбаки находили наутро пустые бутылки и некие резиновые предметы, целомудренно именовавшиеся тогда в аптеках «изделиями». И уж никак нельзя не вспомнить драки, нередко случавшиеся между «городскими» и шпаной с «Очкина места». Парк вдруг оглашался разбойничьим свистом, мелькали тени среди деревьев, слышались грубые мужские крики и женский визг. А потом всю неделю студенты-политехи в курилках муссировали эпизоды молодеческой схватки, с почтением называя имена героев и расписывая подробности их подвигов. (Так же, наверное, лет полтораста назад саратовцы обсуждали кулачный бой «стенка на стенку» на Валовой, состоявшийся по случаю масленицы, в котором отличились здоровяки-кожемяки с Тулупной улицы, крепко побившие бурлаков)…

Этой милой картинкой можно, пожалуй, и закончить наш летучий рейд в прошлое парка.

Пропустим мрачную «эпоху застоя», когда несчастные советские трудящиеся каждый день ходили на работу и отдыхали только по выходным дням, и остановимся на нынешней «светлой эпохе», когда жизнь миллионов превратилась в сплошной выходной день.

Скажем откровенно – работники парка не сумели должным образом подготовиться к этой замечательной перемене. Не возросло число аттракционов, не увеличились зелёные площадки, не распахнули двери десятки новых кафе и забегаловок, парк не шагнул по виадукам через улицу Чернышевского к Волге, сметая на своём пути малоценные застройки, как намечалось в проекте реконструкции, созданном ещё до «светлой эпохи». Да и освобождённые трудящиеся что-то не хлынули толпами в это чудное местечко. Трудящиеся, как матросы с потонувшей шхуны, попавшие на необитаемый остров, заняты сейчас проблемой выживания. И парк занят подобной проблемой. Его малочисленному персоналу сейчас не до экспансии. Сохранить

бы то, что нажито, и главное – сохранить уникальный ландшафт парка, его 605 поштучно инвентаризованных дубов и систему сообщающихся прудов. О каждом из дубов здесь известно всё – возраст, место расположения, где какие сучки обрезаны, какие деревья требуют безотлагательного лечения и т. д. Дубы стареют, ухудшается состояние почвы, а это значит, что нужно подсаживать молодые дубки из питомника, брать анализы почвы и добавлять потом в неё химические вещества, чтобы продлить жизнь дубраве. Иногда случаются авральные ситуации, требующие организованных и быстрых действий. Несколько лет назад парк был спасён от нашествия дубового шелкопряда. Тогда по весне присланные на помощь студенты института механизации сельского хозяйства собирали вёдрами коконы, кроны опрыскивались химикатами с передвижной автомобильной вышки. У деревьев стояли на коленях люди и, макая кисточки в банку с нефтепродуктом, аккуратно промазывали углубления в коре, где гнездились полчища паразитов. Нужно было уничтожить всё до единого гнёзда в каждом дереве, иначе весь труд пошёл бы насмарку. И уничтожили. По всем окрестностям Саратова дубы в то жаркое лето стояли безобразно голые, а здесь они шелестели нетронутой зелёной листвой.

Есть у дубравы и двуногие вредители. Доводится до сведения поджигателей листвы, владельцев собак и других любителей вести себя в городском парке, как в лесу, – такой дубравы в центре города нет больше нигде в европейской части России, потому что дубы в современном городе жить не могут. А у нас с лёгкой руки пленных французов держатся уже почти два века. Типичные размеры деревьев: высота 14-15 метров, диаметр ствола 85-90 сантиметров. Как объясняют специалисты, опавшая листва нужна дубам в качестве натурального удобрения и защитной подушки для почвы от сотен и тысяч ног, не желающих гулять по аллеям. Иначе оголённая почва вокруг дубов уплотняется, нарушается доступ кислорода к корням – и они начинают болеть, сохнуть. Именем всех поколений, создававших парк, сотрудники просят посетителей не уподобляться известному животному из басни Крылова, погубившему могучий дуб. Просят также не бить бутылки, не вырезать памятные надписи на деревянных постройках, не отрывать доски от скамеек, не выламывать последние три зубца из толстой латунной короны беззащитной царевны-лягушки, вообще – любить Божье творение и уважать труд человеческий. Информация специально для господ членов городской думы: во многих европейских странах за подобные шалости накладываются астрономические штрафы. Представим-ка себе вежливое, со вкусом оформленное объявление у центрального входа в парк: «Администрация доводит до

сведения уважаемых господ гостей, что удовольствие за поджигание сухой листвы, вырезание надписей на деревьях, собачьи художества на газонах и пр. (следует подробное перечисление) стоит от одного до трёх миллионов рублей. Приятного вам отдыха!» Как поднялся бы тогда уровень сознательности посетителей! Как зауважали бы саратовцы городскую власть!

Немало сложностей создают работникам парка и пруды. Их необходимо периодически очищать от водорослей, ряски и гниющих донных отложений. С помощью машин делать это рискованно. Тонкое, как яичная скорлупа, дно можно повредить драгой или ковшом, и вода будет уходить в нижние пористые слои. Проблему частично решил ГОСНИОРХ, подселив в пруды мальков планктофагов, то есть рыб, поедающих водоросли (белый амур, толстолобик). Качество воды заметно улучшилось, хотя ряску с поверхности приходится собирать пока вручную – с лодок.

В отличие от войны, перестройка, увы! не обошла парк стороной, но нанесла ему существенный вред. В новую российскую смуту парк вступил, не имея ни чётких границ и ограды на многих участках, ни средств для организации серьёзной сторожевой службы. Это делает его открытым для расхитителей. Недавно назначенный новый директор В.А.Цветков рассказывает, что после часа ночи, когда снимается милицейский патруль, лихие люди могут выносить из парка всё что угодно – от литых алюминиевых стоек к скамейкам (на металлолом) до деревянной стены павильона или мощного электромотора к карусели.

Парк до сих пор не имеет статуса памятника природы, который защитил бы его от произвола новых хозяев жизни, бессовестно пользующихся правовым хаосом в стране. Ну можно ли представить, чтобы в каком-нибудь парке мира каким-нибудь ведомством, с благодушного разрешения мэрии, без санкции экологической службы был возведён… десятиэтажный жилой дом? А у нас, оказывается, можно. Три года назад подобным образом Саратовский отдел железной дороги оттяпал у парка кусок кровной его территории, использовавшийся всегда для парников. Место суперпрестижное, райское, стройка уже начата, и остановить её, похоже, не может уже не только директор парка, но даже губернатор Д.Ф.Аяцков, оказывающий в целом большое внимание парку. Между тем сваи под дом забиты в самом «удачном» месте – где происходит подпитка прудовых родников грунтовыми водами. Злокачественное новообразование, проникшее на несколько метров в глубину, может серьёзно нарушить водоснабжение прудов. А громадный дом перекроет ветровой поток, ухудшив вентиляцию парка. Так считает В.А.Цветков, геолог по профессии. Такие вот дела ворочают наши доморощенные феода-

лы, дорвавшиеся до «демократических» свобод. И некому вызвать их «на ковёр», как бывало раньше…

При всех названных казусах парк тем не менее всё ещё остаётся очаровательным тихим местечком, где так приятно отдохнуть. На площади в двадцать гектаров вы не найдёте ни павильонов, торгующих «виртуальной реальностью», ни рекламы интимных дамских предметов, ни других примет новой идеологии, обязательных, как памятники вождям и лозунги в советские времена. Здесь, кажется, ещё не устраиваются бесовские шабаши с участием местных поп-звёзд, и посетители имеют возможность наслаждаться тишиной. Вечерами вдоль аллей ярко светят новые фонари, подаренные парку нынешним губернатором, а поутру одинокие рыбаки ловят на удочку дальневосточных рыб. Администрация смотрит на этот «промысел» сквозь пальцы.

По верованиям наших далёких предков-язычников, существуют бессмертные добрые духи, веками охраняющие полюбившиеся им ландшафты. Похоже, есть такой дух и у нашего парка. Подумать, сколько социальных декораций сменилось за двести лет, какие вихри бушевали вокруг, разрушая старое и возводя новое! А это место сохранилось. Однако в крутые наши времена и духи становятся бессильны без финансовой поддержки и, если не найти постоянный источник средств, парку грозит деградация. К счастью, у нового директора есть идеи, где можно доставать деньги, и в большом количестве. Всё очень просто. Известно, что во всём мире развлекательный бизнес считается самым рентабельным. Известно также, что в развитых странах сейчас наблюдается перепроизводство всевозможных парковых аттракционов – со вкусом оформленных, экологически безвредных, не создающих шума. Есть фирмы, готовые в кредит под будущие доходы обеспечить наш парк прекрасными аттракционами. Есть в парке свободные площади, где их можно разместить, и, главное, есть инициативный, культурный руководитель, готовый всё это сделать. Но у парка до сих пор нет «лица» – того самого, юридического, без которого ни одна фирма не рискнёт иметь с вами дело. А с лицом почему-то возникла проблема. Оказывается, не так просто его получить.

Господа депутаты думы, губернатор и мэр! Помогите парку поскорее приобрести «лицо», а заодно и статус памятника природы. Кажется, это единственный реальный шанс в нынешних условиях сохранить для потомков замечательный подарок бывшего саратовского губернатора Алексея Давыдовича Панчулидзева.

Завод «Корпус». Молодой инженер-конструктор. 1962 г.

1962 г. Испытание гидрокостюма.

Встреча Нового 1963 г.

С женой Лорисой. 1963 г.

Семья. 1965 г.

Старый Новый год у Малинового родника. 1967 г.

1967 г. В походе Архыз – Домбай

1967 г. Домбай

1967 г. В туристском лагере у Софийского ледника

На Шумейке, 1969 г.

С женой Ларисой. г. Короча Белгородской области, 1969 г.

1968 г.

22 марта 1970 г. На лыжной прогулке в Буркине

С сыном Максимом. Прогулка в лесу. Январь 1971 г.

Мурзук взят! 3.500 м. Кавказ. Август 1971 г.
Слева направо: М.Глыжев, М. Шмырёв, А. Хользунов, О. Лукьянов

По реке Кобоже. Июль 1971.

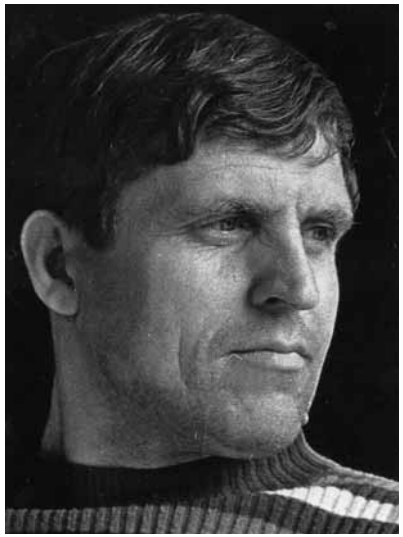
С другом Валерием Кузьменко. 1972 г.

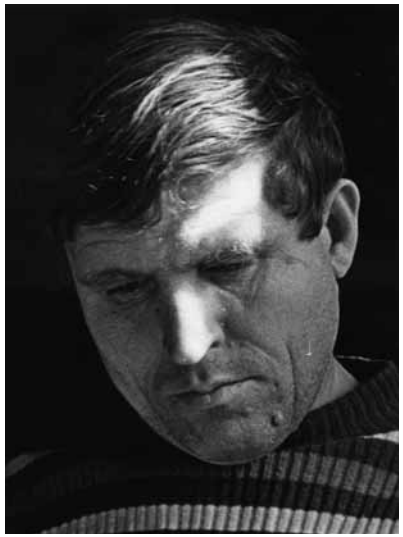

По реке Кобоже. Июль 1971.

С подругой Ларисой Сулковской. 1972 г.

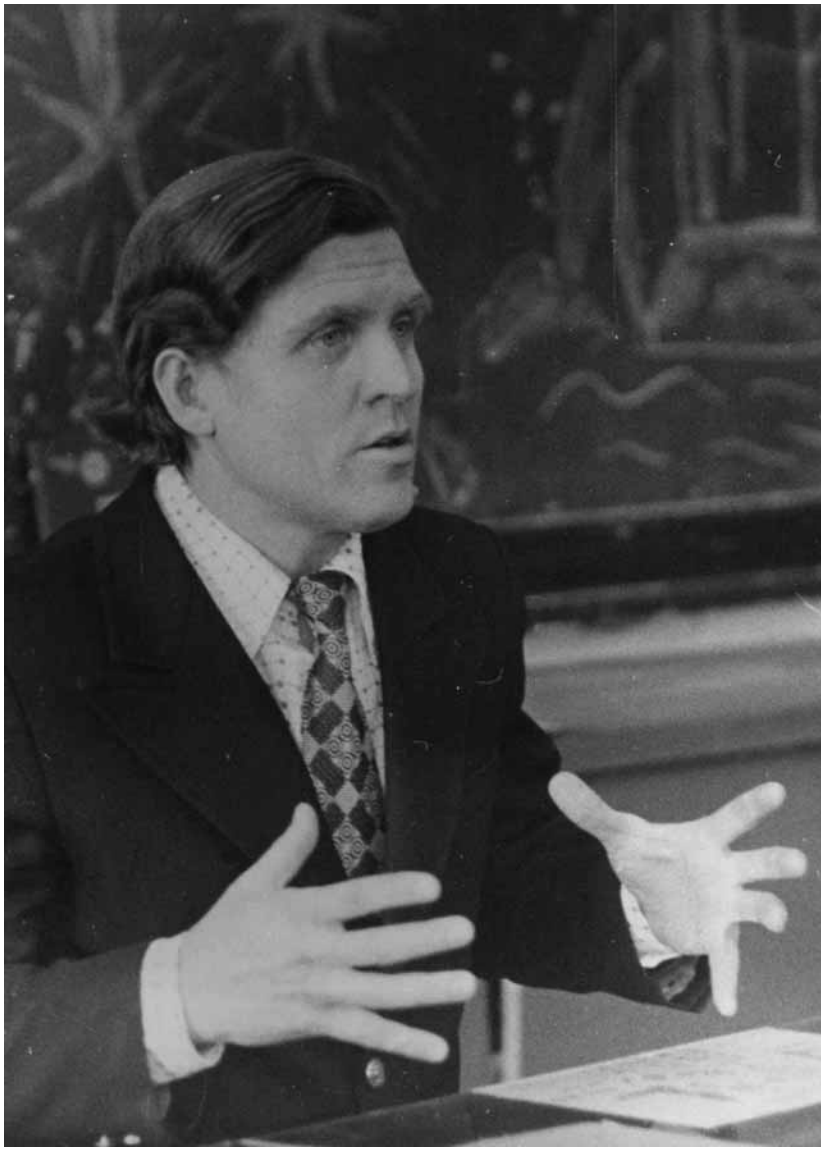

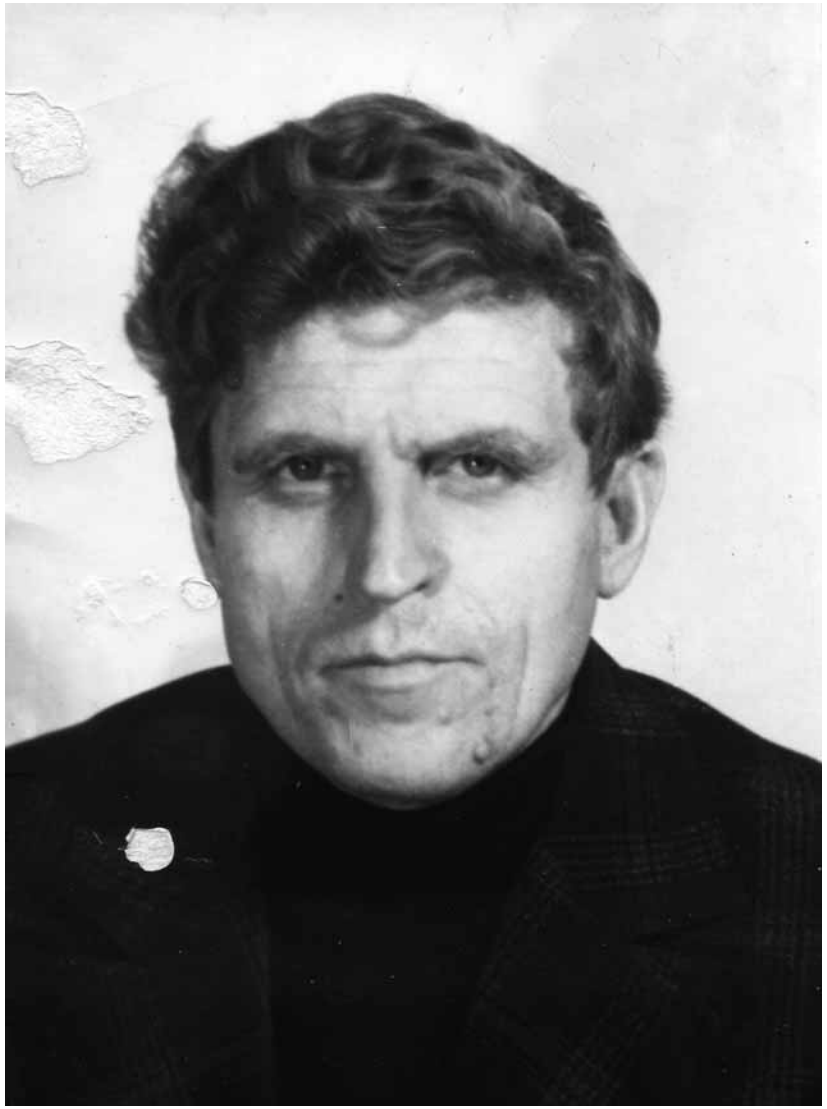
Портреты. Фото В. Кузьменко

14 марта 1981 г. На встрече с учениками 9-го класса 18-й средней школы.

1986 г.

Олег и Г. Гачев. 1987

С философом Светланой Семёновой. 1987

С Александром Ивановичем Романовым. 1987 г.

Сотрудники пожарной охраны Александр Судаков и Олег Лукьянов. 1978 г.

С Георгием Гачевым. 1987 г.

С писательницей Светланой Ягуповой и её сестрой на фёдоровских чтениях. 1988 г.

Апрель 1997. С собакой Янгой

ВОСПОМИНАНИЯ ДРУЗЕЙ

Николай РЫЖКОВ
Журналист

Первое впечатление

На востоке алела полоска зари. Мерцали чешуйки зыби на воде. Шевельнулась ли рыба на глубине, потянул ли свежий ветерок, собирая круги на поверхности… Из двери утлой сторожки, прислонившейся дряхлеющим боком прямо к стволам вётел, кустарнику, спутавшемся клубками в непролазные дебри, а поодаль – калитка с потускневшей вывеской над ней: Турбаза «Нефтяник». Сбежал по ступенькам молодой человек, полуголый, в узеньких плавках, взметнул лёгкое тело в воздух, перевернулся и на руках, вниз головой двинулся сначала по тропинке, затем по деревянным мосткам, мимо приткнувшихся к ним полосатых, красно-голубых прогулочных лодок и катамаранов, покачался на краю дощатого покрытия, закрутил сальто и с шумом погрузился в воду, вынырнул и поплыл, положив руки на волну.

Не оговорился ли я, написав «молодой человек»; вернее нужно было сказать «средних лет», но Олег был молод всегда: и в 45, и в 50, и в 55 лет – жизнерадостный, с ярко-белой улыбкой, со смеющимися глазами, шапкой русых волос, по краям свивавшимся в кудри, с лицом типичнейшее русским – ни приписать, ни придумать: Иван-Царевич. Я только что вышел из домика напротив, поёжился, глядя на пловца, и промолвил одно только слово; «Однако!»

То ли всю ночь писал Олег, то ли сейчас пришла ему в голову мысль о таинственных мудрецах, присвоивших себе волю богов, – строчки, позже пересказанные мне (цитирую намеренно неточно): «… громадный многоцветный кристалл сверкал и переливался нежнейшими изумрудными, голубыми и розовыми тонами, тысячью разнообразных оттенков. Цветовая гамма с колдовской силой притягивала взгляд. О, боги! Вспышка ослепила Гордия, перед глазами его поплыло тёмное пятно, а когда оно растаяло, странная и жуткая картина открылась его взору. Между чашами, подёрнутый светящейся туманной дымкой, с траурным великолепием уже сиял блестящий чёрный кристалл. Он вспыхнул острыми гранями и застыл – грозно- величественный, мрачно-прекрасный, вызывающий чувство первобытного ужаса и одновременно восхищения… Бесстрастный голос стал размеренно считать: «десять, девять, восемь, семь, шесть…» Чего добиваются святотатствующие мудрецы? Это объясняет один из них: «Мы ищем кристалл Смерти. Он абсолютно чёрного цвета, но неизвестной нам формы. Это детонатор Уни-

версума. Если нам удастся получить его когда-нибудь, то при счёте «ноль» Универсум схлопнется в точку. Пространство, материя, энергия – всё исчезнет, и Дух обретёт свободу, вернувшись в исходное состояние».

В эту игру, имитирующую возвратное движение к ситуации до «Большого взрыва», к точке, откуда началась Вселенная и жизнь, таинственные мудрецы пытаются привлечь самого человека. И человек должен сделать выбор.

Собственно говоря, такова концовка всех трёх лучших научно-фантастических повестей Олега: «Принцип неопределённости», «Человек из пробирки», «Покушение на планету». Только за человеком право выбора, окончательное слово, – какие бы сложные вопросы ни ставила перед ним наука. Открытое в своей недвусмысленности заключение…

Странное есть свойство у человеческой памяти. Половина сознательной жизни прошла в чтении книг и рукописей, когда при отсутствии нормальной общественной жизни (или истинно цивилизованного состояния человеческих отношений в будто навеки заколдованной рабской стране) только книга, порой и запрещённая, становилась событием, а некая строка-формула – фактом. Общение с Олегом большей частью заключалось в разговорах, и мне трудно восстановить их из-за отсутствия под рукой здесь, в Хвалынске, «Философии общего дела» Н.Фёдорова, «Этногенеза…» Льва Гумилёва, «Розы Мира» Д.Андреева – книг, порождённых интеллектуальным и нравственным беспокойством авторов, весьма нетрадиционных и незаурядных. Сколько целеустремлённости было у Олега, если в его повседневном окружении, которое достигало ему едва ли только до пояса, появлялись то «фёдоровцы», то «гумилёвцы», то «андреевцы», словно закодированные им.

В итоге Олег завершил тем, с чего другие начинают – эпистемологией. В строгом смысле слова его философический труд – это гипотеза собственного понимания мира, гипотеза, имеющая основанием прочитанное и изученное им. Может быть, это нужно было для нового цикла научно-фантастических повестей, жанре, в котором он был силён виртуозным владением интриги, искусным изложением научных идей и многозначной художественной символикой (как в сцене игры в «Покушении на планету»). Не знаю.

Вот всё, что я написал одним махом в один из хвалынских вечеров.

После прочтения «Мифа о планетарном космосе»

Кажется, ничто не предвещало в жизни Олега крутого поворота судьбы, какой приключился с ним в зрелые годы. Не предположить ли нам что-либо провиденциальное? Тем более, что силы, так сказать, провиденциальные –

любимый образ Олега с той поры, как он уверовал во всё таинственное и фантастическое. Вспомним знаменитый зачин из не менее знаменитой истории известного духовидца: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу».

Не вправе ли мы предположить, что отец Олега, выпускник института красной профессуры, заблудился гораздо раньше, когда ещё только наблюдал, как растущий наследник, ползая у ног отца, строил из томов марксистско-ленинской литературы дворцы и хижины? Младенец, конечно, не подозревал, что за стенами комнаты дворцам давно объявлена война, храмы сравнены с землёй, все улицы, парки и площади переименованы, да и в хижинах нет мира. Помню щербатые стены бывшего католического собора, вместившего отныне кинотеатр «Пионер». В лютеранской церкви обитал музыкальный лекторий местной филармонии. Бюст Александра II, освободителя крестьян, был сметён со своего пьедестала, и на его место взлетел вороньим пугалом железный Феликс. Да и вообще, не менее десятка гранитных постаментов простояли опустевшими до полувека, пока юбилеи обожествлённых революционеров не позволили занять освободившиеся вакансии.

Испокон веков западную окраину Саратова составляли овражьи покосы с дубровами. Сюда выползли бетонными серо-зелёными ящерами мрачные корпуса, обставленные, словно зубами, четырёхугольными колоннами – Саратовский автомобильно-дорожный институт имени Молотова, аббревиатура САДИ. Почему именно Молотова? Без ответа.

Первое моё образование техническое: волею судеб я начинал учиться в том же САДИ, что и Олег, но на другом факультете – дорожное строительство, где училась, в основном, сельская молодёжь и где лежала серая тень провинциализма, нищеты, однообразия; по-видимому, эту неизгладимую печать наложили первые годы существования вуза, середина тридцатых годов, отличавшихся размашистыми кампаниями, гонениями на старую инженерию, процессами Промпартии, голодом. Основной состав студентов – выходцы из деревень, едва успевшие очухаться от лихолетья. Правда, факультет, на который поступил Олег(технология машиностроения), был сугубо городским, технологически лучше других оснащённым. Шёл то ли первый, то ли второй год после смерти Сталина «тёмного духовидца и человекоорудия демонского разума», по терминологии позднего олегова кумира, Даниила Андреева.

Олег просто родился талантливым инженером-конструктором. После окончания вуза карьера начала складываться удачно: завод «Корпус», Спе-

циальное конструкторское бюро (СКБ-5). Имел несколько патентов на изобретения. Последней конструкцией Олега, полностью смонтированной, стала яхта, и ею завершилась инженерная биография, обозначив другую главу, которая подводных камней предложила не в пример больше, чем было во всех плаваниях построенного парусника.

Обаятельный, общительный молодой инженер очутился в творческом коллективе: за рейсшинами сидели не только местные, но и выпускники московских и ленинградских вузов. Я неплохо знал эту среду мэнээсов и техников, медиков и лаборантов, отмечая, что эти компании гораздо активнее, живее, культурнее того же возраста гуманитариев. «Физики», действительно, были менее заидеологизированы, чем зашоренные «лирики». В конструкторских бюро и в лабораториях свободно могли читать потаённую литературу, западные журналы, ходящие в самиздате романы Солженицына, крамольные стихи, даже строго преследуемую документированную «Хронику текущих событий». Будущим педагогам, филологам, историкам, болтливым журналистам даже подумать об этом было нельзя: эта среда постоянно просматривалась, контролировалась кураторами, была трусливой, пугливой и правоверной, как говорили, с здорово запудренными мозгами.

Как воспитывается будущий писатель – спрашивать о том не принято: он неожиданно появляется, и всё тут… Кстати, я совсем недавно, к своему изумлению, узнал, что за спиной у Олега была многолетняя школа ведения дневника. Первый научно-фантастический рассказ Лукьянова появился в журнале «Следопыт» в 1975 году. В канун сорокалетия – книга «Вся мощь Вселенной».

Наверное, внешне Олег походил на какого-то положительного героя своего же рассказа; нет, будет точнее – на персонажа фильма, сыгранного голливудским актёром по той же истории: мужественное лицо, волевой подбородок, красив… Я гляжу на фотографию, что на обложке «Мифа о планетарном космосе» – и вижу лихого парня, который мог запросто общаться с космонавтами В. Севастьяновым и О. Макаровым, мог затеять многомудрый разговор с известным философом Г. Гачевым, отнюдь не всегда склонным к сиюминутному контакту.

Деликатность – другого слова не найдёшь для характеристики отношений Олега с окружающими людьми. Причём самых разных категорий: к товарищескому кругу, к суетливому обществу провинциальных литераторов, с которыми он поневоле общался, к чиновничеству, что надзирало над писателями, и так далее. Сам же он всегда оставался самодостаточным человеком, почему-то считавшимся неблагонадёжным.

Феномен личности Даниила Андреева настолько поразил воображение, что Олег сразу же сделал «Розу Мира» своей настольной книгой. Могло ли быть иначе? Автор нескольких научно-фантастических произведений не раз ставил в центр их сюжетообразования жёсткий конфликт между биосферой и техносферой, постоянно создаваемой человеком. Читателям фантастики Олега Лукьянова бросалось в глаза, что автора, в первую очередь, увлекают не достижения технократической цивилизации, не открытия новых миров, а «подлинный путь совершенствования жизни, путь эволюционный и никакой другой».

Перечитав Даниила Андреева, я вот о чём думаю: нет у меня сомнения в том, что Андреев – это человек чистейший и честнейший, с пылкой и удивительно тонкой (тончайшей) душевной организацией, одарённый ею с детства. Если принять во внимание тяжелейшие условия его достаточно короткой жизни, то веришь, что потусторонние видения его посещали (а может быть, и мозг давал тот ресурс, который нами, грешными, не может использоваться). В это я серьёзно уверовал, когда второй раз (и внимательно!!!) перечитал «Розу Мира», может быть, столь же серьёзно, как и Олег. Понимание «Розы Мира» у меня иное, чем у Олега, но я не буду об этом распространяться.

Следы напряжённой работы по прочтению «Розы Мира» запечатлены на полях книги Д.Андреева. Вся диковинная россыпь Андреевских понятий, определений, символов была освоена и обжита Олегом, и его любые реплики на этом языке представлялись естественными, когда приходилось мне обсуждать с автором только что написанные им страницы. Олег в ту пору читал неимоверно много, и мне казалось, что я знакомлюсь с выписками из его обширного интеллектуального дневника, а иногда даже с замыслом-проектом художественного повествования, посвящённого визионерскому, духовидческому дару Даниила Андреева. Эту часть работы Олег сделать уже не успел, оставив своего рода публицистический конспект, какой мы увидели в ныне изданном «Мифе о планетарном космосе». Но не только…

Есть удивительные писатели, это посредники, необходимые для благой цели – способствовать постижению так называемых «трудных книг». «Понимание – это исполнение», говорил о таком принципе чтения, а значит, и о сопутствующей исследовательской работе замечательный философ Ю.Ф. Карякин. В данном случае напрашивается параллель с виртуозом-пианистом, исполняющим гениальное произведение композитора. «Миф о планетарном космосе» это талантливое «исполнение» «Розы Мира» Даниила Андреева, очень своевременная её интерпретация, согласны вы с ней или нет.

Людмила ЧИКИРИС
Филолог, многолетний друг семьи

Первая встреча – последняя встреча

Погружаться в далёкое теперь прошлое не так легко, как думается вначале. Попробую.

Через день или два после школьного выпускного вечера родственники пригласили на рыбалку с ночёвкой. Было это в конце июня 1964 года. Собирались на набережной большой компанией, благо лодка «гулянка» вмещала много народа. Брат Вовка Стрельников созвал друзей и подруг. Поплыли затемно куда-то в Собачью дыру (название острова). Наконец, добрались, пристали к берегу. Разделились по возрасту и интересам – родня отдельно, молодёжь отдельно. Между группами челночил Вовка, промышляя харч.

Молодёжь рыбу ловить не собиралась – не за тем ехали. В темноте развели костерок. Парни озаботились из чего ушицу сварить. Рыбаков-то кругом было немало, вероятно. Но, как водится, сначала зазвенели о стаканы бутылки с ромом. Парень с гитарой (это и был Олег) перебирал струны. Выпили, «добавили ещё раза». Начали петь. Я тогда в первый раз услышала песню про девушку с острова Пасхи, у которой тигры последовательно сожрали и «одетого в форму чиновника» любовника, и совсем не одетого отпрыска и каждую пятницу приходили за очередной жертвой. Песня, как и её исполнитель, восхитили меня. Олег пел и другие песни. С тех пор и запомнился.

Мне хотелось бывать в этих компаниях взрослых молодых людей, друзей-приятелей моего троюродного братца Володи С. Но, увы! Я была, как говорил брат, «не того поля ягода». Впрочем, это так, к слову.

Мне помнится и другая встреча, близкая по времени к первой, уже у Олега дома. Привёл меня туда Т. Алексеенко. Мы сидели втроём. Олег оживлённо о чём-то говорил (о чём, не помню), потом играл на гитаре, пел «негаданно-нечаянно пришла пора дороги дальней, давай, дружок, отчаливай, канат отвязывай причальный…», и глаза его голубые видели и этот шумящий норд-ост, и он «поднимал паруса». Это было заразительно: хотелось тут же собраться и уехать куда-то. Это было сродни Паустовскому, его «Романтикам».

Муха (Т. Алексеенко), когда мы покинули гостеприимный дом, сказал мне: «Олег пел про пиратов, а сам к твоей коленке прижимался коленкой, я видел». Глазастый! А я и не заметила, мне песни понравились.

Надо сказать, что за все годы нашего общения я относилась к Олегу, как к близкому другу, как к брату. Он был увлекающимся человеком, но верным и надёжным в сложные моменты жизни. Не предателем.

С годами Олег становился всё более углублённым, погружённым в какие-то свои мысли.

Что следовало за чем? Шахматы (блиц с азартным стучанием по часам), английский (и ругался по-английски), часы игры на гитаре (Витя Ильичёв), строительство яхты, байдарка, походы… Разные люди приходили в дом на Ленина 81, 3-й этаж, в соответствии с интересами и увлечениями Олега.

И всё это было накоплением опыта для писательства, к которому он и обратился. Он вошёл в круг саратовских писателей (гадюшник), общался с ними, высказывая всё, о чём передумал, доверчиво и открыто, без задних мыслей и расчёта. Он был открытым, добрым человеком, не давал резких оценок опусам некоторых из них. Помню, как в ответ на мои резкие слова по поводу сочинения какой-то сельской любовной истории И. Корнилова (повесть была опубликована в «Юности») Олег взвился и возмущённо сказал: «Ты попробуй напиши сама, а потом говори». «И пробовать не буду. Такого можно без труда насочинять километры. Это не литература». Не согласился. Хотя я думаю, что внутри себя знал цену таким «шедеврам».

Целеустремлённости, с которой Олег работал, двигаясь «вперёд и вверх», можно было только позавидовать. В нём не было лени, прикрываемой рефлексией, что была свойственна многим из этого поколения. Он не говорил: «Хочу написать повестушку», он писал.

Я думаю, хорошо, что Олег был «технарь». Но он становился и философом. Всё более погружался в мысли о жизни и её смысле, читал философов и богословов. Интеллект его становился всё мощнее.

Он часто напряжённо вслушивался в слова песни Высоцкого «Чуть помедленнее кони, чуть помедленнее».

Мне кажется, он был похож на Джека Лондона, внешне и внутренне, наверное, по силе стремления к тому, чего хотел добиться, по работоспособности.

Что привлекало к нему людей? Ведь на протяжении нескольких десятков лет, что я его знала, вокруг него постоянно клубилось множество разных людей. Это не только его открытость и приветливость, не только желание послушать песню под гитару или сыграть в шахматы, попить пивка или винца, потрепаться о том о сём и т.д. В Олеге было ценнейшее, на мой взгляд, достоинство – отсутствии зависти. Он никогда и никому не завидовал, это и «тащило» к нему столь многих людей: любителей поэзии и турпоходов, ин-

теллектуалов и «разбойников», музыкантов и писателей и пр. Чего стоили только встречи Нового года! За столом могло собираться до 30 и более человек, часто не знакомых друг с другом, разного возраста, занятий и интересов. Рассаживались за сдвинутыми столами, и хозяин говорил: «Давайте знакомиться по кругу. Я – Олег Лукьянов, инженер…» А потом, проводив старый год и встретив Новый, Олег брал гитару и начиналось веселье. За песнями шли смешные конкурсы, типа выдумывания экзотических праздничных блюд (однажды первое место заняло блюдо «бедро белой женщины»), потом танцы-обжиманцы…

Олег был такой мужик – настоящий, рукастый, всё умевший и всё, что надо, делавший. Перестроить квартиру, сотворить яхту, построить баню. Думаю, он и ракету мог бы склепать, как один из героев его фантастических рассказов.

Но, наверное, в какой-то момент в рамках фантастики стало ему тесно. И переход от фантастики к философии был закономерным, поскольку и за его фантастическими рассказами и повестями стояли поиски смысла сущего, того, что нас окружает, попытки понять тайный смысл бытия. Сколько помню, Олег в последние лет 15-20 непрерывно читал работы философов и социологов, политологов и историков, оккультистов и индуистов, богословов и т.д. Охват необъятного в попытках добраться до истины. Мощный интеллектуальный взлёт прямо на глазах. Уровень духовности, понимание того, что «что-то не так в нашем королевстве», и желание понять, как должно быть – с одной стороны, и с другой – беспредельность, непостижимость космического пространства и времени, ощущение безграничности, беспредельности бытия (при нашей трёхмерной жизни), интуитивное, подсознательное, подспудное чувство, что идёт надмирная непрерывная битва титанов за души человечества, и ты невольный свидетель этого (а другие этого не чувствуют), и стало в итоге книгой «Миф о планетарном космосе», книгой, такой же единственной в своём роде, как книга и самого Даниила Андреева. В этом труде Олега нашёл отражение и его жизненный опыт, и обострённое и вместе с тем мудрое понимание трагичности совершающихся в стране и в мире событий, и таинственных сил, стоящих за ними, многоуровневое наслоение этих сил в космическом пространстве.

Многое из того, что вошло в книгу, Олег проговаривал в кругу разных людей: об идеях Вернадского и Чижевского, евреях и антисемитизме, теории игр, Откровении Иоанна и грядущей гибели человечества, как бы испытывая уровень восприятия его идей будущими читателями («читатели», наверное, подводили).

В годы работы над книгой картина была такая: приходишь в гости, Олег выходит из комнаты, здоровается, пьёт чай (кофе), что-то спрашивает, но его здесь с нами нет, он там, «среди миров, в мерцании светил». И это нормально, поскольку творческая мысль – импульс непреодолимый, для неё нет отведённого времени. Пока работаешь, невозможно оторваться.

«Миф о планетарном космосе» представляется мне огромной, многоголосой симфонией, гармонично сочетающей различные «звуковые» ряды. Финал её открыт, хотя некоторую надежду оставляет. Беда в том, что за двенадцать лет в нашей стране в духовном смысле всё стало хуже. Сколько трагедий произошло за эти годы из-за денег, стяжательства и прочего…

А Олег тринадцать лет назад закончил книгу и поставил точку. Точка оказалась уходом. Как будто завершил миссию свою на этом свете. Не знаю, так ли это?! Ведь неслучайно в его книге обращено внимание на идею о прерванности миссии Христа. Не богохульствую, прости Господи, но сколько жизней прерывалось неожиданно и скоропостижно. Может быть, силы зла не дремлют?

Когда Олег уходил, то снился мне постоянно. А ушёл – и всё.

Но последняя встреча с дорогим моему сердцу человеком состоялась. Спасибо тебе, Лариса, тебе, Максим, и всем, кто принял посильное участие в судьбе этой выдающейся книги Олега Максимовича Лукьянова.

Всеволод МАРТЫНОВ
Инженер

В память об Олеге Лукьянове

С Олегом Лукьяновым я познакомился зимой 1961 года на заводе «Корпус». Там для всех желающих были организованы группы по изучению английского языка. Я оказался в группе вместе с Олегом. Руководителем была преподавательница, приглашённая из пединститута, Софья Леонидовна.

Мы разговорились. Он окончил САДИ (Саратовский автодорожный институт) и работал в конструкторском бюро вместе с Калихманом, Зудовым, Гуцаки.

Садясь за стол, он открывал свою толстую тетрадь и углублялся в неё, не обращая ни на кого внимания. Когда подходила его очередь читать, он, встрепенувшись, набрасывался на текст, быстро прочитывал его и по окончании чтения распрямлялся, откидывая голову назад. Каждый урок он впитывал с какой-то жаждой; каждое слово дважды повторял вслух. Когда преподавательница просила кого-нибудь назвать новое слово и образовывалась заминка, Олег быстро «выстреливал» этим словом. Заданные на дом новые выражения, сочетания, слова текста он приносил на занятия хорошо выученными и громко отчеканивал их. Новый текст он читал очень быстро, энергично, скороговоркой, низко наклоняясь к книге, как будто боялся, что у него отберут её. На новое занятие приходил с запасом новых слов.

Вид его часто бывал взъерошенным, создавая впечатление, что расчёска не справлялась с его чуть вьющимися волосами. Глядя со стороны на его чуть склонённую голову, было видно, что он сосредоточенно о чём-то думает, отчего губы его были слегка приоткрытыми.

Когда я ему что-нибудь рассказывал, он устремлял на меня пристальный взгляд, как мне казалось, стальных, глубоко запрятанных глаз.

Месяца через три я повстречал его в городе и спросил, куда он пропал. Он сказал, что с завода уволился, но вот недавно с ним случилось несчастье. Они были на пляже с компанией, жгли костёр, пели песни под гитару. Подплыла моторка. Из неё выпрыгнули несколько парней, подошли к костру и стали приставать к девчатам. Олег схватил длинную холудину и стал размахивать ею над головой с угрозой, чтобы парни не подходили. И тут один из парней поднырнул под холудину и ударил его заточенной отвёрткой ниже груди. Оказалось пробитым лёгкое. Друзья доставили его в больницу, где он пролежал два месяца. Показал мне отметину от отвёртки. Он был бледен, и мне было больно за него. Что было с теми бандитами-парнями, он не стал рассказывать и просто отмахнулся от моих вопросов.

Потом я узнал, что он стал работать конструктором в СКБ-5 от зуборезного завода, что рядом с ним работает инженер из Австралии, с которым он часто ведёт беседы на английском языке. Теперь он довольно прилично говорил по-английски. Я порадовался за него.

Однажды летом за городом я увидел, как Олег с треском катит на мотовелосипеде. Увидев меня, он остановился. Я похвалил его за приобретение хорошего средства по преодолению большого расстояния от дома до сада. Со знанием дела он стал мне рассказывать об удобстве эксплуатации мопеда, о преимуществе большого диска заднего колеса, сцеплённого с зубчатой

задней передачей, и что теперь транспортный вопрос им решён. Я позавидовал решительности его в транспортном вопросе. Он пригласил меня к себе на дачу посмотреть его баню, два раза повторил, как туда попасть, поскольку путь был непростой.

Месяца через полтора мы снова случайно встретились. Олег поведал, что ЖЭК обещал дать ему рассыпного цемента, но он в затруднении, как его везти. Я предложил привезти цемент на моём «Запорожце» Он сразу оживился. Я велел ему идти домой и приготовить мешки. Поехали в ЖЭК, насыпали мешки, погрузили и поехали в Зоналку к нему на дачу. Мешки выгрузили, и Олег показал свою баню с котлом, стал рассказывать про удачную конструкцию подогрева, показал лавку и ступеньки для парящихся. Я удивился его мастерству: банька была маленькая, компактная, но вместительная. Уезжая, я обещал через несколько дней приехать попариться.

Через неделю мы хлестались вениками в еле терпимой жаре. Я больше семи минут не мог выдержать, и, пока остывал, прогуливаясь по асфальтовой дорожке, он сделал ещё два захода, удивляя меня такой выдержкой.

В очередной раз встретив меня на улице, Олег принялся излагать философию Н. Фёдорова о воскресении мёртвых и переселении человечества в космос. Вручил мне перепечатанные материалы по этой теме.

Потом я увидел Олега у редактора журнала «Волга» В.А.Коркиной. Он заканчивал с ней разговор по издательским делам и быстро ушёл. Коркина стала с улыбкой говорить: «Ну, Олег! Такой заводной. Познакомится с какой-нибудь научной идеей и сразу же начинает обрушивать на меня зародившиеся в его голове мысли. Он так быстро загорается и, воодушевлённый, начинает излагать мне уже производные собственные идеи».

И действительно, через некоторое время он кратко изложил мне идею его книжки и, вынув её из сумки, сделал дарственную надпись и вручил мне новенькую книжку «Человек из пробирки».

Потом он подарил ещё несколько книжек.

В другой раз, увидев меня на улице Горького, он стал рекомендовать приобрести «Розу Мира» Даниила Андреева, пока она есть в продаже. Заговорил о её большом значении в мировой философии.

Помнится ещё об одной поездке на дачу. Олег попросил подсказать, как следует провести обрезку деревьев, Мы ходили по саду, я показывал ему молодые ветки регенерации сучков старых деревьев. Олег не переставал удивляться. Потом взял пилу и попробовал делать правильную обрезку.

В последнее время я часто видел его с собакой, с которой он прогуливался по Ленинской улице. Приглашал к себе домой.

Было холодно. Я шёл по Ленинской улице и обратил внимание на людей, стоящих у въезда на их двор. Меня что-то толкнуло – зайти. Посередине двора стоял гроб с покойником – это был Олег. Знакомое бледное лицо. Я попрощался с ним.

Николай МИХАЙЛОВ
Директор предприятия

Об Олеге

Жизнь так настойчиво, в разное время и в разных областях сводила нас с Олегом, что никак нельзя подумать о случайности этого длительного знакомства и дружбы.

Будучи по образованию, как тогда говорили, технарём, а точнее, инженером-конструктором, Олег некоторое время работал в КБ завода зубострогальных станков в двухэтажном здании по Ильинскому проезду, д.11, недалеко от Ильинской площади, а тогда – площади Фрунзе. Я же в 1974 году, благодаря лихости тогдашнего директора ВГПТИ Валерия Давыдова, сумел попасть к нему на работу, а ВГПТИ как раз унаследовал это здание и пару жилых бараков по Ильинскому проезду у зубодробительного КБ. Собственно, я там работаю и сейчас.

Олег работал в огромном, очень светлом и высоком зале на втором этаже, заполненном кульманами – зал был метров 40, и отдельно от сотни конструкторов сидели только их начальники.

С Олеговыми скорее гуманитарными наклонностями муторно было в подобном заведении, и лишь двумя светлыми воспоминаниями о том времени в здании на Ильинском делился Олег. Во-первых, там у него был австралийский друг, помогавший ему в английском, и вообще интересный, должно быть, особенно в то плоское советское время, человек. Этот до 14 лет бывший австралийцем человек стал жертвой устремлений родителей-коммунистов в страну победившего социализма, где их в числе немногих таких после войны романтических и наивных иностранцев мгновенно сплавили в саратовскую глушь под неусыпный надзор органов. Навязчивой привычкой, по

словам Олега, у этого невинно пострадавшего, уже познавшего в детстве устроенную жизнь, парня было через фразу повторять (подобно и с интонацией матерного ругательства): «Проклятая Советская власть! Проклятая Советская власть!»

И вторым светлым пятном в этот зубоконструктивный период было увлечение Олега и другого его товарища по работе парусным спортом.

Когда я впервые пришёл во двор по Ильинскому проезду – я увидел небольшую яхту, построенную его другом. А вторая яхта – построенная по проекту «Супермышка» – хранилась в знаменитом дворе Олега и Ларисы Михайловны на Московской (тогда пр. Ленина) и была по протекции Нины Девятайкиной подарена мне, на чём мы и познакомились с Лукьяновыми.

В то время (семидесятые годы) Олег уже вёл образ жизни интеллигента-гуманитария, забросив в основном все свои конструкторско-пролетарские занятия и перебиваясь заработками пожарника, строителя-калымщика и крохами от писательского труда. Подрабатывал в свободное время и я, и как-то мне случилось заменить Олега на крупном строительном калыме. Так что много общего было, и знакомство рано или поздно состоялось бы. Главным в этом общем для российских (здесь именно так правильно) интеллигентов было мучительное ощущение скованности, связанности, но именно связанности по рукам и ногам в вязком цементном растворе тотального застоя. Особенно трудно было молодым мужчинам – тестостерон-то бурлит в крови, а сделать ничего не позволено. Именно поэтому было проще жить гибким женщинам, и в номенклатуре было полно бабьих рож импотентов.

Олег никак к таким не принадлежал и рвался во все стороны много лет. Это был сначала туризм, затем байдарки, затем неудачный (из-за раненного в юности лёгкого) опыт горного туризма, потом – парусный спорт и другие внешние увлечения. От себя уйти не удавалось – и через осознание неправды мира, многолетние попытки понять дефекты социального устройства, в критике которого мы все сходились, Олег, всегда отличавшийся страстным патриотизмом, пришёл к вере наших отцов.

В последние годы он был не просто религиозным, но глубоко верующим и церковным человеком.

Сильный, большой, страстный и честный человек. Нелёгкий, полный духовными событиями, искренней дружбой и любовью путь человека, наделённого умом и талантом, в России.

Верю, что жаждавший и алкавший правды, ныне он насытился ею.

Александр РОМАНОВ
Историк

Об Олеге Лукьянове

Сегодня, 2 января 2008 года исполнилось ровно десять лет со дня кончины Олега Максимовича Лукьянова.

Родился он в сентябре 1937 года.

Первый раз я увидел Олега в конце декабря 1966 года. Тогда его жена Лариса Михайловна преподавала латинский язык на историческом факультете Саратовского университета. Мне нужно было пересдать ей зачёт, и по адресу, указанному в деканате, я отправился на улицу Московскую, 81. Позвонил в дверь 30-й квартиры. Мне открыл незнакомый человек средних лет и сказал, что Лариса Михайловна будет на факультете такого-то числа и в такое-то время. Это и был Олег Лукьянов.

Формально же нас познакомил мой однокурсник Николай Васильевич Михайлов. Это было в конце 1975 года (или уже в 1975). Помню только, что произошло это на площади Фрунзе в г. Саратове. Олег быстро и легко знакомился, в общении был прост, и общаться с ним было приятно.

Последний раз мы разговаривали с ним летом 1997 года, Мы встретились на улице в районе Крытого рынка, и Олег предложил мне забрать у него лишний холодильник. Передача холодильника не произошла из-за отсутствия транспорта для перевозки.

Вскоре я узнал о постигшей Олега тяжёлой болезни: у него оказалась опухоль головного мозга. 6-го сентября 1997 года пришедшие по традиции на день рождения Олега Паимов, я и Светлаков смогли только выпить чаю в соседней комнате. Пообщаться с Олегом, как прежде, не было возможности.

Таким образом, мы были знакомы с Олегом чуть более двадцати лет. О первых двух третях его жизни я знаю очень мало. О его отце мне практически ничего не известно. А мама его Клавдия Фоминична была учительницей. В момент нашего знакомства с Олегом она жила в той же, 30-й, квартире. Главной её чертой, мне кажется, передавшейся и Олегу, было добродушие.

В молодости Олег получил техническое образование. Летом он с друзьями любил плавать по рекам на байдарке. Умел играть на гитаре и, думается, уже в те годы он был душой общества. Люди очень тянулись к нему. Благодаря Олегу я познакомился со многими, по-своему замечательными людьми: Валерием Ивановичем Кузьменко, Безгодовым и его женой Надеждой,

Анатолием Васильевичем Паимовым, Владимиром Михайловичем Стрельниковым и другими. Чаще всего мы встречались 6-го сентября. Сын Олега Максим говорил, что в этот день у него собиралось до ста человек. В Саратове второй половины XX века такие ежегодные неформальные встречи гуманитарной и технической интеллигенции были редкостью. Когда на день рождения Олега в 1983 году пришло всего пять человек: Кузьменко, Похозникова, Светлаков и мы с Любой, моей будущей женой, Олег был заметно удивлён малым числом гостей.

К близким своим, маме, жене и детям, Олег всегда относился с симпатией и нежностью. Было заметно, что он заботится о здоровье всех их.

Весной, кажется, 1984 года Олег стал крёстным отцом моей шестилетней дочери Татьяны.

В последней трети жизни Олег много внимания уделял литературе и творчеству. За свою жизнь он опубликовал несколько сборников фантастических рассказов и повестей. Круг его интересов был обширным и разнообразным. Гостей он часто радовал исполнением под гитару песен Юлия Кима, Владимира Высоцкого и др. Мне он давал читать редкие тогда книги: антологию русских религиозных мыслителей начала XX века, «Экзистенциальную диалектику божественного и человеческого» Н.Бердяева, «Антисемитизм в древнем мире» С.Лурье. Гитарист Витя Ильичёв(1947-1991) дал ему прочитать «Истоки и смысл русского коммунизма» Н.Бердяева, и Олег охотно давал читать эту книгу мне и другим, хотя в те времена это было и небезопасным занятием.

Кроме наших домов, мы чаще всего проводили время на даче у Олега. Первое такое посещение его дачи (тогда ещё старой) было в феврале 1977 года. Мы поехали туда втроём: Олег, Н. Михайлов и я. Топили печку, пили чай, читали свежий номер «Литературной газеты» со статьёй А.Петрова-Агатова «Лжецы и фарисеи», направленную против тогдашней оппозиции.

Олег очень многое умел делать в практическом смысле. Кроме ремонта квартиры, он построил на своей последней даче в Зоналке баню. Ежегодно он изготовлял яблочный сок, вино и кальвадос.

В конце зимы 1978-1979 г Олег предложил мне обратиться к московской исследовательнице жизни и творчества Н.Ф.Фёдорова Светлане Григорьевне Семёновой. Олег был человеком увлекающимся. В 80-е годы он много времени посвятил федоровской теме. Приблизительно в начале 90-х годов его настольной книгой стала «Роза Мира» Даниила Андреева. Он внимательно изучил её и написал к ней обширный комментарий. В музее Федина 23 ноября 1996 года вдова Даниила Андреева, Алла Александровна читала

стихи и рассказывала о жизни Д.Андреева. Передачу об этом выступлении сделало саратовское телевидение, и я потом много раз смотрел запись этой передачи и обращал внимание на серьёзное лицо Олега, сидящего в зале среди слушающих.

Отношение Олега к жизни было радостным и серьёзным одновременно. Главными его чертами были добродушие и великодушие, щедрость души. Увидеть его сердитым или раздражённым было почти невозможно. Зато весёлость и жизнерадостность во многом привлекали к нему людей и помогали всем нам жить.

В последние недели жизни его причастил, как я слышал, православный священник.

Последняя его статья, напечатанная в журнале «Степные просторы», была о городском парке культуры.

Трогательным мне показалось, что одноклассники Олега Максимовича, люди преклонного возраста, хранят память о нём и с любовью вспоминают человека, внесшего свою долю гармонии и красоты в наш мир.

Наталия СЛОМОВА
Сотрудник музея К. Федина

Олег

Олег Лукьянов – человек, воспоминание о котором заставляет подняться над обыденным и житейским. Всем тем, что «тупит» душу. Увлечённый, азартный, образованный, интеллигентный, он всегда располагал к себе всех, кому приходилось общаться с ним. А по сути, он был человеком своего поколения «шестидесятников». Увлекаясь философией, глубоко постигая тайны мировой истории, он так же проникновенно мог петь походные песни под гитару, что-то починить, дать по-житейски мудрый совет. Но для знавших его ближе он был человек абсолютно не житейского сознания, он жил той самой удесятирённой жизнью, о которой в своё время писал А.Блок. Его житейское сознание было напрочь вытеснено постоянным увлечением для души. Обращение к русской философии было не случайным: именно оно по-

зволило ему подниматься над обыденной жизнью, над её несовершенством. Н. Фёдоров и П. Флоренский, Н. Бердяев и Д. Андреев, а в жизни замечательная семья Г. Гачева и С. Семёновой это был круг его общения, внешнего и внутреннего, углублённого – для себя.

Мне выпало счастье стать одним из его собеседников. Знак нашего времени – поездки с культурными миссиями на село. Сложилась постоянная творческая группа: О. Лукьянов, К. Шилов и я. На протяжении нескольких лет по традиции, во время Фединских чтений мы ездили в один и тот же район – Ровенский, где встречали нас радушно и с большим интересом. А добрым гением, поддерживающим эти встречи, был Н.М. Пяхин – секретарь по идеологии, а в прошлом директор школы. Это были праздники. Два прозаика (как назвал Олег их с Костей в дарственной надписи на книге «Человек из пробирки», подаренной мне) были людьми, общение с которыми было для меня открытием. Увлечение Олега философией Фёдорова, истовое и всепоглощающее, заразило и меня. Мир фантастики, который представлял Олег Лукьянов своим читателям, был таким завлекательным и загадочным, что не было случая, чтобы его встречи не завершились продолжительными дискуссиями. Вспоминается случай, когда нам сообщили, что нужно встретиться с заключёнными колонии. Спас положение Олег, который сказал, что с аудиторией ему будет справиться легче, чем нам с Костей. И отправился на встречу без нас. Вернулся вполне удовлетворённым, сообщив, что встретил там много заинтересованных, думающих собеседников. Никакая аудитория его не пугала. Думаю, это связано с тем, что он всегда уважал читателя: его высокий интеллект при природном житейском уме не позволяли ему быть чванливым и высокомерным.

В одну из поездок мы были приглашены на заседание существовавшего на протяжении многих лет в селе Ровное женского клуба «Надежда». В этот вечер, как впрочем и всегда, я гордилась своими прозаиками – оба отличались особой галантностью: читали стихи и говорили женщинам комплименты, а по приезде в Саратов Олег в местной прессе душевно и тепло написал об этом событии.

Такие встречи обогащали не только жителей районов, куда приезжали творческие группы. Мы сами возвращались из таких командировок с чувством большой радости от общения с искренними и душевными людьми. И сразу же начинали думать над тем, что ещё интересного мы могли бы дать своим благодарным слушателям на следующий год. Вспоминая сейчас это время, я чувствую какую-то особенную теплоту, которую мы получали тогда от своих друзей из Ровенского района. А ещё вспоминается такой момент.

Жили мы в райкомовской гостинице (это устраивал наш добрый гений Н.М. Пяхин) в тепличных условиях, с коврами и японской посудой. А просыпались под запах горячего свежеиспечённого хлеба. Наверное, сохранили в тех местах умение печь такой безумно вкусный хлеб со времён проживания там немцев Поволжья. А приносил этот хлеб ранним утром после неизменной пробежки Олег, который вставал раньше всех.

Сейчас, когда мы все уже не молоды, думается, что всё, что происходит с нами в жизни не случайно. Думаю, что неслучайно мне пришлось общаться с таким замечательным человеком. Как сейчас вспоминаю его, спортивного, с вдумчивым лицом, всегда расположенного доверительно общаться с людьми, которым он доверял свои размышления. У нас всегда было много тем для обсуждения, и нередко мы шли пешком по центру в сопровождении его верного друга пса Дугласа, который, как это было замечено многими, был похож на своего хозяина.

Когда Олег рассказал мне о своих раздумьях над «Розой Мира» Д. Андреева, я пережила какое-то потрясение. Но поняла, что для него такой путь был вполне закономерным. Он сказал тогда, что эта книга содержит ответы на многие вопросы, которые не давали ему покоя. А когда он дал мне прочитать главы из уже написанного, я не верила, что так можно приблизиться, погрузиться в суть такой сложной книги. Всё это было интересно, но для меня непостижимо. Наверное, мой уровень подготовки был для этого слаб. Помню, что осталось чувство чего-то светлого, никакой тяжести и заумности, как будто всё предельно просто. Олег всегда умел о сложном говорить просто; как правило, всё это у него уже давно было сформулировано и выстроено в логическую цепочку. Инженер по профессии, он никогда не тонул в паутине слов.

А что касается неслучайностей в жизни, то мне пришлось ещё раз сильно приблизиться к Д.Андрееву и его «Розе Мира». Совершенно другим путём я пришла к знакомству с А.А.Андреевой, вдовой писателя, которая приезжала по приглашению музея К.Федина в Саратов, встречалась с гостями в Литературной гостиной. Она читала стихи Д.Андреева, рассказывала о его мужестве, об истории создания «Розы Мира». Эта встреча открыла для многих саратовцев мир непостижимой духовности, высоты духа над всем тем, что убивает в человеке его душу.

Итог философских размышлений О.Лукьянова – его книга «Миф о планетарном космосе» была его последним детищем. Такие книги, как правило, в России не выходят при жизни автора; эта тоже посмертна, вышла благодаря стараниям вдовы писателя Л.М.Лукьяновой и его сына Максима. Но, как

мне видится, именно сейчас она для нашего раздробленного общества с его расхристанным сознанием особенно своевременна. Автор проникновенно размышляет о путях духовного, культурного возрождения России и, опираясь на духовный опыт Д. Андреева, предлагает свой путь её спасения.

Михаил МУЛЛИН
Писатель

Он искал истину

Когда я познакомился с Олегом Лукьяновым, не помню, как не помнит человек, когда первый раз пил воду или вдохнул воздух. Так что теперь кажется мне, что мы были знакомыми всегда. Всегда знал, что есть такой писатель-фантаст. Припоминается, однако, что уже обмен короткими репликами позволил обнаружить много совпадений в нашем отношении к жизни, во взглядах и представлениях. Человек твёрдых убеждений, оригинально парадоксально мыслящий, имеющий не случайное мнение по тому или иному предмету, но всегда обоснованное «глубоко эшелонированными» фактами, а также беспристрастным анализом (при железной логике инженера) – он сразу вызывал доверие, уважение и расположение к себе.

Однако, употреблённые выше слова «беспристрастным» и «железной» применимы, конечно же, только к его, так сказать, «дедуктивному методу», но не к нему самому. Потому что Олег Максимович был как раз увлекающимся и способным зажечь собеседника, страстным в спорах и, одновременно, по-христиански мягким в справедливых оценках.

Помнится, прочитав мой фантастический рассказ, он совершенно не обидно оценил его как абсолютно непубликабельный, потому что найденная мною фантастическая идея является интересной, но… все герои неотличимо одинаковы. «Какие-никакие, но характеры у них должны быть обозначены», – сказал Олег. И я понял, что он прав и даже, спустя много лет, учёл это замечание.

Через много лет потому, что в то время я, начитавшийся в детстве и отрочестве (тогда же, кстати, и написавший упомянутый рассказ) фантастики

«под завязку», жанр этот уже не жаловал, искренне считая, что читать и писать стоит только «настоящую» литературу, то есть исключительно реализм с бытовыми деталями, острой социальной направленностью и «верными» рекомендациями заблудшему человечеству для выхода его (человечества) на путь праведный. Впрочем, к счастью, образцами для меня тогда были классики из учебников – и, стало быть, художественность, образность и язык тоже представлялись необходимыми.

А научную фантастику я считал литературой абсолютно необходимой, но лишь для подростков, чью фантазию (в том числе и научную) и неординарное мышление надо формировать занимательными (чтобы читать не бросили) сюжетами.

Так что Олега Лукьянова я посчитал писателем позарез нужным, но для меня заранее оставшимся в прошлом.

Помнится, и в местном отделении Союза Писателей отношение к нему было похожим, может быть, даже несколько менее благожелательным (по крайней мере, со стороны ряда членов): человек, мол, замечательный, а пишет интересные, но не вполне серьёзные вещи. Были у творчества Олега даже недруги, хотя и не злобные, однако ищущие обличительного сходства с мыслями и находками фантастов именитых – метров, критиковать которых считалось недопустимым.

Были у нас и, так сказать, профессиональные, деловые контакты. Однажды он по просьбе Приволжского книжного издательства написал внутреннюю рецензию на рукопись моей первой книги «Как перевернуть землю?» Если не ошибаюсь, замечание в ней было одно, а в целом рукопись Олегом Лукьяновым «благословлялась» на издание. Считаю нужным отметить – к тому времени мы ещё не были близко знакомыми, и благосклонность Олега даже в самой малой предвзятости заподозрить нет никаких оснований!

По причине значительного сходства взглядов и направлений духовных и культурных поисков, Олег Лукьянов довольно часто заходил ко мне в редакцию регионального журнала «Степные просторы», иногда – во время выгуливания роскошной собаки. Подолгу он не задерживался, уважал чужое рабочее время, но краткие беседы с ним я всегда воспринимал, как очень увлекательные, приятные и… душеспасительные. Это без всякой иронии. Причём мне показалось, что у него даже есть как бы дефицит творческого общения, которого он так жаждал. Теперь я в этом почти уверен. А тогда мы ненавязчиво обменивались сведениями по разным «областям» литературы, науки (в частности, философии), искусства, религии и, разумеется, политики. Самоуверенно думаю, что общение было взаимополезным. По крайней

мере, он стал заходить ко мне с вопросами и просьбами высказать мнение о написанном им – и по прочтении его более, чем 800-страничной рукописи о «Розе мира» Даниила Андреева (уже не фантастика, а философско-этическое и религиозное исследование) я даже посмел высказать ему ряд замечаний и выделил места, с которыми не был согласен. К моему удовлетворению и радости, он сразу (!) согласился с моими аргументами, например, по пониманию эволюции (или отсутствия таковой согласно креакционистской теории, с которой я тут же его и «познакомил») природы, космологии, антропологии. Согласился и внёс в свой текст уточняющие поправки и небольшие в связи с переосмыслением изменения. Роль свою отнюдь не считаю выдающейся, но все-таки едва ли не горжусь тем, что и я ему (как он мне ранее) «конкретно» пригодился.

В своём отечестве, известно, пророков нет. Но всё-таки уже и тогда иногда Олега я видел как бы ходящим с Диогеновым фонарём. Но искал он, таким образом, истину. Впрочем, человека – тоже. И не потому, что не видел такового во встречных – он искал человека понимающего его обеспокоенность. Ведь и книгу о книге (Даниила Андреева) он писал не ради игры ума, а, как сам мне говорил, чтобы обратить внимание людей на то, дьявол, к сожалению, есть – и его козней надо избегать. Парадокс в том, что многие люди тогда уже приходили к выводу о невозможности несуществования Бога, а вот идея «наличия» бесов и прихода антихриста всё ещё воспринималась, как «сказка для тёмных людей».

Науку Олег уважал, ценил, но справедливо считал, что духовный мир ей не по зубам. Для постижения истины, по его мнению, человечеству нужен избранник – мистик. Эту роль и выполнял Д.Андреев. Оговорюсь, О.Лукьянов считал, что «Роза Мира» – приближает нас к истине, но не является ею, поскольку и сам Даниил Андреев (прямо в своей работе) указывал, что при создании любого светлого труда в него непременно будут внедрены «тёмные инвольтации». Он полагал: в тех случаях, когда есть противоречия между Православием и «Розой Мира» право, безусловно, Православие. Но что у «Розы Мира» есть прикладная ценность: в ней описывается то, о чём не сказано в Священном Писании, подобно тому, как в нём нет описания устройства карбюратора, но это не означает, что описание карбюратора в технической литературе не верно.

А однажды (я работал уже в Приволжском книжном издательстве) мне даже довелось редактировать книгу Олега Лукьянова. «Редактировать» здесь слово преувеличивающее, поскольку речь шла о переиздании, то есть надо было прочесть уже выпущенную ранее, значит, добротно (как при со-

циализме было принято) отредактированную. Но, обуреваемый ответственностью, я всё-таки дотошно прочёл книгу. И обнаружил, что она не только научно-фантастическая, но и художественная! Жанр (и даже рассыпанная местами добрая ирония) не помешали писателю Лукьянову создавать настоящую литературу. При всей парадоксальности (как тут не вспомнить А.С.Пушкина «…гений – парадоксов друг»?), оригинальности научно-фантастических идей (предположений), предполагающих глубокие познания в этих отраслях науки, повести Олега оказались написанными добротным образным русским языком, герои с яркими характерами (некоторые прототипы были даже узнаваемыми – и Олег однажды признался, что «списывал» внешность и поведение именно с этого, известного мне, человека), а затронутая проблематика была самой что ни на есть реалистической, наполненной человеколюбием, жаждой гармонии, истинной красоты в человеческих отношениях. Во всей книге, оправдывая зарплату и из вредности, я нашёл возможным уточнить только один математический термин. А всё остальное убедило меня в том, что Олег Лукьянов – не только замечательно добрый, весёлый и очень живой человек, но и ответственный настоящий писатель, которому мы должны быть благодарны за то, что он создал эстетически достойные произведения, за то, что многим открыл глаза на то или иное несовершенство… не Мира – Вселенной (ибо по Библии он «хорош»), а отношений людей друг к другу.

Великий Ф.И.Тютчев сказал: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовётся». В частности, и потому не берусь вычислять, в какой степени и как сказанное и написанное Олегом отразилось на мне прямо. Но, видимо, ничто не пропало даром. В какой-то мере, благодаря общению с ним и чтению замечательных повестей Лукьянова, спустя много лет, я вернулся к чтению фантастики вообще, в том числе и авторов, известных мне только по именам – и окончательно понял, что это – литература не для развлечения детишек, а, как правило, самый серьёзный разговор о самом важном. Настоящая фантастика тяготеет к притчевости, и в ней-то как раз – глубокие мысли, высокие чувства, что в современной «серьёзной литературе», увы, почти не встречается.

Михаил МЕРЕНЧЕНКО
Писатель

Олег Максимович Лукьянов. Человек он был…

Написал слово «был» и задумался. А собственно, почему был? Мне думается, Олег и сейчас есть. В моих воспоминаниях, в думах о нём, в написанных им книгах. Человек, говорят, жив до тех пор, пока живёт память о нём, пока живы и нужны его прижизненные дела, а думы и мысли востребованы людьми. Знакомыми, друзьями, близкими. Всеми, кто есть сейчас. И будет жить на Земле потом.

Олег как художник, как человек думающий и творческий, безусловно, интересен и сейчас. До недавнего времени я думал, что, к сожалению, на мой взгляд, Олег, не успел рассказать всё, что хотел, что знал и о чём так много думал. Он слишком рано ушёл из жизни и не успел создать свою самую главную книгу. Так бывает…

Оказывается, я, к счастью, ошибся. В 2010 году, Лариса Михайловна Лукьянова – жена Олега – собрала его рукописи и издала фундаментальный труд Олега. Книга получилась, на мой взгляд, необыкновенная. «Миф о планетарном космосе». Итог жизни писателя Олега Максимовича Лукьянова, пусть и частично, но состоялся.

Мне он вспоминается всегда человеком сильным, большим и по-детски добрым. Думается, что детская доброта, это было именно то, что во многом отличало его от других. Доброта была внутри Олега, на нём самом и вокруг него. Никогда я не видел его злым, сердитым или, тем более, озлобленным на кого-нибудь. Он был по-настоящему добрым человеком. И это понимали все. Даже в нашей писательской среде, при упоминании фамилии Лукьянова, люди мягко, тепло улыбались, светлели лицом и переспрашивали тихо: «Это Олежка, что ли?» Хотя прекрасно понимали, о ком идёт речь. И всегда это было искренне и душевно. Ещё раз говорю: так было среди писателей. Поверьте, это многого стоит.

Написал последний абзац, остановился, перечитал и попытался вспомнить Олега в гневе, или хотя бы в рассерженном состоянии. Нет, не получается. Вот так-то.

Не помню точно, когда мы встретились впервые, но случилось это где-то в конце шестидесятых годов прошлого века. Тогда мы оба увлекались горным туризмом. Олег ещё любил путешествовать по воде.

Меня сразу поразило его мужественное, как у викинга, лицо. Оно было открытое и спокойное. Продолговатое, овальное и… аскетическое. С чуть впалыми щёками. Книзу оно замечательно оканчивалось и как бы подчёркивалось рисунком волевого твёрдого подбородка. Запомнилось мне лицо Олега ещё и потому, что оно показалось мне просто симпатичным и типично русским. И сложен он был просто великолепно. Если я не ошибаюсь, Олег в юности занимался гимнастикой и акробатикой. Поэтому у него был мощный, пропорционально сложенный торс и сильные красивые руки. Роста он был чуть выше среднего. Волосы у него были тёмно-русые красивые и густые. Они как-то необыкновенно уютно и волнисто украшали его голову. Они придавали Олегу ухоженный и благородный вид. Хотя обычно Олег выглядел несколько небрежным, что, однако, придавало ему внешне, с его спортивной фигурой, импозантный колоритный вид. Как я узнал позже, Олег вообще безразлично, мягко говоря, относился к своему облику, одежде, ко многим вещам, окружающим его. Как я понял много позже, ко всему поверхностному и наносному вокруг него. Наверное, потому, что он напряжённо жил внутри себя, в своём измерении, в своём мире, и мало придавал значения внешним проявлениям человеческой жизни. Его интересовали идеи, дух и сущность бытия.

Тем не менее, когда я спросил его, замечает ли он красивых женщин, он громко расхохотался, с удивлением разглядывая меня, и ответил, что да, очень даже замечает. И в пример привёл свою жену Ларису.

Так вот, волосы у него лежали и вились крупными кольцами-витками, в живописном беспорядке ниспадали на большой лоб и были хороши. Когда он слушал другого человека, то в губах его, выразительных и слегка потаённо сжатых, всегда пряталась, как мне казалось, не то улыбка, не то лёгкая добрая усмешка. Глаза у него были как бы прозрачные, росные, что ли. Но голубоватого, словно лазурь, оттенка. Они смотрели из-под кустистых нависших бровей немного лукаво и пристально. Нет, они не смотрели, а как бы вдруг выстреливали в собеседника и фотографировали говорившего вместе с его словами и мыслями. И снова, как затвор, захлопывались на некоторое время. Отводился в сторону взгляд. И вдруг опять «выстрел». У Олега был тик, но это нисколько не портило его лица. Наоборот, это усиливало впечатление «обстрела».

Это сейчас, по прошествии много времени, я так детально описываю лицо Олега. А тогда, в конце шестидесятых, увидев его впервые, я просто сравнил его по облику, с моим любимым писателем, на ту пору, Джеком Лондоном. Не верите? А вы не поленитесь, найдите фото знаменитого американца. Обязательно найдёте сходство.

Олег оказался и тем человеком, который впервые привёл меня в Саратовский Союз писателей. Только об этом как-нибудь в другой раз. Но хорошо помню его высказывание о наших земляках-писателях. Он не раз со своей милой доверительной улыбкой говорил, что вот, дескать, в нашей области насчитывается около тридцати, (столько было на то время), членов Союза писателей. Каждый из этих людей, несомненно, обладает даром применительным к литературному творчеству. Но в какой степени? Один тонко чувствует и владеет художественным словом. Второй глубоко и логично мыслит. Третий хорошо знает жизнь. Четвёртый виртуозно, мастерски закручивает сюжет. Пятый поражает учёностью в теории литературы. Шестой блистает знанием истории, религии, философии. Ну и т. д. и т. п. Как будто Бог, рассыпал им, как всем сестрам по серьгам, говорил Олег. Однако все они по отдельности не есть настоящие писатели. Они, эти так называемые писатели, играют в нечто, относящееся к литературе. И всё, связанное с официальным Союзом писателей ему представлялось как игра в писательство. Игра эта была с виду очень важная, но пустая и никчёмная в самой сути, по его мнению.

Все они не те большие, значительные, великие что ли, писатели, которые, нужны нам, обыкновенным людям, размышлял он. Вот, если бы, всех этих членов союза Саратовских писателей втиснуть, синтезировать каким-то способом в одного человека! А точнее все литературные способности и дарования этих людей каким-то образом соединить в единое целое. Вот тогда-то, с доброй, лукавой улыбкой утверждал Олег, и состоялся бы настоящий единственный писатель всей нашей многострадальной Саратовщины. Почему многострадальной? А потому, снова лукаво усмехался Олег, что её населяют и мучают тридцать никому ненужных, (кроме себя естественно), неизвестных литераторов, членов Союза писателей. Ну, конечно же, это была шутка.

Сам он тоже хотел, (а кто из пишущих не хочет?), стать членом Союза писателей. Это вполне естественное желание любого человека, пытающегося выразить себя в творчестве через слово. Во всяком случае, в ту пору, это было некое признание твоего писательства. И Олег вполне заслуженно добился этого.

Однако мне кажется, что и он тоже немного участвовал в том, что называл игрой в писательство. Но делал это оригинально, свойственным только ему образом. Получалось у него это как-то по-доброму, по-детски, совсем «не надувая щёки и не надевая на себя вечернего строгого фрака». И выглядело это как весёлое замечательное представление.

Запомнился мне такой вот случай.

Было это тоже в шестидесятых, когда вся наша страна, ну просто упивалась (в том числе и пишущим эти строки) Хэмингуэем. У великого американского мастера есть рассказ, как он работал в Париже, в «славном кафе на площади Сен-Мишель». Хэмингуэй писал : «Это было приятное кафе – уютное, чистое и тёплое... Официант принёс кофе, я достал из кармана пиджака блокнот и карандаш и принялся писать». По ходу работы Хэмингуэй дважды заказывает ром «сент-джеймс» и, выпивая его, чувствует, «как отличный ром Мартиники согревает тело и душу». Хэмингуэй работает в пустынном просторном зале кафе, куда «вошла девушка и села за столик у окна. Она была очень хороша, её свежее лицо сияло, словно только что отчеканенная монета, если монеты можно чеканить из мягкой, освежённой дождём кожи, а её чёрные, как вороново крыло, волосы закрывали часть щеки». Окончив работу, Хэмингуэй «закрыл блокнот с рассказом, положил его во внутренний карман и попросил официанта принести дюжину portygaises, (португальских устриц), и полграфина белого сухого вина». Недурственно, а!? Даже мне, цитируя эти строки Хэмингуэя, самому захотелось поработать в подобном кафе, а потом и выпить. И закусить устрицами. И познакомиться с той прелестной девушкой. Ну, хотя бы увидеть её. Ну, да ладно, не об этом разговор.

И вот как-то, (тогда в тех же шестидесятых), захожу я в столовую мельзавода №1, что на Чернышевской. Там же рядом, через улицу находилось КБ станкостроительного завода, где работал конструктором Олег. Обеденный перерыв. У раздачи вытянулась большая очередь. В зале, дымном и синеватом от кухонного чада стоит монотонный многоголосый шум множества людей. Звон вилок, ложек, шарканье подошв, скрип стульев о кафельный пол. Рабочие в спецовках, белеющих от муки или блестящих машинным маслом, с подносами на вытянутых руках ястребиным взглядом ищут свободные места. Где бы присесть и покушать.

Какое меню в этой столовой? Ну, щи с кусочком постного жилистого мяса, суп гороховый. Хорошо, если достанется молочный. На второе биточки, жареный хек. Поджарка из свинины или гуляш, в лучшем случае. Гарнир как обычно: рис, гречка и пюре, пахнущее, как и жидкий чай, сырой тряпкой, которой убирают со столов. Это, господа мои хорошие, вам не нынешнее время! И не где-то там, в Париже, ром Мартиники, устрицы, белое сухое вино, красивая девушка…

И посередине этого жующего, озабоченного, шумного зала – Олег! Сидит себе один за столом на четверых. Перед ним разложены листы бумаги. Много листов. И Олег пишет, не обращая ни на кого внимания. Иногда оторвётся

от своего писания. Как бы удивлённо окинет взглядом людей с подносами. Улыбнётся слегка, «сфотографирует» всех и снова продолжает свою работу. Пишет себе и пишет. И ещё на столе, среди бумаг, недопитая кружка с пивом, жёлтым, как речной песок. И на стенках стеклянного ребристого бокала, – я заметил это, – прозрачные, словно крылья стрекозы, белые застывшие хлопья пены. Видимо к кружке с пивом Олег не притрагивался давно. Следовательно, и сидел и работал здесь продолжительное время. Никто, ни один из рабочих не подошёл к Олегу и не попросился к нему за стол. Так, посмотрят, посмотрят, сделают круглые глаза, соберут у переносицы брови, поднимут плечо и идут дальше. Искать свободное место. И я тоже тогда не стал его беспокоить. Как-то всё это выглядело непросто и удивительно. Стало немного весело. И даже как-то празднично на душе. Видимо, и другие люди ощущали нечто подобное. Ну, и что? Как сказал Шекспир? Все мы актёры на сцене жизни. Скажу по секрету, и мне легче бывает на душе, когда я тоже себя представляю настоящим писателем.

К себе, как к писателю, напоказ и прилюдно, он относился немного с лёгкой иронией. Также добродушно посмеивался над своим чудачеством-увлечением, как и над другими членами Союза писателей. Возможно, это было напускное, потому что у него уже тогда были глубокие хорошие вещи. И не знать этого он не мог. И всё-таки он не «лез в гении и классики», как многие другие. Он не бил себя в грудь кулаками, пытаясь доказать своё первенство или превосходство.

Помнится мне один такой случай. На VII Всесоюзное совещание молодых писателей в г. Москву были отправлены рукописи (аж четырёх!) кандидатов на участие в этом совещании. Это были члены литературной студии при Саратовской писательской организации. Среди них был и Олег. Некоторым из них было за сорок, другим и того больше. Пятый соискатель, (ему было чуть за тридцать), по каким-то соображениям руководством Союза саратовских писателей не был допущен к конкурсу. Этот пятый взял свои рукописи и лично отвёз их в оргкомитет в Москву. И его-то одного и вызвали в столицу на совещание. Олег очень просто и спокойно отнёсся к этому, сказав, что, конечно же, приоритет должен быть отдан молодым. Ведь совещание-то собиралось молодых писателей! Реакция других претендентов была резко противоположной и агрессивной, можно сказать. До сих пор некоторые не могут успокоиться и простить молодого коллегу. Пятого. А вот Олег добродушно посмеялся тогда над всей этой ситуацией и сказал:

– Давай, Миша, дерзай. Ты помоложе, тебе и карты в руки. Авось, у тебя и получится.

Почему я так хорошо всё знаю и помню? Потому, что пятым был я, пишущий эти строки. Да, да, я, Михаил Меренченко. Но мы до конца дней Олега были с ним в хороших дружеских отношениях.

Вообще, его поведение и мысли были, как и он сам, неординарны, оригинальны, можно сказать. Так мне хорошо запомнилось его отношение к строительству в то время жилых домов из крупнопанельных блоков. Олег искренне удивлялся такому несерьёзному и недалёкому, по его мнению, подходу правительства к жилищной проблеме в нашей стране. Он утверждал, что все эти строения из крупнопанельных блоков лет через пятьдесят начнут складываться, как «доминошки» или их начнут ломать сами люди. Потому что жить, в пришедших к этому времени в аварийное состояние крупнопанельных домах, будет опасно. Это говорил Олег где-то в начале шестидесятых, прошлого века. Тогда я слушал его недоверчиво. Какое там недоверчиво!? Ирония и скепсис переполняли меня. Тоже мне, нашёлся пророк, Олег Максимович Лукьянов! Но пятьдесят лет прошли. И что же?

Альтернативой Олег считал выделение земельных участков всем желающим (мало земли в России!?) и выдача долгосрочных кредитов на строительство частных коттеджей. Как это делается в других странах. Увы! Слова на государственном уровне Олегу не довелось ни сказать, и, тем более, там, наверху отстаивать своё мнение.

Вспоминаются мне и частые весёлые компании, когда мы собирались у Олега. Квартира у него была большая, из четырёх или пяти комнат, на третьем этаже в старом доме на ул. Ленинской (ныне Московской). Привечал он всех. К нему можно было прийти когда угодно. Рано утром, средь бела дня, вечером. И даже ночью. Обычно мы располагались на кухне за большим столом. Говорили, простите, трепались мы о литературе, политике, религии, кино, театре и обо всём на свете. Конечно же, и о женщинах. Травили анекдоты и просто так чесали языки «про жизнь». И так до поздней ночи. Нечего греха таить, было, что и выпить. И немало. Чаще мы приносили с собой портвейн, (а какой тогда широкий ассортимент этого приличного и недорогого напитка стоял на полках магазинов!), реже водку. Если мне не изменяет память, у Олега почти всегда стояла четверть (двадцатипятилитровая стеклянная бутыль) виноградного вина. К сожалению, она как-то быстро заканчивалась, или же вино было ещё совсем молодо. Но главное, всё-таки было общение, разговоры, споры. Не помню ни одного случая серьезной ссоры. Олег был, конечно, вне конкуренции, как оппонент, среди большинства. Он говорил тихо, но его слушали со вниманием. Лично я – с напряжением, так как многое было мне внове, иногда непонятно. Странное дело, но

верную подругу его, жену Ларису Михайловну, очень уважаемую мной человека, тогда среди этих импровизированных застолий я как-то мало видел и помню. Видимо, она умела «не обращать внимания» на эти мужские собрания. Но, признаюсь сейчас, мы тоже старались щадить эту славную женщину. Когда выяснялось, что спиртного принесено слишком много, мы, (мужской состав), поочередно, прихватив стакан с бутылкой вина и сигареты, выходили в коридор и спускались на этаж вниз. Там потихонечку и уничтожали излишества алкоголя. Делалось это незаметно, аккуратно и тактично, из хороших побуждений, чтобы не расстраивать Ларису Михайловну. Но, думается, она знала и об этом. Но пьяных гостей я не помню. Во всяком случае, в моей памяти осталось только хорошее и доброе о тех вечерах, днях или утренниках.

В связи с этим, хочется сказать несколько слов о фирменном напитке Олега Лукьянова – «лукьяновке». Это была тройной перегонки и очень крепкая (до семидесяти градусов) самогонка. Чистая, как слеза, с приятным ароматом, –Олег что-то добавлял туда из трав, – она потрясала в прямом и переносном смыслах всех нас. Била наповал! Особо её отличали и в Союзе писателей. Ему даже заказывали «лукьяновку» на какие-либо семейные праздники. Но, по-моему, по большей части, он просто раздавал её бесплатно, в качестве угощения.

…Последние встречи с Олегом были для меня печальны и горестны, если можно так сказать. Узнав, что он тяжело болен, я зашёл к нему. Он лежал в постели. Помню, Олег был коротко подстрижен. Лицо было исхудалым, сероватого оттенка, глаза затуманились и были пространны. Он не узнавал меня. Я долго стоял возле изголовья, стараясь поймать его блуждающий неясный взгляд. Что-то говорил ему. Лариса Михайловна наклонялась к нему и повторяла негромко:

– Олежа, Олежа, смотри, это же Миша пришёл. Олежа…

Но Олег смотрел своими беспокойными глазами в потолок. Так, иногда безразлично скользил по моему лицу равнодушным взглядом. И снова смотрел в потолок.

Тогда я наклонился к нему, и прямо глядя в его бегающие глаза, громко, очень громко, сказал:

– Олег! Ты что тут развалился?! Вставай сейчас же! Ты обещал меня «лукьяновкой» угостить! Олег, вставай!

Он остановил свой торопливо бегающий взор на моём лице. Глаза его стали снова светлыми, прозрачными. И стали озабоченными и осмысленно напряжёнными. Кажется, мозг его заработал, напрягся, припоминая.

– Олег! Ты же хотел мне секрет твоей «лукьяновки» открыть! – снова сказал я. – Так нечестно. Ну-ка, пошли! Вместе, и жахнем по маленькой! Вставай!!!

Глаза его «сфотографировали» моё лицо. Он узнал меня и слабо улыбнулся. Нет, не слабо, а как-то виновато скорее. Вроде, ты извини меня, лежу вот. Встать не могу. Извини. Может быть, в другой раз, а?

Но другого раза не было.

Через некоторое время я на своём «Запорожце» подъехал к его дому, чтобы отвезти Олега в больницу. Он сидел возле дома на детском стульчике, как большой, но беспомощный ребёнок. Меня он снова не узнал. Рядом стояла Лариса Михайловна.

Больше Олега я не видел.

P. S.

Я писал, что его глаза были чистые, светлые, как бы прозрачные. А говорят, что глаза – это душа человека.

Не поленился, отыскал справочник русских имён, полистал. И вот что оказалось.

Олег (скандинавское) – святой.

Максим (латинское)– величественный, огромный, светлый.

Лукьян (греческое) – светлый.

Вот и получалось: Олег Максимович Лукьянов.

Хорошее русское имя. И человек светлый и славный.

И светлая вечная память ему.

Тамара ХУСНЕТДИНОВА
Учёный селекционер

Встречи с Олегом Лукьяновым

Окно, распахнутое во дворик. За ним виноградная лоза, цветы, калитка, а далее тропинка в лес, в овраг. Немного вниз вдоль ручья, по мостику… и впереди обиталище друга – Олега Лукьянова – его дача.

Знакомство мое с Олегом произошло случайно в один из летних дней 1982 года, когда в гости ко мне в пригородный поселок Зоналку приехала

подруга Нелюша вместе со своими знакомыми, чтобы побродить по оврагу среди деревьев, подышать чистым воздухом, которого так не хватает в городе. Одним из приехавших в тот день был саратовский поэт Бойко, который хорошо знал Олега. Вот так и встретились случайно с Олегом среди деревьев в овраге, и были приглашены к нему на дачу.

Первое мое впечатление – напоминает Волошина. Высокий, белокурый крепкий волжанин в одежде дачника. В его облике было что-то широкое, доброе, основательное. Голубые глаза всматривались в глубь, в суть. С первых минут знакомства надо было соответствовать интересу к тебе этого человека, поддерживать его. Иначе – пройдет мимо.

Что-то схожее было в облике Олега и в архитектуре дачи.

Большой основательно сработанный дачный дом на высоком фундаменте стоял на краю глубокого оврага поросшего лесом. В нем умещалось все: настоящая русская печь на три комнаты, старинный буфет набитый всякой всячиной, кровати разных конструкций, выброшенные в свое время из городских квартир, но вполне пригодившиеся в дачном быте для приема гостей «с ночевкой».

Старую мебель дополняли скрипящие деревянные полы, запах сушеных трав, чая, заваренного не в узких проемах городской кухни, а на воле. Он перемешивался с ароматом растущих тут же яблок и постоянно благоухающих возле дома цветов. Во всем этом было что-то от русских старых усадьб, в которых основательность быта перемешивалась, настаивалась на духовности.

В тот первый день нашего знакомства все было необычно. Олег оказался гостеприимным хозяином, интересным рассказчиком. На столе в саду под большой яблоней появился почерневший от пользования на костре чайник с крутым кипятком, заварка, в которой преобладали разные душистые листья, чашка с яблоками, вареная картошка, соленые огурцы. И, конечно, бутылка с самогоном собственного приготовления.

Гости, поначалу, разбрелись по комнатам, с интересом разглядывая незнакомое место, а затем быстро расселись на скамейках в саду. Разговор сложился сразу. Говорили о судьбе России, ее месте и роли в истории, а в конце – Олег прочитал свой недавно написанный рассказ, в котором обычная житейская история людей из будущего была украшена фантастическими описаниями их необыкновенной одежды, транспорта и прочими диковинами. На фоне очень серьезных философских разговоров антураж, использованный автором в рассказе, создавал ощущение веселой сказки, поэтому настроение от всего увиденного и услышанного было особенно хорошим.

Разошлись поздно, в темноте с трудом пробирались по лесу к автобусной остановке. Обещали заходить в гости без особой надежды на осуществление приглашений. Однако через неделю неожиданно Олег пришел ко мне домой.

Паника, возникшая у меня в голове в первый момент его появления из-за лихорадочных мыслей: «чем угостить, о чем говорить», быстро сменилась уверенностью хозяйки, которая уж в своей-то маленькой квартирке знает все.

Я успокоилась, заварила кофе, поставила вазочку с печеньем на стол и приготовилась к разговору. В тот день Олег с интересом расспрашивал меня о профессии, о сорго, которым я занималась всю жизнь, о личной судьбе. Скованная вначале, я разговорилась, а Олег слушал меня внимательно, не перебивая, с неторопливым интересом.

В то время Россия была еще социалистическая, а я работала селекционером в Поволжском научно-исследовательском институте селекции сорго. В Зоналке располагались лаборатории института, а неподалеку – опытные участки.

Работа «на природе» формирует в человеке романтическое отношение к окружающему миру, поскольку объекты исследований (растения, насекомые и т.д.), изменяющийся пейзаж возбуждают воображение, приобщают к вечной тайне жизни, заставляют с любопытством приглядываться к мелким объектам, ползающим и стрекочущим в траве, и одновременно наслаждаться огромными просторами полей и неба.

В такой жизни обыденные общения с людьми кажутся ненужными, лишними, обременительными, а необычное – приобретает особую яркость. Вот таким-то ярким явлением в моей жизни с той самой первой встречи стал сказочник, фантазер – Олег!

«Роза Мира»

Была у четы Лукьяновых особенность – они любили собирать у себя интересных людей. Кто только не бывал в их гостеприимном доме! Там можно было встретить поэтов, художников, фотографов, врачей, преподавателей, простых работяг – носителей народной мудрости.

Олег и Лариса любили потчевать гостей всякими диковинами, такими как салат из одуванчиков, суп из крапивы и т.д. Эти посиделки собирали людей творческих.

Олег восторженно рассказывал о философии Федорова, Бердяева, Зиновьева, Лотмана, Мамардашвили, Шафаревича и многих других. Для меня\ открывался целый мир, наполненный духовным смыслом и тайнами.

Я стала жить гораздо интереснее и содержательнее, постоянно вспоминала и осмысливала услышанное от Олега.

Он считал, что во всем необходим системный подход. Маленькая система является частью большой, а большая – частью глобальной. Поэтому, считал он, что то, что происходит в отдельной стране, определяется системой взаимоотношений государств, их геополитикой. Одновременно он соглашался с концепцией пассионарности России, значимости ее, как основы православия в мире, эдакого религиозного центра, находящегося под покровительством Богородицы и ограждающего европейские государства от Востока. Олег много рассказывал мне о русских пророках, подвижниках и был большим патриотом страны и идеалистом.

Особое место в нашем общении с Олегом занимала книга Даниила Андреева «Роза Мира». Он был очень увлечен работами этого писателя, поскольку сама жизнь Д. Андреева была одновременно трагичной и мистической.

Сказочник и фантазер, Олег не смог пройти мимо фантастических описаний мироустройства, в которых религиозная концепция книги ярко и вдохновенно переплеталась с живописным и феерическим строем сюжетной канвы.

Сознаюсь, что впервые прочитала эту книгу под влиянием Олега с большим трудом. Текст казался перегруженным непонятными символами и словами. После его преодоления в моей памяти осталось впечатление новой прочитанной сказки (легенды), в реальность которой верилось с большим трудом. Олег же принял на веру все, о чем писал этот своеобразный автор, и взялся за осмысление глубинных идей, заложенных в книге.

Мне казалось, что для Олега в те дни родилась новая религиозная идея, которой он с увлечением принялся служить. А я с наивной настойчивостью продолжала добиваться от друга объяснений сути. Мне хотелось понять прикладной смысл излагаемых Андреевым, да и Н. Федоровым, теорий о бессмертии душ. Коснется ли «это» только выдающихся людей или и нас «простых». В чем религиозный смысл всего этого? И вообще… Вопросы, вопросы и еще раз вопросы…

Но Олег настойчиво убеждал меня в правдивости философии Д. Андреева.

Я понимала, что эта книга была соединением религиозности Олега с фантастическим образом мысли (ведь писатель-фантаст!). Иначе и быть не могло. И я гордилась про себя тем, что узнала много непонятного, сказочного, нового благодаря дружбе с Олегом Лукьяновым. В мою жизнь надолго вошла не просто народная сказка, не научная фантастика, а нечто другое, связанное с православием и философией! Гораздо более сложное и интересное.

Однажды Олег взволнованно сообщил мне, что в музее им. Федина состоится встреча с вдовой Д. Андреева. Для него это событие было необыкновенно важным: вдруг удастся поговорить с самым близким человеком любимого автора! Да, и показать собственный труд о «Розе Мира».

На эту многообещающую встречу я пришла вовремя, но увидела странную картину. Коридоры и зал были переполнены людьми. Они стояли плотно, почти дыша друг другу в затылок.

Оглянувшись вокруг я не смогла сразу увидеть Олега и предположила, что, скорее всего,он и Лариса пришли раньше меня и находятся где-то впереди. Я прислонилась к косяку распахнутой настежь двери и стала прислушиваться к происходящему в маленькой зале.

Постепенно еще подходили люди, и меня, несмотря на тесноту, протолкнули вперед и вверх по лестнице. Стоять и дышать было трудно, я потихоньку продвинулась к стене и смогла внимательнее рассмотреть публику и выступающих. Как я и предполагала, Олег сидел в первом ряду. На стенах зала были развешены акварели жены Д. Андреева, которая была профессиональной художницей.

Перед публикой стоял небольшой стол с книгами, за которым сидел неизвестный мне мужчина и пожилая, но красивая женщина. Она рассказывала свою историю жизни с Андреевым, называла его Даней. Однако, как мне показалось, она избегала вопросов связанных с философской интерпретацией «Розы Мира». Публика настойчиво возвращала ее к этой теме, пока Андреева резко и громко не произнесла: «Роза Мира не более, чем красивая сказка, в которой нет философии и тем более правды. Мне неприятно превращение текста этого произведения в предмет религиозного посыла. Даня был русским писателем и поэтом. Любите и изучайте его писательское наследие, но не делайте из него НЕЧТО более высокое! И, вообще, оцените же, наконец, его стихи! Они мне нравятся больше!»» Я вглядывалась в фигуру Олега, сидящего ко мне спиной, и думала о том, что ему совсем непросто слышать это! Андреева продолжала рассказывать об их с Даниилом отношениях с КГБ. Казалось, что это наиболее интересная часть их совместной биографии…, она говорила о том, что подлинные тексты Андреева находятся в Англии из-за недоверия к ФСБ…

На улице я подождала Олега и спросила о его впечатлении от встречи. Не расстроился ли он? Олег выглядел подавленным, но потом сказал мне, что свое мнение о Д. Андрееве он не изменит и по-прежнему видит в «Розе Мира» не только сказку, а нечто большее, о чем собирается написать в своей книге.

Вскоре он принес толстую рукопись ко мне домой, был радостно взволнован, много рассказывал о содержании… Было уже темно. Ему надо было спешить на дачу! Он, как обычно, налил в бутылку воду и быстро ушел.

Проводив Олега, я увидела оставленную им на столе рукопись. Представила его растерянность и, преодолев страх перед темнотой в овраге, отправилась вслед за ним на дачу. Как я и предполагала, Олег искал свой труд и выглядел очень огорченным. Я успокоила его, вернув рукопись, а обратно Олег благодарно проводил меня до дома, по дороге рассказывая мне вновь и вновь про свою книгу.

А недавно, уже после смерти Олега я узнала, что А. Андреева заживо сгорела в своей квартире.

Дуглас

По пути на дачу Олег один или с Ларисой частенько заходили ко мне на чай или кофе. Олег обычно «вваливался» шумно, разгружая в коридоре тяжелый рюкзак, набитый разными вещами, громыхая армейскими ботинками большого размера.

В первое время он появлялся у меня вместе со своим псом-доберманом Дугласом. В моей небольшой квартирке с их приходом становилось тесно и весело. Длинное стройное тело Дуга распластывалось у двери в готовности защитить хозяина от чужих. Черные глаза внимательно наблюдали за мной, чуткий нос улавливал запахи с кухни.

Дуглас был зрелым псом, жизнерадостным, энергичным, умным и ребячливым. Мне тогда казалось, что никакой другой породистый пес не мог быть рядом с писателем – фантастом. Только он!

Любимым занятием собаки на даче был поиск и доставка хозяевам ежей. Бог весть где добывал он их в округе во время прогулок по оврагу. Очередной обнаруженный им зверек вызывал у Дугласа шумный восторг, сопровождавшийся визгом и лаем. Затем он как мячик гнал его к даче и лаем сообщал хозяевам об очередной доставленной им игрушке. Олег и его жена Лариса весело реагировали на проделки любимца, а затем тайком от него уносили зверьков обратно в лес, в овраг, но через несколько дней очередной перепуганный ежик был вновь доставлен Дугласом на дачу.

История с Дугласом закончилась через несколько лет печально. Во время прогулки в городе он потерялся. Олег и Лариса долго и безуспешно искали его, дали объявление в газету, но Дуглас больше не появился.

Мои встречи с Олегом

За окном поздняя осень, серые дожди. В такие дни особенно остро ощущаешь одиночество и желание скрыться ото всех дома, сесть в кресло, надеть на ноги уютные тапочки и задуматься. О чём? Не знаю, просто о чём-то. Хотя в последнее время я всё чаще вспоминаю Олега Лукьянова. Его давно нет в живых, а его книга – «Миф о планетарном космосе» – только начинает свою жизнь.

Когда-то именно Олег заставил меня прочитать книгу Д. Андреева «Роза Мира». Читала её с трудом, тяжело, как будто поднималась в гору и не могла закончить это путешествие. Мне было трудно представить, что эта книга может кого-то увлечь, она казалась мне огромной сказкой, созданной человеком в трагической ситуации. Но все получилось совсем наоборот.

Олег часто приходил ко мне по дороге на дачу один или в сопровождении собаки. Мы пили чай и много говорили. В то время он почти перестал сочинять рассказы и самоуглублённо думал только о книге Даниила Андреева. Меня поражала его страстность, готовность обдумывать каждую строчку, бесконечное количество идей и мыслей, которые рождались каждую минуту и ждали своего обсуждения. Да и сама глыба андреевского текста могла раскрыться только навстречу такому неистовому напору сердца и ума.

Олег был другом, и нас объединяла общее экзистенциальное пространство вымирающей интеллигенции. Общие книги, музыка, стихи, мысли о высоком... Кроме того, мы оба любили и ценили природу, которая давалась внимательному и острому взгляду художника и биолога.

Как сейчас помню. Я гуляю с собакой. Яркие пятна последних жёлтых листьев в чёрных ветках. Ими пронизано всё пространство леса насквозь. И всё это там, в лесу, тонет в сером тумане и ветки, и тёмные листья, и я с собакой и с этим миром. И Олег где-то здесь, рядом.

Ему хорошо работалось на даче, в большом доме за оврагом, в котором комнаты обогревались русской печкой. Там были скрипящие полы, старые железные кровати, стол, заваленный книгами, старая электрическая плитка, гранёные стаканы и чашки для чая, сушёные травы, доски под кроватью.

Впрочем, Лукьяновы любили гостей, поили их чаем из старого, почерневшего от времени чайника. Чаи были особенные, с травами и яблоками, вкусные. Их пили под старой яблоней в саду за столом, усаживаюсь на скамью из сбитых досок. Пили иногда вино и самогон и за этим занятием много говорили, а иногда Олег читал отрывки из книги. В общем, обстановка была сугубо доброжелательная, напоминающая чеховскую дачную жизнь.

Я часто спрашиваю себя – кому предназначен его труд? Его современникам, людям, интересующимся эзотерикой и мистикой, философам? Скорее всего, будущим поколениям, чтобы знали они, как жили люди в XX веке, каким представлялся им окружающий мир, какие мысли и идеи увлекали людей на изломе веков?! Чтобы они чувствовали запах и вкус эпохи, их остроту и необратимость.

Это Олег убеждал меня в том, что душа реальна, весит 9 г, что это доказано, и что мои 9 г души будут жить вечно, что у моей души есть определённая миссия, что сам Господь дал ей смысл.

Так говорил Олег, а он знал про это много и, самое главное, верил в то, о чём говорил. Поверила ему и я. Я спрашивала его:

– Ну, понятно, великие люди, а что значит для кого-то моя душа? Кого она интересует? Ну, живёт она себе в моём болезненном организме, страдает от всяких холестеринов, сахаров. Наверное, ей плохо во мне?! А может быть, душа живёт сама по себе и болит не от нездоровья, а от чего-то другого. Эти вопросы волновали меня, не понимающую до сих пор, кто я на самом деле, зачем появилась на Свет Божий? Но рядом был Олег, он помогал и учил ценить в первую очередь себя и других. Его доброта многое значила для меня. Он умел дружить. В моей жизни не все люди выдержали проверку временем. Он выдержал.

Наша дружба была искренней и светлой. Он представлялся мне большим и умным человеком, к которому я шла со своим смешными вопросами. Олега глубоко интересовала наука, особенно биология, а я помогала ему рассказами о своей работе по селекции злаков и книгами. Геология, физика, космос, химия и биохимия и т.д. – вот совсем не окончательный круг его интересов. Олег искал то, что объединяло, связывало разными ниточками биосферу и космос, людей и другие живые организмы и т.д. Поэтому его интересовали вопросы экологии, способности популяций живых организмов регулировать численность, он был универсалом-шестидесятником, романтиком и энтузиастом, которых безжалостно вымывает современная действительность.

Помнится, я рассказывала ему о красивых и любимых с детства насекомых – божьих коровках. Когда-то я занималась энтомологией и разводила в лаборатории этих букашек. Выпуск их в природу для борьбы с тлями не дал результата, поскольку они тут же разлетались, сохраняя на растениях строго определённую численность 0,5 – 1 экземпляр на растении. Рассказывая об этом, я объясняла другу механизмы саморегуляции численности коровок. Его это интересовало чрезвычайно. В конце нашего разговора он заметил,

что человек утратил и продолжает утрачивать механизмы саморегуляции, что неминуемо приведёт последующие поколения людей к гибели.

Иногда у меня возникали проблемы, непонятные мне явления в работе. А Олег в ответ говорил:

– Ищи систему, найдёшь связи и получишь ответ.

Я помню, как мы разговаривали о России в 90-х годах в связи с перестройкой. Он говорил о глобальной геополитике, о том, что решаются судьбы народов не в России, а где-то в другом месте, что всё гораздо сложнее, чем я это понимаю.

– А где, Олег? – наивно спрашивала я, продолжая наш разговор.

– Там, где деньги, мощные военные силы и капитал.

– Что будет с нами? – продолжала наивничать я?

– С нами ничего, конкретно с тобой, точно ничего! Что-то серьёзное будет происходить позже, когда начнут делить ресурсы в Мире. Вот тогда…

Я замолкала, мне становилось страшно и неуютно. Я думала о том, что хорошо бы доработать на моем поле до каких-нибудь результатов, чтобы я и моё сорго были вместе. Олег задумчиво пил кофе, его мысли были далеко. А я думала, как хорошо, что мой давний товарищ сидит рядом, пьёт кофе и раздвигает границы реальности. Может быть, он тогда думал о том, о чём написал позже, о судьбах стран, России?

В книге он предопределил то, что произошло с нами, с людьми, с Россией гораздо позже, после его ухода из жизни. Определил точно и конкретно. Как он это смог почувствовать? Он тоже метался и сомневался. Олег то ходил к коммунистам, то слушал Жириновского, не воспринимая правых и прочих, считая, что, должна появиться другая сила, как теперь оказалось «Единая Россия», которая объединила политику и бизнес. Все не напрасно, он как бы составлял карту грядущих событий, чтобы изложить их в своей книге.

Помню, что я до старости не читала Библию, многое не знала о православии, хотя интуитивно, по происхождению была в Вере. Олег на многое открыл мне глаза. Спрашивал меня: «Что есть дух, а что душа…». С этого и началось моё религиозное образование. Конечно, он подтолкнул меня к религиозности.

Дарвинизм, теория эволюции видов на Земле. Все были этим отравлены дарвинизмом, в том числе и я. Олег не соглашался со мной, в качестве аргумента приводил тот факт, что между обезьянами и человеком нет последнего звена (теперь его нашли в Африке). Он пытался понять, осмыслить эту глобальную теорию, опираясь на собственные ощущения и концепты учёных. Он мог твёрдо отстаивать свои убеждения.

Вот таким был Олег Лукьянов! Узнать его ближе теперь доступно каждому человеку, тому, кто прочитает его книгу «Миф о планетарном космосе». Это увлекательное и доступное по форме изложения чтение введёт вас в фантастический, во многом реальный мир устройства мироздания.

Яков УДИН
Писатель

Чаще всего я встречал его на улице. Растворившись в пестрой, шумной, разноликой городской сутолоке, он шагал размашистой, энергичной, чуть вихлястой походкой. На первый взгляд вроде ничем особым он не выделялся средь остальных, кажется, он был такой же, как многие, как все. Только вглядевшись пристальнее, вычленив его из толпы, замечал: да нет, он гораздо подвижнее, порывистее, что ли, к тому же смотрел он не вперед и не по сторонам, не в лица встречных и не себе под ноги, взгляд его светлых, глубоко посаженных глаз неизменно бывал обращен внутрь, сосредоточен на чем-то чрезвычайно важном, скорее всего, на очередном замысле, или, может статься, он мысленно перебирал, переваривал недавно прочитанную книгу. Как бы то ни было, всегда было ясно видно, что все его существо, вся его жизнь заплутала где-то в потаенной глубине и бьется, пульсирует в нескончаемой работе. Лицо его то расплывалось в счастливейшей улыбке, то хмурилось, то он убыстрял шаг, почти бежал, то замедлял, случалось, вовсе останавливался и замирал ненадолго, беззвучно шевеля губами, очевидно, что-то проговаривая, оттачивая какую-то свою мысль, сокровенную фразу ли. И сразу становилось понятно, что идет вечный труженик духа.

Таков был Олег Максимович Лукьянов – писатель-фантаст, натура увлекающаяся, страстная. Чего бы он ни коснулся, к какой бы сфере знаний и творчества ни приближался, душа его извергала радостный возглас неофита, он искренне удивлялся, приходил в несравнимый восторг. На протяжении всей сознательной жизни ключевые слова Олега Лукьянова: «был страшно увлечен этой работой». Чем бы он ни занимался, он всегда был «страшно увлечен», будь то работа инженера-конструктора, изучение разговорного английского, участие в туристических походах или же сочинение

научно-фантастических рассказов, писание очерков об ученых, занятие философией Н. Ф. Федорова. Это был его темперамент. Незыблемая сущность. Человек беспокойный, вечно ищущий, неудовлетворенный, он находился в непрестанных поисках, с азартом кидался на все новое, неизведанное.

Последние десятилетия многих людей подхватил грязный поток стяжательства, мелких и крупных потрясений и несет, смешав с низменной мутью, совершенно обезличив. Насколько я помню, Олега Лукьянова эта почти всеобщая оголтелая суета совсем не коснулась. Он как бы остался на обочине, одинокий и странный, может, даже слегка чудаковатый и, смею думать, счастливый, ибо нет для писателя большего счастья, чем оставаться в своем собственном ритме жизни, что дается не просто и не всем подряд.

У нас вошло в привычку называть интеллигентами тех, кто умеет повязывать галстук, складно молоть языком или имеет пресловутый вузовский диплом. Однако это – надо полагать – не совсем так. Один из умных, изрядно поживших, почтенных наших с Олегом Максимовичем современников, в свое время, рассуждая об интеллигенции, обмолвился: интеллигентом нельзя притвориться. Им можно только быть. А другой не менее почтенный человек тонко подметил: интеллигент преимущественно думает о вещах, непосредственно его не касающихся. Так вот Олег Максимович Лукьянов в моих глазах был интеллигент в первичном, непритязательном, незамутненном смысле этого слова.

Вне сомнения, его литературная деятельность никогда особых дивидендов не приносила, но он не отчаивался, не изменял своим принципам и пристрастиям. В нем я никогда не наблюдал ни угодливости, ни тем более склонности ловко проворачивать свои дела. Он неизменно казался озабоченным проблемами, весьма далекими от меркантильных соображений и уж никак не имеющих отношения к его повседневной жизни. Хотя ему приходилось нелегко, конечно, поскольку в литературе, в редакциях журналов и издательств, всегда существовала групповщина, а в сфере научной фантастики вообще всем правил узкий клан людей, этакая своеобразная замкнутая жанровая олигархия. И среди своих собратьев, местных писателей Олег Лукьянов не часто находил понимания или, лучше сказать, внимания, интереса, любопытства к тому, что он делает, чему посвятил всю свою жизнь. Что греха таить, иные из писателей чувствуют себя гораздо комфортнее в окружении безнадежных невежд, особенно если сам таковым является.

К сожалению, Олегу Лукьянову не очень везло на умных, чутких, проницательных людей. К тому же он ни к кому не лез в кумовья, как это делалось сплошь и рядом. Ни с кем и ни с чем не боролся. Не кричал на каждом углу, бия

себя в грудь, о своих политических пристрастиях. Казалось, его совершенно не занимала общественная жизнь. Он всегда вел себя скромно и несколько отстраненно, как и подобает человеку, много читающему и знающему. А таких ужас как не любили – прямо на дух не переносили во все времена, и он вдоволь претерпел за долгие десятилетия творческой деятельности, в сущности, остался невостребованным по-настоящему. Человек с огромным интеллектуальным потенциалом, так до конца и не реализовался. Не раскрылся. Так мне кажется.

Но были, были у Олега Лукьянова и радости, когда а 1971 году он написал рассказ «Пробуждение», в через несколько лет опубликовал во всесоюзном альманахе «Фавтастика-73, -74», когда рассказ «Эльдорадо» неожиданно вышел в далеком журнале «Уральский следопыт», рассказ «Последняя попытка» – в журнале «Байкал», рассказ «Голос Серебряной Моли» в Волге», когда в 1979 году в Приволжском книжном издательстве появился сборник научно-фантастических рассказов и повестей «Вся мощь Вселенной», когда в 1982 году во всесоюзной телевикторине «Этот фантастический мир» была дана телеинсценировка повести «Принцип неопределенности» с участием актеров В. Абдулова, М. Глузского и др., когда принимал участие в телепередаче «Очевидное – невероятное», которую вел известный всем интеллектуалам Петр Сергеевич Капица, когда в солидном московском журнале была опубликована статья на темы философии воскрешения Н. Ф. Федорова, когда гостил у космонавтов В. Севастьянова и О. Макарова, когда увидела свет важная для него философско-публицистическая работа «Ледяные игры разума», где он прогнозировал механизмы разрушения культуры в России.

Олег Лукьянов всегда был полон энергии и замыслов. Последние годы своей жизни все свои силы посвятил изучению поразительной книги Даниила Андреева «Роза Мира», в которой, по убеждению самого Олега, содержатся мистические ключи к русской и мировой истории. «Ну и что? – могут возразить мне оборотистые литературные ловкачи и особо ушлые из наших сограждан. – Чего он достиг? Не покладая рук трудился и остался, считай, что ни с чем, ровным счетом ничего не нажил, ни в люди как следует не выбился, ни знаменитым не стал». Возможно, это и так: он не был знаменит, богат, обласкан властями. Но вся его страстная жизнь говорит нам о том немалом, что этот человек, из года в год читая серьезные книги, анализируя их, моделируя философские идеи в своих фантастических произведениях, неустанно постигал глубинные проявления человеческого духа и тем самым спас от бездуховности хотя бы одного человека – самого себя. А этого более чем достаточно, и залогом правильности моих суждений является моя благодарная и светлая память о прекрасном человеке – Олеге Максимовиче Лукьянове.

Юрий ЗВЕРЕВ
Журналист

Призвание – вперёдсмотрящий

В саратовской областной писательской организации в 70-80-е годы XX столетия, как и в других, в чести были прозаики и поэты, пишущие на военно-патриотические, производственные, в основном деревенские, темы. Отчасти это было обусловлено тем, что авторы вступали на творческую стезю, имея за плечами в лучшем случае филологическое образование или курсы при Литературном институте. С миром новой техники, создателей её они мало соприкасались, не понимали их, не проникались дерзостью мысли, смелостью поиска, остротой риска, широтой кругозора.

Поэтому писателю, решившему вторгнуться в мир научной фантастики, поставить глобальные вопросы сосуществования человека и техники, пределов развития научной мысли и границ фантастических допусков, в Саратове было одиноко и трудно.

Произведения писателей принимались для печати в журнале «Волга» и в Приволжском книжном издательстве, пройдя частокол рецензентов и редакторов. А где найти таких, которые бы по уровню подготовки, кругу интересов, решительности поднимались бы на одну ступень с писателем-фантастом?

К тому же научно-фантастическая литература, имеющаяся в наличии, была на положении своевольного пасынка: забегая вперёд, она поднимала вопросы, которые партийная наука считала своим достоянием – устройство общества, разнообразие мнений, свобода творчества. Над издателями и редакторами висел дамоклов меч – «Записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС о недостатках в издании научно-фантастической литературы» от 1966 года. Хотя она носила закрытый характер, основные положения были доведены до руководства Союза писателей, Комитета по печати, ЦК ВЛКСМ. Били поддых: «Слабость и путаность идейно-теоретических позиций многих произведений современной литературы по научной фантастике усугубляется их низким литературно-художественным и эстетическим уровнем». На позиции выкатывали тяжёлую артиллерию – редакции журнала «Коммунист» поручалось подготовить обстоятельную критическую статью авторитетного автора об ошибочных тенденциях в современной научно-фантастической литературе, отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС провёл информа-

ционное совещание редакторов газет и журналов, директоров издательств, указал на необходимость поднять требовательность к авторам, содержанию произведений.

Писатель-фантаст волей-неволей выступал в роли вперёдсмотрящего, который заглядывает далеко вперёд по курсу корабля, давая сведения об обстановке вокруг, помогая капитану в принятии решений.

Таким вперёдсмотрящим представлялся мне молодой писатель Олег Лукьянов, с которым свела судьба в конце 70-х годов, благодаря интересу к литературе, к научной фантастике. По мере возможности я поддерживал его первые публикации, книги, ибо был связан по работе и с редакцией журнала «Волга», и с Приволжским книжным издательством, и с писательской организацией как консультант, рецензент, организатор и участник различных культурных мероприятий.

Я считал, что для молодого писателя, особенно такой направленности, как фантастика, необходимо и плодотворно постоянное общение с читательской аудиторией, особенно молодой. Так что было закономерно и естественно приглашение Олега Лукьянова на встречу с учениками 9-го класса 18-й средней школы по просьбе моей дочери Елены.

Было это в субботу 14 марта 1981 года.

Ребята разрисовали доску символами и сюжетами космической эры, выписали тему интересов: «Зачем человеку звёзды?», выставили все три книги писателя.

Школьники оказались на удивление активными, может быть, ещё и потому, что в школьных программах фантастика отсутствовала, а в мир их интересов входила. Никого не пришлось тянуть за язык, не возникало тягостных пауз. Вопросы-ответы, к удовольствию обеих сторон, летали, как мячики.

Вот запись этой беседы, сделанная мной по журналистской привычке.

– Расскажите о профессии писателя. Как Вы начали писать фантастику?

– Я романтик по натуре. Верю в добро, в его победу, кто лучше выразит, донесёт до людей это понимание, как не писатель?

Писатель – не профессия, хотя есть люди, которые только пишут. Это – творчество, состояние души, ума, желание выразить то, о чём думаешь, мечтаешь.

Я начинал писать ещё на студенческой скамье, в политехническом институте. Считал, что надо, непременно надо высказаться о нашем мире, о направлении развития научно-технической мысли, о том, что чувствует человек в мире техники, о проблемах развития науки.

Фантастика – хорошее средство для освоения мира, обострения воображения, понимания явлений в развитии, глубокого видения людей.

Конечно, хотелось напечататься, но пять лет рассылал рассказы без результата. Не опускал рук, не впадал в хандру; значит, надо писать лучше. В 35 лет опубликовал первый рассказ. Пишу и буду писать. Это уже потребность. Тем более, что родные и близкие мне люди поддерживают.

– Сейчас много пишут о достижениях космонавтики, показывают космонавтов. Американцы уже побывали на Луне, в планах полёты к другим мирам. Зачем человеку звёздный мир?

– Мы хотим по большому счёту знать эволюцию материи, своё место в ней. Может ли человек быть организатором материи? Должен ли человек быть организатором материи? Что было позволено Богу, может ли быть позволено человеку?

Полёты в космос, к другим планетам и звёздным мирам, задают другой масштаб деятельности человека, человечества, помогают объединить знания для решения и земных проблем.

– Вы инженер по профессии. Помогает ли Вам профессия в творчестве?

– Я был ведущим конструктором по зуборезным станкам. Это требовало знания навыков, принципов конструирования, развитого логического мышления.

Рассказ или повесть – это ведь тоже особая конструкция. Да, иногда пишешь интуитивно, поддаёшься ходу мыслей, переживаний. Но ведь читателю должен быть интересен сюжет, в нём должны быть спрятаны загадки; к отгадке подключаешь читателя. Должны быть интересны образы героев – со скучными людьми ведь вам тоже скучно, поговорить не о чем.

Как инженер, я постоянно интересуюсь новой техникой, новыми идеями в различных отраслях науки. Как писатель я хочу привлечь внимание к этому читателя, помочь ему увереннее чувствовать себя в меняющемся мире, получать удовольствие от приобретения новых знаний, навыков.

– Научная фантастика тесно соприкасается со знанием астрономии. Вас она привлекала? Привлекает? Увлекала? Увлекает?

– Когда я в первый раз пришел в обсерваторию, посмотрел в телескоп, я пережил совершенно новые ощущения. Границы моего обозримого мира расширились до умозрительных величин: я вот тут, на стуле, а вижу звёзды на расстоянии миллионов световых лет. Вот так, сначала с удивлением смотрели люди тысячи лет назад на небо, а потом стали замечать закономерности движения планет, смены времён года, связь с погодными явлениями, приноровляться ко всему этому, использовать на практике.

Объект астрономии как науки – вся Вселенная, Показывать её хоть в какой-то мере – потрясение, возвышение над обыденной жизнью, её заботами.

Я был потрясён чудовищными размерами звёздного мира, как будто вышел на новую площадь, о которой не знал. Один человек испугается: как я мал, слаб; другой вдохновится возможностью соизмерить силы духа, разума. Физик Ландау говорил: «разумом можно описать то, что мы не можем представить себе воочию». Может быть, разум и есть мощь Вселенной, которую мы и опасаемся, которой мы и радуемся. И расширяется не только Вселенная, расширяется мощь разума. На наших глазах, с нашим участием. А мы часто живём мелочными заботами, преходящими обидами, бездумно проводим время, без любопытства относимся ко многим людям, событиям.

– Как Вы относитесь к НЛО?

– Это чудеса и шутки техники и воображения. Летают молнии, падают ступени ракет, случаются оптические эффекты, а мы хотим увидеть сильных, добрых пришельцев, которые за нас решат проблемы безопасного владения атомной энергией, повышения урожаев, сохранения рыбных запасов, создания необычных транспортных средств, освоения Луны. И что же? Заживём мы на всём готовеньком? Лишимся радости познания нового, создания нового? Будем молиться новым богам, как язычники, как греки?

Если НЛО кружатся над нами, если инопланетяне изучают жизнь на Земле, почему они не заявят о себе? Подают примеры невмешательства, боятся нарушить небесное равновесие? Хотят, чтобы мы сами поднялись до их уровня, встали вровень? Не пробил час неизбежной встречи, о которой не раз и не два писали фантасты?

– Каким Вам видится человек будущего?

– Прежде всего, высоконравственной личностью, блага жизни он добывает упорным трудом, а не набегами с оружием в руках, ценой не только своей жизни, но и жизни другого человека; перемещается по планете не только как турист за новыми впечатлениями, но и как строитель, созидатель, охранитель всего живого и сущего.

На мой взгляд, в XX веке человечество переживает критическое состояние: часто не во благо, а во зло использует накопленные знания, опыт, среду обитания, которую всё больше охватывают технические средства, системы, которые могут выйти из-под контроля, стать источником катастроф.

Надо найти принцип или принципы объединения людей. Сейчас идёт борьба за испытание этого принципа или принципов. Мирное сосуществование, разоружение, объединение усилий для работы в космическом про-

странстве, справедливое общественное устройство, создание условий для самореализации личности.

Человек будущего – не конец эволюции, пожинающий сладкие плоды в раю цивилизации. Он человек дела в цеху Вселенной; за ним высокое прошлое, перед ним – великое будущее. Я уверен: в человеке заключён бесконечный творческий потенциал. Учёными доказано, что мозг работает пока на какую-то часть возможностей, он заработает сильнее по мере освоения времени и пространства.

– Не будет ли для этого человек трансформирован в другие формы. Скажем, голова увеличится, ноги заменят механические самоходы, зрение ухудшится, а осязание, наоборот, станет тоньше?

– За нами миллиарды лет эволюции. Трудно сказать, какого человека создадут миллиарды лет, которые у человечества впереди. Не так важна форма, как суть предназначения.

– Можете назвать свой образец для подражания в творчестве

– Научно-фантастическая литература, по-моему, родоначальник всей литературы. С чего всё начиналось? С мифов, сказок, преданий. Потом уже стали описывать действительность, реальных героев и злодеев, проводить понятие о добре и зле.

Научно-фантастическая литература, по-моему, самый трудный жанр. Не всем нравится, когда перед ним ставят зеркало, рисуют картины опасностей и бед, грозят карами земными и небесными. Вспомним Свифта или Уэллса – они писали о беспощадной войне миров. Жюль Верн дал новое направление научно-фантастической литературе: он вводил в мир техники, которая была ещё в воображении, в чертежах да Винчи. Брэдбери предупреждал о бездушности существования в регламентированном обществе. Ефремов пытался описать законы устройства общества высокой морали, общего блага, самопожертвования.

Признаться, я иногда думаю, что попал в хорошую компанию. Возьмёшь в руки книгу – и как будто опять встретился, поговорил по душам.

Человеку, особенно молодому, нужен хороший собеседник на необычные темы, проводник в будущее. Не зря такие большие тиражи у журнала «Техника – молодёжи», не зря в год первого полёта человека в космос был основан журнал «Искатель».

– Видели ли Вы советских космонавтов? Используете ли их высказывания в своих произведениях?

– Три раза встречался с Севастьяновым, по душам разговаривал с Макаровым. Деятельные, умные, обаятельные люди.

Мы ещё не вполне сознаём удивительное явление миру новой профессии в истории человечества – космонавта. Фундаментальные знания, мастерство владения техникой, готовность к осмыслению непредвиденных ситуаций и принятию решений без подсказки, бесстрашие и отвага, жизнелюбие – вот что я почувствовал, понял при встречах с космонавтами. Недаром космонавты серьёзно интересуются вопросами космофилософии, религией как средством описания и упорядочения мира, человека, живописью на темы научной фантастики.

Напрямую я не использую высказывания космонавтов; как и они – я человек думающий. Я не описываю космические полёты, пишу о самочувствии человека в необычных условиях. Тут уж ставлю опыты на самом себе, порой почище тех, что выпадают на долю космонавтов.

По-моему, пока от космонавтов больше ждут и требуют материальных результатов, а не углубления в психологию личности, межличностных отношений, развитого образного мышления – что главное в литературе.

– Цените юмор в фантастике?

– Если в жизни будем постоянно серьёзными, с ума сойдём. Если наши герои только и будут оперировать формулами и расчётами, они будут бездушными субстанциями. Смех, юмор – одно из отличий человека от других существ, друг от друга. Сам люблю посмеяться, посмешить. Но в юмористической форме не раскрыть серьёзных проблем, так что во всём хороша умеренность и уместность.

– Ваша первая книга была о производстве радиоламп. Пригодилось ли это в дальнейшем?

– На производстве радиоламп я был на практике во время учёбы в институте. Поразился современному производству – вот где рукотворные чудеса!

Считаю, что такая работа даёт человеку высокие переживания, воздействует на психику, учит взаимопониманию и взаимодействию, что является основным в истории развития человечества, цивилизации.

Я не перебежал из мира техники в мир литературы; опыт оттуда я переношу сюда для постановки и решения задач, которые хочу донести до сознания читателя.

– Что есть авторское чувство? Почему хотите видеть своё имя напечатанным?

– В производстве коллективный труд требует узкой специализации, твоё рабочее место – камешек в мозаике общего дела. Изо дня в день, изо дня в день. И хочется видеть завершённое тобой произведение. Это и возмож-

ность заявить миру о своей неповторимости, особенности. Не могу оставлять при себе пережитое, прочувствованное, передуманное, понятое или не разгаданное до конца. Тут и вопрос о многогранности, универсальности личности. Недаром и космонавтов тянет в литературу, живопись.

Что знаешь, что можешь – поделись. Что ценишь – утверждай. Против чего стоишь – созывай товарищей по духу, по убеждениям. Дело тут не в самолюбии, самолюбовании, а в личном.

– Видите в читателе покупателя Ваших книг, потребителя чего-то особенного или неведомого друга, который откликнется когда-нибудь?

– Думаю, писатели отпускают книги в мир, как сигналы во Вселенную – надеются, что кто-то их примет как необходимое для дальнейшего существования, откликнется, и границы мира расширятся, расширится круг общения и общих дел.

Каждый день не будешь ждать звонка читателя, каждый день не будешь ходить на встречи. Я считаю просто: если в магазине «Букинист» нет твоей книги, значит, она поселилась в чьём-то доме, стоит на полке или лежит на письменном столе, ею пользуются. И хочется писать острее, хитрее, лучше, чтобы был ответный отклик, вопросы, хотя бы такие, как ваши.

– И напоследок: какие Ваши творческие планы?

– Мог бы сказать: громадьё! Но не скажу, планами ни с кем не делюсь. Я хочу написать, стараюсь писать, но ведь не всегда получается то, что задумал. Материал часто диктует свою волю, начинается борьба, переживания. И не всегда получается так, как вначале виделось. Пишешь – кипишь, как паровой котёл, а заранее расскажешь всем – выпустишь пар и не напишешь. Но одно могу сказать: буду писать фантастику, это моя среда обитания, обживания, это моя жизнь, Дай, бог, здоровья и мне, и моим близким, и всем, кто верит в мои способности и силы.

Как рассказывала мне потом дочь, ребятам очень понравился Олег: не красовался, не поучал, не уклонялся от ответов. Вот такого бы в учителя! Может быть, я был прав в своём желании привести Олега в школу: теперь в глазах ребят навсегда образ писателя будет рисоваться с Олега – молодого, увлечённого, широко мыслящего, открывающего двери в иные миры.

А в том, что занятия научно-фантастической литературой было не только увлекательным, но порой и опасным, читатели могли убедиться на примере главного редактора журнала «Техника – молодёжи» Василия Захарченко.

В 1982 году, исходя из лучших побуждений, журнал начал публикацию романа признанного друга СССР Артура Кларка «Космическая одиссея – 2001».

В нём повествование шло о дальнем полёте советско-американского экипажа на корабле «Алексей Леонов». Писатель поместил в кают-компанию картину нашего космонавта-фантаста «Около Луны», чем порадовал своего друга. Читатели радовались: цензура проморгала антисоветчину – автор дал некоторым членам смешанного экипажа звездолёта имена и фамилии известных диссидентов, тут были Орлов, Ковалёв, Марченко и другие. Наверное, он сделал это без задней мысли: просто других не знал, а эти были на слуху.

Очередной номер журнала пошёл под нож, читатель напрасно ждал продолжения романа. Главный редактор решением ЦК КПСС был снят с должности за покупку идеологически вредного троянского коня.

Снова воспрянула цензура, взяли пики наперевес критики, пригнули головы редакторы и издатели, авторы расставляли на страницах рукописей замаскированные опознавательные знаки своих суждений, понятий, отношения к действительности; читатели оттачивали мастерство разгадки кроссвордов и умения домысливать.

Теперь у научно-фантастической литературы иные возможности, но требовательный жанр не стал лёгкой добычей для сонма писателей-фантастов. Он покорялся только самородкам, не искавшим славы и гонораров, но говорившим о высоких материях, помыслах и действиях, равнявших человека со Вселенной.

Таким был у нас в Саратове Олег Лукьянов. Таким он живёт в нашей памяти.

Владимир ВАРДУГИН
Писатель

Человек с далёкой планеты

Полтора десятилетия общался с Олегом Максимовичем Лукьяновым и не вспомню, чтобы мы говорили с ним о каких-то бытовых вещах, не помню, чтобы в дружеских беседах перемывали косточки общим знакомым. Мне он казался человеком с далёкой планеты, с ним интересно было обсуждать философские проблемы или же «путешествовать» по переулкам мировой истории, которую он знал отменно.

Впервые я познакомился с его творчеством, не листая подаренную мне книгу его фантастических рассказов и повестей «На одной далёкой планете», а в пересказе Валентины Александровны Коркиной, редактора отдела прозы журнала «Волга». «Как, вы не знаете Олега Лукьянова? – удивилась она, кода в феврале 1985 года я стал работать в редакции этого журнала. – Интереснейший собеседник любит поговорить и у нас часто бывает, так что непременно с ним познакомитесь». – обнадёжила меня Валентина Александровна и пересказала сюжет недавно отредактированного рассказа Лукьянова: на одной далёкой планете разразилась катастрофа, извержение вулкана, землетрясение, люди бегут неведомо куда в надежде спастись от неминуемой гибели… Всё это писатель-фантаст описывает на нескольких страницах, а завершется рассказ кратким абзацем, в котором сказано: гимнаст в цирке разорвал жилу, и вот в той самой разорванной жиле и случилась катастрофа на планете – для населявших её людей она была пристанищем, а для циркового гимнаста – одним из атомов в ноге, которую он подвернул, неудачно приземлившись после прыжка и повредив жилу. Всё относительно в нашем мире…

Действительно, вскоре в редакцию пришёл и сам Олег Максимович, чтобы посмотреть правку его рассказа. Автор он был покладистый, не артачился, когда редактор предлагал разумные исправления. Для него главным был сюжет, его он умел лихо закручивать. Ещё одной особенностью творчества фантаста было то, что многих своих персонажей он списывал со своих земляков, помещая их в такие условия, где проявлялись их характеры. Помню, с каким восторгом Олег Максимович обсуждал со мной получившийся, по его мнению (и я как читатель подтвердил это), портрет одного окололитературного товарища, недружелюбно настроенного к Лукьянову и шпынявшего его (как устно, так и письменно) при каждом удобном случае. Верх в той перепалке остался всё же за Олегом Максимовичем, наделившим узнаваемыми чертами характера своего оппонента самого отрицательного персонажа повести о далёкой планете: «Настоящий крысёнок получился!» – удовлетворённо потирал руки Лукьянов.

Наши беседы продолжились и стали более обстоятельными, когда в середине 90-х годов в издательстве «Надежда» я редактировал серию книг «Мифы народов мира». Одну из публикаций предложил Лукьянов – «Мифы древнего мира», взяв за основу научный труд Карла Фридриха Беккера «Всемирная история». Эту книгу готовила супруга писателя Лариса Михайловна, и я, приходя в их квартиру на Московской улице за вёрсткой, поразился той фантастической обстановке, в которой они жили: крутые деревянные лест-

ницы, жилые помещения чуть ли не на чердаке напоминали обиталища героев Достоевского.

Тогда же я познакомился с грандиозным трудом замечательного фантаста, насколько я знаю, так и не опубликованным. Юрий Иванович Сидоренко, содиректор «Надежды», хотел его напечатать отдельной книгой и дал мне рукопись, чтобы сверить свои чувства и мысли. А задуматься было о чём: писатель Лукьянов звал своего читателя уже не на далёкую планету, а в наше будущее, от которого никто из смертных не уйдёт – в загробный мир. Нечто подобное описал в «Розе Мира» Даниил Андреев, но у Лукьянова всё это представлено красочней и приземлённей, если так можно выразиться, с «бытовыми подробностями», как ему подсказывала его фантазия. Я отметил его мастерство беллетриста, но в целом не одобрил замысел: зачем вторгаться в запрещённые пределы?

Обсудить с автором его труд мне не довелось: летом 1997 года Олег Максимович заболел и после долгой болезни умер 2-го января 1998 года. Последний раз встретился с ним у входа в издательство «Детская книга», где работала моя жена. Мы выходили из двери, а он открывал дверь, перекинулись парой слов, я представил Татьяну: «Это моя сестра», он откликнулся на розыгрыш: «Как вы похожи!» «Ладно, – подумал я., – в следующий раз посмеёмся над моей шуткой». Но следующего раза уже не было. А был только телефонный звонок: Олег Максимович искал книги одного зарубежного автора, не часто издающегося (имя его не могу вспомнить), а на книжном развале в Энгельсе, возле бывшего химкомбината, я увидел целое собрание сочинений. Поинтересовавшись ценой и не обнаружив в кармане нужной суммы, тут же сообщил Лукьянову. Не знаю, купил ли он те книги, но в следующий приезд в тот микрорайон, заглянув на развал, я уже не увидел тех томов.

А жизнь Олега Максимовича Лукьянова продолжается в его книгах. Недавно позвонила из Ершова моя племянница, представительница «не читающего поколения», и рассказала, что с удовольствием прочитала повесть Лукьянова «Человек из пробирки», вопросив, нет ли у меня других его книг. Есть, конечно же, есть, и отрадно, что их хотят читать молодые люди: его фантастические рассказы и повести, уводя читателя на далёкие планеты, в конечном счёте приводят к стремлению постигать самое интересное, что есть во Вселенной – загадки нашей души.

Юрий СИДОРЕНКО
Журналист

«Современный Вавилон и Роза Мира»

Любой человек – субъективно спрессованный кусочек времени, освещённый сознанием, чувством. Прибывая из прошлого ниоткуда, каждый пытается освоить отведённое ему пространство, то есть, буквально выполняет миссию звезды, согревающей, дающей жизнь. Большинство выполняют эту роль для себя, единицы для всех!

Необыкновенный человек, появляясь такой тёплой звездой в вашей жизни, остаётся в ней навсегда. Так остаётся только что-то самое главное, как веха, как ориентир в пути, чтобы не сбиться, не забыть!..

Прошло немало лет с момента, когда не стало рядом Олега, но след его присутствия до сих пор будоражит мое сознание. Осень 1976 года. Необычная по конфигурации четырёхкомнатная квартира на Московской улице, где жили Лукьяновы и где состоялось мое знакомство с Олегом, с первых минут произвела странное впечатление… Хозяин словно ненадолго остановился здесь на пути в другое место. Тогда это ощущение «временности» тут же ушло, забылось, отодвинутое новым… Но оказалось, не стёрлось, не исчезло совсем, легко воскресая в памяти через десятки лет. Ощущение свободы от материального…

Я родился на третий год после Великой войны. Всеобщий дефицит в разрушенной стране впитан мной буквально, как зависимость от всего и вся, и вдруг… этакая НЕЗАВИСИМОСТЬ! Но тогда эта мысль, как тире между слов, на котором не задерживаешь внимание.

Первые же мгновения беседы унесли в такие «дали», что возникло чувство неведомой доселе невесомости. Почти гравитационной свободы. Приземление, разумеется, состоялось, но уже с новым чувством послевкусия от неожиданных тем и мыслей. Интеллектуальный катарсис. Представьте, как если бы вас без предварительной подготовки запустили в космос… прямо с тихой провинциальной улицы. Шагаете по ней привычно, не задумываясь, и вдруг бац… в космосе… А через пару часов вы снова на той же улице, хотя уже как бы на другой… Вертите головой, всматриваетесь в окружающих, в лица, будто вернулись с другой планеты. Словом, заново вживаетесь в обстановку…

Вот такой вираж сознания, или даже мировоззрения способен был произвести Олег.

Разговор в ту первую встречу был о Николае Федоровиче Федорове, великом русском философе, авторе «Философии общего дела». До сих пор помню ошеломляющие строки «Прогресс не рай, а сущий ад…», противовес которому – реальное дело «воскрешения ушедших поколений».

Для некрепких послевоенных мозгов с их эйфорией Победы мысль более чем экстравагантная.

Как сейчас вижу Олега, крупного крепкого телосложения, с крупными же, но правильными чертами лица, со светлой, пшеничной шевелюрой вьющихся волос, легко, но убедительно оперирующего сложнейшими понятиями. И самое удивительное – новое свое ощущение, когда скоро и непроизвольно входишь в незнакомую тему, будто что-то в ней понимаешь и даже чувствуешь себя вполне умным собеседником. Да, это был его дар – умение просто и доходчиво разбираться в «сложном» и таким же представлять своего собеседника.

До сих пор удивляюсь его пророчествам, тогда совсем не очевидным. «Общество, построенное без Христа, – общество, построенное на песке. У него нет будущего». В 1976 году слышать такое в «социалистическом обществе» было, мягко говоря, странно.

Вечные вопросы «Как жить?», «Зачем жить?» … в беседе с ним столь привычны, что не только я, но, наверное, каждый чувствовал себя руководителем страны или ответчиком за все земные судьбы. При этом «фантазии» хозяина представлялись столь реалистично, что последующее появление его фантастических произведений воспринималось скорее как документальное произведение, а не жанр художественной литературы.

Такими качествами обладали только пророки.

Рассказ Олега «Человек из пробирки» был написан, когда о генетическом клонировании даже в научных кулуарах говорили не больше, чем о распаде СССР. Актуальность этой темы в семидесятые годы была попросту неизвестна. Как и многослойная тема такого его рассказа, как «Шубка из созвездия Арфы». Общество безудержного потребления, в котором одна из проблем – НЕ СТАРЕТЬ! Оказывается, сегодняшние косметические подтяжки попзвёзд Олег «видел» ещё тогда, в семидесятые.

Чернобыль 1986 года Олег тоже охарактеризовал быстро и лаконично: «Конец советской эпохи»…

Наверное, мне меньше, чем кому- либо стоило бы удивляться Олегу, его художественному и пророческому дару хотя бы потому, что довелось или посчастливилось буквально, что называется, просидеть с ним десять лет в одной камере. Да и как ещё обозначить те десять лет, которые мы вместе проработали, точнее, провели на одной из волжских турбаз? Работа – по-

сменное дежурство: три-четыре дня подряд безвылазно на турбазе, недельный перерыв дома и снова дежурство. На фоне протекающей в трёх шагах Волги, вековой дубравы, палящего полуденного солнца или холодных ночных звёзд и… бесед о вечном…

Вспоминается один из погожих осенних дней. Зелёный остров посреди спящей Волги. «Обитель Дум и Размышлений…». Полная тишина. Сезон закончился. Народу никого. Но день солнечный, почти летний. Вдруг – толпа нефтяников с путёвками. Оказался день их профессионального праздника. Ну, где бы ещё так повеселились? Турбаза, дубрава, Волга… природа… Понятно, нефтяники сами по себе, мы – обслуживающий персонал, сами по себе. Тем не менее, в конце дня примечательная картина. Длинный стол, уставленный водкой, закуской, и Олег, окружённый почти трезвыми нефтяниками. Олег увлечённо рассказывает про возможный «тео-социализм», нефтяники не менее увлечённо слушают, забыв про водку. Сторож с соседней турбазы, заглянувший на дармовую выпивку, сразу подытожил: «Ну, понятно, почему на празднике тихо! Олег со своими сказками. Тут кто хошь про водку забудет».

Сторож, конечно, не был пророком. Свою водку нефтяники выпили, однако всякий раз, когда заглядывали на своё очередное профессиональное торжество, тут же спрашивали Олега, и, увы, если дежурство не совпадало с праздником, премного сожалели…

Да, это было удивительно свойство Олега – легко сходиться с самыми разными людьми, которые через абзац и пару предложений уже считали его «за своего». Впрочем, это касалось не только людей. Верным спутником Олега много лет был доберман по кличке «Дуги». Полное имя Дуглас.

Интересную не раз я наблюдал картину. Олег что-то записывает, рассуждая об этом вслух. Вокруг никого, и лишь Дуглас внимательно слушает, неотрывно глядя на Олега и время от времени меняя наклон головы, наверное, с чем-то соглашаясь…

Как-то уже в зимнее время оба пришли с обхода базы мокрые. Засидевшийся над Олеговым сочинением, Дуглас стал гонять по центру заснеженной Волги ворон и провалился в полынью. Олег, рискуя провалиться тоже, достал собаку из полыньи. Так они и остались в моей памяти вдвоём. Олег и Дуги. Сторожа базы иногда ворчали: «Олег, ну ты бы ему отдельное собачье место соорудил, что же он спит на твоей кровати?» Олег послушно кивал. Однако дальше этого дело не заходило.

За незаметные десять лет, я вместе с Олегом и «Дуги», конечно же, «переболел» почти всеми русскими философами, Федоровым, Бердяевым, Ильиным, Розановым, Соловьевым… , а вслед за ними – всеми «общецивилиза-

ционными» идеями. Однако появление «Розы Мира» Даниила Андреева было революционным даже в творчестве Олега Лукьянова.

С год мы обсуждали эту необыкновенную книгу. Несмотря на плотность дискуссий, я далеко не сразу смог оценить Тему и взволнованность Олега. Для него «Роза Мира» оказалась не просто художественным открытием, а целостной картиной вполне реального мироздания во всей своей мировоззренческой перспективе. Она же стала путеводной звёздой Олега на все его оставшиеся годы.

Поистине « Лицом к лицу лица не увидать…» Лишь через десятилетия, начинаешь запоздало понимать, с кем и с чем имел дело… Трудно в немногих словах выразить масштаб его личности. Это заново осознаешь, лишь прочтя его книгу «Миф о планетарном космосе». Первоначальное название – «Современный Вавилон и Роза мира» – произведение, поражающее воображение, которому, как ни странно это звучит, нет равного во всей мировой литературе. За исключением лишь самой «Розы Мира» Даниила Андреева. Разумеется, чтение этих книг – занятие далеко не простое. Болевые вопросы человеческой истории слишком далеки от понятий «простота и доступность».

Наверное, только нынешнее лихорадочное время, с его научной и технической «продвинутостью», позволяет чуть приоткрыть масштаб и глубину созданного Олегом Лукьяновым произведения. И возможно в какой-то мере понять постулат, далеко не всем научным миром признанный, а именно: «сознание, духовность – имманентное свойство материи». Иными словами: любая, самая малая частица и думает, и чувствует! Как говорят физики: «Две частицы, однажды столкнувшись, «помнят» о контакте, в каких бы частях Вселенной они ни находились». Из этого следует, что весь окружающий нас Мир одухотворён. Всё живое и неживое – тоже живое. А значит, на человека, как на «венец природы» и ведущую силу , ложится и материальная, и моральная ответственность за все и вся, что он творит...

При этом в мире есть полюсы созидания и разрушения, полюсы Добра и Зла. Поскольку они материально ощутимы со всеми своими АРЕНАМИ БОРЬБЫ, то реальны и их духовные составляющие, то бишь духовные двойники. Отсюда реальное существование не только сугубо «земных», но и «небесных» сценариев развития человечества, о чем последнее или забывает или уже забыло. Свидетельство тому – современное технократическое и фактически безнравственное состояние цивилизации, с его суицидной программой безудержного и безграничного материального потребления. Забыв о духовной составляющей в погоне за сиюминутными материальными благами, мы самоустранились с духовного поля боя, оставив его сомнительным или по-другому

«дьявольским» силам. «Здесь Дьявол с Богом борется и поле боя – сердца людей», которые неусыпно должны что-то чувствовать. И значит – Любить.

Да, высшее и главное чувство на земле и в небе – Любовь. Без него НИГДЕ не осталось бы ничего живого. Но поскольку это чувство всеобъемлюще, как Господь Бог, то Бог и есть Любовь. Об этом же свидетельствует Новый Завет. Выходит, человечество ушло от Бога, тем самым освободив место для его оппонента. Отсюда современные протуберанцы страстей и насилия, ежедневно наблюдаемые нами во всех уголках нашей давно объятной планеты. А раз так, ничего удивительного, что все научные достижения, призванные работать на цивилизацию, работают против неё!

Вернуть сердцам умение ПРАВИЛЬНО чувствовать, и значит ЛЮБИТЬ, а сознанию – ОХРАНЯТЬ это чувство – наверное, это и было ГЛАВНЫМ в творчестве и в жизни Олега Лукьянова. То что ПОЛЕ БОЯ реально существует, и что на нём, как в любом бою, НЕ БЕЗОПАСНО, Олег доказал своей жизнью, внезапно уйдя из неё в расцвете сил и физического здоровья. Ушёл с ним и верный «Дуги», исчезнув за месяц до того, как типичный мистический символ.

В своей небывалой книге, раскрывая вслед за Даниилом Андреевым КРОВАВУЮ драму земной цивилизации, как жгучую тайну ЗЕМНЫХ И НЕБЕСНЫХ СРАЖЕНИЙ, Олег Лукьянов оставил предостережение, одно из тех, что оставляли великие подвижники человечества, те немногие ВЕСТНИКИ, ощущающие и сознающие ЛЮБОВЬ и НРАВСТВЕННОСТЬ, как единственную неделимую жизнеутверждающую силу, как эквивалент самой жизни! Поймём ли мы эту АКСИОМУ, почувствуем ли?.. Ответ один, как и вопрос: «Быть или не быть?» «Узки врата твои, Господи…»

Игорь СОРОКИН
Музейный работник

ОМ

В день похорон Олега Максимовича Волга трещала льдом. Хоронили на Увеке и оттуда было видно множество рыбаков, рассыпанных в белом поле. Вечный огонь над Крекингом вырывался яркими клубами, рвался и шумел.

Никто не рыдал. Потому что смерть была большим облегчением, и потому что, когда уходит сильный, нельзя проявлять слабость. На поминках последний раз в жизни пили его Цицерон, чистейший дух. В ночь был мороз и небеса были серафической прозрачности, глубокого цвета со звёздами. И казалось очень просто по синему снегу идти и идти – до Увека и дальше.

Олег Максимович был силовым атлетом жизни, обнажителем истин, изобретателем простейших механизмов и писателем-фантастом. Но для меня, прежде всего, он был отцом Максима и мужем Ларисы Михайловны. Лариса Михайловна была идеалом преподавателя и добрым человеком, Максим лучшим другом. Потом, позже, Олег Максимович оказался ещё отцом Леры и тестем Левитова. Лера сначала была историком и блаватской, но, женившись на Сергее и уехав в Раненбург, образумилась. Сергей был писателем прозы и оригинально начинающим художником. За самостоятельность его выгнали из «худилища». Он из последних сил пытался изобразить на холстах живописное мясо, чтобы выпросить спасительных троек на просмотрах – печка звенела, ребёнок плакал, глаза слипались. Но по утрам на веранде (дом был на Северном посёлке за Ипподромом) он пил чай с шести до семи – и это было его настоящее время жизни. Он писал «Роман о любви». Мы с ним крепко подружились на много лет.

Олег Максимович собирал вокруг себя необычных людей – причём, ничего не делал специально – люди сами притягивались к нему. В девятнадцатом столетии это назвали бы магнетизмом. То ли за счёт этого самого «магнетизма», то ли за счёт чего-то ещё, чему у меня нет объяснения, он аккумулировал некое «свободное творческое состояние». Стоило с ним перемолвиться, послушать его суждений, как горизонты разом отступали, шелуха спадала. Он будто вовсе никогда – не только перед обедом – «не читал советских газет». Он был каким-то «богом из машины» – нездешним и светлоглазым. У него был мощный торс атлета и под лопаткой огромный шрам от бандитской заточки (вступился за девушку).

И музыка на костях – па-ба-дуба, паб-дуба…
И кальвАдос – шерри-бренди-шерри-бренди.
И собачка-собачка. Дуглас, фу!

Его нельзя было отнести однозначно ни к диссидентам, ни к членам союза писателей, ни, тем более, к профессиональным сторожам или инспекто-

рам пожарной охраны. Вот просто сам по себе – человек. Такими возвращаются из походов и экспедиций – независимыми от кварталов, улиц, расписаний и начальств.

Мимика – будто смаргивал сказанное. Смаргивал, и лицо его прояснялось для новых мыслей.

Юмор его был конструктивен, ум искромётен. Так однажды он остановил своих знакомых, вернувшихся из Африки и родивших прекрасных близнецов – они собирались назвать их в честь мультгероев песни Чунга-Чанга. Обескуражил логикой: «а вот родится у вашего сына Чанга дочка. И какое будет тогда отчество у вашей внучки? А что, если она вдруг станет учительницей?»

Когда Максим сказал, что я играл роль комиссара, он отреагировал тут же. Я был на съёмках много часов (эпизод в фильме занял пару секунд) и мне казалось всё это значимым. Он же «сморгнул» в один ход:

– Сорокин играл в фильме роль комиссара.

– Надеюсь, мёртвого?

Инженерная сноровка и строительная смелость – поразительные. Почти молниеносное воплощение задуманного. Перепланировка квартиры, антресоли, раздвижная дверь, книжные стеллажи – своими руками. Запасной туалет на лестнице и банька на даче в Зоналке – шедевры самостроя. Последняя, построенная из каких-то фанерок и хлама, подобранного на свалке фурнитурной фабрики в собственном дворе на Московской, так держала пар, что никакая, кажется, профессионально-рубленая не удержит.

Гитара была послушной игрушкой в его руках. Какой-то слишком маленькой для его сильных рук. Он зажимал гриф, и она сама пела: «Летел Литейный в сторону вокзала, я шёл без денег и без башмаков…». Настолько всё просто, что, казалось, надо только взять гитару в руки – получится само: «Сегодня мне любимая сказала, что я погибну в дебрях кабаков»… Он дружил со Светланой Семёновой и Георгием Гачевым, с космонавтом Севастьяновым – дружил семьями, общался легко и на равных.

Из его рук я получил тёмно-зелёного Фёдорова и синего Розанова, белого Гачева, серого Отто Вейнингера, чёрненького Соснору: «качаясь как устои государства, я выхожу…».

Из дома на Московской я уносил не только новые книги, имена, знания – что-то сверх всего этого. Прививки были необременительны: какие-то прирастали, какие-то отпадали.

Чудин, Романов, Шилов

Чудин – праздник. В дом Павла Кузнецова я попал из доставшейся Лукьяновым «по наследству» от Саши Романова квартиры на улице Валовой (тогда ещё Федина). Тогда Константин Владимирович Шилов взял нас с Максимом порыться на чердаке Кузнецовского дома, накренившегося над Глебоврагом. Олег Максимович выдал нам рабочей одежды (тогда ещё Максим с Галей там не жили – «эпоха Простоквашино» была впереди). В тот день в засыпке мансарды-мастерской мы откопали мусатовский рисунок и билет на выставку «Алая роза». Это была осень 1985 года. Я отчётливо помню время, поскольку вечером того же дня открывалась одна из трёх больших выставок к 100-летию Радищевского музея. Всё сверкало, шумело – после морозной тишины, пыли и скрипов – и Шилов показывал этот рисунок каким-то московским специалистам, а нас с Максимом представлял как героев-искателей. Это была та самая первая прививка «саратовской школой», которая потом проросла крепко, разветвилась: 18 лет работы на посту заведующего домом-музеем Павла Кузнецова – сперва заведование «мусорной кучей», потом стройкой и наконец свежеструганным доминой.

Кальвадос на рисе (рисовые дрожжи не уступают виноградным), «лукьяновка» (она же томатовка, шафрановка и т.п. – гналась из всего и потому в шутку именовалась «табуретовкой»). Верх совершенства – Цицерон. Гороховая самогонка, названная так в память философа, чьё имя в переводе Марк Горохов (*NB:* жена – латинист).

У Олега Максимовича был простой архитектонический ум. Всё, что осознавалось, получало своё место и оценку, встраивалось в сложившуюся картину мира. Если осознанное не укладывалось, менялась картина мира. Всё «об'яснялось» – становилось ясным. Такова природа этого ума.

Он избрал фантастику, как жанр, в котором физикам есть что сказать без особой лирики – как возможность вполне открыто высказывать несвоевременные мысли.

Олег Максимович был странным писателем. Не вполне писателем. С одной стороны (внешней) его печатали журналы и выходили (редко) книги. Он ходил на заседания СП, плевался. Но всё же ходил – это была необходимая для переворачивания мира точка опоры. В этом смысле он писателем, разумеется, был и верил в нужность своего труда. Мир был скрипуч и неприподъёмен. Приходилось принимать неизбежные правила игры, чтобы иметь возможность высказаться и тем – повлиять. В любом случае, он не был ни маргиналом, ни тем более изгоем советского общества. С другой стороны он, вроде, как и не был писателем. Тут можно вспомнить Бахтина, который отказался быть «великим филологом», «философом» и «историком культуры», а на вопрос кем себя считает, ответил однозначно: «мыслителем»

Больше того, Олег Максимович внятно артикулировал: я никакой не писатель. Я писатель-фантаст и инженер – а писатель-фантаст и инженер не судим по законам социалистического реализма. Фантасту не обязательно быть хорошим стилистом – достаточно излагать просто мысли. Фантастика популярна, мысли можно излагать свободно (сам удивлялся, отчего такие поблажки) – ведь это, вроде как, в чистом виде фантазия. С писателя-фантаста взятки гладки – он не отражает действительность. Не поручусь за дословность, но ход мысли был именно таким. Писательство было просто способом непрямого высказывания самых невозможных в ситуации советского строя мыслей. Чтобы писать, он выбирал из всех работ максимально уединённую и ночную (сторожем, пожарным инспектором, истопником). Самая, кажется, плодотворная из его работ – сторожем на турбазе. Особенно зимой, занесённый снегами на Зелёном острове, он принадлежал самому себе всецело.

Мыслительный процесс был для него самым что ни на есть естественным. Перелопачивая книги, он не мог стать рабом автора или книжным червём – наоборот, он их присваивал и переплавлял. Книги были ему топочным материалом, подспорьем в поисках истины.

Я помню несколько формул: к примеру, «у Бога не может быть национальности» (по поводу того, что Иисус еврей). Или (по поводу Фёдорова): «идея воскрешения предков – единственная, способная объединить человечество. Всех без исключения. Поскольку всякий, без различия званий-состояний-конфессий, произошёл от родителей».

Это был человек крупных схем. Без финтифлюшек. Может быть, именно горы (они были в юности) навсегда оставляют в человеке такой отпечаток.

Олег Максимович не обращал внимания на мелочи. Житьё в одной палатке (немцу – смерть) заставило меня задуматься о несовпадении человеческих масштабов. Мне тогда показалось, что жить рядом с таким человеком вообще нереально. Ему надо жить где-нибудь в поле, в крайнем случае, на даче. Лучше всего в открытом космосе. Был момент, после байдарочного похода по Хопру, когда я понял, что терпенью Ларисы Михайловны можно поставить памятник. Олег Максимович видел и «брал мир» очень крупными формами. Мы с Максимом, например, только вылезали, помятые, из палатки, пили чай с утренней сигаретой, а он уже встретил солнце, развёл костёр, согрел чайник и в очередной раз вышел, весь в солнечных брызгах, из реки. И то, что он растоптал в палатке твоё полотенце или сел на зубную пасту – слишком маленькие, несопоставимые, порядки. Он был человек природного масштаба: река, лес, небо – его. Когда он брал весло, мы вдвоём с Максимом могли отдыхать – лодка шла сама собой. Тут масштаб 1:2 был очевиден. Сосчитать трудно, но в плане мыслительном пропорция была куда больше!

Кажется, его мыслительный процесс можно сравнить с химическим, – что-то неостановимо булькало, бурлило подобно браге в огромной бутыли на окне, время от времени громокипело в его голове. Улетало пузырьками воздуха, пока не отпускало, не оседало лишнее, и не наступала ясность (прозрачность).

На даче он выглядел чрезвычайно органично – среди старых огромных яблонь. В комнате с яблочным духом и печатной машинкой перед окном в сад. Черновиков было много – ими растапливали печь. Шутили, разумеется – рукописи не горят. Я же, по своей природе имевший музейный изъян, протестовал – считал, что всё это может пригодиться, черновики нужно хранить. Для будущей текстологической работы. По крайней мере, перед растопкой старался прочитать напоследок то, что должно было сгореть. Не скажу, чтобы помогло, но, возможно, что-то и впитал вместе с запахом яблок, огня и браги. Приятно было «читать напоследок» – первым и тут же последним читателем. Не растиражированное в книгах, а уникальное (и потому первым), должное навсегда исчезнуть (и потому последним). Беспечное братство, короткая свобода, бытовая археология, прикладная текстология, вольные прогулки: дачные предметы для беспорядочного изучения.

Я не был хорошим читателем фантастики Олега Лукьянова (потому не берусь судить). Честно пробовал вникнуть – прочитал подаренную книжку по-

сле похода по Хопру. Но ничего меня не поразило, не пронзило (в детстве я честно перечитал фантастики – от упоения до отвращения). Однако запросто может случиться, что не по сеньке шапка.

Или не по возрасту. По крайней мере, одну повесть (из последних) вспоминаю с годами всё чаще – «Шубка из созвездия Лиры». Кажется, она появилась из пережитого, из утрат и невозможности возвращения ощущений всесильной молодости. Из мыслей о бренности бытия, из желания вечности, из идей Фёдорова.

Люди, устройство их жизни, были ему интересней отживших культурных отложений. Когда, в тот же байдарочный поход, были в Зубриловке (на второй день похода от станции Вертуновка) больше времени потратили на живое общение в селе – молочка купить, яблок набрать, с людьми поговорить. Я же стремился в усадьбу – туда попали на закате. Там возникали химеры – казалось, что рядами стояли пеньки поваленных колонн и слышались шаги. Будто даже звучала музыка. Настоящий мираж. По крайней мере, в другие посещения (я бывал трижды) никаких останков «колонных зал» уже не обнаружилось… Что это было?

Два фундаментальных имени вошли в моё сознание исключительно через Олега Максимовича: Николай Фёдоров и Даниил Андреев. Помню первое ощущение – «полный бред» – от чтения «Философии общего дела». Прошло много лет и я примкнул к «фёдоровцам» – не в полной, конечно, мере, но читал четыре тома, испытал глубинные погружения, участвовал в фёдоровских чтениях (музей как поцелуй). Но для этого потребовалось двадцать лет, больше. «Роза мира» не впилась в меня так глубоко, не проросла – но Андреев задел: через стихи и короткое общение с его вдовой, Аллой Александровной (мы с Максимом пытались собрать второй «Сочельник» и, было дело, ездили к ней в Москву, в кирпичную многоэтажку в Брюсовом переулке – из окна видели кремлёвские звёзды, пили чай, записывали интервью).

Думаю, если и не примкну к «андреевцам», то Даниил Андреев станет ближе через главную книгу ОМ – ту самую, которую он писал до последнего. Но для этого должно, видимо, пройти те же двадцать лет. Или больше.

Последнее семилетие Олега Максимовича прошло под знаком «Розы мира» – было ощущение, что именно эта книга поставила в нём точку. Взор-

вала мозг – медленно, как в кино. Очень похоже и одновременно (что за наваждение?) ушёл художник Валерий Овчаренко. Стал терять сознание, случайно так – терять, терять – и ушёл. В небо над Аустерлицем. Куда-то ещё. Это казалось страшно несправедливо – в самом расцвете. Олег Максимович в последнее время своего «переописания розы» казался одержимым булгаковским Мастером. Как будто знал и торопился. Он переселился в комнату недавно умершей матери. Я его видел иногда, со спины, за машинкой. У новых книжных стеллажей до потолка.

Или это Клавдия Фоминична его забрала? Ведь она не могла допустить, чтобы Олег жил без присмотра.

Лёжа последние месяцы жизни почти без движения, он до последнего смотрел на большую картину Левитова «Райское место».

СОДЕРЖАНИЕ

Биография Олега Лукьянова 3

Туристские дневники 5
Феодосия – Севастополь 7
Байдарочный поход по реке Хопёр 46
Базарный Карабулак – Новые Бурасы 56
Архыз – Домбай – Сухуми 58
Путешествие по дельте Волги 87
Кобожа – 71 107
Западный Кавказ 138

ОЧЕРКИ 149
Время далекое и близкое 151
Черная магия и ее разоблачение 201
Как причёсывают ежа 224
Свет души человеческой 249
О происхождении фёдоровского идеала 267
Ледяные игры разума 282
Небо и люди 300
Я люблю тебя, мой старый парк… 331

Воспоминания друзей 341
Николай РЫЖКОВ 343
Людмила ЧИКИРИС 348
Всеволод МАРТЫНОВ 351
Николай МИХАЙЛОВ 354
Александр РОМАНОВ 356
Наталия СЛОМОВА 358
Михаил МУЛЛИН 361
Михаил МЕРЕНЧЕНКО 365
Тамара ХУСНЕТДИНОВА 372
Яков УДИН 381
Юрий ЗВЕРЕВ 384
Владимир ВАРДУГИН 391
Юрий СИДОРЕНКО 394
Игорь СОРОКИН 398

Олег Максимович Лукьянов

КАК ПРИЧЁСЫВАЮТ ЕЖА

Туристские дневники. Очерки

Составитель и редактор: Лариса Михайловна Лукьянова
Художник: Ирина Михайловна Шмырёва
Оформление: Игорь Анатольевич Плосконос
Компьютерная вёрстка: Елена Анатольевна Янина
Корректор: Галина Михайловна Годунова

Подписано в печать 20.08.2012. Формат 60x84/16.
Гарнитура «Myriad Pro». Бумага офсетная.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «Фиеста-2000»